

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
(ННГУ)

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ В ТЕОРИИ И
ПРАКТИКЕ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И
РЕЧЕВЕДЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Материалы

Всероссийской научно-практической конференции
«Естественнонаучные методы исследований в теории и практике производства
судебных экономических и речеведческих экспертиз»
(Нижний Новгород, 20-21 апреля 2016 г.)

Нижний Новгород

2017

УДК 340.6(06)
ББК Х52я431
Е 86

Естественнонаучные методы исследований в теории и практике производства судебных экономических и речеведческих экспертиз: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Естественнонаучные методы исследований в теории и практике производства судебных экономических и речеведческих экспертиз» (Нижний Новгород, 20-21 апреля 2016 г.) / Под ред. Цыганова В.И., Тихоновой С.С., Юматова В.А. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2017. – 286 с.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов, а также тех, кого интересуют актуальные проблемы современной юридической науки и практики.

ББК Х52я431

© Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2017.

Содержание:

<i>Бурцев А.В.</i> Вопросы назначения и производства судебных экономических экспертиз.....	4
<i>Галяшина Е.И.</i> Речеведческие экспертизы: проблемы объективности методов и воспроизводимости результатов	10
<i>Говоркова Е.Ю.</i> Современные подходы к исследованию копий почерковых объектов	22
<i>Грачев А.М.</i> Спектральный анализ акустических свойств звуков как теоретический аспект по фонетическим экспертизам.....	33
<i>Грачев М.А.</i> К вопросу о создании учебника «Судебно-лингвистическая экспертиза».....	37
<i>Дода И.Г.</i> Возможности судебной лингвистической экспертизы в Республике Беларусь: современное состояние и перспективы развития	46
<i>Дружков К.А., Фокина М.А.</i> Лингвистический анализ толерантности блогов политиков с использованием количественных методов и компьютерного инструментария	52
<i>Епишин В.В., Нзаров А.А.</i> Использование судебных экономических экспертиз в доказывании по уголовным делам	61
<i>Женило В.Р.</i> Инварианты речевого сигнала и обертона голоса	70
<i>Жиганова И.М., Шавыкина С.Б.</i> Криминалистическая идентификация личности по голосу и звучащей речи. Прикладные аспекты	81
<i>Иванова О.В.</i> Анализ ассоциативных связей лексических единиц в ходе решения задач экспертизы публицистического текста.....	89
<i>Калинин А.А.</i> К вопросу о средствах очернения деловой репутации в рекламном тексте	96
<i>Калинина Л.В.</i> Способы выявления и интерпретации имплицитных смыслов (на примере художественных текстов).....	102
<i>Климович Л.П.</i> Система методов судебных экономических экспертиз.....	112
<i>Котюрова М.П., Левченко Е.В.</i> О возможности применения эксперимента при дифференциации утверждений о фактах и оценочных суждений в судебной экспертизе текста	123
<i>Леханова Е.С.</i> К вопросу о методах судебной бухгалтерии как экспертной науки	131
<i>Мамкин А.М.</i> Диагностика в судебно-экономической экспертизе	136
<i>Маринова Е.В.</i> Актуальная сочетаемость слова в аспекте лингвистической аксиологии.....	145
<i>Маркова Т.Д.</i> Коммуникативное моделирование в предварительной лингвистической экспертизе делового документа.....	157
<i>Моров Д.В.</i> Интернет-текст как орудие психологического насилия.....	166
<i>Мясникова Т.В., Лесникова П.Г.</i> Возможности применения естественнонаучных методов при исследовании объектов судебной автороведческой экспертизы	175
<i>Назарова Т.В., Гримайло Е.А.</i> Анализ компонентов ситуации создания письменных и устных (имеющих признаки подготовленности) текстов	183
<i>Нестерова О.А.</i> Инструментальные методы при выявлении мотивационной составляющей языковой личности говорящего.....	189

<i>Пронин В.Н., Шавыкина С.Б., Жиганова И.М.</i> Комплексный подход при решении идентификационных и диагностических задач в процессе производства криминалистических экспертиз звукозаписей	197
<i>Пронин В.Н., Юданова А.В.</i> К вопросу о применении естественнонаучных методов при производстве судебно-экономических экспертиз при решении задач, связанных с начислением и выплатой заработной платы	205
<i>Романова Т.В.</i> Методы выявления классификаторов толерантности/нетолерантности речевого поведения в целях решения лингвоэкспертных задач	214
<i>Сидорова Т.А.</i> Методика интерпретации имплицитных смыслов в речеведческих экспертизах	225
<i>Стернин И.А.</i> Проблемы семантического анализа в лингвокриминалистической экспертизе	236
<i>Тимченко В.А.</i> Информационные технологии в судебно-экономической экспертизе	251
<i>Толстоуцкий В.Ю.</i> Рассмотрение места криминалистики и судебной экспертизы в теории доказательств на основе философии Гегеля	259
<i>Толстоуцкий В.Ю., Юматов С.В.</i> Определение вида орудия взлома и инструмента в ходе осмотра места происшествия с помощью информационных технологий	266
<i>Чернова С.В.</i> Использование результатов лингвистического анализа текста в целях реконструкции параметров автора	271
<i>Шаров В.И.</i> Естественнонаучные методы в лингвистических экспертизах	278

ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

А.В. Бурцев

Следственное управление Следственного комитета РФ по Нижегородской области

bavhome@rambler.ru

Одним из приоритетных направлений деятельности государственных органов является повышение эффективности борьбы с налоговыми преступлениями. В настоящий момент пресечение попыток "инициативной неуплаты налогов" возведено в ранг государственной налоговой политики и является одним из основных направлений развития налоговых взаимоотношений между государством и бизнесом, а также главной целью текущего налогового нормотворчества в Российской Федерации. Статья посвящена раскрытию ряда проблемных вопросов возникающих при назначении и производстве судебных экономических экспертиз и документальных исследований в уголовном процессе. Рассмотрена экспертная практика по примерам нарушений законодательства о налогах и сборах, содержащих признаки преступлений предусмотренных ст. 198 и ст. 199 УК РФ.

Ключевые слова: судебная экономическая экспертиза, документальное исследование, первичные учетные документы, государственное регулирование, методология экспертного исследования, налоговые правонарушения.

Судебная экономическая экспертиза – это уголовно-процессуальное действие, направленное на установление обстоятельств дела и состоящее в проведении исследования на основе специальных знаний в экономической науке и даче заключения экспертом.

Предметом указанных экспертиз являются фактические данные, устанавливаемые экспертом-экономистом на основе специальных знаний и исследования материалов уголовного дела или материалов проверки.

Что касается общих вопросов назначения и производства судебных экономических экспертиз и исследований.

В начале стоит отметить, что при производстве судебных экономических экспертиз и документальных исследований, зачастую всплывает ряд проблемных вопросов, которые связаны в первую очередь с некорректной постановкой вопросов при вынесении постановлений о назначении судебных экономических экспертиз или исследований. Краткое описание в установочной части постановления о назначении судебной экспертизы, не дает эксперту полной информации о совершенном деянии (чаще всего это возникает при назначении судебной экспертизы без предварительной консультации с экспертом, либо при отсутствии специальных знаний у лица настаивающего на постановке некорректных,

справочных или вопросов юридического характера). Данная ситуация, чаще всего исправляется, путем дополнительных консультаций с экспертом, но при этом теряется время.

Также, одним из вопросов занимающим немаловажную роль при производстве экспертизы, можно обозначить следующее: предоставление всех материалов, изъятых в ходе проведения следственных действий, то есть объекты исследования, относящиеся к предмету экономической экспертизы, не отделяются от иных материалов изъятых в ходе проведения следственных действий. Материалы уголовных дел или материалы проверок, могут предоставляться на экспертизу в скоросшивателях, в не прошитом и пронумерованном виде, о чем в заключении эксперта делается специальная отметка. Предоставление неполного объема документов может повлиять на полноту и всесторонность исследования, что может привести к невозможности дачи заключения или дачи вероятных выводов.

Так для чего же необходима группировка объектов исследования в отдельные тома уголовного дела или в отдельные тома материала проверки? В дальнейшем, при направлении уголовного дела в суд и возможном вызове эксперта-экономиста для участия в судебном заседании и дачи пояснений по проведенной экспертизе, и данному экспертному заключению, может возникнуть необходимость на обращение к определенным объектам исследования, использованным при производстве судебной экономической экспертизы, по которым эксперт проводил экспертизу и на которые ссылался при производстве экспертного исследования. В ряде случаев, после производства судебной экспертизы, объекты исследования и материалы уголовного дела или материалы проверки перешиваются, и теряется нумерация. В последствии бывает достаточно трудно определить где и в каком томе находится регистр бухгалтерского или налогового учета, использованный при производстве экспертного исследования.

Все это приводит к увеличению времени, потраченного экспертом, на проведение анализа объектов на достаточность и увеличению сроков производства экспертиз или документальных исследований.

Что касается предоставления объектов исследования направляемых на бумажных носителях и в электронном виде. Материалы, направляемые на электронных носителях, должны быть записаны на оптический диск однократной записи (CD-R или DVD-R). На нерабочей поверхности диска маркером необходимо нанести дату записи, подписи следователя и понятых с расшифровками. Диск необходимо поместить в упаковку, исключающую его механические повреждения.

Представление материалов на электронных носителях существенно сокращает сроки производства экспертизы. При большом объеме объектов исследования, выписки по счетам в

банках, базы данных ведения бухгалтерского учета, в которых ведется учет расчетов с персоналом по оплате труда, целесообразнее представлять на электронных носителях. Имеются ввиду, базы бухгалтерского учета 1С-Бухгалтерии, формируемые на компьютере бухгалтера организации, либо при невозможности изъятия базы 1С-Бухгалтерии организации - в виде отдельных регистров бухгалтерского учета, сохраненных в формате Excel). При запросе выписок по движению денежных средств по расчетным счетам в банках, рекомендуется запрашивать их в расшифрованном, детальном виде, а также их электронные версии сохраненные в формате Excel.

Объекты, представляемые для производства судебных экономических экспертиз, подразделяются на следующие виды:

1. первичные учетные документы;
2. иные первичные документы, используемые при ведении учета;
3. регистры бухгалтерского учета (аналитического и синтетического);
4. документы налогового учета;
5. регистры учета индивидуального предпринимателя;
6. бухгалтерская отчетность;
7. отчетность по налогам и сборам;

Кроме того, при проведении экспертизы могут использоваться также иные материалы уголовного дела, содержащие фактические данные:

8. заключения экспертов других специальностей;
9. черновые записи;
10. протоколы допросов участников уголовного судопроизводства и другие документы.

Следует отметить, что необходимо четко понимать невозможность эксперта выходить за рамки своей компетенции, при производстве судебной экспертизы. В поставленных перед экспертом вопросах не допускается употребление правовых терминов, таких как: «надлежало», «ущерб», «хищение», «нарушение», «незаконно», «виновное лицо», выходящих за пределы компетенции эксперта-экономиста. Следует не допускать постановки правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, как не входящих в компетенцию эксперта. Разрешение данных вопросов относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда.

Не допускается ставить перед экспертом вопросы, не требующие проведения исследования (например, справочных вопросов), так как заключение судебно-экономической экспертизы подразумевает проведение исследования записей бухгалтерского учета. Такие

вопросы необходимо решать путем привлечения специалиста (в порядке, предусмотренном ст.168 УПК РФ), который вправе разъяснять вопросы, входящие в его профессиональную компетенцию.

При заявлении экспертом ходатайства о предоставлении дополнительных материалов, данное ходатайство подлежит рассмотрению и разрешению в течение 3 суток, в течении которых необходимо вынести постановление о его удовлетворении или отказе в его удовлетворении и уведомить об этом эксперта.

Не допускается направление постановления о назначении судебной экономической экспертизы без объектов исследования. В таких случаях эксперт возвращает постановление без исполнения в соответствии со ст. 199 УПК РФ.

Что касается нарушений законодательства о налогах и сборах, содержащих признаки преступлений, предусмотренных ст. 198 и ст. 199 УК РФ, и экспертной практики по данным составам правонарушений.

Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов установлена статьями 198, 199 Уголовного кодекса РФ (УК РФ). Диспозиции статей о налоговых преступлениях являются бланкетными, отсылочными к обширному, постоянно меняющемуся и не всегда однозначно трактуемому законодательству о налогах и сборах, что вызывает определенные сложности, как при расследовании, так и рассмотрении в судах указанных уголовных дел. Простым примером грядущих налоговых изменений может являться расформирование Финансовой службы финансово-бюджетного надзора, выполнявшей до момента указа Президента РФ №41 от 02.02.2016 года функции органа валютного контроля. На данный момент эти полномочия будет переданы в ФТС и ФНС России.

В этой связи, для правильного применения диспозиций статей о налоговых преступлениях необходимо заключение эксперта - экономиста, которое является основным доказательством по налоговым преступлениям. При этом следователем в постановлении о назначении экспертизы должны ставиться вопросы таким образом, чтобы в указанном заключении содержались данные обо всех основных признаках объективной стороны преступления, в том числе суммах неисчисленных налогов сборов, соотношении сумм неуплаченных налогов в процентном выражении к сумме налогов, подлежащих уплате налогоплательщиком за исследуемый период.

Практически любая экспертная задача имеет решение при наличии определенного набора документов, который в категоричной форме позволяет сформулировать выводы о влиянии определенных действий на экономические показатели исследуемого лица (юридического или физ.лица). Прекрасно понимая эти вопросы, юридические лица подчас

заранее, в случае возникновения рисков привлечения к уголовной ответственности, производят ряд действий, направленных на изменение или внесения корректировок в конечные показатели бухгалтерской и налоговой отчетности. Это также может быть выражено и в виде уничтожения данных, необходимых непосредственно для решения экспертных задач. В ряде случаев, предоставление четких выводов экспертов-экономистов в уголовном процессе напрямую связано и зависит от наличия достоверных объектов исследования, представляемых для производства судебной экономической экспертизы. В противном случае, в ближайшее время мы можем увидеть общую тенденцию в экспертной практике, выражающуюся в ответах на поставленные на разрешение вопросы - об отсутствии возможности ответа на поставленный на разрешение вопрос.

Объектами исследования при производстве судебной налоговой экспертизы, могут выступать ряд первичных документов, таких как:

- Договора с контрагентами
- Книги покупок и книги продаж организаций
- Счета-фактуры
- Акты выполненных работ, товарные накладные, справки о стоимости выполненных работ
- Выписки о движении денежных средств в банках, с расчетных счетов организаций
- Платежные поручения
- Регистры бухгалтерского и налогового учета (Карточки счетов, журналы ордера, журналы операций и другие) – по счетам 19 (НДС по приобретенным стоимостям), 60 (Расчеты с поставщиками и подрядчиками), 62 (Расчеты с покупателями и заказчиками), 51, 52, 20 (Основное производство), 10 (материалы)
- Налоговые декларации по соответствующим налогам
- Либо иные документы, имеющие вес, и принятые в виде объектов исследования по решению следователя

Большую роль составляет формирование состава документов, поступающего при назначении судебной экономической экспертизы при выявлении нарушений законодательства о налогах и сборах, содержащих признаки преступлений, предусмотренных ст. 198 и ст. 199 УК РФ. Состав документов, формирующихся на этапе налоговой проверки, достаточно часто является основным источником финансовой информации для эксперта. Из этого также следует, что полнота материалов, собранных для обоснования принятого налоговым органом

решения, является одним из важнейших условий результативности уголовного судопроизводства.

Если проанализировать практику экспертной деятельности, можно сделать вывод что ситуация по качеству документирования налоговых процедур и аргументированность принятого налоговым органом решения являются наиболее проблемными. Зачастую встречаются ситуации, когда при проверке правильности исчисления и уплаты НДС, налоговым органом часто не изучаются книги покупок и книги продаж, вывод о включении налогоплательщиком сумм НДС в состав налоговых вычетов формируется в соответствии с перечнем счетов-фактур, представленных на налоговую проверку. Не следует забывать, что включение сумм НДС на основании счетов – фактур от контрагентов, является правом и может быть реализовано в течении трехлетнего периода с момента возникновения указанного права.

Что касается налога на прибыль. При проведении налоговых проверок правильности исчисления и уплаты налога на прибыль организациями, возможны ситуации, когда либо не исследуются какие-либо регистры учета, либо выводы формулируются на основании только регистров бухгалтерского учета, тогда как в организации порядок ведения налогового учета установлен с применением регистров налогового учета.

В экспертной практике по налоговым составам, чаще всего присутствуют стандартные ситуации по назначению судебной экономической или налоговой экспертизы по деятельности организаций с контрагентами – фирмами однодневками. Когда НДС по счетам –фактурам по указанной деятельности отражается в книгах покупок организации, которая в последствии принимает эти операции к вычету с включением в налоговую декларацию. Существенным, в данном вопросе является, подтверждения момента включения в налоговую декларацию по НДС операций по деятельности с фирмами – однодневками.

Все приведенные примеры и выводы показывают, что в нынешнее время важным фактором положительной работы для экспертной направленности является налаженное взаимодействие следственных органов и налоговых органов при выявлении обстоятельств, указывающих и дающих основание предполагать нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащих признаки преступлений, предусмотренных ст. 198 ст. 199 УК РФ, а также реализация возможности предоставления, при направления материалов налоговых проверок в Следственный комитет РФ, всех приложений к актам налоговых проверок, включая первичные учетные документы, регистры бухгалтерского и налогового учета.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 N 117-ФЗ
4. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2001 N 73-ФЗ
5. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Язык и метод в современной судебной экспертизе. – М.: Юрлитинформ, 2015
6. Судебно-экономическая экспертиза в уголовном процессе: Учеб. Пособие. – М.: Экономика, 2010

Questions of judicial appointments and economic expertise

A.V. Burtsev

SU SK Russia in Nizhny Novgorod region

One of the priority directions of activity of state bodies is to increase efficiency борбy tax crimes. At the moment, trying to suppress the "initiative of tax evasion" to the level of state tax policy promoted and is one of the main directions of development of tax relations between government and business, as well as the main objective of the current tax legislation -Making in the Russian Federation. The article is devoted to disclosure of a number of problems arising in connection with the appointment and conduct forensic examinations of economic and documentary research in the field of criminal justice. It is considered an expert on the examples of the practice violations of the tax legislation containing elements of crimes under art. 198 and art. 199 of the Criminal Code.

Keywords: Judicial economic expertise, documentary research, primary accounting documents, government regulation, the methodology of expert research, tax offenses.

РЕЧЕВЕДЧЕСКИЕ ЭКПЕРТИЗЫ: ПРОБЛЕМЫ ОБЪЕКТИВНОСТИ МЕТОДОВ И ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ

Е.И. Галяшина

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина

egalyashina@gmail.com

Статья посвящена проблеме объективизации и унификации, стандартизации методик речеведческих экспертиз на ярком примере лингвистической экспертизы, методические рекомендации и подходы которой разнятся. При назначении лингвистической экспертизы

возникают затруднения в постановке вопросов эксперту, выборе эксперта или экспертной организации, подготовке объектов для экспертизы. Существенной проблемой становится оценка заключения лингвистической экспертизы вследствие высокой доли субъективизма и невозможности проверки на основе общепринятых научных и практических данных получаемых результатов. Это дезориентирует следователей, прокуроров, судей и нередко приводит к тому, что по одному и тому же материалу, эксперты могут давать прямо противоположные выводы. На основе общих закономерностей судебной экспертологии автором сформулированы предложения, позволяющие единообразить подходы к научно-методическому обеспечению различных видов судебной лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: речеведческие экспертизы, унификация, сертификация, научно-методическое обеспечение.

Анализ современного состояния теории и практики судебных речеведческих экспертиз показывает актуальность повышения надежности и эффективности их методического обеспечения. Это объясняется возрастающей потребностью судопроизводства в установлении достоверных фактов, имеющих значение доказательств, полученных на основе применения специальных знаний. По многим категориям их объективное рассмотрение и справедливое разрешение оказывается возможным только с учетом результатов проведенных судебных экспертиз. От качества судебной экспертизы во многом зависит и правосудность принимаемого судебного акта.

Контроль над качеством судебно-экспертного исследования можно рассмотреть через призму обязательных требований к качеству продукции, работ и услуг, включаемых в систему государственных стандартов российской Федерации. Использование стандартизованных методов и методик в наибольшей степени обеспечивает объективность и воспроизводимость результатов судебных экспертиз, что особенно важно для проверки достоверности выводов экспертов при проведении повторных экспертных исследований.

Понятно, что достоверность выводов эксперта зависит не только от его личности, профессионализма и компетентности, но во многом определяется уровнем технической оснащенности и методической обеспеченности судебно-экспертной деятельности, научной обоснованностью применяемой экспертной методики, ее соответствия современному уровню развития науки и техники.

В теории судебной экспертизы методика, понимаемая как система категорических или альтернативных научно-обоснованных предписаний по выбору и применению в определенной последовательности и в определенных существующих или создаваемых условиях методов, приемов и средств (приспособлений, приборов и аппаратуры) для решения экспертной задачи, занимает в настоящее время одно из центральных мест.

Феномен экспертной методики как научно-обоснованный принцип решения конкретной практически ориентированной задачи привлекает особое внимание ученых и практиков, вовлеченных не только в судебную-экспертную деятельность, но и иные сферы правоприменения, а также в законотворческую деятельность. Примером тому может служить антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов, где особенно остро стоит проблема разработки научно-обоснованной методики выявления коррупциогенных факторов.

Проблемам методического обеспечения судебной-экспертной деятельности, классификации методик судебных экспертиз на родовые (видовые), типовые, и конкретные (частные), их унификации, сертификации, паспортизации и каталогизации посвящено немало работ ведущих ученых и практиков. К настоящему времени разработана структура типовой судебной-экспертной методики, определены ее обязательные (основные) реквизиты. Федеральным межведомственным координационно-методическим советом по судебной экспертизе и экспертным исследованиям утверждена форма паспорта типовой экспертной методики и инструкция о порядке его подготовки. Проводятся работы по составлению каталога паспортов экспертных методик. Однако факт паспортизации методики и даже придание ей статуса типовой вовсе не гарантирует воспроизводимость результатов, полученных по этой методике разными экспертами. Кроме того, ведомственные методики, нередко труднодоступны, как для участников судопроизводства, так и для экспертного сообщества в силу их ведомственного издания малыми тиражами, ограничения к ним доступа, отсутствия их в публичных библиотеках, Книжной палате России.

В то же время проверить правильность и достоверность полученных результатов судебной экспертизы можно только посредством производства повторного исследования того же объекта по тем же вопросам и той же методике. Отстаивая свои выводы, эксперты апеллируют к научной обоснованности примененных ими методик, снимая критичность их восприятия ссылками на апробацию, паспортизацию и рекомендацию каким-либо авторитетным органом к использованию в практической деятельности. В тех случаях, когда предпринимаются попытки оспорить саму методику, эксперты отсылают к разработчикам и органам, утвердившим данную методику, не вдаваясь в детали ее научного или практического обоснования и соответствия современному состоянию науки и практики.

В современных реалиях очевидна необходимость единого научно-методического подхода к судебной-экспертной деятельности и специализации экспертов, унификации и стандартизации информационного, методического обеспечения судебной-экспертной

деятельности, единообразия требований к компетенциям (знаниям, навыкам и умениям), которыми должен владеть судебный эксперт.

Особую актуальность указанные положения приобретают в отношении судебной лингвистической экспертизы, относящейся к классу речеведческих экспертиз, которая ознаменовалась феноменально быстрым развитием в ответ на острую потребность следственной и судебной практики в использовании специальных лингвистических знаний в судопроизводстве.

Необычайная скоротечность становления судебной лингвистической экспертизы и ее выделение в самостоятельный род в классификации судебных экспертиз предопределили перегибы и «болезни роста», которые сопровождают многие новые направления судебно-экспертной деятельности в стадии зарождения, и не обошли и это направление судебно-экспертной деятельности.

Напомним, что становление судебной лингвистической экспертизы шло от практики к теории, изначально вызывало бурные дискуссии по вопросам названия, методических подходов и пределов компетенций экспертов. Консенсус по наименованию экспертизы (проводившейся *de facto*, но не закреплённой *de jure*) сложился в 2002 г. на Всероссийском научно-практическом семинаре "Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах" [1]. Тогда же были обобщены выработанные к началу XXI в. теоретические положения и эмпирические знания и определены: предмет, объект, цели и задачи нового вида (рода) судебной экспертизы, её роль и место в общей классификации судебных экспертиз, разработано научно-методическое обеспечение для решения наиболее востребованных на тот момент экспертных задач [2, 3]. Одновременно лингвистическая экспертиза получила юридическое закрепление в нормативных правовых актах органов исполнительной власти. С включением термина «судебная лингвистическая экспертиза» в перечни родов (видов) судебных экспертиз данное название рода экспертизы стало общепринятым.

Тем не менее до настоящего времени сохранились глубокие противоречия между судебными экспертами-лингвистами (речеведами), опирающимися на концепцию судебной экспертологии, филологами- «теоретиками», развивающими теорию лингвистической экспертизы на базе собственно лингвистики, а также правоприменителями.

Видимо, не случайно до сих пор многие юристы относятся к лингвистической экспертизе критически. Так, упомянутый выше адвокат Г.М. Резник небезосновательно полагает, что «большой частью назначение лингвистических экспертиз является абсолютной профанацией, поскольку никаких специальных научных познаний для того, чтобы

интерпретировать текст, направляемый эксперту, не требуется» [4]. Правоприменители часто не могут определить, какую именно лингвистическую экспертизу назначать и какие вопросы ставить перед экспертами, эксперта какой филологической специальности выбрать.

Формат статьи не позволяет провести полный анализ современного состояния судебной лингвистической экспертизы, мы лишь констатируем, что ситуация вошла в стадию кризиса, требующего разрешения, т.к. судебная лингвистическая экспертиза вступила в новый этап формирования и развития, поскольку основанная на познании закономерностей речемышлительной деятельности разработка методов исследования речевых сообщений для решения задач экспертного сопровождения различных видов деятельности уже прошло необходимые этапы развития и сформировалось как отрасль научного знания – судебное речеведение.

В современном понимании судебная лингвистическая экспертиза – процессуально регламентированное исследование зафиксированного на материальном носителе продукта речевой деятельности с целью установления фактов и обстоятельств, имеющих значение доказательств, завершающееся дачей заключения эксперта по вопросам, разрешение которых требует применения специальных знаний в лингвистике, судебном речеведении и судебной экспертологии.

Отличительной особенностью правовой квалификации правонарушений, совершаемых посредством речи, или иначе говоря – результатов вербальных действий, образующих состав правонарушения, является опора на знание языка, которым владеют не только участники судопроизводства, но и широкий неопределенный круг лиц, выступающий в качестве адресата распространяемой информации. Внешняя языковая форма и внутреннее смысловое содержание продуктов речевой деятельности подвергаются правовому анализу и оценке в целях выявления признаков злоупотребления свободой массовой информации и иных правонарушений, ответственность за которые предусмотрена Российским законодательством. Продукт речевой деятельности – это результат целенаправленной речемышлительной деятельности, выраженный во вне посредством языка и зафиксированный на материальном носителе.

Именно продукты речевой деятельности являются объектами судебной лингвистической экспертизы, исследуемыми для установления юридически значимых обстоятельств по делу.

На практике довольно быстро сложилась ситуация, когда чуть ли не по каждому спорному случаю, сначала стороны, а затем и судьи, следователи, дознаватели стали обращаться за помощью к лингвистам, ставя перед ними задачу толкования и интерпретации

сказанных или написанных слов русского языка, «перевода текста с русского языка на русский».

В ответ на возникший массовый спрос на специальные лингвистические знания, в первую очередь, по делам о диффамации, откликнулись традиционные филологи, не искушенные в тонкостях судебно-экспертной деятельности. Языковеды попытались решать поставленные практическими работниками экспертные задачи с позиции понимания текста «по-житейски», на уровне владения языком среднестатистическим носителем, опираясь на собственный личный речевой опыт и абстрактные языковые модели, изредка обосновывая свои умозаключения выдержками из общедоступных толковых словарей русского языка.

Вслед за гражданским судопроизводством, по меткому выражению Г.М. Резника, на «лингвистическую иглу подсело уголовное правосудие» [4]. По экстремистским материалам, звукозаписям переговоров коррупционной направленности, разговорам участников организованных преступных групп и сообществ и т.п. правоохранительные органы стали назначать судебные лингвистические экспертизы, привлекать в качестве специалистов лиц, обладающих специальными знаниями в лингвистике, филологии, семиотике и др. При этом государственные экспертные учреждения оказались во многом не готовы решать те задачи, которые перед ними ставили правоохранители, поэтому основная масса экспертиз первоначально поручалась негосударственным экспертам, филологам, русистам, преподавателям филологических факультетов вузов, учителям русского языка и литературы.

Одновременно ученые-филологи столкнулись с новой для них проблемой приспособления узкоспециального лингвистического знания для нужд судопроизводства. Стало очевидно, что одних только языковедческих познаний не было достаточно. Для квалифицированного судебно-экспертного исследования продуктов речевой деятельности и установления языковых фактов, обладающих доказательственной значимостью, требовалось знать закономерности судебной экспертологии, изучить криминалистику и другие юридические дисциплины. Важно было адаптировать лингвистические методы, разработать специализированные экспертные методики для решения конкретных задач судебной лингвистической экспертизы, позволяющие не принимать умозаключение эксперта-лингвиста «на веру», а объективно проверять полученные результаты на основе общепризнанных научных и практических данных.

Быстро сложилась ситуация, когда представители органов следствия, дознания, а иногда и судьи не смогли устоять перед соблазном переложить на филологов, не искушенных в судебной экспертологии, функцию доказывания. Задание эксперту нередко стало сводиться к выяснению наличия признаков состава преступления, предусмотренного соответствующей

нормой УК РФ, наталкивая эксперта на решение сугубо правовых вопросов, которые является исключительной прерогативой лиц, осуществляющих производство по делу.

Понятно, что такие подходы были продуцированы неправильной постановкой вопросов, которые должны определять предмет экспертизы и область специальных познаний, необходимых для их решения.

Не владея специальными знаниями в области судебной лингвистической экспертизы, не понимая принципиального различия между мнением, которое каждый человек вправе иметь по тому или иному вопросу, и заключением экспертизы как источником судебных доказательств, лица, назначенные экспертами, взялись решать вопросы, не относящиеся к их специальности, «по-житейски», «на уровне обыденного знания носителя русского языка».

Зачастую не только частные, но и некоторые государственные эксперты стали интерпретировать речевые факты на основе правовых понятий, анализировать «мысли автора текста», «вычитывать» из произнесенных слов коммуникантов скрытые или неявные смыслы, додумывать и домысливать за говорящими то, что не было сказано, но «имелось в виду».

В результате в сознании общественности (включая юристов, филологов, да и самих экспертов) укоренилось ошибочное представление о том, что якобы судебно-лингвистическая экспертиза по своей природе является субъективной: «сколько экспертов, столько и мнений», решает простые задачи поиска значений слов по словарю, «доказывая очевидное», эксперты «ангажированы» или «зависимы» от инициатора задания.

Так, например, В.А. Салимовский и Е. Н. Мехонина отмечают: «... языковед зачастую выступает не как независимый эксперт, а, по существу, как имеющий специальные (лингвистические) знания адвокат истца или ответчика (см., например, экспертное заключение А.Н. Баранова в отношении высказываний Ф. Киркорова, адресованных журналистке И. Ароян). К сожалению, лингвистическая экспертиза весьма часто оказывается «ангажированной» и тогда, когда ее запрашивают суд, следственные органы или прокуратура. Разумеется, авторы такой экспертизы отрицают свою недобросовестность. Между тем характер допускаемых ими ошибок (уловок) говорит о том, что альтернативой недобросовестности может быть только полная некомпетентность. Но в нее трудно поверить, если заключение пишется опытным экспертом, зачастую кандидатом или доктором наук»... Действительно, задачи, которые ставятся перед специалистом-филологом, в большинстве случаев являются несложными и для их решения достаточно даже тех знаний и умений, которые предусмотрены программой (стандартом) дисциплин, изучаемых на первом курсе филологического факультета. Имеем в виду, например, умение отличить слово литературного языка от слова жаргонного или диалектного, с помощью словаря определить словесное

значение, охарактеризовать его стилистическую окраску. Поэтому, как правило, в заведомо неадекватных суждениях эксперта есть основания видеть именно уловки, а не ошибки» [5].

Очевидно, что экспертные методики должны быть не только научно и практически обоснованы, что достигается процедурой их проверки, валидации и апробации, но и общепринятыми, а, следовательно, во-первых, общедоступными, а во-вторых, не вызывать научной полемики, дискуссии или разночтений в применении. По логике законодателя эксперт обязан проводить исследование на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме. Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных.

Однако на практике экспертные методики разных ведомств далеко не всегда согласуются, а получаемые результаты нередко носят неоднозначный и противоречивый характер. В заключениях эксперты часто не приводят ссылок на конкретную экспертную методику либо, подменяют понятие экспертной методики набором общенаучных и частно-научных методов, или описывают ход проведенного исследования с перечислением технических средств и приемов, аналитических процедур, использованных для решения поставленного вопроса, но не указывают правила принятия ими того или иного решения.

Определенным достижением в унификации методического обеспечения является принятие Системы добровольной сертификации методического обеспечения судебной экспертизы - РОСС RU.B175.040300 от 2 марта 2005г. В рамках данной Системы испытаниям с выдачей рекомендаций к использованию в судебно-экспертной деятельности подвергаются методы и средства, методические рекомендации по производству экспертиз.

Тем не менее национальная система стандартизации Российской Федерации с учетом международной практики стандартизации не выработала на сегодня единые и общепринятые правила стандартизации судебно-экспертных методик. Термины «экспертная методика», «программа (алгоритм) действий эксперта», «методические рекомендации», «методическое издание», «учебное пособие для экспертов» могут использоваться как взаимозаменяемые синонимы, толковаться расширительно, допуская вольный выбор экспертом исследовательских методов и средств, а также свободное усмотрение при выборе альтернативных программ и решающих правил. Рекомендательный характер многих положений существующих экспертных методик, наличие оценочных категорий и неоднозначных подходов к формулировке выводов позволяет эксперту варьировать полученными результатами, переоценивая либо недооценивая степень категоричности формулируемых выводов.

В этой связи автору представляется важным заострить внимание на проблеме стандартизации методик речеведческих экспертиз, потому что принятие стандарта судебно-экспертной методики, разработанного на основе консенсуса (согласия) большинства заинтересованных сторон, характеризующегося отсутствием устойчивых возражений по содержанию существенных требований к методике экспертного исследования, позволит, на наш взгляд, обеспечить контроль качества судебно-экспертной деятельности.

Стандарт должен быть основан на обобщенных результатах достижений науки, техники и практического экспертного опыта и направлен на получение оптимальной пользы для общества. Статус категории нормативного документа по стандартизации судебно-экспертной методики должен быть определен уровнем органа, который его принял и утвердил в соответствии с предоставленной ему компетенцией. В порядке и на условиях, установленных Федеральным законом от 27 декабря 2002 г. «О техническом регулировании», а также ГОСТ Р 1.0-2004, стандарт судебно-экспертной методики можно отнести к категории национальных стандартов Российской Федерации (ГОСТ-Р) или межгосударственных стандартов (ГОСТ).

Поскольку судебно-экспертные речеведческие исследования базируются на специальных знаниях о продуктах речевой деятельности, то обязательными требованиями для стандарта судебно-экспертной методики являются следующие виды требований, устанавливаемые на продукцию, услуги и производственные процессы для обеспечения единства методов (способов) и методик контроля (испытания, измерения, анализа):

- Обязательные требования к средствам и методам инструментального контроля и вспомогательным устройствам, использование которых обеспечивает возможность единообразного применения данного метода (способа).

Обязательные требования к порядку (правилам, методике) подготовке к проведению контроля.

- Обязательные требования к методике (порядку, режимам и правилам) проведения собственно контроля за выполнением обязательных требований к качеству продукции (услуги).

- Обязательные правила (методика) документального оформления результатов инструментального контроля.

- Допустимая погрешность инструментального контроля с использованием данного метода (способа) и данной методики контроля (испытания, измерения, анализа).

- Обязательные требования к компетенции и образовательному цензу специалиста (эксперта).

- Выбранные для данной судебно-экспертной методики система методов и средств исследования объектов экспертизы должны быть объективными, четко сформулированными, точными и обеспечивать последовательные воспроизводимые результаты.

К структурным элементам стандарта судебно-экспертной методики можно отнести элементы построения, изложения, оформления, содержания и обозначения стандарта.

Судебно-экспертные методики разрабатываются для исследования каждого рода (вида) речеведческих экспертиз, исходя из специфики объектов, и применяемых методов их исследования. В своем большинстве методики разрабатываются государственными судебно-экспертными учреждениями и публикуются в ведомственных изданиях, поскольку научно-методическое обеспечение производства судебных экспертиз возлагается соответствующими федеральными органами исполнительной власти на государственные судебно-экспертные учреждения [6].

По новым и формирующимся родам (видам) экспертиз методики могут на первом этапе заимствоваться из материнской науки и без надлежащей модификации использоваться для решения простых прямых задач исследования объектов судебной экспертизы. Однако неизбежно практика судебно-экспертной деятельности заставляет модифицировать и оптимизировать такие методики, адаптируя их к специфике судебно-экспертного исследования, а также к возможному изменению законодательства.

В этой связи представляется целесообразным дополнить классификацию видов экспертных методик стандартизированной типовой экспертной методикой, содержание которой отвечает обязательным для применения предписаниям стандарта. Необходимо уточнить понятие стандартизированной судебно-экспертной методики, исходя из общеобязательных требований по выполнению содержащихся в ней категорических предписаний, а также набору четких правил и однозначного алгоритма принятия решения экспертом по результатам проведенных исследований, исключающих неоднозначность интерпретации полученных данных и их вольного толкования.

Участники судопроизводства на практике сталкиваются с проблемой оценки обоснованности выводов эксперта, корректности примененной для их получения экспертной процедуры. Сложность оценки достоверности экспертного заключения обусловлена необходимостью глубокого изучения его содержательной стороны, включая и примененную экспертную методику. Данная задача упростилась бы при возможности проверки соответствия конкретной примененной методике официальному стандарту.

Например, в качестве стандартных требований к применяемым экспертами методикам речеведческих экспертиз могут быть приняты следующие: возможность проверки

результатов, получаемых с использованием анализируемой методики; доступность для изучения и оценки (опубликование методики); определение уровня ошибок (данные об уровне точности метода, на котором базируется методика); стандартизация методики; общепринятость - широкое применение в экспертной практике. Методики должны быть обеспечены однозначной стандартной инструкцией, необходимыми показателями надежности и валидности применяемых методов, результаты проверки методик должны быть опубликованы в научной печати, а методическое обеспечение доступно для ознакомления и рецензирования научным сообществом [7].

В отечественной экспертной практике возникает ряд вопросов о том, насколько принципиально для доказывания смешение понятий: «метод (методы) экспертного исследования» и «экспертные методики»? Влияет ли отсутствие, рекомендованной ведомственной методики на достоверность полученных результатов, сделанных на базе общенаучных методов анализа объекта исследования? Должна ли экспертная методика быть не только апробирована и утверждена каким-либо ведомством, но и официально опубликована в открытой печати? Следует ли нормативно закрепить требование о предоставлении обязательного экземпляра всех изданных методик в Книжную палату России? Данные вопросы далеко не праздные, т.к. легитимность применения той или иной экспертной методики и сам факт наличия таковой существенно влияет на критичность восприятия выводов эксперта. Это тем более важно при оценке заключений, выполненных негосударственными судебными экспертами, т.к. исторически сложилось такое положение вещей, что большинство экспертных методик носит узковедомственный характер и частным экспертам попросту не доступно.

Совершенно очевидно, что совершенствование методического обеспечения экспертной деятельности, ее стандартизация и унификация - главный источник повышения качества производства любых судебных экспертиз, а, следовательно, и для - судебных речеведческих экспертиз.

Список литературы

1. Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах. Ч.2: Матер. научно-практ. семинара, г. Москва, 7 - 8 декабря 2002 г. – М.: Галерея, 2003
2. Галяшина Е.И. Развитие судебных речеведческих экспертиз в России // Эксперт-криминалист. – 2010. - № 4

3. Галяшина Е.И. Речеведческие экспертизы в судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. - № 12
4. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. –М.: Наука, 2007
5. Салимовский В.А., Мехонина Е.Н. Типичные ошибки (уловки) в ненадлежащей судебно-лингвистической экспертизе. //Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. - Вып.2 (8). - С. 48.
6. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / Под ред. Ю.М. Дильдина. – М.: ЭКЦ МВД России, 2010. - С.243.
7. Галяшина Е.И. Проблемы научно-методического обеспечения судебной экспертизы в свете модернизации законодательства. // Судебная экспертиза: Методологические, правовые и организационные проблемы новых родов (видов) судебных экспертиз: Матер. Межд. научно-практ. конф., г. Москва, 15-16 января 2014 г. – М.: Проспект, 2014. - С.69-72.

**Forensic speech examinations: the problems of objectivity of methods
and resresentation of results**

E.I. Galyashina

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article discusses topical problems of objectivity and robustness of forensic speech examinations expertise. It is shown that law requirement about the unity of scientific and methodical approach to expert practice for forensic linguistic expertise seems mostly declaratory. There is no unity of methods, methodological recommendations on the solution of some problems of linguistic expertise. On the basis of forensic expertology the author proposes approaches to standardize the list and content of methodology of different types of forensic linguistic expertise. Validation and certification of scientific and methodological supplement of forensic linguistic expertise are discussed in the article. The author suggests to accumulate forensic expert methodics in the library fund with public access.

Keywords: forensic expert science, forensic linguistics, validation, certification, scientific supplement.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ КОПИЙ ПОЧЕРКОВЫХ ОБЪЕКТОВ

Е.Ю. Говоркова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

sudexpert2011@mail.ru

В статье освещаются проблемы судебного почерковедения в области исследования копий документов, рассматриваются вопросы возможности и целесообразности производства судебно-почерковедческих экспертиз по изображениям почерковых объектов. Определяются критерии пригодности изображений для почерковедческого исследования. Приводится перечень дополнительных задач, решение которых необходимо при исследовании копий документов. Рассматриваются типичные экспертные ситуации, возникающие при исследовании копий почерковых объектов. Рассматриваются возможные формы выводов и обоснования их формирования.

Ключевые слова: судебно-почерковедческая экспертиза, копия объекта судебно-почерковедческой экспертизы, копировально-множительные устройства, критерии пригодности изображений, возможность и целесообразность почерковедческих экспертиз по копиям документов.

Развитие экономических отношений неизбежно влечет значительное увеличение числа имущественных преступлений, при раскрытии и расследовании которых основными вещественными доказательствами являются различные виды документов. Рыночная экономика вызвала постоянный рост документооборота. С середины 90-х годов прошлого столетия с повсеместным распространением копировально-множительных устройств в документообороте страны достаточно широко стали использоваться копии документов, содержащие изображения рукописных реквизитов (кратких записей расшифровки подписей и сумм, подписей и текстов различного объема), которые все чаще становились объектами почерковедческой экспертизы при расследовании экономических преступлений. В основном это были копии различных кредитных, бухгалтерских, налоговых документов, доверенностей, расписок и др., выполненные электрофотографическим способом, реже – способом струйной печати. Первоначально на экспертизу поступали единичные объекты.

Количество объектов почерковедческих экспертиз в виде копий ежегодно возрастало, в то же время единый методический подход к их экспертному исследованию отсутствовал. Необходимо отметить, что мнения специалистов по вопросу о возможности почерковедческого исследования изображений подписей и записей в копиях документов были

и до сих пор остаются неоднозначными – от признания возможности и необходимости проведения такого рода исследований до полного запрета. Учитывая потребности практики, специалистами разных ведомств разрабатывались методические рекомендации по исследованию копий почерковых объектов.

В целях обеспечения научно-методических основ исследования копий почерковых объектов ГУ ЭКЦ МВД России в 2000 году было подготовлено информационное письмо «Экспертно-криминалистическое исследование факсимильных копий почерковых объектов» [1], в котором были разработаны:

- принципы исследования копий почерковых объектов, выполненных на копировально-множительных устройствах;
- критерии пригодности копий (изображений) для почерковедческого исследования;
- критерии оценки системы идентификационных и диагностических признаков почерка, отобразившихся в копиях почерковых объектов, выполненных различными способами копирования.

К устойчивым общим признакам почерка авторы отнесли топографические признаки, отражающие пространственную ориентацию движений; транскрипцию подписи; степень выработанности почерка; степень сложности движений; преобладающую форму и направление движений; размер; разгон, наклон; форму и линию основания подписи. К устойчивым частным признакам почерка отнесены: строение (по конструкции, по степени сложности); форма движений при выполнении; относительное направление сгибательных движений; протяженность движений по вертикали (горизонтали); количество движений; размещение движений по вертикали (горизонтали); размещение точек пересечения движений.

Кроме того, были рассмотрены особенности отображения идентификационных признаков почерка в копиях документов с учетом специфики функционирования копировально-множительных устройств, выявлена зависимость качества передачи признаков от того, какой является копия – первой или последующей.

После установления способа изготовления копии документа необходимо определить пригодность изображения для идентификационного или диагностического исследования, которая характеризуется четкостью штрихов, небольшими по площади наложениями, незначительными смещениями частей элементов письменных знаков относительно друг друга, отсутствием слабоокрашенных элементов или их частей, а также забивающего фона и пересечений со штрихами, не относящимися к исследуемому почерковому материалу. На практике, исходя из перечисленных критериев, экспертами устанавливалось еще и качество копии (низкое или неудовлетворительное, среднее, высокое). В случае установления

неудовлетворительного качества копии, она признавалась непригодной для почерковедческого исследования с последующим отказом от решения вопроса.

В связи с отсутствием, как правило, возможности исключения монтажа реквизитов документа по копиям, других способов технической подделки предлагалось решать вопрос об исполнителе в отношении подписи (записи), выполненной конкретным лицом, когда бы то ни было. То есть вопрос должен был решаться в отношении подписи (записи), изображение которой расположено в копии документа, а не подписи в оригинале с обязательной ссылкой в заключении на данное обстоятельство.

Авторы данной работы исходили из того, что все представленные на исследование копии являются репрографическими копиями, полученными непосредственно с оригиналов документов, представляя собой копии 1-го поколения.

В 2005 году в Российском федеральном центре судебной экспертизы при Минюсте России (далее – РФЦСЭ) было подготовлено информационное письмо «Производство судебно-почерковедческой экспертизы по электрофотографическим копиям» [2]. Аргументация возможности исследования копий почерковых объектов, приведенная в информационном письме, сводится к тому, что вся «техническая связь», связанная с изготовлением копий находится за пределами компетенции эксперта-почерковеда. Эксперт-почерковед, не решает задач «как, например, подпись или запись попала на документ, с которого изготовлена копия» не изготовлен ли документ с помощью монтажа, он «решает вопрос только об исполнителе рукописного объекта, с которого изготовлена копия. При этом неважно, была ли это первая копия или копия копии, или запись/подпись были составлены из частей оригинальных почерковых объектов». Далее авторы все-таки признают, что «такая интерпретация идентификационной задачи, решаемой экспертом-почерковедом, отдаляет его решение от установления факта, интересующего суд и следствие, которым, как правило, является подлинность или неподлинность документа.» Экспериментальные исследования и анализ экспертной практики, проведенный авторами письма, свидетельствует, по их мнению, о том, что принятие категорических идентификационных решений в отношении исполнителя «оригинальных подписей по копиям, изготовленным электрофотографическим способом возможно, причем в категорической как положительной, так и отрицательной форме. Вряд ли было бы правильно ограничивать эксперта требованиями дачи только каких-то определенных, например, вероятных выводов, потому, что изображение подписи – ограниченно пригодный объект и нахождение изображения подписи на документе может быть результатом монтажа». Гипотетически допуская возможность монтажа реквизитов документов в представленных копиях, авторами высказывались обоснованные рекомендации, связанные с необходимостью

предварительного технико-криминалистического исследования копий документов. Невозможность проведения исследования подписи на предмет ее технической подделки объяснялась отсутствием у эксперта соответствующей компетенции: «Вопрос о процессе получения этого изображения на исследуемом документе не решался, так как установление факта монтажа и других способов переноса изображения подписи или ее частей с других документов выходит за пределы компетенции эксперта-почерковеда». Тем не менее, основы почерковедческого исследования по копиям документов принципиально не изменились.

Компьютерная техника и современные технические средства в настоящее время наделены громадными возможностями для создания, ввода, обработки и воспроизведения изображений. Это привело к появлению новых объектов экспертного исследования в области судебно-почерковедческой экспертизы - документов, содержащих изображения реквизитов, выполненных с использованием технических средств пишущими приборами, которые обычно используются для выполнения рукописей, возможно изготовление таких изображений и в графическом редакторе. Для маскировки способа нанесения изображений их копируют. Подобные объекты малопригодны для почерковедческого исследования, поскольку на основе анализа изображения обычно невозможно доказать существование рукописного оригинала. Выводы по таким объектам могут быть только условными (в предположении существования оригинала) и вероятными (из-за невозможности восстановления технологии письма в необходимом объеме) [4].

Большинство авторов, занимавшихся изучением проблемы исследования копий почерковых объектов, сходятся в том, что для обеспечения полноты и всесторонности исследования копий рукописей и подписей должны быть решены дополнительные задачи [3]:

1. Установление способа изготовления документа в целом и подписи в частности. Данные сведения относятся к предмету технико-криминалистической экспертизы. В экспертно-криминалистических подразделениях МВД России почерковедческие экспертизы обычно выполняются сотрудниками, компетентными как в области судебного почерковедения, так и технико-криминалистического исследования документов. И будучи по сути комплексными, организационно не оформляются как таковые. В лабораториях системы Минюста России данные две экспертные

специальности разделены и нередко эксперты-почерковеды, ссылаясь на ведомственное информационное письмо [2] устранились от решения вопроса о факте технической подделки подписи (записи), аргументируя некомпетентностью в данном вопросе.

2. Изучение качества копии, определение ее диагностической и идентификационной информативности, решение вопроса о пригодности для исследования.

3. Решение вопроса о применении технических средств и приемов при выполнении рукописного текста или подписи. Если эксперту не удалось выявить признаки технической подделки подписи (записи – любого объема) на копии документа, это не может служить свидетельством отсутствия факта выполнения почерковых объектов с применением технических средств и приемов.

4. Исследование признаков необычного выполнения подписи (рукописи) производится с учетом способа воспроизведения изображений в копии документа. Для разграничения признаков необычности выполнения рукописи и признаков низкого качества копии можно использовать прием сравнения с изображениями других реквизитов документов.

5. Изучение идентификационных общих и частных признаков в копии почеркового объекта выполняется по общепринятой схеме.

6. Оценка выявленных признаков и формирование вывода. В качестве типичных экспертных ситуаций, складывающихся при исследовании копий подписей (кратких записей) приводятся следующие:

а) *формирование альтернативного вывода об исполнителе подписи (записи)* – хорошее качество копии; отсутствие признаков необычного выполнения и признаков применения технических средств при выполнении подписи (записи); высокая информативность почеркового объекта; наличие существенных, устойчивых, в совокупности индивидуальных совпадений идентификационных общих и частных признаков при отсутствии существенных различий.

У эксперта формируется альтернативный вывод о выполнении спорной подписи (записи), изображение которой исследуется в представленной копии, самим лицом, от имени которого она значится, либо о нанесении ее на документ способом монтажа с использованием какой-либо подписи предполагаемого исполнителя. При этом другие способы технической подделки исключаются.

б) *формирование вероятного положительного вывода об исполнителе подписи (записи)*:

удовлетворительное качество копии; средняя информативность почеркового объекта (подписи, записи), отсутствие признаков необычного выполнения и применения технических средств при выполнении подписи (записи), высокая вариационность образцов; наличие устойчивых совпадений, среди которых преобладают мало и среднезначимые, образующие совокупность, лишь близкую к индивидуальной; имеются различия, которые могут быть объяснены различными условиями выполнения, диапазоном вариационности образцов или трансформацией признаков при копировании. В данном случае при формировании вероятного

положительного вывода об исполнителе подписи (записи), формируется вывод об отсутствии возможности решения вопроса о применении технических средств и приемов при ее выполнении;

в) *формирование вероятного положительного вывода о применении технических средств* при выполнении подписи и вывод о невозможности решения вопроса об исполнителе: наличие признаков необычного выполнения подписи (записи) и некоторых признаков технической подготовки; совпадение большинства общих и частных признаков; наличие достаточного количества существенных различий;

г) *формирование категорического отрицательного вывода о выполнении подписи (записи)* лицом, от имени которого она значится и о выполнении ее с подражанием какой-либо подписи предполагаемого исполнителя: хорошее качество копии; отсутствие признаков предварительной технической подготовки; наличие признаков необычности выполнения подписи; совпадение наиболее бросающихся общих и частных признаков; наличие существенных, устойчивых различий, не связанных с искажениями, возникающими при копировании;

д) *формирование вывода о невозможности решения вопроса по существу*: среднее качество копии; малая или средняя информативность подписи (записи); имеются либо отсутствуют признаки необычного выполнения; высокая вариационность образцов; имеются как совпадающие, так и различающиеся признаки, при этом установить их природу невозможно;

е) *формирование категорического положительного вывода о применении технических средств* при выполнении подписи (записи) и вывода о невозможности решения вопроса об исполнителе по существу: среднее или хорошее качество копии; наличие либо отсутствие признаков необычного выполнения; любая информативность почеркового объекта; совпадение большинства общих и частных признаков; полное совпадение нескольких спорных подписей или спорной подписи и свободного образца при наложении.

На практике нередко копии почерковых реализаций экспертами вообще исключались из числа объектов почерковедческого исследования с обоснованием своего отказа следующими причинами:

- по электрофотографическому изображению подписей (записи) нельзя доказать, что когда-либо существовал оригинал этой подписи (записи), т.е. нельзя определить, является ли исследуемое изображение копией некоторого оригинала или оригинала исследуемого изображения не существовало никогда, а изображение создано с применением технических средств, например, в графическом редакторе;

- в предположении существования оригинала изображения спорной подписи (записи) невозможно доказать, что это изображение содержалось в исследуемом документе, т.к.

современные возможности монтажа позволяют переносить изображение подписи (записи) из одного документа в другой;

- в предположении существования оригинала изображения спорной подписи (записи) в исследуемом документе невозможно определить механизм образования этого изображения, в частности установить, выполнен ли этот оригинал рукописным способом или в оригинале документа он выполнен с применением технических средств (оттиск печатной формы, нанесение изображения на каком-либо печатающем устройстве);

- в предположении существования рукописного оригинала спорной подписи (записи) в исследуемом документе невозможно в полном объеме восстановить технологические параметры выполнения подписи (последовательность, направление движений, нажимные и скоростные характеристики и др.), что не позволяет в полной мере интерпретировать наблюдаемые геометрические особенности. Кроме того, в электрофотографической копии существенно искажены и не пригодны для исследования микроформы движений.

Анализ практики производства почерковедческих экспертиз показывает, что с увеличением количества многообъектных экспертиз по копиям, нередкими стали и категорические выводы экспертов. Это объяснялось возможностью выявить стереотипность, автоматизм движений, проанализировать навыки компоненты подписного почерка, проследить пределы вариационности выявленных признаков по множеству объектов. Так, в ЭКЦ ГУ МВД России по Нижегородской области за последние три года сложилась следующая практика (см. таблицы 1,2).

Таблица 1. Данные по проведенным почерковедческим исследованиям копий документов.

Общее количество исследований	Количество объектов	Выводы по исследованным объектам					
		КП	ВП	НПВ		ВО	КО
				Объекты признаны непригодными	Иное		
60	686	9	19	6	8	15	26

КП – категорический положительный вывод, ВП – вероятный положительный, КО – категорический отрицательный вывод, ВО – вероятный отрицательный вывод, НПВ – не представляется возможным

При производстве почерковедческих экспертиз по копиям почерковых объектов в большинстве случаев эксперты проводят идентификационные исследования по тем же принципам, что и в отношении рукописных почерковых объектов, хотя по копиям нельзя достоверно выделить особенности, характеризующие навыки компоненты почерка

исполнителя. Копии зачастую воспринимаются как прямые, при этом из внимания упускается тот факт, что данный способ воспроизведения изображений практически нивелирует признаки квалифицированной технической подделки подписей (записей): компьютерного монтажа, копирования «на просвет», использования графопостроителей и пр. Игнорирование данного факта может привести к возникновению экспертных ошибок при производстве экспертиз по копиям документов.

Таблица 2. Данные по проведенным почерковедческим экспертизам копий документов.

Проведенные экспертизы		Количество исследованных объектов	Выводы по исследованным объектам					
Общее кол-во экспертиз	Из них по объектам, ранее поступавшим на исследование		КП	ВП	НПВ		ВО	КО
					Объекты признаны непригодными	Иное		
170	7	1187	10	23	39	10	11	112

КП – категорический положительный вывод, ВП – вероятный положительный, КО – категорический отрицательный вывод, ВО – вероятный отрицательный вывод, НПВ – не представляется возможным

С целью анализа сложившейся ситуации на заседании Федерального межведомственного координационного методического совета по судебной экспертизе в 2012 году было принято решение о проведении экспериментального исследования, суть которого заключалась в проведении идентификационного почерковедческого исследования подписей, изображения которых расположены в представленных на исследование копиях.) Были подготовлены три документа, содержащие шесть подписей от имени двух лиц. Две подписи являлись оттисками печатной формы (факсимиле), две – изготовлены с помощью компьютерного монтажа, одна подпись выполнена лицом, от имени которого она значится, под действием сбивающего фактора (непривычный пишущий прибор, неудобная поза); одна подпись выполнена способом копирования «на просвет». С данных документов были получены электрофотографические копии, которые с образцами почерка и подписей предполагаемых исполнителей были направлены в 14 ЭКП МВД России и 6 государственных судебно-экспертных учреждений иных органов исполнительной власти: РФЦСЭ при Минюсте России, Следственный комитет, ФСКН России, ЦЭКТУ ФТС России, НИИ криминалистики ФСБ России, Главный государственный центр судебно-медицинских и

криминалистических экспертиз Минобороны России). ЭКЦ МВД России по Нижегородской области не вошло в число участников эксперимента.

Полученные обобщенные результаты наглядно продемонстрировали неэффективность исследования копий документов имеющимися в распоряжении экспертов методами. Количество ошибочных выводов вместе с отказами от решения вопросов составило около 90%. Следует отметить, что наименьшее количество ошибочных выводов (16%) сделано по подлинным подписям, выполненным под действием сбивающих факторов.

На основании проведенного эксперимента в 2015 году ЭКЦ МВД России было подготовлено и направлено в региональные экспертные подразделения системы МВД России новое информационное письмо «Современные подходы к исследованию копий документов», согласно которому производство почерковедческих экспертиз по копиям (изображениям) документов недопустимо. Изображения почерковых объектов, выполненные с применением копировально-множительных устройств не пригодны для почерковедческого исследования по следующим причинам [6]:

« - по электрофотографическому изображению невозможно доказать факт существования рукописных записей, поскольку они могут быть симитированы с применением технических средств;

- невозможно установить, были ли исследуемые записи (подписи) выполнены в оригинале документа, копия которого представлена на экспертизу, либо внесены в данную копию документа путем монтажа;

- невозможно установить факт предварительной технической подготовки записи (подписи);

- вероятность выявления и правильной оценки диагностических признаков (в том числе нажимных, ритмических и иных характеристик почерка) является минимальной в связи с их нивелированием или искажением в изображениях, изготовленных с применением копировально-множительных устройств;

- по изображению невозможно установить ряд важных идентификационных признаков;

- по изображению невозможно дифференцировать природу происхождения отдельных признаков (обусловлено ли их появление особенностями письменно-двигательного навыка исполнителя или спецификой работы копировально-множительных устройств)» [б.с.3-4].

Кроме того, использование условного вывода, предусмотренного типовыми методиками применительно к исследованию копий почерковых объектов, наконец-то признано некорректным. Основной целью производства почерковедческих экспертиз с точки зрения органов предварительного расследования является доказывание подлинности

документа – вещественного доказательства. Так как при недоказанности существования оригинала документа нецелесообразно при описании объектов экспертизы использование термина «копия документа», в информационном письме предлагается использование термина «изображение документа» (изображение подписи в изображении документа).

В связи с признанием непригодными для почерковедческого исследования копий изображений при поступлении таковых на экспертизу эксперт вправе отказаться от решения поставленных вопросов по существу в соответствии с ч.1 ст. 16 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности», составив при этом мотивированное письменное заключение о непригодности объектов.

Однако на практике исследование копий документов является необходимым условием получения оперативно-розыскной информации и выдвижения версий. В таких случаях проведение предварительных исследований в отношении изображений документов при отсутствии возможности предоставления оригиналов документов в рамках оперативно-розыскных мероприятий возможно. В письме рекомендуется давать вывод о совпадении либо различии общеконфигурационных характеристик сравниваемых объектов ввиду того, что по изображениям невозможно судить о многих параметрах выполнения почерковых реализаций. Результаты исследования, как обычно, оформляются справкой об исследовании, в которой необходимо отразить возможность решения вопроса об исполнителе при предоставлении оригиналов документов.

Являясь действующим экспертом ЭКЦ МВД России по Нижегородской области, выполняю почерковедческие экспертизы более 20 лет. По нашему мнению, данное информационное письмо значительно упорядочит производство почерковедческих экспертиз по копиям документов. Совершенно бессмысленно проводить исследование и формулировать выводы с множеством условий и допущений. При невозможности решения экспертной задачи недопустимо гадать, заменять доказательное обоснование суждений различными ссылками.

С распространением технических приемов имитации рукописных записей и подписей в последние годы возникла самостоятельная задача установления способа выполнения почерковых объектов (рукописный, нерукописный). Решение этой задачи является сейчас обязательной составной частью каждого почерковедческого исследования.

Типовая методика почерковедческой экспертизы предусматривает, что в случае установления нерукописного способа выполнения спорной подписи или записи, идентификационное исследование, как правило, не проводится; формулируется вывод о нерукописном способе выполнения исследуемого объекта и о его непригодности для идентификационного почерковедческого исследования» [5]. Так как по изображению

почеркового объекта невозможно судить о способе его выполнения, эксперт не должен проводить идентификационное почерковедческое исследование.

Определение технологических параметров выполнения рукописных записей (подписей) является относительно самостоятельной областью почерковедения. В настоящее время очень важно развитие данного направления, находящегося на стыке почерковедческого и технико-криминалистического исследования. Именно на нем в значительной мере решается, имеет ли почерковедение будущее, смогут ли эксперты противостоять резко набирающим обороты современным технологиям [4].

Список литературы:

1. Соколов С.В., Куранова Е.А., Розанкова Е.В. Экспертно-криминалистическое исследование факсимильных копий почерковых объектов: Информационное письмо. М: ГУ ЭКЦ МВД России, 2000
2. Ефремова М.В., Орлова В.Ф., Старосельская А.Д. Производство судебно-почерковедческой экспертизы по электрофотографическим копиям Информационное письмо // Теория и практика судебной экспертизы. - 2006, №1(1)
3. Исмадова Т.И., Шведова Н.Н., Кочеров М.А., Некоторые особенности методики исследования копий почерковых объектов // Судебная экспертиза: российский и международный опыт: Матер. Межд. научно-практ. конф. - Волгоград: ВА МВД России, 2012
4. Коршиков А.П. Общая методика проведения идентификационных почерковедческих исследований для установления исполнителей рукописных записей (подписей). Ч.1: Методические рекомендации по определению технологических параметров выполнения рукописных записей. М., 2005
5. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств: Ч. 1/ Под ред. В.В. Мартынова. М.: Интеркрим-пресс, 2010
6. Современные подходы к исследованию копий документов: Информационное письмо. - М.: ЭКЦ МВД России, 2015

The modern types to the research handwriting copies of objects

E.Y. Govorkova

The N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article highlights the problems of forensic handwriting examination in the field of research copies of documents, discusses the possibility and feasibility of the production of a forensic handwriting examinations by images handwriting objects, defines standards for the suitability of images for handwriting research. There are a list of additional tasks in the article which are necessary in the research of copies of documents. The article discusses typical situations which occurs in the

research of copies of handwriting objects. Describes the possible form of conclusions and rationale of their formation.

Keywords: forensic handwriting examination, a copy of the object of forensic handwriting examination, copying machine, standards for the suitability of images, the possibility and feasibility of handwriting examinations according copies of documents.

СПЕКТРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АКУСТИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ЗВУКОВ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПО ФОНЕТИЧЕСКИМ ЭКСПЕРТИЗАМ

А.М. Грачев

Нижегородский филиал Московского гуманитарно-экономического института

ma-grachev@mail.ru

В статье описываются акустические свойства звуков при спектральном анализе. В ней указывается, что общепринятым следует считать понимание форманты как максимума концентрации энергии в спектре звука. Спектрографическое представление, несмотря на некоторую условность соотнесения его с реальной речью, позволяет установить непосредственную связь между конкретным видом спектрограммы, особенностями воспринимаемого звука и фонетическими единицами. В практике спектрального анализа обнаружено, что конкретные формантные структуры одной и той же гласной зависят от многих факторов: индивидуальные особенности произношения диктора, его пол, возраст, состояние здоровья, тип произнесения, эмоциональный настрой в момент произнесения и проч.

Ключевые слова: спектральный анализ, фоноскопия, форманта, диктор, генерировать, язык, артикуляторный аппарат.

В учебнике по общей и прикладной фонетике (авторы: Л.В. Златоустова, Р.К. Потапова, В.В. Потапов, В.Н. Трунин-Донской) указывается, что структура речевого сигнала сложна по своей природе. На форму звуковой волны, исходящей от источника голосообразования, накладываются частотные характеристики резонирующих полостей. Поскольку такой генератор звуковых колебаний, как гортань, дает монотонный по форме спектр, то спектральные максимумы могут определяться только передаточной функцией речевого тракта, т.е. его резонансными частотами. Изменение размеров резонаторов и щелей, соединяющих их, вызывает изменение резонансных частот (явление резонанса и антирезонанса) [2].

Принято считать, что в процессе артикуляции полость рта делится на две части: переднюю и заднюю. Изменения конфигурации этих частей и их соотношения вызывают появление тех или иных резонансных частот.

Одним из основных понятий спектрального анализа речи является понятие *форманты*. Существует несколько определений частоты форманты. Первое — частотой форманты называют частоту полюса фильтрующей функции речевого тракта (частотой антиформанты — частоту нулевого значения фильтрующей функции). Второе — частотой форманты называют среднюю (средневзвешенную) частоту спектра в области соответствующей форманты. Третье — за частоты формант принимают частоты максимумов спектра.

Наиболее общепринятым следует считать понимание форманты как максимума концентрации энергии в спектре звука. Так как гармоническая структура речевого сигнала обусловлена характером работы голосовых связок, то локализация формант зависит прежде всего от изменения конфигурации всей резонансной системы, т.е. она находится в прямой зависимости от изменения формы и объема резонирующих полостей. Положение формант и гармоник основного тона на частотной шкале зачастую не совпадает, что объясняется, видимо, отсутствием прямой корреляции между ними. Форманта обычно обозначается через F_n , где номинал изменяется в зависимости от изменения частотного положения форманты, например: F_1 , F_2 , F_3 и т.д.

Понятию форманты, характеризующей качественную сторону спектра, идентично понятие полюса передаточной функции речевого тракта $T(f)$:

$$P(f) = S(f) \cdot T(f),$$

где $P(f)$ — речевой сигнал, $S(f)$ — спектр источника, $T(f)$ — передаточная функция. Передаточная функция определяется системой резонансов и антирезонансов в данный момент времени.

Кроме понятия форманты в спектральных исследованиях используют такие понятия, как «формантная область», «формантный уровень», «формантная полоса».

Формантная область позволяет описать область концентрации энергии в спектре звука речи.

Под *формантным уровнем*, обозначаемым через L_n , понимается уровень формантных пик в огибающей спектра, который равен уровню пиковых значений спектральной огибающей, соответствующему среднему эффективному значению звукового давления. Формантный уровень обусловлен особенностями голоса диктора.

Формантные полосы, обозначаемые через B_n , соотносятся с отдельными местоположениями формант и определяются данными артикуляции, поскольку речевой тракт является многорезонансной системой. Формантные полосы тесно связаны со специфическим характером формантных частот. Для F_1 и F_2 величины полос не столь значительны (40—70

Гц). Выше этих формант, в основном начиная с 2000 Гц, величина полос заметно возрастает. Среднее расстояние $B_1 - B_2$ равно 75 Гц.

Формантный анализ речи рассматривается как один из видов спектрального анализа. Основной задачей формантного анализа является определение частот формант в процессе их изменения во времени, описание формантной структуры звуков речи.

Помимо такого источника, как голосовые связки, генерирующие периодическую звуковую волну, в процессе речеобразования участвуют еще два типа источника: а) турбулентный шум, возникающий вследствие завихрений потока воздуха в щелевидных проходах; б) импульсный шум, наблюдающийся при резком спаде воздушного давления после раскрытия закрытого до этого прохода в речевом тракте.

Первый тип источника генерирует фрикативные и придыхательные звуки, второй тип — эксплозивные (взрывные). В зависимости от этого трактуется F_n -картина. На спектрограммах периодические колебания представлены характерной гармонической структурой, а шум — иррегулярным распределением энергии во времени.

Фонетическое качество гласной определяется главным образом распределением энергии в спектре, от чего в значительной степени зависит положение формант F_1 , F_2 и т.д. В практике спектрального анализа обнаружено, что конкретные формантные структуры одной и той же гласной зависят от многих факторов, включая индивидуальные особенности произношения диктора, его пол, возраст, состояние здоровья, тип произнесения, эмоциональный настрой в момент произнесения и т.д.

Форманты гласных звуков являются основным акустическим коррелятом их качества. Как показал целый ряд исследований с помощью синтеза речи, наиболее значимыми являются две-три первые форманты. Однако известно также, что всякая часть речевого тракта влияет в той или иной степени на настройку всех формант. Уровень интенсивности формант обуславливается как источником звуковых колебаний, так и резонансной системой речевого тракта. Длительность звука определяется длительностью работы голосовых связок и всего артикуляторного аппарата.

Спектрографическое представление, несмотря на некоторую условность соотнесения его с реальной речью, позволяет установить непосредственную связь между конкретным видом спектрограммы, особенностями воспринимаемого звука и фонетическими единицами.

Итак, при интерпретации спектральных данных сталкиваются с двумя типами частотных характеристик: частотой основного тона F_0 и формантными частотами F_n . Обе характеристики определяются процессом речеобразования.

Голосовые связки генерируют последовательность затухающих акустических импульсов. В настоящее время механизм колебаний голосовых связок находит объяснение в механико-миоэластической теории, согласно которой на частоту основного тона F_0 влияют следующие факторы: мускулатура связок, определяющая их натяжение, распределение массы связок; изменение величины подсвязочного давления, сечения речеобразующего тракта, положения языка в процессе артикуляции.

Первостепенное значение имеют такие факторы, как степень натяжения связок, изменение в связи с этим их эффективной массы, а также уменьшение величины подсвязочного давления. Остальные два фактора рассматриваются как второстепенные, проявляющиеся в процессе взаимодействия элементов артикуляторной системы.

При производстве глухих согласных голосовые связки практически не принимают участия, хотя в целом ряде исследований отмечается наличие медленных колебаний связок с частотой, не превышающей 30 Гц. Шумовой источник находится внутри речевого тракта. В большинстве случаев он является турбулентным. Производимые им глухие звуки могут быть непрерывными и прерывистыми. Звонкие согласные являются результатом комбинации действия источника монотонных периодических по форме колебаний и источника шума. Во всех этих случаях происходит усиление определенных участков частотного спектра, т.е. образование формантных областей [2].

Список литературы

1. Златоустова, Л.В. Фонетические единицы русской речи: Монография/ Л.В.Златоустова. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. — 105 с.
2. Златоустова Л., Потапов В, Потапова Р., Трунин-Донской В. Общая и прикладная фонетика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. - 416 с.
3. Корухов, Ю.Г. Судебная экспертиза в гражданском процессе: Практ. пособие для экспертов и судей/ Ю.Г. Корухов. — М.: ИПК РФЦСЭ, 2007. — 98 с.

Spectral analysis of acoustic qualities of sounds as a theoretical aspect in phonetics expertise

A.M. Grachev

Moscow humanitarian-economic university

The article provides the information about acoustic qualities of sounds in spectral analysis. It sticks to the conventional meaning of formant as a maximum concentration of energy in sound spectrum. Spectrum perception despite the convention of its relation to real speech sets direct connection between definite sort of spectrogram, peculiarities of perceptive sound and phonetic units. Spectral analysis reveals that definite formant structures of one and the same vowel depend on different factors: individual peculiarities of speaker's pronunciation, his sex, age, health, type of pronunciation, emotional status at the moment of speaking.

Keywords: spectral analysis, phonoscopy, formant, speaker, generate, language, articulation system.

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ УЧЕБНИКА «СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА»

М.А. Грачев

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

ma-grachev@mail.ru

Статья посвящена проблеме составления учебника для студентов-экспертов «Судебно-лингвистическая экспертиза». В него предложены ввести следующие основные разделы: «Введение», «Основы лингвистической экспертизы», «Социолингвистические аспекты криминальной субкультуры», «Практикум по судебно-лингвистической экспертизе», «Заключение» и «Списка рекомендованной литературы». Особо подчёркивается важность и тщательность подбора заданий для студентов-экспертов. По сути, это первый учебник для студентов-экспертов. Предложены пути уточнения объема и содержания этого понятия на основе теории отражения. В статье также уточняется понятийно-терминологический аппарат лингвокриминалистики, обосновывается необходимость специальных лингвистических знаний для работников правоохранительных органов.

В итоге автор приходит к обоснованному выводу, что учебник «Судебно-лингвистическая экспертиза» неоценим для студентов-экспертов как в теоретическом, так и в практическом отношениях.

Ключевые слова: учебник, лингвокриминалистика, судебно-лингвистическая экспертиза, экстремизм, оскорбительные слова, практикум.

В настоящее время студенты-эксперты нуждаются в учебнике «Судебно-лингвистическая экспертиза».

Нам кажется, что данный учебник должен включать следующие разделы: «Введение», «Основы лингвистической экспертизы», «Социолингвистические аспекты криминальной субкультуры», «Практикум по судебно-лингвистической экспертизе», «Заключение» и «Списка рекомендованной литературы». В разделе «Введение» должны быть обоснованы цель и задачи учебника, в «Основах лингвистической экспертизы» должны быть разобраны следующие вопросы: место лингвокриминалистики в составе криминалистики, коммуникативный аспект исследования текстового материала, оскорбительные и обидные слова, языковой экстремизм, автороведческая экспертиза и идентификация личности; в разделе «Социолингвистические аспекты криминальной субкультуры» должны быть даны основные сведения об арго, татуировках, тарабарском и условных языках криминальных сообществ, кличках, пословицах и поговорках криминального мира, жестах и мимике. Важным в учебнике является раздел «Практикум по судебно-лингвистической экспертизе», который, в свою очередь, будет делиться на следующие подразделы: проверка усвоенного материала, задания по лингвистическим аспектам криминальной субкультуры и задания по судебным экспертизам.

Приведём в качестве примеров отдельные виды упражнений:

Задание №1. Перед экспертами поставлены следующие вопросы (приводятся в полном соответствии с оригинальным текстом указанного ранее запроса ООО «Кредо-Проф»):

1. В постановлении № 46 используется словосочетание «порядок взаимодействия органов [...] по вопросам формирования и предоставления земельных участков при строительстве, реконструкции существующих объектов недвижимости и размещения временных объектов». Относится ли словосочетание «при строительстве» к понятию «существующих объектов недвижимости»?

2. Какие значения слова «целесообразность» употребляются в документах?

3. Допустимо ли употребление в нормативных правовых актах слова «целесообразность» применительно к решениям компетентного органа?

Выводы аргументировать

Задание №2. Определить признаки негативной информации в высказывании: «Крупа» организовал этукую оперативную игру под условным названием «Кинь лоха».

Задание №3. Разграничьте оскорбительные и обидные слова, сказанные в адрес различных лиц:

Мясник (хирург), толстяк (полный человек), хромой, депутатишка, токаришка, злюка (злой человек), Андрюшка (сорокалетний инженер), Любка (пятидесятилетний комендант общежития).

Задание №4. Неприличная форма оскорбления проявляется в следующих случаях:

а) при назывании человека пейоративными словами, в том числе грубыми зооморфизмами (например, *ослом, коровой, обезьяной, свиньёй* и проч.); б) в СМИ оскорбительными словами, например: *лицемер, вор, жулик; бродяга*; в) в ситуациях, противоречащих официально-правовому статусу адресата и официально-деловой обстановке (например, во время заседания в городской думе один депутат называет другого депутата *дураком*); г) при назывании какого-либо физического недостатка оппонента. Ответ аргументируйте.

Задание №5. Найдите в тексте слова, которые нежелательны в речи криминальных элементов.

Диалог

-- Вы, малые, как голубки, сидите, может, дадите дяденьке прикурить?

- Слышь, микроб, вали на хрен отсюда на полусогнутых, от твоих козых носков пахнет, как из помойной ямы

- Вот спасибо, мужики, такую обидку я никогда от бычьего рога не слышал, сукой буду!

- Да что ты, как баба, талдычишь, как будто мать родную удавил!

Задание №6 . Определите по кличкам воровскую специальность или антисоциальную принадлежность их носителей.

Сева Новгородский, Боцман, Шнурок, Директор, Микроб, Гиви Кутаисский, Лорд, Механик, Плевок, Саша Македонский, Директор, Князь, Король, Инженер, Малой, Бактерия, Машка (кличка мужчины), Профессор, Василиса (кличка мужчины Василия), Техник, Ширмач, Арнольд, Золотая Ручка, Эраст, Катала, Офицер, Вася Бриллиант, Мастер, Дирижёр, Крест, Крестный, Оле'г Бакинский, Го'ша Пи'терский, Марья Ивановна (кличка мужчины), Валерка (кличка женщины), Полковник .

Следует указать, что перед лингвокриминалистикой стоит ряд нерешённых задач. Прежде всего в лингво-понятийном аппарате.

К сожалению, термин *судебно-лингвистическая экспертиза* часто употребляется нетерминологично. Нередко его смешивают с терминами *лингвокриминалистика* и *юрислингвистика*. Но они отличаются.

Так, термин *лингвокриминалистика* имеет три аспекта изучения: 1) раздел науки о языке, изучающий текст в юридических целях; 2) раздел языковедческой науки, обучающий

составлению судебных лингвистических экспертиз; 3) раздел науки о языке, изучающий социолингвистические аспекты криминальной субкультуры.

Термин *юрислингвистика*, хотя и близок по своей сути к обозначению лингвокриминалистики, всё же имеет коренное отличие. (Заметим, что его использует ряд учёных (см., например, Е.И. Галяшина, Н.Д. Голев), понимая под ним первые два значения термина *лингвокриминалистика*).

Учёный-лингвист Л.В. Калинина обобщила и вывела основные аспекты, относящиеся к термину *юрислингвистика*.

По её мнению, юрислингвистика – это научная дисциплина, объектом изучения которой являются взаимоотношения языка и права.

В задачи юрислингвистики входят: изучение конфликтного (инвективного, манипулятивного, агрессивного, полиинтерпретативного) использования языка; изучение и практическая разработка юридическо-лингвистического аспекта государственного языка, языковой политики; разработка единых правил судебной экспертизы различных видов; лингвистическое образование специалистов в области права и т.д.

Главным объектом исследования лингвокриминалистов является текст как объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность [7, 47].

Наряду с основными терминами – *лингвокриминалистикой* и *юрислингвистикой* – нередко употребляются ещё и термины *судебное» речеведение», лингвистическая экспертиза*. Но, думается, их объём намного меньше, чем указанные выше термины, и они неточно передают суть лингво-юридической дисциплины.

Термин *лингвокриминалистика* включает в себя также анализ элементов *субкультуры криминального мира*: арг (жаргон преступников), тарабарский и условный языки, клички, татуировки, тайные жесты и мимика, пословицы и поговорки, уголовные пословицы и поговорки. О важности знаний лингвистических составляющих криминальной субкультуры подробно говорится в соответствующих разделах книги.

Существует мнение, что основная задача *лингвокриминалистики* – исключительно судебные лингвистические экспертизы или идентификация личности по её лингвистическим особенностям. Но было бы ошибочно полагать, что круг данных экспертиз этим и ограничивается. Практически все спорные вопросы, связанные с языком, могут быть предметом рассмотрения лингвиста-эксперта. *Лингвокриминалистика* как раздел науки о языке в широком смысле преследует цель изучения текста, в узком понимании – составление

лингвистических экспертиз. «...право также ищет ответы на многие вопросы в языке», - справедливо утверждают учёные-эксперты [4].

Несомненно, обучение проведению судебных лингвистических экспертиз занимает основное место в подготовке специалиста-лингвокриминалиста. Но, думается, основы знаний по *лингвокриминалистике* должны иметь и практические работники правоохранительных органов. Так, исследователь О.Н. Кравчук справедливо считает, что «значительная часть материалов, направляемых для производства фоноскопических экспертиз в ЭКУ ГУВД Нижегородской области, не пригодны для идентификации человека по голосу и устной речи ввиду низкого качества записи». Она подчёркивает, что в этом повинна не только слабая техническая оснащённость ОВД, но и неподготовленность сотрудников правоохранительных органов [8].

Наиболее распространённые виды судебных лингвистических экспертиз связаны с оскорблением или негативной информацией (защитой чести и достоинства), установлением авторства, определением содержания понятия товарного знака, экстремизмом.

«...Правоведы, – справедливо утверждает исследователь О.А. Морохова, – должны быть осведомлены о системно-языковых и функциональных свойствах естественного языка как субстрата языка юридического, и эти знания должны входить в лингво-юридическую компетенцию правоведов [9]. В то же время «...глубокое влияние лингвистики на юридическую сферу возможно лишь при таком моделировании юридического языка и речи, которое исходит именно из их специфики как отправной точки теоретических описаний или практических рекомендаций» [10]. На практическое использование лингвистических данных указывает исследователь Е.И. Галяшина (доктор филологических и юридических наук). «Специальные познания в лингвистических дисциплинах, – подчёркивает она, – способствуют извлечению из речевого сообщения разнообразных фактологических и личностных данных участников переговоров и другой криминалистически значимой информации» [3].

Широко известно то, что самым главным в судебных делах об оскорблении является перечень и характер оскорбительных слов. Какие лексемы входят в их состав, в каких случаях они могут быть оскорбительными, а в каких – нет, как относиться к жаргонно-арготическим словам-инвективам с точки зрения определённых социальных групп – вот вопросы, на которые должен ответить лингвокриминалист. В книгах «Цена слова» и «Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах» уже сделана попытка классификации оскорбительных слов, но она нуждается в расширении и уточнении. Как показывает практика работы с правоохранительными органами, последние

крайне нуждаются в методических рекомендациях по определению вербального оскорбления в делах о защите чести и достоинства. Существует потребность в конкретных примерах. Некоторые исследователи-лингвисты предлагают составить словарь, где должна быть разработана новая система лексикографических помет (к примеру, *оскорбительное, неприличное, негативно-оценочное* и пр.), отражающая градацию инвективности. Несомненно, такой словарь имеет право на существование. Но попутно возникает вопрос о реализации данных лексем в контексте и речевой ситуации. На это указывает известный лингвист В.И. Жельвис: «В юридической практике полезно учитывать, что часть оскорблений может время от времени использоваться в прямо противоположном смысле, как выражение восхищения или дружеского расположения: «Как он, *собака*, хорошо танцует!»... [6, 146].

Рассуждения выше не означают, что создание словаря инвектив нецелесообразно. Наоборот, данный словарь необходим как языковедам, так и юристам, он должен облегчить работу судопроизводства и написание лингвистических экспертиз. Трудность заключается в том, что каждая инвективная единица требует большого количества иллюстративного материала, т.е. необходимо привести конкретные примеры, показывающие случаи, когда слово может быть оскорблением и когда выступает в другой функции. Однако эти трудности вполне преодолимы: логично было бы использовать наиболее распространённые речевые ситуации.

В своей работе В.И. Жельвис акцентирует внимание на проблеме «бранного веса слов», «так как понятие оскорбительности ориентировано на слушающего», т.е. в различных социальных группах одни и те же слова могут восприниматься по-разному [6, 148]. Бесспорно, в этом случае нужно учитывать и субкультуру, и этические нормы определённых социумов. В то же время мы должны руководствоваться нормами литературного языка. Например, если уголовник назвал другого уголовника *помойкой* или *шваброй*, это будет оскорблением и в законопослушном обществе. Но в преступном мире эти слова являются инвективами с ярко выраженной негативной коннотацией, т.е. говорящий, произносящий их, ставит оппонента на низшую ступень криминальной лестницы, нанося ему при этом страшное оскорбление. Этот факт должен принимать во внимание лингвокриминалист и пояснять при необходимости следователю мотив преступления, однако, если дело касается оскорбления, он должен учитывать, что общество живёт по правилам законопослушных граждан, а не по законам криминальных групп. Поэтому, на наш взгляд, можно игнорировать утверждения истца (ответчика) о «смертельном оскорблении». В то же время известно, что ряд арготизмов перешли в общенародный язык (см. примеры: *лох, козёл, шестёрка* и проч.), сохранив при этом ярко выраженную негативную коннотацию. В этом случае мы должны учитывать

восприятие данных слов законопослушным населением. Действительно, в современном общенародном языке указанные лексемы имеют пейоративную окраску.

Трудности могут возникнуть при определении характера вербального оскорбления, которое связано с восприятием и неумышленным употреблением арготизмов. К примеру, законопослушный гражданин назвал профессионального уголовника *голубком* (от *голубой* – гомосексуалист), *акробатом* – пассивным гомосексуалистом, *парафином* – человеком, стоящим на низшей ступени криминальной лестницы, *опарафиненным*. В уголовной среде данные лексемы считаются оскорблениями, а в законопослушном обществе они будут либо непонятными в определённом контексте, либо восприняты в общенародном значении.

Оскорбительные слова нередко связаны с негативной информацией. Однако последняя зачастую обходится без инвектив. Широко известно, что использованием негативной информации злоупотребляют в СМИ, предвыборных листовках, причём подача текста газетной статьи журналистом нередко осуществляется изобретательно: он ссылается на непроверенные факты, на мнение народа, на слухи и проч.

Существуют ещё многочисленные проблемы, связанные с использованием нецензурных слов. М. В. Горбаневский пишет о проблеме их использования в СМИ, считая, что употребление мата на полосах газет, по радио или телевидению должно рассматриваться как мелкое хулиганство [5, 178]. И с этим нельзя не согласиться.

Конечно, нецензурные слова являются оскорбительными по своей сути, и если они направлены в чей-то адрес, то явно оскорбляют адресата. Однако нужно учитывать, что обценная лексика может менять при определённых речевых ситуациях свою направленность.

При судебных лингвистических экспертизах возникают вопросы, связанные с уточнением языкового характера товарного знака.

Лингвисту-эксперту иногда приходится решать проблемы, связанные с неправильной формулировкой закона.

В настоящее время идет реформирование суда, и языковеды-эксперты, которые вносят существенный вклад в данные изменения, должны решать конкретные проблемы, стоящие перед лингвокриминалистикой. Этот факт также должен отражаться в учебнике «Судебно-лингвистическая экспертиза»

Сотрудники судебно-правовой системы могут устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию по конкретному делу на основе специальных филологических познаний. Работники суда, прокуратуры, адвокатуры часто сталкиваются с трудностями назначения лингвистической экспертизы, не зная, как правильно сформулировать вопросы эксперту, как проверить его компетентность.

Задачи лингвокриминалистики, решаемые в учебнике «Судебно-лингвистическая экспертиза», - это и ознакомление сотрудников судебно-правовой системы с методами и приёмами толкования текстов, их интерпретацией.

Юрист должен иметь понятие об основных лингвистических процессах, которые могут упоминаться в судебных экспертизах: *тавтологии, плеоназме, метафоре, метонимии, лексическом значении слов, эвфемизме, типах речевых ошибок* и т.д. Он должен хорошо знать те лингвистические термины, которые непосредственно касаются судебной лингвистической экспертизы и суда: *неприличная форма; негативная информация; обценная лексика; инвективная лексика* и др.

Несомненно, эксперт-речевед должен уметь анализировать текст, так как ему приходится сталкиваться с многочисленными ошибками как пунктуационно-орфографического, так и стилистического характера.

Порой перед лингвистами юристы нередко ставят и задачи справочного характера.

В настоящее время становятся действенными комплексные экспертизы, в которых принимают участие специалисты разных областей знаний. Особая роль в них должна отводиться лингвисту-эксперту. Так, при назначении сложной судебно-экономической экспертизы не обойтись без специальных языковых знаний, которые помогут установить личность писавшего документы, идентифицировать текст и проч. Между тем лингвистические вопросы в судебно-экономических экспертизах почти не рассматриваются [см., например, Ванаев 1999] и возможная помощь языковедов ещё остаётся невостребованной. Порой комплексные экспертизы, в которых должен участвовать лингвокриминалист, называют «нетрадиционными судебно-психологическими» [1, 171].

Учебник «Судебно-лингвистическая экспертиза» не оценим для студентов как в теоретическом, так и в практическом отношении.

Список литературы:

1. Аврамцев В.В. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: традиционные подходы и нетрадиционные аспекты: Учеб.пособие. – Н. Новгород: Изд-во НА МВД России, 2004
2. Ванаев С.Ю., Голубятников С.Л., Леханова Е.С., Тимченко В.А., Чих Н.В. Документальные проверки и судебно-экономические экспертизы по делам о налоговых преступлениях: Практ.пособие. – Н. Новгород: Изд-во НЮИ МВД РФ, 1999

3. Галяшина Е.И. Лингвистическая экспертиза устной и письменной речи как источник судебных доказательств//Право и лингвистика. Ч.2: Матер. Межд. научно-практ. конф.. – Симферополь: ДОЛЯ, 2003. – С.15-22
4. Голев Н.Д., Матвеева О.Н. Значение лингвистической экспертизы для юриспруденции и лингвистики//Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации/Под ред. М.В.Горбаневского. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Галерия, 2002
5. Горбаневский М.В. Об основе лингвистической экспертизы конфликтного текста СМИ: стилистический анализ // «Язык вражды» и свобода слова: Межэтническое и межконфессиональное в российских СМИ как проблемное поле / Профессиональная этика журналиста: рабочие материалы в 2 ч. Ч. 1. В поисках «мерной линейки». М.: Галерия, 2003. С.68-76
6. Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Медея, 2004
7. Калинина Л.В. Язык современных СМИ. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2015
8. Кравчук О.Н. Научные основы работы со звуковыми следами преступной деятельности: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Н. Новгород: Изд-во НА МВД России, 2002
9. Морохова О.А. Юрислингвистика: предмет и содержание в контексте языкового образования юристов// Язык – культура – право. Ч.2: Матер. Всерос. научно-практ. конф. – Н.Новгород: Изд-во НА МВД России, 2006
10. Нечипоренко Н.В. О проблемах лингвистики// Язык – культура – право. Ч.2: Матер. Всерос. научно-практ. конф. – Н.Новгород: Изд-во НА МВД России, 2006

To the question of writing a manual «Lingvo-judicial expertise»

M.A. Grachev

The N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article is devoted to the problem of composing a manual for students, which is called "Lingvo-judicial expertise". The author offers to divide the book into "introduction", "The basis of linguistic expertise", "Social and linguistic aspects of lingvocriminology", "Practicum to lingvo-judicial expertise", "Conclusion", "Literature". The importance of detailed selection of exercises to experts is emphasized. The aspects of the notion "criminalistic information" are given through philosophic, scientific and linguistic approaches. The ways of concretization the notion based on the

theory of reflection are offered. The article also interprets the terminology of lingvocriminalistica, the necessity of particular linguistic knowledge for criminal-sphere workers is stated.

The author comes to the conclusion that the manual is invaluable for expert students in theoretical as well as practical ways.

Keywords: manual, lingvocriminalistica, lingvo-judicial expertise, extremism, offensive words, practicum.

**ВОЗМОЖНОСТИ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

И.Г. Дода

Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз

Республики Беларусь

doda@sudexpertiza.by

В статье анализируется информация о возможностях судебной лингвистической экспертизы в Республике Беларусь. Рассматриваются факторы формирования лингвистической экспертизы в Беларуси, анализируются перспективы развития в соответствии с кругом решаемых задач и характером используемых специальных знаний, формированием теоретической и методической базы судебной лингвистической экспертизы путем выполнения прикладных научно-исследовательских работ, в результате которых создаются современные методические материалы, изложены конкретные предложения по становлению экспертизы на данном этапе развития.

Ключевые слова: судебная экспертиза, словесный текст, правонарушение, судебная лингвистическая экспертиза, методическое обеспечение.

Квалифицированное расследование опасных для общества видов правонарушений осуществляется, как правило, при помощи назначения и производства ряда судебных экспертиз, когда требуются специальные знания для установления фактических обстоятельств конкретного дела. Ключевым объектом исследования в судебных экспертизах может выступать связный текст любого вида, содержания и объема, а квалификация действий правонарушителей осуществляться с помощью специальных лингвистических знаний и (или) разнообразных лингвистических методов исследования.

В Республике Беларусь устоявшимися видами экспертных исследований для квалификации действий правонарушителей, в которых объектом исследования выступает словесный текст или речевое произведение, являются следующие: почерковедческие, фоноскопические, автороведческие и лингвистические. Первые три из них нашли

официальное закрепление в нормативно-правовых актах и занимают прочную нишу в классификации судебных экспертиз экспертных учреждений.

Лингвистическая экспертиза в Беларуси проводится значительно реже, не так системно, как другие виды, она не включена в перечень родов и видов судебных экспертиз (исследований), экспертные учреждения до настоящего времени не имеют аттестованных специалистов-лингвистов. Вместе с тем, как показывает практика, применение лингвистических знаний в судопроизводстве приобретает с каждым годом все большую значимость.

Первые лингвистические исследования (а позже и экспертизы) в Республике Беларусь были проведены в конце 90-х – начале 2000-х годов экспертами-фоноскопистами с базовым лингвистическим образованием. В ряде случаев это были дополнительные (или самостоятельные) вопросы в рамках производства той или иной судебной фоноскопической экспертизы, что не всегда являлось компетенцией эксперта-фоноскописта. Также это могли быть специальные исследования, поручаемые в разовом порядке правоохранительными органами специалистам-филологам со степенью кандидата и доктора наук различных государственных (научных или образовательных) учреждений. Специалисты, не связанные с областью судебной экспертизы, не имеющие практического опыта при обращении с вещественными доказательствами, могли допускать существенные промахи при подготовке процессуального документа – заключения эксперта, а при вызове в суд получали сильные эмоциональные стрессы при выступлении в судебных прениях. Отсутствие у специалистов-лингвистов познаний юридического характера, смешивание лингвистической и юридической терминологии, слабо усвоенный понятийный аппарат экспертизы, выход за пределы своей компетенции (чаще всего ненамеренно), а также неоднозначное (даже порой негативное) отношение к результатам лингвистической экспертизы в Российской Федерации, не позволило ей прочно закрепиться в судебно-экспертной практике Республики Беларусь. Официальное отсутствие таких экспертных исследований приводило к тому, что значительное количество правонарушений разрешалось «...самими судьями исходя из фоновых (житейских) знаний и личного убеждения» [1, 60], что не всегда являлось, на наш взгляд, объективным решением. И только незначительное количество лингвистических исследований оказалось в юридической правоприменительной практике. В основном это были специальные исследования, связанные с установлением смысла определенного слова, высказывания или текста и значительно реже – по защите чести, достоинства и деловой репутации определенного лица.

Вместе с тем, во втором десятилетии XXI века необходимость в производстве лингвистической экспертизы только увеличивалась [2]. Различные конфликтные речевые ситуации и вербализованные правонарушения в республике стали приобретать закономерно устойчивый и систематический характер. Возрастанию и увеличению в современной коммуникации людей подобных правонарушений значительно способствовал стремительный рост объема и доступности различного рода информации (печатной, электронной, звучащей, визуальной), также заметно снижение общей речевой культуры населения, изменение языковой ситуации под активным влиянием языка средств массовой коммуникации. Вербализованными видами правонарушений в Беларуси чаще всего являются: заведомо ложное сообщение об опасности; клевета; оскорбление; угрозы; шантаж; призывы к противоправным действиям, насилию и агрессии; вымогательство; дискредитация деловой репутации конкурента; противозаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов; возбуждение национальной, расовой, религиозной вражды или розни; пропаганда войны и ряд др. К этим категориям правонарушений повышено внимание правоохранительных органов республики и за любое из них предусмотрена соответствующая ответственность (административная, уголовная или гражданско-правовая).

Известно, что активная коммуникация индивидуумов и тесное межличностное общение непосредственно может осуществляться в звучащей диалогической форме любого речевого произведения, устного взаимодействия граждан в конкретной речевой коммуникативной ситуации, рассмотрении спорных печатных (письменных) словесных текстов и произведений, анализе вербально-визуальных источников и, соответственно, самих источников – носителей информации. Т.е. фактически любой материальный объект, содержащий письменный, устный, печатный, звучащий или визуальный вербализованный документ может оказаться в качестве средства правонарушения.

Лингвистическая экспертиза, таким образом, в настоящее время активно перемещается в группу специальных исследований, которые, становятся обязательно необходимыми и востребованными. В частности это требуется по ряду категорий административных, гражданских или уголовных дел, хозяйственных (экономических) споров, где без использования специальных лингвистических познаний невозможно или затруднительно установить событие правонарушения, совершаемого посредством вербальной информации и дать его уголовно-правовую квалификацию. От того, насколько адекватным является определение вида текста и его смыслового содержания, зависит впоследствии основной доказательственный факт. Необходимо признать, что разработка прикладного

лингвокриминалистического направления, проведение лингвистических экспертиз (исследований) осуществляется в Беларуси на научно-методической базе российских исследователей (лингвистов-практиков, криминалистов и юристов), путем анализа значительной части учебной и научной литературы разных экспертно-лингвистических сообществ, изучения монографий, авторефератов и сборников научно-практических конференций (семинаров, школ).

В 2015 году в Республике Беларусь для решения научно-технических и практических задач в области судебной экспертизы и криминалистики в государственном учреждении «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь» начата разработка НИР по теме «Разработка частной теории судебной лингвистической экспертизы и методики ее производства» [3]. За первый год работы по заданию «Разработать научно-методические основы производства судебной лингвистической экспертизы» подготовлено методическое пособие для следователей, судей и экспертов «Особенности назначения судебно-лингвистических экспертиз», в котором изложены предмет, объекты, задачи экспертизы; вопросы, выносимые в постановлениях следователей и судей; образцы постановлений (определений); терминологический аппарат; изложены требования к объектам исследования. В 2016 году научными сотрудниками будут впервые в Республике Беларусь подготовлены собственные экспертные методики производства судебной лингвистической экспертизы и внедрены в практику производства экспертиз.

Большим подспорьем для научных сотрудников и специалистов-практиков стала и «Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму» [4], полученная из федерального бюджетного учреждения «Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации» в целях оказания научно-технической и методической помощи. При этом, российские коллеги высказали готовность оказать помощь по участию наших сотрудников в научно-практическом семинаре «Актуальные проблемы комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы», который состоится 06-10 июня текущего года в г. Ростов-на-Дону.

В следственно-судебной практике Беларуси сравнительно недавно стали проводиться судебные комплексные психолого-лингвистические экспертизы. Комплексный подход в анализе смыслового содержания устного или письменного текста и воздействующей силы такого содержания актуален в некоторых уголовных преступлениях при выявлении признаков вербального экстремизма. Отсутствие единого подхода к проведению экспертизы, различие нормативно-правовых актов государств СНГ, раскрывающих содержание экстремизма,

определение и дифференциация пределов компетенции выполняющих экспертизу (исследование) специалистов, подвигает научное сообщество искать новые формы и методы ее производства. В Республике Беларусь разработчики НИР предлагают следующее – «создание собственной методики проведения комплексной психолого-лингвистической экспертизы информационных материалов экстремистской направленности с учетом требований национального законодательства... что может послужить ориентиром в формировании в обществе представлений о пределах допустимости в вопросах толерантности» [5, 369].

Резюмируя выше сказанное следует признать, что проведение лингвистических экспертиз в Республике Беларусь пока юридически не закреплено, отсутствуют аттестованные специалисты и структурные экспертные подразделения по ее производству, не имеется собственных экспертных методик и методических материалов, однако лингвистическая экспертиза является активно развивающимся направлением прикладной лингвистики и представляет значительный интерес как для научных исследований, так и вызывает большую потребность для правосудия. Выступая регулятором законности, судебная лингвистическая экспертиза, таким образом, способна играть важную роль в установлении истины в спорном вопросе, а правоохранительные органы должны обладать достаточной осведомленностью о возможностях лингвистической экспертизы и особенностях ее назначения.

Полагаю, что для улучшения всей системы производства в Республике Беларусь судебной лингвистической экспертизы в современных условиях на более высокий уровень функционирования, требуется:

- разработка стандартов переподготовки судебных экспертов по специальности «Судебная лингвистическая экспертиза», аттестация судебных экспертов по направлению специальности, организация непрерывного обучения экспертов-лингвистов, в том числе новым методам, средствам и методикам производства судебных экспертиз;

- постоянная разработка прикладных НИР для исследования различных компонентно-сложных и комплексных объектов лингвистической экспертизы, в том числе с привлечением компетентных специалистов из других областей научных знаний, например, психологии, культурологии, искусствоведения, социологии, этнографии, религиоведения, политологии и др.;

- активное внедрение научно-методических, информационных и технических разработок в экспертную практику;

- создание в Республике Беларусь общественных и научных экспертно-лингвистических объединений подобно российским и зарубежным сообществам;

регулярное проведение научно-практических конференций, семинаров, круглых столов, школ для участия судебных экспертов и научных работников по прикладной лингвистике.

Список литературы:

1. Щербакова, О.И. Лингвистическая экспертиза как новый вид экспертных исследований / О.И. Щербакова // Судовы веснік. – 2005. – № 2. – С. 60-63
2. Андреева, А.В. Состояние лингвистической экспертизы в Республике Беларусь / А.В. Андреева, А.А. Кирдун // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: Матер. VI Всероссийской научно.-практ. конф. по криминалистике и судебной экспертизе (г. Москва, 4-5 марта 2014 г.). – М.: ЭКЦ МВД России, 2014. – С. 105-107
3. Тематический план работ по научно-техническому обеспечению деятельности Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (2015-2016 гг.), государственная регистрация темы № 20150380 от 02 апреля 2015 г. (научный руководитель – Кирдун А.А.)
4. Кукушкина, О.В. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму / О.В. Кукушкина, Ю.А. Сафонова, Т.Н. Секераж. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. – 98 с.
5. Кирдун, А.А. Комплексная психолого-лингвистическая экспертиза письменных текстов в Республике Беларусь / А.А. Кирдун, Г.В. Михайленко, А.В. Андреева, А.С. Жмакова, О.В. Середа // Уголовный процесс и криминалистика: Криминалистические чтения памяти заслуженного деятеля науки Республики Беларусь Н.И. Порубова. Ч.2: Матер. Межд. научно-практ. конф., г. Минск, 3 декабря 2015 г. – Минск: Академия МВД, 2015. – С. 365-370

Possibilities of forensic linguistics in the republic of belarus: current situation and development prospects

I.G. Doda

State Institution «Scientific and Practical Center of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus»

The article analyzes the information on the possibilities of forensic linguistic examination of the Republic of Belarus. The factors of formation of linguistic expertise in Belarus are analyzed, as

well as the prospects for the development in accordance with the terms of the task and the nature of the special knowledge used, the formation of a theoretical and methodological framework of forensic linguistic by carrying out applied research work, the result of which are modern methodological materials; concrete proposals on the establishment of examination at this stage of development are provided.

Keywords: forensic examination, verbal text, crime, forensic linguistic examination, methodological support.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТОЛЕРАНТНОСТИ БЛОГОВ ПОЛИТИКОВ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ
И КОМПЬЮТЕРНОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ

К.А. Дружков, М.А. Фокина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

etlau3@yandex.ru

Статья посвящена проблеме использования количественных методов для выявления такого качества политического дискурса, как интолерантность. На материале блогов политиков исследуется возможность применения компьютерного инструментария для оценки толерантности записей электронных дневников и комментариев к ним. На основании предварительной ручной разметки записей блогов и комментариев к ним по признаку интолерантности, а также словаря интолерантной лексики, составленного в ходе работы с эмпирической базой, было проведено тестирование компьютерной программы, написанной на языке программирования Python 3.4.2. В статье приводятся основные количественные показатели работы программы, ее результаты для проверки гипотезы о взаимообусловленности интолерантности записей и комментариев и анализ ошибок. Обоснован вывод о необходимости дополнения лексического подхода технологиями машинного обучения.

Ключевые слова: политический дискурс, блоги политиков, толерантность, компьютерная лингвистика.

В настоящее время в русской лингвокультуре толерантность предстает в роли новой коммуникативной нормы, декларируемой в первую очередь для официальной коммуникации, к которой можно отнести большинство текстов политического дискурса, что обосновывает рассмотрение блогов политиков в аспекте толерантности. Целью настоящего исследования является анализ толерантности записей блогов политиков и комментариев к ним с использованием методов компьютерной лингвистики с опорой на накопленный в данной научной области опыт автоматизированной оценки тональности текста [1], [2]. Актуальность исследования связана в том числе с областью лингвокриминалистики и обусловлена

взаимосвязью интолерантности и таких понятий, как негативная информация и оскорбление, являющихся базовыми для речеведческих экспертиз [3].

Материалом для первого этапа исследования послужили 60 записей и соответствующие комментарии из блогов Никиты Белых, Сергея Миронова и Бориса Немцова за 2014 год на платформе Lifejournal.

Работа с эмпирической базой состояла в ручной разметке записей блогов и составлении словаря интолерантной лексики, использованной в комментариях. При определении толерантности записей блогов авторы руководствовались пониманием толерантности как терпимости к чужому, в том числе к инакомыслию (при возможности оставаться при своем мнении), стремления к согласию, предупреждению конфликтов [4]. Для анализа записей блогов на предмет интолерантности электронные дневники были рассмотрены с точки зрения реализации авторами речевой стратегии дискредитации, нацеленной на подрыв доверия к объекту через оскорбление, издевку, осмеяние и др. [5]. Исследование обнаружило значительную разницу в степени интолерантности дискурса политиков: лишь одна запись из 20 была признана интолерантной в блоге Никиты Белых, в электронном дневнике Сергея Миронова интолерантными было признано 8 записей, в блоге Бориса Немцова – все 20 записей.

На этапе эмпирического исследования комментариев к анализируемым блогам был составлен словарь интолерантной лексики, включающий более 200 единиц, обладающих пейоративной эмоционально-экспрессивной коннотацией. Большинство выявленных лексем может быть отнесено к одному из следующих классов: слова и выражения, обозначающие социально осуждаемую деятельность (*алкаш, проститутка, жулик, рецидивист*); слова, содержащие экспрессивную негативную оценку поведения человека, без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию (*ублюдок, говнюк*); слова, содержащие экспрессивную негативную оценку уровня интеллекта (*придурок, недоумок, дегенерат*); слова, содержащие осуждение общественно-политической позиции (*русофоб, госдеповский, либераст, путинOID, крымнашист, едроня*); слова, содержащие негативную оценку записи блога или других комментариев (*неадекват, вранье, наивняк, демагогия*).

Для исследования возможности автоматизации определения толерантности текстов была написана компьютерная программа, основывающаяся на лексическом подходе. Данный подход состоит в подсчете слов и их коэффициентов, оценка которых предварительно определяется эмпирическим путем. Традиционно под оценкой подразумевается тональность слова, в простейшем случае «-1» и «+1». В данной работе предлагается оценка на основании толерантности. В качестве классов выделялись 3 или 2 категории в зависимости от

поставленной задачи: троичная при выявлении закономерностей на уровне ручной разметки и двоичная при тестировании автоматизации. В первом случае рассматриваются следующие классы: «-1», для интолерантных сообщений, «0» для нейтральных и «1» для толерантных. Во втором случае толерантные и нейтральные комментарии объединялись в одну категорию «0», поскольку именно интолерантность выступала в качестве маркированного признака. Разграничение таких признаков, как нейтральность и толерантность, по наблюдениям авторов, в большей степени опирается на контекст, чем на конкретные лексические единицы, в связи с чем его автоматизация находится за рамками данного исследования.

Файл с предварительно размеченными комментариями и словарь интолерантной лексики были использованы программой, написанной на языке программирования Python 3.4.2. Результатом работы программы стал вывод эмпирически и автоматически полученных значений толерантности для каждого из комментариев, а также информации о наличии ответа к нему и номера статьи, к которой он относится. Для второй выборки также был добавлен индекс ответа для анализа комментариев, являющихся ответом на предыдущую запись. На основании полученного файла проводилась дальнейшая статистическая обработка.

Рассмотрим полученные результаты.

Таблица 1

Категория <i>i</i>		Экспертная оценка	
		Положительная	Отрицательная
Оценка системы	Положительная	44	4
	Отрицательная	65	79

Следует пояснить, что под положительной оценкой подразумевается соответствие выбранному классу. В нашем исследовании это класс интолерантных сообщений. Остальные категории обозначаются как отрицательные.

Для сравнения автоматических и эталонных значений был использован показатель аккуратности, представляющий собой отношение верно распознанных положительных и отрицательных комментариев к их общему числу.

Данная характеристика оказалась равна 0,64, что является результатом, превышающим случайное распределение, но недостаточно высоким для применения алгоритма и соответствующего словаря для получения точных результатов при помощи программы. Тем не менее, учитывая репрезентативность словаря, можно говорить о потенциале применения лексического подхода для определения толерантности текстов.

При статистической обработке данных была также найдена разница в определении толерантных, интолерантных и нейтральных комментариев. Поскольку используемый словарь позволяет определить только негативную категорию, как имеющую лексические маркеры, в группе текстов, не содержащих лексику из словаря, на данном этапе невозможно дифференцировать толерантный и нейтральный классы. Таким образом, для возможности сравнения полученных значений с эталонными интолерантные и нейтральные комментарии были объединены в одну группу.

Метрика аккуратности не является оптимальной, поскольку придает одинаковое значение всем классам, и отрицательный класс может внести значительные помехи в финальный результат. Для более точного анализа используются значения точности, полноты и f-меры.

Точность вычислялась как отношение верно распознанных комментариев, принадлежащих к интолерантному классу, ко всем комментариям, которые были классифицированы программой как интолерантные. Значение оказалось равно 0,92. Это означает, что комментарий, определенный программой как интолерантный почти со 100% вероятностью, действительно, является таковым. Однако также важно оценить долю распознанных интолерантных комментариев к их общему числу. Для этого применяется показатель полноты, вычисляемый как соотношение количества распознанных интолерантных комментариев к числу принадлежащих этому классу сообщений в соответствии с ручной разметкой. Полнота оказалась равной 0,4, следовательно, большая часть интолерантных комментариев была неверно отнесена к нейтральному/толерантному классу. Это существенно при оценке степени интолерантности дискуссии. Для данной выборки число интолерантных комментариев превышает число комментариев, не являющихся таковыми, однако по результатам программы можно сделать обратный вывод.

Были рассмотрены причины расхождения результатов работы программы с ручной разметкой. Наиболее сильные расхождения наблюдались в группе неверно распознанных интолерантных комментариев. Для объяснения было выдвинуто две гипотезы. Во-первых, расхождение могло быть вызвано отсутствием в словаре лексики, встречающейся в комментариях. Во-вторых, ошибка программы может объясняться действием экстралингвистических факторов.

В результате эмпирического анализа расхождений было выявлено, что в 39 из 66 комментариев, составляющих 59%, присутствует интолерантная лексика, в том числе в составе устойчивых выражений, таким образом, расширение словаря способно улучшить аккуратность вплоть до 84%, то есть на 20% от текущего уровня.

При анализе расхождений была выявлена лексика с пейоративной эмоционально-экспрессивной коннотацией («америкосы», «китаезы»), в том числе в виде неологизмов («укробайтеры»). В одном из комментариев присутствовал эвфемизм «худею», оправданность последующего добавления которого в словарь объясняется большей вероятностью появления в неформальном политическом дискурсе. Аргументация на основании вероятности допустима ввиду того, что ни одна система тональности не претендует на 100% точность и в ситуации неоднозначного определения значения следует выбирать наиболее вероятное. Был найден один случай омонимии («бреду»). Также присутствовал случай употребления уменьшительно-ласкательного суффикса с негативной коннотацией («павиашка»). В настоящее время в компьютерной лингвистике не решена проблема определения тональности на основании суффикса, поэтому отсутствуют предпосылки для наличия соответствующего модуля в системе по обнаружению интолерантности.

Оставшиеся 27 записей относятся к группе, где следует признать определяющим действие экстралингвистических факторов. Значительная часть из них содержит неполиткорректные высказывания по национальному признаку, например: «Крым настолько русский, что для названия этого полуострова используются названия из других языков. Был бы всегда ваш, было бы свое, национальное, название. А то взяли, сперли наше, еще и исковеркали, превратив "Къырым" в "Крым"». Характерно частое применение иронии при аргументации: «Может быть организовать им бесплатную поставку газа, а лучше сразу отстёгивать им ежемесячно по миллиарду? А почему бы и нет, глядишь любить нас начнут.)))». В других случаях интолерантность выражается в категоричных суждениях по отношению к оппоненту: «Я так понял-вы в раю живёте. Или что -то не договариваете...».

Последним из рассматриваемых параметров для оценки работы алгоритма стала f-мера, являющаяся средней гармонической между точностью и полнотой, которая может считаться наиболее объективным показателем при сравнении. Значение метрики оказалось равно 0,56.

Задачей второго этапа исследования стало повышение точности и других количественных показателей работы программы с учетом ошибок первого этапа. По экстралингвистическим причинам из круга анализируемых блогов был исключен электронный дневник Бориса Немцова. Его место занял блог Валерия Шанцева, сопоставимый по популярности и активности пользователя с блогами Сергея Миронова и Никиты Белых. Для большей достоверности статистических значений была проведена разметка комментариев к 60 записям из данных электронных дневников, а также составлен новый словарь интолерантной лексики, в котором, с одной стороны, присутствовали примеры каждой категории лексики из первого словаря, с другой стороны, обнаружили лексические

единицы, претендующие на отдельные категории. Таким образом, семантическая классификация интолерантной лексики была дополнена следующими классами: зооморфные оскорбительные слова (щенок, змеюка); слова, содержащие оскорбление по национальному признаку (жид, жидовский, жидовствующий); слова, содержащие негативную оценку деятельности политика с интегральными семами «бездействие» и «многословие» (соплежуйство, словоблудие, пустозвонство, болтология); слова и выражения, служащие окказиональными номинациями политических фигур и явлений (царь-путька, Яйценюк, Парашенка, мигалков, быдлорашка, путеныш, пуйло, михалковщина, соловьевщина). Необходимо отметить, что отдельные слова, подходящие под последнюю категорию, встречались и в первом словаре (Госдура, Путяра), однако во втором словаре их количество заметно возросло. Подобные лексемы интересны с собственно-лингвистической точки зрения как результат развития словотворчества, однако необходимо признать, что их включение в словарь маркеров интолерантности не может принести больших результатов при автоматизированном анализе текста, так как большинство данных единиц являются если не индивидуально-авторскими, то малоупотребительными.

Для нового словаря были получены следующие значения (см. табл.2).

Таблица 2

Категория i		Экспертная оценка	
		Положительная	Отрицательная
Оценка системы	Положительная	31	2
	Отрицательная	41	131

Из полученных результатов видно, что распределение категорий по рангу осталось таким же, как и в первом случае. Аккуратность составила 0,79, что на 15% больше предыдущих результатов. Однако эта разница во многом обусловлена значительно возросшим объемом ложноотрицательной категории. Более показательными являются значения точности, полноты и f-меры. Точность составила 0,93, что лишь на 1% больше, чем в предыдущем случае. Полнота также изменилась незначительно – 0,43 против 0,4 для первой выборки. F-мера соответственно увеличилась с 0,56 до 0,59. В целом полученные показатели говорят о статистической значимости результатов работы алгоритма и методики составления словаря.

Для уточнения перспектив расширения лексикона два словаря были совмещены и применены для анализа второй группы комментариев.

Рассмотрим использование комбинированного словаря на второй выборке.

Таблица 3

Категория i		Экспертная оценка	
		Положительная	Отрицательная
Оценка системы	Положительная	38	9
	Отрицательная	34	124

Аккуратность абсолютно идентична предыдущему случаю, однако остальные показатели отличаются достаточно сильно. Точность упала до 0,8, что является худшим из трех результатов. Полнота, напротив, возросла до 0,53. В результате f-мера, наиболее объективный показатель для сравнения, выросла на 5% по сравнению с использованием второго словаря до 0,64.

Проанализируем причины расхождения в результатах.

В группе комментариев, которые стали верно определяться как интолерантные, присутствовали такие слова как «позор», «бездельник» и др. Общее число комментариев в этой группе равняется 7. Расширение словаря для них дало положительный результат, однако нельзя не учитывать группу неверно классифицированных комментариев, которые ранее определялись как нейтральные.

Таких комментариев также оказалось семь. Причина расхождения оказалась в различном контексте употребления слов. Например, присутствовавшее в словаре слово «лапоть», определенного как инвективная лексика в соответствии с изначальными условиями его применения, в данном случае оказалось частью сатирического стихотворения в словосочетании «наденешь лапоть». Этот пример не означает ошибочность отнесения слова в интолерантный лексикон, поскольку вероятность его применения как ругательства выше, чем в значении обуви. Безусловно, для более точной оценки вероятности следует использовать совмещенный подход с машинным обучением и обучающую выборку значительно большего объема. Создание словаря с коллокациями, которые следовало бы исключить при работе алгоритма, могло бы повысить точность, однако данная задача является значительно более трудоемкой, чем составление словаря с одной лишь лексикой. Возможно, оптимальным методом составления дополнительного словаря исключений является машинное обучение.

Другие случаи ухудшения работы алгоритма обусловлены следующими причинами: использование интолерантной лексики с отрицательной частицей «не»: «не хамлю»; отсылка к комментарию собеседника, не имеющая интенцию оскорбления: «Но всё-таки, какими методами собираетесь вести борьбу, кроме посылания всех в жопу?»; недостаточность знаний о лексике для однозначной классификации сообщения: «...Позор нашим городским и

областным властям...». В последнем случае сам факт выражения недовольства еще не является основанием для отнесения сообщения к интолерантной категории, так как здесь нет выделенных нами ранее признаков, и выражение эмоционально-экспрессивной оценки по отношению к чужим действиям само по себе не является достаточным для классификации фактором.

Далее было рассмотрено предположение о большем количестве совпадений оценки программы с ручной при автоматических значениях меньших -1, то есть в тех случаях, когда в комментарии встречается сразу несколько слов с маркером интолерантности. Сравнение показало, что разница в проценте совпадений отсутствует, и значения равны 0,92 и 0,91 для оценки -1 и остальных отрицательных значений соответственно, однако для получения однозначных выводов по данному вопросу требуется бо'льшая база комментариев.

Была выдвинута гипотеза о влиянии толерантности статьи на характер комментариев. Для этого сравнивалось число комментариев после нейтральных и интолерантных статей (толерантные статьи среди исследуемой выборки отсутствуют). Исследование проводилось только на базе ручной разметки с целью выявить наличие зависимости. Результаты показали значительные различия в количестве комментариев: большая часть (61%) после интолерантных статей также была проклассифицирована как интолерантная, аналогично для нейтральных статей подавляющее число комментариев (70%) также принадлежало нейтральному классу. Исходя из этого можно сделать вывод о наличии обусловленности комментариев толерантностью текста записи.

Таблица 4

	-1	0	1
Наличие ответа	0,631067961	0,281553398	0,087378641
Отсутствие ответа	0,494382022	0,483146067	0,02247191

Также проверялась взаимозависимость толерантности комментариев и наличия ответа на них. Оценка проводилась на основании доли категории комментариев к группе с ответом или без него. Интолерантные комментарии встречались чаще при наличии ответа, хотя разницу нельзя назвать существенной – 0,63 против 0,5. Можно сделать вывод о том, что нейтральные комментарии в меньшей степени провоцируют обсуждение: разница составила 20% в рамках нейтральной категории.

После добавления во вторую часть разметки тега о том, какие комментарии являются ответами, стало возможно оценить взаимосвязь между толерантностью сообщений и ответов на них. Была построена следующая матрица значений (см. табл.5).

Доля рассчитывалась для каждой строки относительно количества соответствующих записей. Из таблицы видно, что существует взаимозависимость между толерантностью комментария и ответа на него в случае реакции как на интолерантный, так и на нейтральный комментарий. Важно отметить, что доля соотношений «интолерантный-интолерантный» и «нейтральный-нейтральный» оказалась практически идентичной. То есть вероятность появления интолерантного или нейтрального ответа на 0,2 обуславливается толерантностью комментируемой записи.

Таблица 5

Исходный комментарий	Ответ	
	Интолерантный	Нейтральный
Интолерантный	0,585365854	0,414634146
Нейтральный	0,393442623	0,606557377

В статье рассмотрены возможности лексического подхода при определении толерантности комментариев в политических блогах, рассмотрены возможные ошибки при использовании метода, отражены зависимости между высказываниями по признаку толерантности. Неоднозначность полученных результатов при расширении словаря показывает необходимость применения технологии машинного обучения в сочетании с лексическим подходом для достижения лучшей точности посредством определения наиболее частотных употреблений слов и их влияния на толерантность всего комментария.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00534.

Список литературы:

1. Arjun Mukherjee, Vivek Venkataraman, Bing Liu, and Sharon Meraz. Public Dialogue: Analysis of Tolerance in Online Discussions. Proceedings of The 51st Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (ACL-2013), August 4-9, 2013, Sofia, Bulgaria.
2. Pang, B. and Lee, L. Opinion mining and sentiment analysis. Foundations and Trends in Information Retrieval, 2008.
3. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Язык и метод в современной судебной экспертизе. - М., 2015. - 216 с.
4. Стернин И.А., Шилихина К.М. Коммуникативные аспекты толерантности. - Воронеж, 2000. - 110 с.

5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. - М., 2008. – 288 с.

Linguistic analysis of tolerance in blogs of politicians with the use of quantitative methods and computer tools

K.A. Druzhkov, M.A. Fokina

National Research University Higher School of Economics

The article deals with the problem of using quantitative methods to reveal intolerance in political discourse. The research is aimed to assess the possibility to use computer tools to estimate the degree of tolerance of posts and comments in blogs of politicians. The manual marking of the posts and comments as well as making an intolerance word list were conducted as a pre-stage to the testing of the computer programme written in Python 3.4.2. The article mentions the key data concerning the work of the programme, including the results of testing the hypothesis of correlation between the intolerant posts and comments and the analysis of the mistakes. It is concluded that the lexical approach needs to be accompanied by machine learning.

Keywords: political discourse, blogs of politicians, tolerance, computational linguistics.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СУДЕБНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ
В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ**

В.В. Епишин, А.А. Назаров

Прокуратура Пермского края

valerypermur@mail.ru

Статья посвящена проблеме использования в доказывании заключений судебных экономических экспертиз. В ходе исследования применялись: диалектический метод, метод комплексного, системного анализа, комплекс социологических методов (анализ правовых источников, статистической информации, а также судебной практики). Описаны основные виды существующих судебных экономических экспертиз: бухгалтерская, финансово-аналитическая, налоговая, финансово-кредитная. Авторами приводится целый ряд факторов, влияющих на объективность выводов эксперта. К ним относятся: полнота предоставления объектов исследования, формулировка поставленных вопросов и другие. В заключении статьи предлагаются рекомендации по оптимизации использования судебных экономических экспертиз в доказывании по уголовным делам. Приводятся практические примеры оценки выводов экспертиз, опровержения доводов стороны защиты с использованием заключений экспертов.

Ключевые слова: доказывание по уголовным делам, судебные экономические экспертизы, объективность выводов эксперта.

Согласно данным статистики в 2015 году общее количество учтенных преступлений экономической направленности составило более 112 тыс., что достигает почти 5 процентов от всех зарегистрированных преступлений [1]. Традиционно к преступлениям экономической направленности относятся мошенничество, присвоение и растрата, незаконное предпринимательство и банковская деятельность, криминальные банкротства, налоговые преступления и другие. Ущерб от данных преступлений превысил 271,4 млрд. руб., его размер значительно больше ущерба от всех иных совершенных преступлений вместе взятых [1]. По некоторым оценкам, выявленное количество преступлений в сфере экономики составляет не более трети от действительно совершаемых уголовно наказуемых деяний [2], соответственно реальный размер ущерба многократно превышает официальные данные. Таким образом, экономическая преступность наносит колоссальный вред как гражданам, субъектам предпринимательства, так и государству. В связи с чем, вопросы противодействия данному виду преступлений всегда являлись приоритетной задачей государства, в частности органов прокуратуры.

Окончательное решение по указанной категории дел о признании деяния преступлением и ответственности за содеянное принимает суд в результате рассмотрения позиций стороны обвинения и защиты, имеющихся доказательств. Таким образом, в том числе и от активной позиции и профессионализма следователя, государственного обвинителя (прокурора) зависит конечный результат – принятие законного, обоснованного, справедливого (мотивированного) решения. Значительная часть послания Президента России Федеральному Собранию РФ в 2015 году была уделена вопросам борьбы с экономическими преступлениями, недопустимости необоснованного вмешательства в законную предпринимательскую деятельность [3]. В связи с чем доказательства и процедура их получения по делам об экономических преступлениях (так же и по другим категориям дел) не должны вызывать сомнений в их достоверности и законности. Доказывание по данным делам имеет определенные особенности, которые должны учитываться при формировании доказательств, осуществлении надзора, поддержании обвинения.

Деятельность по противодействию экономической преступности (расследование, поддержание обвинения, судопроизводство), основой которой является доказывание, лежит в области юриспруденции. Сфера производства, обмена и распределения продукции, работ, услуг (иначе среда), где совершаются экономические преступления, функционирует по экономическим законам (производство, учет и контроль, налогообложение, денежные расчеты, др.). Т.о. прокурору (гособвинителю), иным субъектам доказывания невозможно обойтись без знаний сущности экономических законов, категорий и главное понимания

изменений экономической материи (информации), возникших в результате преступного воздействия, которые будучи обличенным в доказательственную форму служат единственным средством доказывания. Такие знания, лежащие за пределами юриспруденции, принято называть специальными, в настоящем случае – *специальные экономические знания*. Практически ни одно расследуемое дело экономической направленности не обходится без привлечения лиц, обладающих специальными знаниями в области экономики (ревизоры, специалисты, эксперты и др.). Т.о. следователь, прокурор (гособвинитель), суд, иные участники должны обладать знаниями и навыками по оценке относимости, допустимости, достоверности результатов уже имеющихся экономических исследований (экспертиз), прокурор, сторона защиты должны уметь обосновать свою позицию о целесообразности (нецелесообразности) назначения судом первичных, дополнительных, повторных специальных экономических исследований (экспертиз), участвовать в формулировке вопросов эксперту, его допросе. О теоретических и практических вопросах использования судебных экономических экспертиз в решении задач уголовного судопроизводства, ее отличии от иных исследований пойдет речь в настоящей статье.

О роли и значении специальных знаний в решении задач уголовного судопроизводства еще в 1913 г. недвусмысленно высказался эксперт-бухгалтер С.Ф. Иванов, по его мнению, эксперт – «это, нередко, единственный ключ в руках правосудия к раскрытию хитросплетенного преступления... в царстве «Дебета и Кредита»» [4].

Заключение эксперта, результаты иных специальных экономических исследований выступают как доказательства. Стоит отметить, что как доказательства необходимо расценивать не только исследования, проводимые целенаправленно по инициативе правоохранительных органов, но и осуществленные в процессе текущей хозяйственной и (или) контрольной деятельности (инвентаризации, камеральные и др. проверки) и установившие несоответствия, указывающие на признаки преступления. При этом только обоснованные заключения являются средством установления объективной истины.

Необходимо отличать экспертизу от иных исследований. Помимо судебных экономических экспертиз по делам данной категории проводятся ревизии, иные экономические исследования (аудиторская, налоговая проверка, др.). В связи с этим необходимо определять ситуации, требующие производства ревизии (иных экономических исследований) или экспертизы.

Ревизии (иные экономические исследования), проводимые по инициативе правоохранительных органов, всегда имеют целевую направленность – сбор материалов, свидетельствующих о совершении (несовершении) преступления. Сущность такой ревизии

(иного исследования, за исключением экспертизы) заключается в первичном документальном подтверждении наличия (отсутствия) признаков преступления в результате исследования ревизором (другим специалистом) по заданию инициатора различных источников экономической информации. При этом ревизору инициатором проведения проверки дается задание. Ревизор в основном сам определяет объекты (источники информации) проверки. Методами ревизии могут быть сплошная или выборочная документальная, а также фактическая проверки.

Экспертиза в отличие от ревизии первичным экономическим исследованием, как правило, не является, назначается при необходимости уже после проведения иных – первичных специальных экономических исследований (ревизия, аудит, налоговая проверка, др.) [5]. В проведении экспертизы возникает необходимость с целью получения нового доказательства путем исследования уже установленных фактов, устранения противоречий между имеющимися доказательствами, иных случаях. Например, при обоснованном несогласии обвиняемого с размером ущерба, установленного ревизией и (или) инвентаризацией, оспаривании акта проверки, проведенного налоговым органом, наличии противоречий в имеющихся заключениях экспертов, выявленных в ходе судебного разбирательства, др. В случае отсутствия обоснованных возражений, например, по акту инвентаризации, ревизии, установивших размер ущерба, необходимость в проведении экспертизы может не возникнуть.

Судебная экспертиза – процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

В соответствии с Приказом МВД РФ от 29.06.2005 г. № 511 существуют следующие виды судебных экономических экспертиз:

1. бухгалтерская, направлена на исследование содержания записей бухгалтерского учета (назначается по делам о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 159, 160 УК РФ и др.);
2. финансово-аналитическая, ее задачей является исследование финансового состояния (ст. ст. 195-197, 201 УК РФ и др.);
3. налоговая, в рамках которой осуществляется исследование исполнения обязательств по исчислению налогов и сборов (ст. ст. 198-199.2 УК РФ и др.);
4. финансово-кредитная, назначается при исследовании вопросов соблюдения принципов кредитования (ст. ст. 159, 176, 201 УК РФ и др.) [6].

Схожая классификация (в основу деления положены объекты исследования) приведена в приказе Минюста России [7].

Сущность любой экспертизы, в т.ч. судебной экономической заключается в актуализации следовой информации (т.е. перевод в доступный для восприятия следователем, прокурором, судом вид, поскольку содержащиеся в экономической среде изменения, указывающие на совершение преступления, не всегда доступны для восприятия лицом, не обладающим специальными знаниями в области экономики), познании событий, фактов, зафиксированных в различных носителях экономической информации.

Рассмотрим общие особенности назначения и использования в доказывании результатов судебных экономических экспертиз, учет которых будет способствовать достижению наибольшей объективности ее результатов. С необходимостью назначения экспертизы помимо следователя может столкнуться и гособвинитель, например, при поддержании обвинения в суде первой (апелляционной) инстанции.

Во-первых, объективность выводов эксперта обеспечивается *предоставлением объектов исследования в полном объеме.*

Объем материалов, необходимых для проведения судебных экономических экспертиз, зависит от специфики уголовного дела. Могут предоставляться: первичные документы (счета фактуры, накладные, др.), акт ревизии, инвентаризационные описи, объяснения и допросы материально-ответственных лиц, отчетность, подложные документы и записи, используемые для сокрытия хищений, «черновые записи», двойная бухгалтерия, в т.ч. и на электронных носителях.

В ряде случаев с целью объективности результатов экспертизы необходимо предоставлять данные, подтверждающие достоверность фактов, операций, отраженных в документах, предоставляемых эксперту, сведения о действительной рыночной стоимости активов, указанных в документальных данных, кому в действительности принадлежит подпись, сделанная в документе. Это обусловлено тем, что в случае несоответствия документальных данных фактическим обстоятельствам выводы эксперта могут быть недостоверными. Например, согласно выводам судебной финансово-аналитической экспертизы, финансовые показатели организации в рассматриваемый период деятельности подсудимой П. имели тенденцию к ухудшению. Адвокат высказал сомнения в обоснованности выводов финансово-аналитической экспертизы, указав, что бухгалтерская отчетность является недостоверной. В связи с чем, целесообразно при назначении данного вида экспертиз помимо финансовой отчетности предоставлять в распоряжение эксперта

заклучения аудиторов, акты налоговой проверки, непосредственно саму отчетность истребовать из налоговых органов.

Во-вторых, экспертизы должны назначаться своевременно. Проведение экспертизы – длительное следственное действие, в связи с этим она должна назначаться незамедлительно при возникновении необходимости.

В-третьих, эксперт при производстве экспертизы руководствуется поставленными вопросами, т.о. грамотная постановка вопросов является важнейшей составляющей. Содержание вопросов зависит от специфики каждого расследуемого дела:

- вопросы не должны выходить за пределы компетенции эксперта. Недопустимо ставить вопросы, для разрешения которых требуются ревизионные действия (т.е. исследование экономической информации с целью первичного документального подтверждения наличия признаков преступления) или вопросы, касающиеся субъективной стороны преступления;

- перед экспертом-экономистом можно ставить только такие вопросы, для разрешения которых требуются специализированные судебно-бухгалтерские или экономические исследования (нет необходимости в экспертизе для выполнения несложных арифметических расчетов). Например, по делу о вымогательстве была назначена судебно-бухгалтерская экспертиза с целью подтверждения факта перечисления денег со счета одной организации на счет другой. Как усматривается, специализированных исследований для ответа на поставленный вопрос не требуется, достаточно приобщения к материалам дела банковских документов о проведенном расчете;

- важно избегать множественности и повторения вопросов. Чтобы охватить все обстоятельства дела, относящиеся к предмету экспертизы, достаточно поставить несколько узловых вопросов. Например, если обвиняемый оспаривает выводы ревизии о фиктивности десяти расходных операций и поэтому не соглашается с суммой ущерба, определенной ревизором, на разрешение эксперта достаточно поставить один вопрос об обоснованности выводов ревизии о сумме материального ущерба (недостачи).

- нельзя оставлять без внимания обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии с ч. 2 ст. 73 УПК РФ (выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений). В связи с чем, перед экспертом могут быть поставлены вопросы, в частности, связанные с установлением нарушений требований учета и контроля, ставших условиями, облегчающими образование недостач (неучтенных излишков), лиц ответственных за указанные нарушения, др. Например, главный бухгалтер Т., совмещавшая функции кассира, в течение полугода совершала хищения. За этот период времени организацией инвентаризации,

как при устройстве Т. на указанную должность, так и при ее уходе в отпуск не проводились [8], вопреки требованиям ст. 11 Федерального закона "О бухгалтерском учете" [9], п. 22 Приказа Минфина РФ от 28.12.2001 N 119н [10], предусматривающих обязательное проведение инвентаризации при смене материально-ответственных лиц. Кроме этого, непроведение инвентаризации при устройстве на работу (увольнении) позволяет обвиняемому материально-ответственному лицу выдвинуть трудно опровергаемую версию о том, что хищения были совершены до его трудоустройства (после увольнения). Оставление без внимания указанных обстоятельств будет способствовать совершению новых преступлений, наносить ущерб гражданам, обществу и государству.

В-четвертых, предварительные консультации следователя, государственного обвинителя с экспертом (специалистом). Данные консультации могут касаться постановки вопросов, определения перечня необходимых для производства экспертизы объектов, др.

Актуальным является вопрос *оценки заключения эксперта.* Заключение эксперта как уже имеющееся, так и полученное в ходе судебного разбирательства следователь, прокурор (гособвинитель), другие участники судопроизводства анализируют:

1. с точки зрения доброкачественности, выясняется:

- получены ли ответы на все вопросы, если ответы на какие-либо вопросы не сформулированы, должна содержаться мотивировка, которую также следует проверить;

- применены ли экспертом все необходимые в данной ситуации приемы проверки документальных данных;

- не имеется ли в заключении противоречий между содержанием исследования и выводами;

- наличие необходимой квалификации эксперта, лицензий, др.

Например, по уголовному делу по факту мошенничества имелось два противоположных заключения экспертов. По данным одного, проведенного экспертом Мариновым, ИП П. (обвиняемый в мошенничестве) имел непогашенную задолженность перед потерпевшим (ЗАО «РИКО») в сумме 97994,76 руб., согласно другого, проведенного экспертом Маленьких наоборот ЗАО «РИКО» имело непогашенную задолженность перед ИП П. в сумме 612908,15 руб. Экспертиза, проведенная экспертом Мариновым обоснованно была признана судом допустимым доказательством, поскольку он использовал документы, предоставленные не только П., но и документы, предоставленные судом по запросам из Пермского центра независимых экспертиз, ЗАО «РИКО». При этом эксперт произвел подробный расчет и обосновал сумму не возмещенного П. ущерба. В заключении эксперта

Маленьких расчеты и обоснование выводов не представлены, и при этом использовались не все документы, поэтому суд критически отнесся к данному заключению [11];

2. с точки зрения доказательственного значения полученных данных. При оценке доказательственного значения результаты экспертного заключения сопоставляются с другими доказательствами по делу, выясняется, противоречат или наоборот подтверждают имеющиеся доказательства, возможно в какой-то части дополняют ранее установленные данные, решается вопрос о целесообразности выполнения дополнительных следственных действий. Например, руководитель МУП обвинялась по ст. 201 УК РФ в том, что сдала в аренду активы МУП своему родственнику (ИП Б.) по заведомо заниженной цене, при этом сам МУП, ранее самостоятельно используя указанные активы, получал большую выручку, нежели выручку от их сдачи в аренду ИП Б., при этом затраты МУП по содержанию указанных активов практически не изменились. О том, что был причинен ущерб, сторона защиты отрицала, утверждая, что освобождение якобы от непрофильных активов было выгодно. Сопоставляя абсолютно разные доказательства, было установлено, что они свидетельствуют об убыточности сделок аренды. Согласно судебной финансово-аналитической экспертизе и заключению специалиста № 138 /2014 года, не смотря на то, что это абсолютно разные по методам и объектам исследования, их выводы практически совпадали: 2,294 млн. руб. составил рассчитанный специалистом ущерб (по первичным документам сравнили выручку МУП от самостоятельного использования активов с размером арендных платежей, поступивших от ИП Б.) и 1,928 млн. руб. уменьшение чистых активов предприятия согласно заключению финансово-аналитической экспертизы (в период действия заведомо невыгодных договоров). В т.ч. указанное обстоятельство было отмечено государственным обвинителем, судами первой и апелляционной инстанции при постановке обвинительного приговора, опровержении доводов защиты [12].

По-мнению авторов статьи, учет указанных особенностей назначения и использования в доказывании результатов судебных экономических экспертиз может способствовать обеспечению объективности выводов эксперта и соответственно решению основной задачи судопроизводства – принятию законного, обоснованного, справедливого (мотивированного) решения по каждому делу.

Список литературы:

1. Состояние преступности в России в 2015 году. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mvd.ru./upload/site1/document_file/sb_1512.pdf (дата обращения: 15.02.2016)

2. Криминология: Учебник / Под ред. В.Д. Малкова — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юстицинформ, 2006. — С. 275
3. Обращение Владимира Путина к Федеральному собранию. – Сайт: <http://rg.ru/2015/12/03/stenogramma.html> (дата обращения 20.02.2016)
4. Иванов С.Ф. Бухгалтерская экспертиза в судебном процессе: Пособие для юристов и бухгалтеров-экспертов. – С.-Петербург: Коммерческая литература. – 1913. – С.1
5. Шадрин В.В. Основы бухгалтерского учета и судебно-бухгалтерской экспертизы: Учебник. – М.: Юрист, 2000 – С. 380
6. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД РФ от 29.06.2005 N 511 // Российская газета. – 2005. - N 191
7. Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России: Приказ Минюста РФ от 27.12.2012 N 237// Российская газета. – 2013. - N 24
8. Апелляционное определение Пермского краевого суда по делу № 22-2458-2015. – Сайт: <http://oblsud.perm.sudrf.ru> (дата обращения 20.02.2016)
9. Федеральный закон от 06.12.2011 N 402-ФЗ "О бухгалтерском учете" // Российская газета. – 2011. - N 278
10. Приказ Минфина РФ от 28.12.2001 N 119н (ред. от 24.12.2010)"Об утверждении Методических указаний по бухгалтерскому учету материально-производственных запасов" // Российская газета. – 2002. - N 36
11. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Пермского краевого суда от 07.08.2012 года № 22-6062/2012, которым приговор Горнозаводского районного суда Пермского края от 28.05.2012 года по ч. 1 ст. 159 УК РФ в отношении П. оставлен без изменения.
12. Апелляционное определение Пермского краевого суда по делу № 22-5697-2014. – Сайт: <http://oblsud.perm.sudrf.ru> (дата обращения 20.02.2016)

The use of forensic economic expert examinations in the averment on criminal cases

V.V. Epishin, A. A. Nazarov

Prosecutor's office of Perm Krai

The article is devoted to the problem of use in proving forensic economic examinations. The study used the dialectical method, the integrated, systemic analysis, complex sociological methods (analysis of legal sources, statistics and judicial practice). Describes the main types of existing forensic economic expertise: accounting, financial analysis, tax, financial and credit. The authors list a number of factors affecting the objectivity of conclusions of the expert. These include: the completeness of the objects of study, the wording of the questions and others. In conclusion, the article offers recommendations for optimizing the use of forensic economic expert examinations in the averment on criminal cases. Practical examples of the evaluation of the results of the examination and refutation of the arguments of the defence by using expert judgements.

Keywords: proof in criminal cases, judicial-economic expert estimates, the objectivity of conclusions of the expert.

ИНВАРИАНТЫ РЕЧЕВОГО СИГНАЛА И ОБЕРТОНА ГОЛОСА

В.Р. Женило

Московский государственный лингвистический университет

Zhenilo@yandex.ru

Статья посвящена проблеме извлечения инвариантных компонентов речевых сигналов. Показывается, что вариативность речевых сигналов в реальных акустических условиях весьма велика. Приводится рабочее определение понятия информации вообще. Передавать информацию с помощью звука можно лишь с помощью инвариантных структур речевого сигнала. Инвариантными структурными элементами речевых сигналов являются гармонические компоненты. Часть таких инвариантных структурных элементов речевых сигналов формируются непосредственно в самом речевом аппарате человека, а часть – в его слуховой системе. Экспериментально показано – слуховая система человека наиболее чувствительна к изменениям именно инвариантных компонентов речевых сигналов. Рассматриваются вопросы формирования обертонов голоса в речи.

Ключевые слова: информация, структура, инвариант, гармоника, частота, резонанс, обертон, чувствительность, спектр, сонограмма.

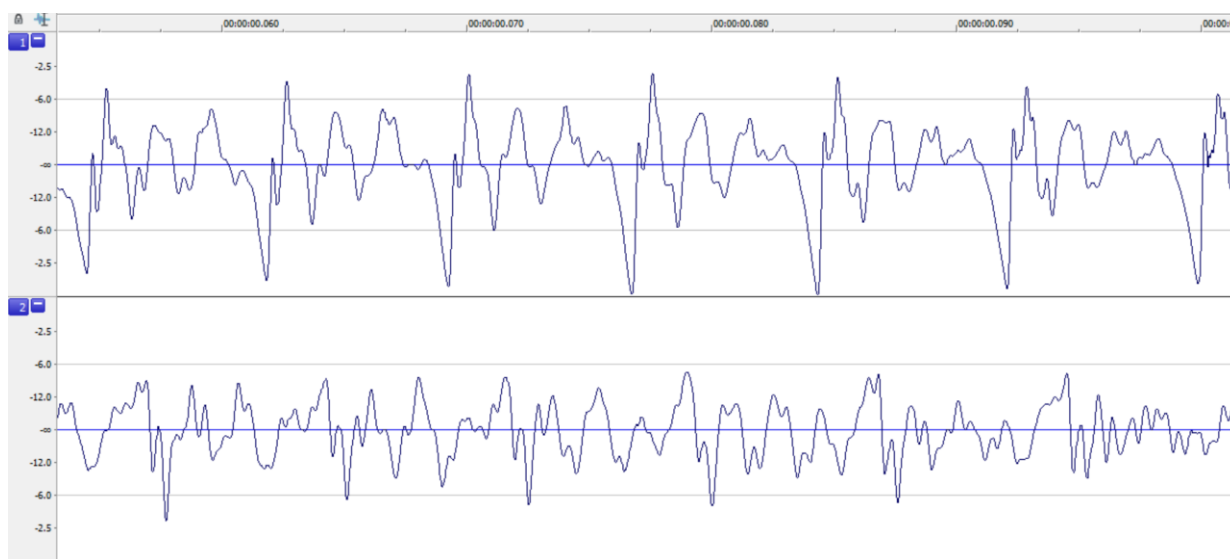
В реальных земных условиях речевые сигналы (и все звуковые сигналы вообще) весьма вариативны из-за множественных отражений и суммирований исходного речевого сигнала с самим собой. И чем больше отражающих поверхностей, пусть даже и самых маленьких, как, например, листва в лесу, тем значительнее продуцируемый речевой сигнал меняется и в весьма значительной мере. Так, например, на рис. 1 показаны две

осциллограммы одного и того же исходного речевого сигнала, но записанного с помощью двух микрофонов. Один микрофон расположен у губ говорящего на расстоянии 10-ти сантиметров (верхняя часть картинki) и второй - на расстоянии полуметра (нижняя часть картинki). Поэтому, например, если в аудитории публика слушает лектора, то осциллограмма речевого сигнала лектора в каждом ухе слушателя отличается от этого же речевого сигнала в другом ухе.

Глядя на обе осциллограммы на рисунке 1, очень трудно представить себе – а как же выглядит сам голосовой импульс. В старых научных работах прошлого века, посвящённых восстановлению голосового импульса из итогового речевого сигнала, можно найти разные временные графики голосовых импульсов. Но в большинстве случаев на этих графиках даже не обозначались единицы описания голосового импульса по вертикальной оси ординат.

Забегая вперёд, отметим, что в этой статье не приводятся рекомендации по реставрации формы голосового импульса из заданного речевого сигнала. А основное внимание уделяется возможной визуализации спектральной информации о форме голосового импульса.

Рис. 1. Один и тот же речевой сигнал, записанный с двух разных микрофонов.

Информация – это первичное понятие, не имеющее определения. Об этом хорошо и подробно отмечается в «Математическом энциклопедическом словаре» [1, 245]. Однако в этом же издании имеется «Словарь школьной информатики», в котором говорится: «Информация – ... одна из исходных общенаучных категорий, отражающая структуру материи и способы её познания, несводимая к другим, более простым понятиям» [1, 821].

Такое сближение понятий «структура» и «информация» оказывается настолько продуктивным для дальнейшего обсуждения свойств звуковых волн вообще и речевых сигналов в частности, что во всей статье ниже будет принято рабочее «определение»: Информация – это структура.

Если полагать, что структура речевого сигнала это и есть информация, то начинающему исследователю непонятно – как же тогда каждый слушатель слышит одни и те же слова, что и его соседи-слушатели, если осциллограммы речевых сигналов, которые они воспринимают на слух, разные по форме. Погрузившись в проблемы, становится ясно, что в речевом сигнале есть какие-то инварианты, позволяющие передавать и доводить информацию до каждого слушателя в неизменном виде. Вполне очевидно, что передавать информацию можно лишь с помощью каких-то неизменных – инвариантных – структур, а осциллограмма (волна) речевого сигнала таковой не является (по внешнему виду).

Известно, что основными инвариантными компонентами речевых сигналов являются его гармонические составляющие (если они есть). А именно, в сложных (по существу и по описанию) волновых процессах в природе существует лишь одна форма сигнала, которая сохраняет в себе некоторые характеристики в абсолютно неизменном виде. Это сигналы гармонического типа $h(t)$:

$$h(t)=A\cdot\cos(2\pi Ft+u),$$

где: $\cos()$ – функция косинуса; A , F и u – амплитуда, частота и начальная фаза гармонического колебания.

Где бы ни продуцировался и как бы ни распространялся сигнал гармонического типа, отражаясь от разных поверхностей и снова складываясь со всеми своими отражениями, в реальных земных условиях у него всегда остаётся неизменной, во-первых, характерная форма этой волны, а именно, - форма тригонометрической функции синуса (косинуса). Эту инвариантную характеристику можно отнести к разряду качественной. Но существует и количественная инвариантная характеристика (показатель), которая не меняется ни на йоту. Это – частота сигнала гармонического типа. Этот один из инвариантов волновых процессов, который можно было бы назвать пятым законом сохранения в природе, если бы он сам не следовал из законов сохранения энергии и импульса.

Точнее, если источник звука долго продуцирует сигнал гармонического типа, то при неподвижности отражающих поверхностей сумма всех отражений этого гармонического сигнала с исходным сигналом даёт тот же самый сигнал гармонического типа. При этом амплитуда итогового гармонического сигнала может варьироваться от одной точки пространства к другой. А значение параметра – фаза – меняется весьма значительно. Поэтому хорошо известен факт, что наше слуховое восприятие не воспринимает вариации значения

фазы, но хорошо воспринимает вариации амплитуды. Однако лучше всего наш слух воспринимает вариации частоты гармоник.

Эксперименты, приведённые студентами МГЛУ (Лямина К.П., Галькевич А. Е., Дряхлова М.И.), показали, что средняя пороговая чувствительность нашего слуха к амплитудным модуляциям сигналов гармонического типа составляет менее одного децибела. А чувствительность к частотной модуляции составляет величину порядка 10 музыкальных центов (или порядка десятых долей музыкального полутона). В перерасчёте не на слуховые единицы измерения, а на физические значения порогов чувствительности слуха к модуляциям сигналов гармонического типа получается, что наш слух на порядок лучше воспринимает частотную модуляцию, чем амплитудную. И это естественно, поскольку частота сигнала гармонического типа инвариантна к множественным отражениям, а амплитуда и, тем более, фаза – нет. В таблице 1 проведены усреднённые значения нижних пороговых величин модуляций, которые ещё воспринимает наше ухо.

Таблица 1. Нижние пороговые средние значения чувствительности слуха к модуляциям сигналов гармонического типа.

Частота гармоник (в герцах)	Амплитудная модуляция (в децибелах)	Частотная модуляция (в полутонах)	Амплитудная модуляция (в процентах)	Частотная модуляция (в процентах)
125	1.8 ± 1.0	1.9 ± 9.1	23 ± 12	6 ± 26
500	± 0.8	0.5 ± 0.8	12 ± 10	1.4 ± 2.3
2000	0.8 ± 0.7	0.2 ± 0.3	10 ± 8	0.6 ± 0.9
8000	0.7 ± 0.5	0.3 ± 0.3	8 ± 6	0.9 ± 0.9

Последние два столбца таблицы хорошо иллюстрируют тот факт, что с физической точки зрения наша слуховая система лучше всего ощущает изменения (вариации) частоты сигнала гармонического типа, и на порядок хуже - модуляции амплитуды гармоник.

Приведённые результаты экспериментов иллюстрируют – как хорошо в результате эволюции наш слух «заострился» на восприятие инвариантных показателей сигналов – лучше всего. И хуже - воспринимает степени вариации неинвариантных показателей.

Приведённые факты объясняют – почему опытные фоноскописты (речевики или эксперты криминалисты) практически никогда не исследуют форму волны речевого сигнала (осциллограмму), несмотря на то, что она является первичной. А сразу же переходят к сонограммам, в которых отражается инвариантная структура (информация) динамики частот гармонических компонентов речевых сигналов. Например, на рис. 2 показаны осциллограммы и сонограммы в одной и той же точке времени одного и того же исходного речевого сигнала, но прошедшего разные электроакустические звенья передачи речевого сигнала.

Рассматривая вопрос свойств голосовых импульсов, мы тоже будем использовать сонограммы (динамические спектрограммы) высокого качества, на которых видны основные информационные свойства голосовых импульсов.

Примерно 200 лет назад гениальный изобретатель – француз Жан Батист Жозеф Фурье – предложил раскладывать любую, даже не обязательно аналитически заданную функцию (например, заданную в табличной форме, как речевые сигналы в памяти компьютера) на множество составляющих гармонических функций. И, несмотря на то, что изначально это потребовалось Фурье для описания и расчёта движения тепловых волн в твёрдых предметах для выбора лучших форм стволов пушек для армии Наполеона, сейчас эта технология активно применяется в большом числе научных исследований и, в частности, исследованиях речевых сигналов. Этому изобретению обязаны своим существованием и развитием все современные акустические исследования и достижения в области изучения свойств речевых сигналов и их обработки.

Рис. 2. Один и тот же речевой сигнал (слева - оригинал), подвергшийся дифференцированию (посредине) и испытавший резонирующий эффект (справа).

К сожалению, во многих даже научных книгах можно встретить утверждение, что ряды Фурье можно использовать только для математического модельного описания сигналов периодического типа. Но это не так. Теорема Фурье утверждает, что любую, пусть даже совершенно непериодическую функцию, можно разложить на выбранном временном отрезке в ряд Фурье. Другими словами, вместо сложного исследуемого речевого сигнала можно исследовать его адекватную модель, состоящую только из модельных гармонических функций. А это намного проще и продуктивнее. Это принципиально важное свойство рядов Фурье, позволяющего изучать вместо весьма вариативного в реальных земных условиях

речевого сигнала его модель, состоящую из инвариантных элементов – гармонических компонентов речевых сигналов.

Поэтому вместо того, чтобы говорить о том, когда можно или нельзя применять ряды Фурье, следует чётко представлять, когда и где модельное описание звуковых сигналов с помощью инвариантных гармонических компонентов является адекватным, а когда - нет. Вкратце можно сказать так - ряды Фурье:

- всегда абсолютно точно (адекватно) описывают любые звуковые сигналы внутри выбранного временного кадра заданной длительности;

- всегда адекватно описывают периодические сигналы внутри кадра и вне его в том лишь случае, если во временной кадр модельного описания сигнала попадает целое число периодов исследуемого звукового сигнала (музыкального звука, звонкого звук речи и т.п.);

- всегда адекватно модельно описывает взрывные и фрикативные звуки внутри выбранного временного кадра, который дополняется нулями, при увеличении длительности временного кадра до бесконечности.

Построить адекватные модельные ряды Фурье в реальных условиях спектрального анализа звукового сигнала практически невозможно. Так, например, если необходимо определить частоту основного тона голоса в речи (эта частота обратна величине периода речевого сигнала), то надо точно знать период тонального участка речевого сигнала. А его-то, по сути, и требуется найти. Или, если требуется найти спектральный состав взрывного звука, то необходимо знать его границы, что тоже не известно заранее.

На помощь приходит технология вырезания кадров речевого сигнала с помощью, так называемых, оконных или взвешивающих функций. И здесь начинает работать принцип неопределённости Гейзенберга. Эмпирически доказано [2], что лучшим окном для спектрального анализа сигналов гармонического типа является окно Гаусса. А Чуи теоретически доказал [3], что в информационном смысле лучшим окном для спектрального анализа любых сигналов является окно Гаусса.

Продуцируемые и воспринимаемые инварианты. Единственные сигналы гармонического типа, которые мы реально продуцируем в речи – это свободно затухающие сигналы гармонического типа, возникающие в речевом тракте при его возбуждении каждым голосовым импульсом в отдельности. Правда, эти сигналы гармонического типа настолько коротки по времени, что в низких мужских голосах они практически полностью затухают ещё до очередного хлопка голосовых складок. В то время как в бокалах и колоколах аналогичные свободно затухающие колебания длятся секундами, а в больших колоколах минуту и более.

Стремление как можно точнее показать треки резонансных частот речевого тракта привели к тому, что помимо них самих на сонограмме стали хорошо видны ещё и другие загадочные следы гармонических компонентов речевых сигналов. И, что удивительно, следы этих гармонических компонент на сонограмме движутся не в ту же сторону, что частоты формант (частоты свободно затухающих гармонических колебаний воздушного столба в речевом тракте), а движутся в обратную – противоположную сторону. То есть, следы этих гармонических компонент возникают не после «хлопка» голосовых складок, а предшествуют самому «хлопку». Эти явления показаны на рис. 3 в самом низу сонограммы. Профессор В.Н.Сорокин [4] показал, что это не следы каких-то гармонических свободных колебаний, а это след сложной формы голосового импульса, возбуждающего воздушный столб речевого тракта. И этот след точнее было бы называть не свободным, а вынужденным колебанием голосового импульса, который имеет сложную форму. Модель формы голосовых импульсов, предложенная Ananthpadbanabha в 1984 году [5] показана на рис. 4. На этом же рисунке показана широкополосная сонограмма модельных голосовых импульсов.

Рассматривая вопрос, какие сигналы гармонического типа продуцирует человек, когда он говорит или поёт, выясняется, что таковыми являются только лишь свободно затухающие колебания воздушного столба речевого тракта. С этим обычно не соглашались те, кто привык считать, что - при фонации гласных звуков речи или при пении - голосовые складки «генерируют» ряд сигналов гармонического типа, называемых обертонами голоса, которые отстоят одинаково друг от друга на равном расстоянии по частоте. Но в действительности голосовой импульс с его формой не содержит и не продуцирует какие-либо сигналы гармонического типа, за исключением свободно затухающих колебаний (формант) воздушного столба речевого тракта, которые являются свойством речевого тракта, а не голоса. Откуда же тогда берутся обертоны, которые мы так или иначе ощущаем или которые чётко визуализируются с помощью узкополосных сонограмм (рис. 2)? К тому же, как доказано теоретически и экспериментально, - если искусственно синтезировать ряд сигналов гармонического типа, частоты которых равны соответствующим частотам основного тона голоса и всем расчётным обертонам, то практически нет никакой разницы между реальным звучанием голоса (в речи или в пении) и модельно синтезированным голосом.

Рис. 3. Фрагмент реального речевого сигнала с хорошо выраженными следами хлопков голосовых складок.

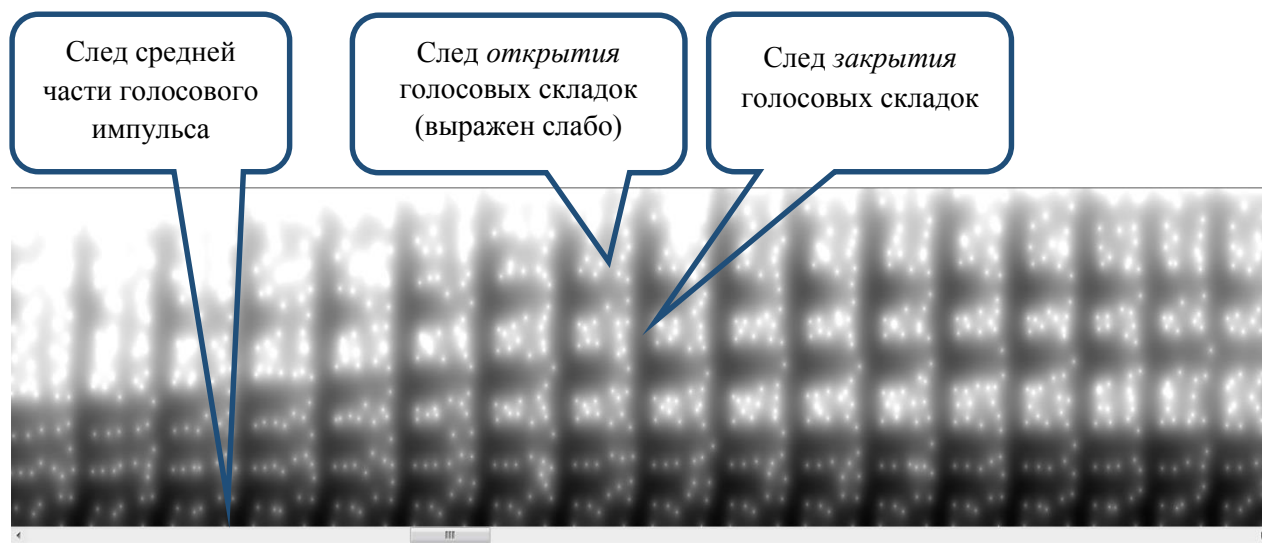
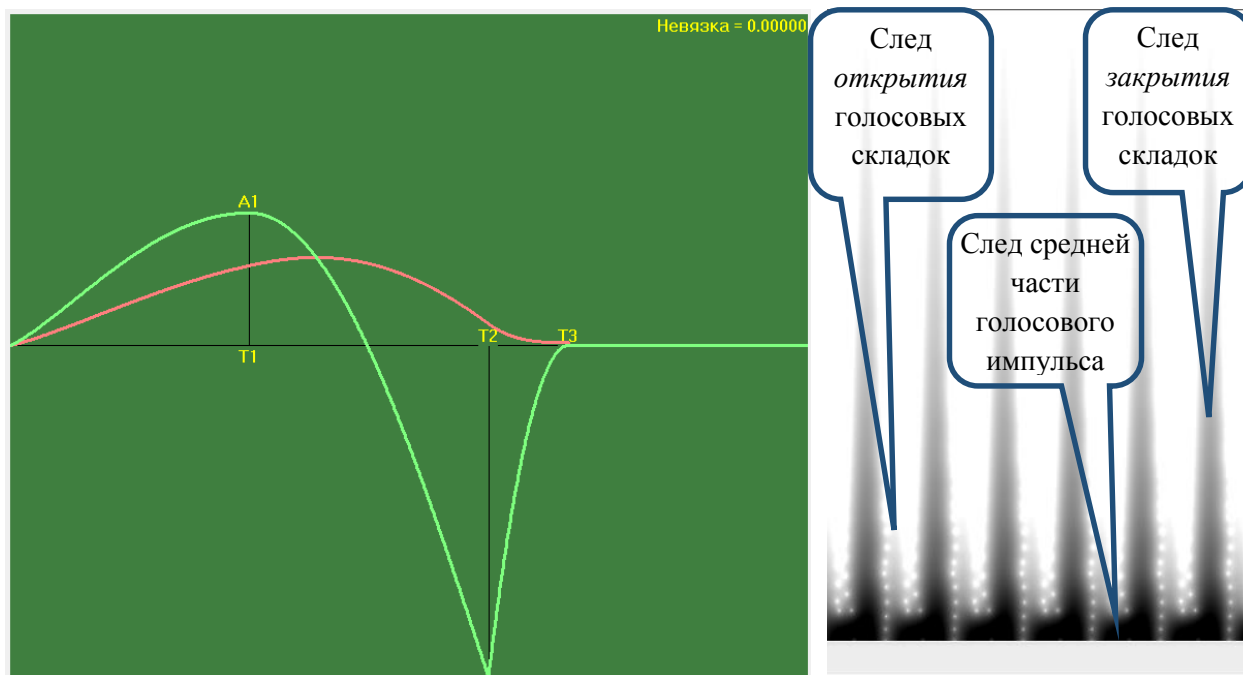

Рис. 4. Модельная форма голосового импульса (Ananthpadbanabha [6]) – слева и сонограмма этих импульсов – справа.

Ответ на этот древний вопрос выглядит так – обертона голоса «поштучно не продуцируются» и не образуются голосовыми складками, а образуются в слуховых системах восприятия звуков и в спектроанализаторах. Понимание этого явления хорошо описал Фурье. Он доказал - когда возникает необходимость описания поведения сложной структуры волн разной природы, то не обязательно чётко описывать (предсказывать) движения самой волны, форма которой очень изменчива и трудно описывается. А достаточно сначала математически

представить исходную волну в виде суммы отдельных сигналов гармонического типа, а затем рассматривать распространения каждой гармонической компоненты в отдельности, что - проще. Сделать это теоретически реально можно. А дальше - рассматривать распространение совокупности волн гармонического типа, теоретическая модель распространения которых хорошо известна, чем описывать поведение изначальной волны произвольной формы.

Таким образом, сначала надо исходную речевую волну у источника её образования (у губ) разложить на совокупность сигналов гармонического типа. И затем рассмотреть - как будет распространяться каждая гармоника в отдельности (учитывая, что она никогда не изменяет свою форму, и значение её частоты остаётся инвариантной). В итоге - в точке приёма (прослушания) звуковой волны - снова сложить все модельные гармонические компоненты и получить итоговый сигнал. Полученный сигнал будет равен реальному речевому сигналу, претерпевшему все те преобразования, которые возникают при всём множестве отражений и суммирований речевого сигнала с самим собой в реальных акустических условиях. Без такого разложения речевого сигнала на отдельные модельные сигналы гармонического типа описать (предсказать) распространение речевой волны в реальных земных условиях очень сложно, а порой и практически невозможно. Описанная технологическая модель позволяет это сделать теоретически. И это фундаментальное свойство речевых волн, видимо, успешно используется всеми живыми интеллектуальными системами.

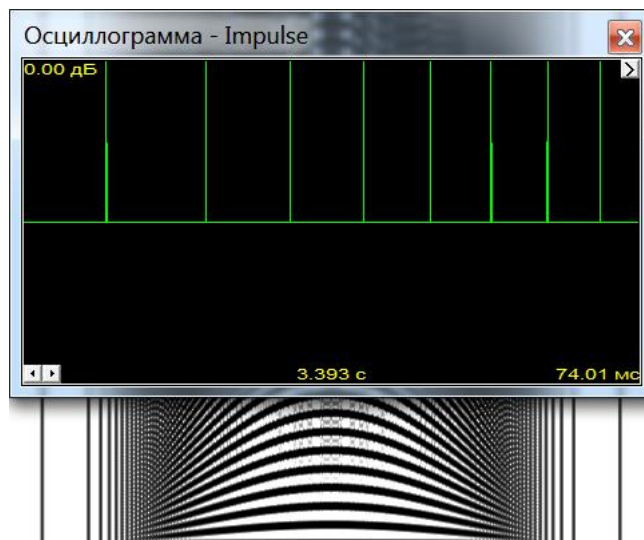
Поясним это на следующем примере. На рис. 5 показана сонограмма искусственного сигнала, состоящего из суммы сигналов простейшего импульсного типа (дельта-импульсы), периодичность следования которых друг за другом меняется. На одном участке периодичность следования этих импульсов примерно равна одной секунде (1 Гц), затем плавно нарастает и достигает периодичности, лучше сказать - частоты - 300 Гц. Визуализация типичной компьютерной сонограммы - это в действительности покадровое спектральное описание сигнала. На рис. 5 спектральная информация об одном временном кадре звукового сигнала соответствует одному вертикальному ряду компьютерных пикселей. На том участке, где импульсы следуют очень редко, на сонограмме видны отдельные (изолированные) вертикальные линии. Эти вертикальные линии на сонограмме соответствуют тому временному кадру, в который попал одиночный импульс и ничего более. Иначе говоря, если во временной кадр попадает только один импульс, то его след на сонограмме будет иметь вид изолированной от соседей вертикальной чёрной линии.

А вот те временные кадры, в которые попадает пара и больше смежных импульсов, спектральная форма приобретают вид не отдельных вертикальных линий, а мы видим рисунок

горизонтальных линий, называемый нами рисунком обертонов голоса. Что происходит? Во временной кадр попадает несколько звуковых импульсов. И рядом с кадром - вне его - также располагаются импульсы примерно с таким же периодом их следования. В итоге в этом временном кадре происходит построение адекватной модели Фурье для периодических сигналов, которая визуализируется с учётом принципа неопределённости Гейзенберга в виде следов сигналов гармонического типа, которые и составляют сам ряд Фурье.

Суть срабатывания принципа неопределённости Гейзенберга такова. Внутри кадра возможна только одна адекватная модель разложения периодического сигнала на сумму сигналов гармонического типа с кратными частотами, равными обратной величине периода следования этих импульсов. Идеально визуализировать значения частот этих модельных сигналов гармонического типа нельзя. Нельзя добиться того, чтобы на сонограмме значения частот модельных сигналов гармонического типа выглядели в виде идеально тоненьких линий. В этом суть принципа неопределённости Гейзенберга для сигналов гармонического типа.

Рис. 5. Осциллограмма (вверху) и сонограмма (внизу) частотно модулированных импульсов.

Получается вывод – обертона не продуцируются голосовыми складками «поштучно», а образуются в слуховой системе (в системе спектрального описания сигнала). Но обязательно следует отметить, что первопричиной их образования является факт почти строгой периодичности работы голосовых складок. Если не будет высокой степени периодичности работы голосовых складок, то не будут появляться и обертона голоса. Это явление обнаруживается у тех людей, у которых голосовые связки не могут работать строго

периодически, или, когда голосовые складки удаляются, и человек пробует извлекать гласные звуки речи с помощью ложных голосовых складок, физиология которых не позволяет достичь желаемой периодичности их работы.

Выводы. В статье рассмотрена проблема передачи информации с помощью звуковых волн, которые весьма вариативны в реальных условиях. Информацию же можно передавать только лишь с помощью некоторых инвариантных структур, каковыми могут выступать структуры частот гармонических составляющих речевых сигналов. Некоторые такие инвариантные структуры формируются непосредственно в речевом аппарате человека в виде частот свободно затухающих колебаний воздушного столба речевого тракта. А некоторые - образуются в слуховой системе - это обертона голоса. Экспериментально показано, что слуховая система человека наиболее чувствительна к изменениям именно инвариантных компонентов звука речи. И при невозможности восприятия по-отдельности быстро повторяющихся голосовых импульсов - слух воспринимает часто повторяющуюся последовательность голосовых импульсов как совокупность обертонов голоса, описываемых сигналами гармонического типа. А механизмы диагностики и визуализации реально продуцируемых гармоник и модельно слышимых гармоник одни и те же.

Более подробно вопросы криминалистической фоноскопии рассматриваются в учебном фильме «Введение в фоноскопию» [6].

Список литературы:

1. Математический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1988
2. Женило В.Р.. Компьютерная фоноскопия. М., 1995
3. Чуи К. Введение в вейвлеты. М., 2001
4. Сорокин В.Н. Речевые процессы. М., 2012
5. Ananthapadmanabha T. V. Acoustic analysis of voice source dynamics. STL QPSR. 1984, № 2, 3, 1-24
6. Женило В.Р. Введение в фоноскопию – 2015: Учебный фильм в 10-ти частях// <http://www.youtube.com/user/Zhenilo>

Speech signals invariants and voice overtones

V.R. Zhenilo

Moscow State Linguistic University

The article deals with investigation problems of invariant components of speech signals. Speech signals are variable in real acoustical environments too much. To transfer sound information

it must be used only invariant components of speech signals. Such invariant components are harmonic signal. Some of them are produced in organs of articulation of the person. And another - in a hearing system of person. The natural experiments shows - hearing system of person is most sensitive to varieties of invariant components of speech signals. The questions of voice overtones producing are considered.

Keywords: information, structure, invariant, harmonic, frequency, resonance, overtone, sensitivity, spectrum, sonogram.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ ПО ГОЛОСУ И ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ^ ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

И.М. Жиганова, С.Б. Шавыкина

Приволжский РЦСЭ Минюста России

prcsemurf@gmail.com

Статья посвящена проблеме проведения криминалистической идентификации личности по голосу и звучащей речи в различных случаях, в том числе при производстве экспертиз с большим количеством объектов (фонограмм).

Ключевые слова: криминалистическая идентификация личности по голосу и звучащей речи, идентификационные признаки голоса и звучащей речи.

Одной из задач, которые ставятся на разрешение экспертизы видео и звукозаписей, является криминалистическая идентификация личности по голосу и звучащей речи. При решении данной задачи необходимо исходить из принципов, принятых в криминалистике и судебной экспертизе:

Криминалистическая идентификация — это процесс установления тождества конкретного объекта или личности по совокупности общих и частных признаков путём сравнительного их исследования в целях получения судебных доказательств. Теория идентификации личности является составной частью общей теории судебной идентификации. Отличительная особенность — объектом идентификации является личность, человек. В криминалистике под личностью понимается совокупность социальных и физиологических свойств, присущих конкретному лицу, и отличающих его от всех прочих людей.

Суть криминалистической идентификации человека по голосу и звучащей речи состоит в выделении в процессе решения этой задачи такого устойчивого комплекса признаков, который будет достаточен для установления индивидуальноконкретного тождества голоса и речи, зафиксированными на исходной фонограммах, голосу и речи, представленными на сравнительной фонограмме. То есть речь идет об установлении тождества личности по совокупности общих и частных признаков голоса и звучащей речи.

В криминалистике идентификация имеет разделение исследуемых объектов на идентифицируемые и идентифицирующие. Идентифицируемый (отождествляемый) объект - это такой объект, тождество которого устанавливается. Идентифицирующий (отождествляющий) - объект, с помощью которого устанавливается тождество. Вывод о тождестве объектов всегда базируется на совокупности его идентификационных признаков.

Идентификационный признак - это свойство объекта, удовлетворяющее требованиям, перечисленным ниже.

1. Специфичность признака - признак должен наиболее полно отражать свойства объекта, используемые для идентификации.

2. Выраженность признака - его способность к постоянному стабильному отображению.

3. Относительная устойчивость признака. Критерием относительной устойчивости признака может быть его незначительная изменчивость во времени и пределах идентификационного периода.

Напомним, что при идентификации личности по голосу и звучащей речи проводится комплексное исследование речевого материала, состоящее из аудитивного, лингвистического исследований, а также исследования статистических характеристик частоты основного тона и формантного анализа (так называемого инструментального исследования).

Аудитивная часть идентификационного исследования имеет своей целью установление идентификационных признаков данной группы: тембра; высоты голоса и диапазона её изменения; стиля произношения; темпа речи, интонационной выраженности фраз; длительности пауз и их заполнения; артикуляции; стиля произношения; речевого дыхания; манеры речи; речевой культуры, выразительности речи, словарного запаса, стиля речи с помощью методов слухового исследования материала.

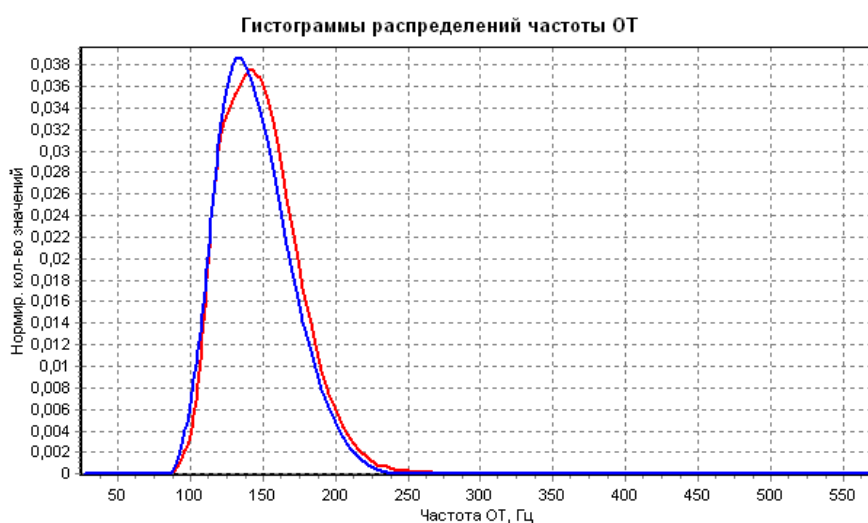
Лингвистическая часть исследования речевого материала проводится с целью выявления имеющихся в речевом материале лингвистических идентификационных признаков. Лингвистическими идентификационными признаками служат особенности реализации единиц устной речи конкретным лицом на разных уровнях: речевой поток – фраза – слово – звук. Делятся на несколько групп: фонетические, синтаксические, лексикосемантические.

Инструментальная часть исследования состоит в исследовании статистических характеристик частоты основного тона и проведении формантного анализа спектральных характеристик речевых сигналов говорящего.

На рис. 1 приводятся результаты сравнения гистограмм распределения частоты основного тона идентифицируемого и идентифицирующего голосов, вычисленных программными средствами.

На рис. 2 приводятся динамические спектрограммы формантных треков идентифицируемых и идентифицирующих речевых сигналов, а также результаты сравнения мгновенных спектров, соответствующих реализации звука [и] на динамических спектрограммах.

Рис. 1.

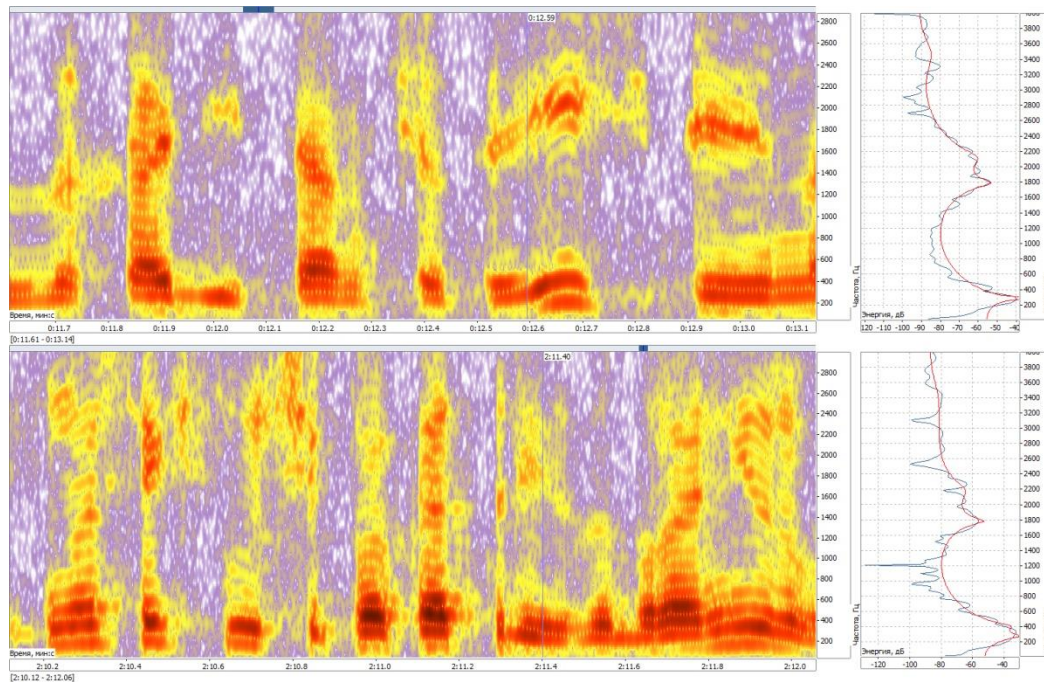

Этапы идентификационного исследования:

1 этап. Раздельное исследование сравниваемых объектов (исходных и сравнительных речевых материалов). При раздельном исследовании у каждого из объектов анализируются их идентификационные поля, выделяются идентификационные признаки аудитивной, лингвистической и инструментальной групп, совокупность которых должна быть достаточной для последующего исследования.

На этом этапе, кроме выявления идентификационных признаков, производится установление групповой принадлежности объекта, что позволяет отнести его к определенному классу, роду, виду, то есть к некоторому множеству однородных объектов. Например, голос идентифицируемой личности принадлежит к группе мужских голосов средней высоты, средней силы и т.п.

Рис. 2.

Выявленные при раздельном исследовании сравниваемых речевых материалов существенные различия групповых признаков позволяют не проводить дальнейшее сравнительное исследование (например, на исходной фонограмме – мужской голос, а на фонограммеобразце женский голос). Безусловно, в каждом правиле есть исключения, например, при намеренном изменении голоса, но в большинстве случаев такие речевые материалы могут быть исключены из дальнейшего рассмотрения.

2 этап. Сравнительное исследование осуществляется путем сопоставления выявленных ранее идентификационных признаков каждого из объектов для установления как совпадающих, так и различающихся признаков.

Признаки голоса и речи одного человека, будучи, безусловно, индивидуальными, могут быть в то же время сходными (близкими), совпадать с признаками голоса и речи другого человека, поэтому в процессе идентификации необходимо отличать сходство и тождество идентифицируемых объектов при оценке результатов сравнительного исследования.

Все выявленные совпадающие и различающиеся признаки оцениваются с позиции их значимости, каждый признак в отдельности и все признаки в их совокупности.

Например, выявленного в процессе исследования различия среднего значения частоты основного тона голоса отождествляемой личности и отождествляющего голоса недостаточно, во-первых, для исключения сравниваемого материала из дальнейшего рассмотрения, во-

вторых, для вывода о различии личностей, которым принадлежат различающиеся по высоте голоса, более того, в ряде случаев, комплекс выявленных признаков голоса и звучащей речи других групп (аудитивной, лингвистической), а также близость формантных треков на динамических спектрограммах речевых сигналов сравниваемых личностей достаточен для формулирования категорического вывода об индивидуальноконкретном тождестве.

После проведения раздельного и сравнительного исследований полученные результаты обобщаются. И на основании синтеза делаются выводы, которые могут носить категорический положительный или отрицательный характер, устанавливающий тождество объекта или различие объектов, а также вероятный положительный или отрицательный характер.

Сравнивая результаты проведенных в Приволжском региональном центре идентификационных исследований до 2013 и за период 2014 – 2015 года, можно отметить, что до 2013 г. практически не встречалось отрицательных вероятных и категорических выводов. Причиной появления отрицательных выводов за последние два года является предоставление на исследование образцов голосов и звучащей речи двух и более дикторов для одного и того же исходного речевого материала, а также обнаружение ошибочных результатов идентификации (при производстве повторных экспертиз) при проведении исследований близких по звучанию голосов автоматизированными программными средствами в первичных экспертизах.

Рассмотрим различные алгоритмы, применяемые при решении задачи идентификации личности по голосу и звучащей речи.

При производстве экспертиз с большим количеством объектов (фонограмм) производится их предварительное исследование и оценка их пригодности для дальнейшего исследования. В ряде случаев оценку длительности речевых материалов можно проводить на этапе исследования по установлению дословного содержания разговоров. С учётом того, что для проведения идентификационных исследований длительность речевого материала дикторов должна составлять не менее 20 секунд, соответствующих примерно 2000 периодам основного тона для голосов мужской группы [8], речевые материалы, не удовлетворяющие этому критерию, являются не пригодными для идентификации дикторов по голосу и звучащей речи.

Подобный подход позволяет оптимизировать ход проведения исследований (особенно в случае большого количество предоставленных на исследование фонограмм) за счёт того, что отпадает необходимость в оценке других характеристик голоса и звучащей речи личности.

Далее, исходя из теории криминалистической идентификации, проводится установление групповой принадлежности голосов и звучащей речи, на котором речевые материалы, имеющие существенное различие с образцами, исключаются из дальнейшего рассмотрения, что также позволяет не проводить дальнейшее идентификационное исследование в их отношении.

Рассмотрим случай, когда образцы голоса и звучащей речи фигуранта отсутствуют у лица, назначившего экспертизу, и на разрешение экспертов ставится вопрос о принадлежности голоса и звучащей речи на фонограммах одному и тому же лицу.

В соответствии с принципами криминалистической идентификации из данных речевых материалов выбирается идентифицирующий объект и идентифицируемые объекты и проводится дальнейшее идентификационное исследование.

При конкретизации объекта исследования в постановлении указываются реплики дикторов, отраженные в протоколах осмотра и прослушивания фонограмм. Это приводит к необходимости после установления дословного содержания разговоров приведения в соответствие обозначений дикторов, принятых экспертами, обозначениям фигурантов в протоколах осмотров. Именно фигурантов, поскольку тексты протоколов осмотра и прослушивания фонограмм и установленные тексты дословного содержания разговоров, как правило, различаются.

В последнее время в производство стало поступать большое количество речевых материалов на русском языке с признаками одного и того же регионального диалекта у всех участников разговоров. Идентификационная задача в рассматриваемом случае осложняется тем, что на исследование предоставляется большое количество фонограмм разговоров, в которых принимает участие (кроме фигурантов, в отношении которых были поставлены вопросы), много других дикторов – носителей того же регионального диалекта. Необходимо отметить, что большая часть признаков лингвистической группы (лексические признаки, фонетические признаки) у данных дикторов близки или совпадают.

Даже на стадии установления дословного содержания для соотнесения реплик определенным дикторам требуется многократное отдельное и совместное прослушивание. А если имеются реплики не на русском языке, с одновременной фонацией, различение дикторов вызывает существенные затруднения, и на этом этапе необходимо применять не только аудитивные, но и инструментальные методы.

Список литературы:

7. ГОСТ 13699-91. Запись и воспроизведение информации. Термины и определения. – М.: Госстандарт России, 1991
8. ГОСТ Р50840-95. Передача речи по трактам связи. Методы оценки качества, разборчивости и узнаваемости. – М.: Госстандарт России, 1995
9. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: Учебник. - М.: НОРМА, 2000. - 990 с.
10. Актуальные вопросы экспертизы видеозаписей: Матер. Всерос. научно-практ. семинара, 13-17 мая 2013 г./ Под ред. В.Н. Пронина, П.Г. Лесниковой. –Н.Новгород, 2014
11. Брызгунова Е.А. Лингвистический анализ в криминалистической экспертизе звукозаписей // Современные методы, технические и программные средства, используемые в криминалистической экспертизе звукозаписей: Метод. пособие для экспертов / Отв. ред. А.Ш.Каганов. М., 2003. С. 59–83
12. Василевский Ю.А. Техника аудио- и видеозаписи: Толковый словарь. – М.: Горячая линия – Телеком, 2006
13. Галяшина Е.И. Судебная фоноскопическая экспертиза. – М.: Триада Лтд, 2001
14. Иванов И.Л. Методические рекомендации по работе с программным комплексом криминалистического исследования фонограмм Justiphone 5. Современные методы, технические и программные средства, используемые в криминалистической экспертизе звукозаписей: Метод. пособие для экспертов. – М.: РФЦСЭ, 2003
15. Идентификация лиц по фонограммам русской речи на автоматизированной системе “Диалект”: Пособие для экспертов/ Под ред. А.В. Фесенко. - М.: Войсковая часть 34435, 1996
16. Каганов А.Ш. Перцептивный и акустический аспекты криминалистической идентификации личности по голосу и устной речи. Методология научного исследования. М., 2006
17. Каганов А.Ш. Криминалистическая идентификация личности по голосу и звучащей речи. М.: Юрлитинформ, 2009
18. Методические рекомендации по выполнению криминалистических экспертиз. Центр речевых технологий. - С-Пб., 1996
19. Методические рекомендации по практическому использованию программы SIS при работе с речевыми сигналами. Центр речевых технологий. - С-Пб., 1997

20. Михайлов В.Г. Информационные и статистические характеристики параметров устной речи. – М.: МГУ, 1992. – 159 с.
21. Основные понятия, определения и специальные термины криминалистической экспертизы звукозаписей / Под ред. Ковалёва С.Л. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2013
22. Радзишевский А.Ю. Основы аналогового и цифрового звука. – М.: Изд. дом «Вильямс», 2006
23. Рысин Ю.С. Звуковая информация в фоноскопической экспертизе. – М.: Юрлитинформ, 2013
24. Современные методы, технические и программные средства, используемые в криминалистической экспертизе звукозаписей: Метод. пособие для экспертов. – М.: РФЦСЭ, 2003

Possibilities of application of natural science methods in the study of objects fo concept

I.M. Zhiganova, S.B. Shavykina

Privolgsky regional centre of judicial examinations of Ministry of justice of Russia

The article considers applied aspects of forensic identification of the personality of the voice and of speech from the point of view of the General theory of forensic identification and the existing scientific and methodological approaches to the solution of this criminal statistical tasks.

Keywords: forensic identification of the voice and of speech, identifying features of the voice and of speech.

АНАЛИЗ АССОЦИАТИВНЫХ СВЯЗЕЙ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

В ХОДЕ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ ЭКСПЕРТИЗЫ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

О.В. Иванова

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова

olga-ivanova225@rambler.ru

В статье проводится анализ ассоциативных полей и ассоциативных структур слов из текста. Определяется ассоциативный фон и ассоциативный ореол текста. Использовалась методика свободного ассоциативного эксперимента. По результатам первого эксперимента были составлены ассоциативные поля, ассоциативные структуры слов, определяющие тему текста. Во второй серии эксперимента в качестве слов-стимулов выступали самые частые ассоциации, полученные в предыдущем эксперименте. По результатам второго эксперимента был определен ассоциативный фон и ассоциативный ореол текста. К исследованию привлекались тексты публицистического стиля. Результаты эксперимента показывают, что ассоциативные характеристики различаются в зависимости от стилистической отнесенности текста.

Ключевые слова: текст, свободный ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле слова в тексте, ассоциативная структура слова в тексте, ассоциативный фон текста, ассоциативный ореол текста, стиль текста.

В статье проводится анализ ассоциативных полей (АП) и ассоциативных структур (АС) слов, определяющих тему текста. Ассоциативные характеристики таких слов, по-нашему мнению, отражают семантику и структуру текста. Данные исследования можно рассматривать как частный метод лингвистического анализа письменных текстов при производстве автороведческих экспертиз; в составе комплексных методик; при рассмотрении гражданских споров о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Для анализа предлагаем несколько текстов публицистического стиля, например:

Счастье зачастую оказывается совсем не там, где его ждешь. Оно появляется, и мы не замечаем его, и лишь после до нас доходит, что это и было в общем-то счастье. За тысячи лет исканий, войн, страданий и изощрений в поисках счастья человек ничего не придумал для себя лучше лесной свободы, усталости от обычной ходьбы, ржаного ломтя с пережженной солью, лучше смоляного запаха и гулких ударов шишек о родимую землю. Тонкий свист рябчика, красноватые окна дома в сумерках, костер, раздувающий тьму, сосновая лапа на окне в банке из-под консервов, белый цвет земляники, тысячи самых неприметных и доступных вещей делают меня счастливым (В. Белов).

Для исследования текстов была применена методика ассоциативного эксперимента. Эксперимент проводился в группах по 10-20 человек (как правило, это была студенческая группа). Экспериментатор выдавал каждому информанту один текст и предлагал его

внимательно прочитать «про себя» (на это уходило не более 5 минут). Далее тексты собирались и каждому информанту выдавалась анкета с напечатанным в левом верхнем углу словом-стимулом счастье. Информантам предлагалось написать такое количество слов или словосочетаний, какое они могут воспроизвести после прочтения текста (на выполнение этого задания также требовалось не более 5 минут). В эксперименте принимали участие 30 человек (т.е. на слово-стимул получены ответы от 30 человек).

В результате обработки данных было определено ассоциативное поле слова счастье. Состав и характер реакций в ассоциативных полях позволяют раскрыть существенные черты значений изучаемых слов [1, 7]. Обычно реакции располагают в порядке убывания частоты от большей к меньшей. Рядом с реакцией указывают, сколько информантов ответило подобным образом. Около заглавного слова расположены два числа. Первое обозначает, сколько всего ответов было получено на данное слово. Второе – это величина АП. Величина АП обозначает, сколько разных ассоциаций было получено на данное слово [1, 54-55].

Фрагменты АП слова счастье (частота ответов 5 и более):

Счастье 179/138:

радость 12;	улыбка 8;
природа 11;	ломоть ржаного хлеба с солью 7;
любовь 9;	тонкий свист рябчика 7;
свобода 9;	дом 6;
его могут принести любые мелочи 8;	бывает рядом, но не замечаешь 6;
приятная усталость от ходьбы 8;	белый цвет земляники 5.

Величина АП слова счастье составляет 138 ассоциаций: 11 ассоциаций с частотой 5 и более; 5 – с частотой 4; 8 – с частотой 3; 21 – с частотой 2; 93 – с частотой 1. Всего было получено 179 реакций.

Получается, что распределение АП слов в тексте характеризуется небольшой сосредоточенностью ответов вокруг частых ассоциаций.

Проанализируем состав АП и данного слова. Бóльшую часть реакций информанты взяли из текста: счастье – свобода, усталость от ходьбы, тонкий свист рябчика, ломоть ржаного хлеба с солью, лес, костер, дом, шишка, сосновая лапа, красноватые окна и др.

Ряд ассоциаций не встречается в тексте, но информанты уловили их связь с темой и указали в своих ответах: счастье – природа, его могут принести любые мелочи; радость,

улыбка; бывает рядом, но не замечаешь его; любовь, его ощущение проходит со временем и др.

Ассоциативной структурой слова называются основные направления ассоциирования, семантические отношения между стимулом и реакциями в ассоциативном поле данного слова.

Самую большую группу в АС слова счастье составляет семантическая группа «состояние человека»: свобода, радость, приятная усталость от ходьбы, стремление к счастью, легкость, спокойствие, доверие, уважение, самореализация, уверенность, созерцание, вера, надежда, независимость, умиротворение и др.

Выражение счастья информанты видят в улыбке (один из самых частых ответов).

Информанты подобрали синонимы к слову счастье – любить, быть любимым, нежность, любовь к Родине, любовь близких, родные и близкие рядом, босиком по пыльной дороге.

Информанты уловили философское отношение автора текста к понятию счастье – бывает рядом, но его не замечаешь; его ощущение приходит со временем; его могут принести любые мелочи.

Ряд ассоциаций относится к тематическому полю слова природа – природа, тонкий свист рябчика, лес, шишка, еловая веточка и др.

Частотной ассоциацией на слово счастье является слово дом. Это слово понимается информантами как место, где человек должен быть счастлив (и это положительная реакция молодежи). К этой ассоциативной ветви можно отнести ответы очаг, семья, родные и близкие рядом, любовь близких.

В следующей серии эксперимента 30 информантам после прочтения текстов предполагалось ответить первым «пришедшим в голову» словом на самые частые ассоциации, полученные в предыдущей серии: радость, любовь, мелочи, улыбка, свист, не замечаешь, природа, свобода, усталость, хлеб, дом, земляника. Результаты обработки экспериментальных данных можно представить в следующей схеме:

Радость -
счастье в мелочах
улыбка
семья
в доступных вещах
в незаметных вещах

Природа -
свобода
рябчик
шум леса

Любовь -
счастье
тепло
чувства
нежные чувства
Мелочи жизни -
пустяки
(незначительность, неважные)
ключи
Улыбка -
радость
счастье
Свист -
рябчика
птица
шум

Не замечаешь -
счастье (что счастье рядом,
близость счастья, истинное счастье)
Земляника -
белый цвет
белая
ягода (красная ягода)
лес
запах

Свобода -
лесная
счастье
лес
радость
Усталость -
от ходьбы (от тяжелых походов)

Хлеб -
ржаной
черный
ржаной ломтик
еда
соль
ломоть хлеба

Дом -
родина
семья
уют
родной
красноватые окна
с окнами в сумерках

В представленной схеме выделяются три группы ассоциаций. К первой относятся слова и словосочетания из текста (они подчеркнуты в схеме).

Ко второй группе относятся слова, отсутствующие в тексте, но связанные с исходными тесными семантическими отношениями, например, родовидовыми (любовь – чувство;

рябчик – птица), синонимическими (дом – родина, семья; счастье – радость; свист – шум); характеристикой состояния (любовь – счастье, тепло, нежные чувства). Такие реакции информантов составляют ассоциативный фон текста. Ассоциативный фон текста, видимо, является замкнутым образованием: можно ожидать, что при участии все большего числа информантов будут появляться повторяющиеся реакции и «зеркальные» реакции, например, счастье – радость (1 серия); радость – счастье (2 серия).

В третью группу входят слова, связанные для данного текста размытыми семантическими отношениями, например, хлеб – пшеничное поле, труд; свобода – мысли, независимость, ветер; улыбка – глаза; любовь – тонкое прикосновение к сердцу человека; земляника – нежность; усталость – груз души. Эту группу реакций можно назвать

ассоциативным ореолом текста. Ассоциативный ореол текста не является замкнутым образованием и будет пополняться реакциями новых информантов.

Наконец, среди ответов информантов есть единичные реакции (реакции с частотой 1, не связанные с содержанием текста и имеющие индивидуальный характер. К этой группе относятся реакции: радость – Бали; природа – жираф; свобода – статуя; мелочи – ключи, сувениры; дом – конура; свист – пули и др. Можно отметить, что чем выше частота слова в первой серии эксперимента (чем сильнее его связь со словом, определяющим тему текста), тем меньше таких реакций во второй серии эксперимента.

Итак, можно выделить такие характеристики текста, как ассоциативный фон и ассоциативный ореол текста.

Рассмотрим предварительные данные эксперимента на текстах разных стилей (его результаты обрабатываются).

Для анализа предлагаем тексты публицистического и научного стиля:

1. Слово – тончайшее прикосновение к сердцу, оно может стать нежным, благоухающим цветком, и живой водой, возвращающей веру в добро, острым ножом, ковыряющим нежную ткань души, и раскаленным железом, и комьями грязи... Словом можно убить, оживить, ранить – и одухотворить, рассеять сомнения – и повергнуть в уныние, сотворить улыбку – и вызвать слёзы, породить веру в человека – и заронить неверие, вдохновить на труд – и привести в оцепенение силы души (В.А. Сухомлинский).

2. Слово – лексическая единица языка, имеющая определенное значение, или предметную отнесенность, и внешнюю форму, которая может быть представлена определенной совокупностью звуков, системой зрительно воспринимаемых знаков или образов артикуляции. В развитых языках насчитывается по несколько сотен тысяч слов, из которых в быденном общении употребляется очень небольшая часть (Психологический словарь).

К участию в эксперименте привлекались студенты старших курсов лингвистического университета. Эксперимент проводился по описанной выше методике. Каждому информанту выдавался один текст. После прочтения текста информантам предлагалось написать ассоциации – слова или словосочетания на слово слово.

Текст 1- публицистический

Цветок 16
Убить 15
Ранить 12
Сила 10
Нежность 10
Острый нож 8

Значение 38

Используется, употребляется 24
Звуки 21
Обыденное общение 20
Система знаков 15
Буква 12
Графические средства 7

Вдохновение 7
Жизнь 7
Душа 6
Сомнение 5
Текст 2- научный
Единица языка 40

Жест 5

Величина АП слова текста 1 составляет 150 ассоциаций. Всего получено 233 реакции, из них с частотой 5 и более – 20 ассоциаций; с частотой 4 – 7 ассоциаций; с частотой 2 – 10 ассоциаций; с частотой 1 – 106 ассоциаций.

Величина АП слова текста 2 составляет 78 ассоциаций: 15 с частотой 5 и более; 5 – с частотой 4; 9 – с частотой 3; 3 – с частотой 2; 10 – с частотой 1. Всего было получено 138 реакций.

Получается, что распределение ответов в ассоциативном поле слова в научном тексте характеризуется высокой сосредоточенностью вокруг частых ассоциаций (более половины всех реакций составляет самая частая ассоциация). Ассоциативное поле слова в публицистическом тексте оказалось более размытым (ср. АП слова счастье).

Как и в первом эксперименте информанты дают в своих ответах слова из текстов (в схеме эти реакции подчеркнуты).

Основное направление ассоциативной структуры слова в научном тексте составляют термины, связанные по значению с термином слово: единица языка (родовидовые отношения), значение (категория данного понятия), буква (целое-часть) и др.

Ассоциативное поле слова в публицистическом тексте составляет стилистически окрашенная лексика. Ассоциативная структура слова в публицистическом тексте представлена несколькими направлениями. Первое направление составляют слова, обозначающие чувства или состояние человека: нежность, сомнение, вдохновение и др. Второе – действия, вызванные словом: ранить, оживить и др. Третье направление ассоциирования – это синонимы слова в данном тексте: цветок, нож, железо.

Результаты эксперимента на текстах разной стилистической отнесенности показывают, что состав ассоциативных полей, особенности распределения в них частых ответов, ассоциативный фон и ассоциативный ореол текста проявляются в разных стилях, однако их количественное и качественное наполнение будет различаться.

Список литературы:

- 1 Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – 192 с.

**The analysis of associative links of words for carrying out examination
of journalistic style texts**

O.V. Ivanova

Linguistics University of Nizhny Novgorod

Association areas and association structures of words from the text are examined in the Report. Association phone and association aureole of the text is defined. Free association experiment is a research method. Following the results of the first series of experiments association areas and association structures of words defining the text subject are analyzed. Drivers of the second series of experiment are the most often associations obtained in the previous series. Following the results of the second series such text characteristics as association phone and association aureole are outlined. Research was made using journalistic style texts. These characteristics differ depending on functional and stylistic pertain of the text.

Keywords: the text, free associative experiment, associative areas of the word in the text, associative structure of the word in the text, an associative phone of the text, an associative aureole of the text, style of the text.

К ВОПРОСУ О СРЕДСТВАХ ОЧЕРНЕНИЯ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

А.А. Калинин

Кировский филиал Московского гуманитарно-экономического института

kalinal313@yandex.ru

В статье рассматривается рекламная газетная публикация, послужившая предметом судебного разбирательства вследствие наличия в ней информации, очерняющей деловую репутацию одной из российских компаний. Выявляются способы очернения деловой репутации, попытки дискредитировать юридическое лицо в глазах читателей и сформировать определенное общественное мнение. Анализируются формы подачи информации (утверждение, предположение, мнение). Отдельное внимание уделяется психолингвистическим методам воздействия посредством применения манипулятивной техники построения предложений (метод убеждения, метод фиксации внимания на ясно выделенных ключевых объектах, метод безапелляционного построения психологически однозначного негативного образа действительности).

Ключевые слова: деловая репутация, негативная оценка, утверждение, предположение, мнение, СМИ.

Средства массовой информации достаточно часто используются в весьма неблагоприятных целях: с их помощью ведется информационная война, направленная на дискредитацию оппонента в политическом или экономическом аспекте. Это, в свою очередь, приводит к тому, что материалы СМИ становятся предметом лингвистических судебных экспертиз, что находит отражение в научных исследованиях [1; 2; 3; 5; 6]. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы проанализировать одну из таких конфликтных ситуаций.

Предметом для исследования послужила статья «Контракт любой ценой», опубликованная в газете «ProГород» 4 февраля 2012 года [4]. Статья была опубликована на коммерческой основе, на что указывает специальный графический знак, стоящий в конце статьи (Δ). Материал представлен в жанре журналистского расследования. В центре внимания находится анализируемая проблема: аукцион на право оказания авиационных услуг специализированной скорой медицинской помощи населению области, в котором приняли участие три предприятия. По результатам конкурса одно из них (ОАО «Кировавиа») было признано победителем. Однако результаты аукциона были поставлены под сомнение. Автор статьи пытается разобраться в сложившейся ситуации.

Журналист указывает на недостатки двух компаний (из трех), принявших участие в конкурсе:

- *непредоставление полного комплекта документов на аукцион («ООО «Вяткаавиа» в установленный срок не представила сертификаты летной годности воздушных судов в электронном виде»);*

- *предвзятые претензии к организаторам аукциона («Следующее обвинение от ООО «Вяткаавиа» касалось изменения в технической части аукционного задания. По их словам, в конкурсную документацию были внесены изменения позже оговоренного законом срока»), хотя эти претензии не обоснованны («Но по мнению представителей электронной площадки, на которой происходили торги, это совсем не так. Более того, просто технически невозможно внести какие-либо изменения в неустановленные законом сроки»);*

- *необоснованное занижение стоимости работ («Вызывает недоумение цифра, на которой ООО «Вяткаавиа» остановила торги. – 6,9 миллиона рублей – довольно низкая цена, стоимость часа работы наших авиакомпаний почти одинакова, она равна примерно 32 тысячам рублей. В эту сумму входят затраты не только на керосин и зарплаты пилотам, но и стоимость запчастей, работа наземных служб, страхование пилотов. К этой цифре нужно добавить еще и минимальную пятипроцентную рентабельность»);*

- *неэтичность, готовность к нечистоплотным действиям («Непонятно, за счет чего ООО «Вяткаавиа» собиралась снизить стоимость своих работ – экономить на керосине, зарплатах пилотов, безопасности или своей прибыли?! Складывается впечатление, что ради этого контракта ООО «Вяткаавиа» готова практически на все: даже работать себе в убыток; Несмотря на внесенные в конкурсную документацию изменения, заточенные, по мнению ООО «Вяткаавиа», под конкретного участника, фирма стала бить тревогу только после проведения аукциона, когда результаты оказались не в их пользу; А главное – компания не побоялась влезть в скандал, испортив отношения со своими коллегами»);*

- *кардинальное несоответствие организации предъявляемым требованиям («Этот клуб не имеет права участвовать в подобных аукционах из-за того, что авиационные работы имеют право выполняться только с использованием полетов гражданских воздушных судов. «Ижевский ДОСААФ» является государственной организацией, принадлежащей Министерству Обороны, и не является гражданской авиацией»).*

Как можно увидеть из приведенных выше примеров, статья направлена на формирование у читателя определенного мнения относительно деловой репутации НОУ НДО Ижевский аэроклуб ДОСААФ России и ООО «Вяткаавиа». (Деловая репутация – это «приобретаемая положительная или отрицательная общественная оценка деловых качеств лица. Деловая репутация представляет собой набор качеств и оценок, с которыми их носитель

ассоциируется в глазах своих контрагентов, клиентов, потребителей, коллег по работе, поклонников (например, для шоу-бизнеса), избирателей (для выборных должностей) и персонифицируется среди других профессионалов в соответствующей области деятельности» [2, с. 136].

Статья главным образом направлена на то, чтобы поставить под сомнение деловую репутацию ООО «Вяткаавиа», предоставив читателям негативную информацию о вышеназванном предприятии.

Выявленная нами негативная информация (ср.: *Отрицательная (негативная) информация* – «информация (сведения), которая содержит отрицательные характеристики юридического или физического лица или его деятельности, а также поступков физического лица с точки зрения здравого смысла, морали или с правовой точки зрения (в той мере, в которой об этом может судить любой дееспособный гражданин, не имея специальных познаний в области юриспруденции)» [1, с. 137-138]) представлена в форме утверждений, мнений и предположений.

Утверждения:

- «ООО «Вяткаавиа» в установленный срок не представила сертификаты летной годности воздушных судов в электронном виде»;

- «А главное – компания не побоялась влезть в скандал, испортив отношения со своими коллегами»;

- «Несмотря на внесенные в конкурсную документацию изменения, заточенные, по мнению ООО «Вяткаавиа», под конкретного участника, фирма стала бить тревогу только после проведения аукциона, когда результаты оказались не в их пользу».

Мнения:

- «По их словам, в конкурсную документацию были внесены изменения позже оговоренного законом срока. Но по мнению представителей электронной площадки, на которой происходили торги, это совсем не так. Более того, просто технически невозможно внести какие-либо изменения в неустановленные законом сроки»;

- «– 6,9 миллиона рублей – довольно низкая цена, стоимость часа работы наших авиакомпаний почти одинакова, она равна примерно 32 тысячам рублей. В эту сумму входят затраты не только на керосин и зарплаты пилотам, но и стоимость запчастей, работа наземных служб, страхование пилотов. К этой цифре нужно добавить еще и минимальную пятипроцентную рентабельность. Поэтому мы сделали только один шаг на аукционе, для нас дальнейшее снижение цены было бы просто не рентабельно, мы не можем работать себе в убыток, – высказывается Денис Игнатов. – Непонятно, за счет чего ООО

«Вяткаавиа» собиралась снизить стоимость своих работ – экономить на керосине, зарплатах пилотов, безопасности или своей прибыли?!»

Предположение:

- «Складывается впечатление, что ради этого контракта ООО «Вяткаавиа» готова практически на все: даже работать себе в убыток».

Особо следует подчеркнуть, что текст вышеуказанной статьи направлен на оказание психологического воздействия на читателя через создание определенного негативного общественного мнения посредством применения манипулятивной техники построения предложений и пропаганды исключительности и превосходства одной компании (в данном случае ОАО «Кировавиа») над другими («Вяткаавиа» и «Ижевский клуб» ДОССАФ России). Основными методами воздействия текста статьи являются:

Метод фиксации внимания на ясно выделенных ключевых объектах, связях, отношениях, оценках: при целенаправленной передаче информации учитываются особенности передачи и приема, количество каналов, повторение сигналов, сущность и причины помех. Сущность метода заключается в том, что заранее собранная и подготовленная информация, в определенном порядке и условиях передаваемая объекту, включает интеллектуальные, эмоциональные, волевые процессы, перерабатывается, что приводит к достижению запланированной цели. Этот метод повышает психологическую активность объекта. Также используется психологический закон произвольного запоминания начала и конца информации (например, **«Вызывает недоумение цифра, на которой ООО «Вяткаавиа» остановила торги. – 6,9 миллиона рублей – довольно низкая цена, стоимость часа работы наших авиакомпаний почти одинакова, она равна примерно 32 тысячам рублей. В эту сумму входят затраты не только на керосин и зарплаты пилотам, но и стоимость запчастей, работа наземных служб, страхование пилотов. К этой цифре нужно добавить еще и минимальную пятипроцентную рентабельность. Поэтому мы сделали только один шаг на аукционе, для нас дальнейшее снижение цены было бы просто не рентабельно, мы не можем работать себе в убыток, – высказывается Денис Игнатов. – Непонятно, за счет чего ООО «Вяткаавиа» собиралась снизить стоимость своих работ – экономить на керосине, зарплатах пилотов, безопасности или своей прибыли?!»**

Складывается впечатление, что ради этого контракта ООО «Вяткаавиа» готова практически на все: даже работать себе в убыток. А главное – компания не побоялась влезть в скандал, испортив отношения со своими коллегами...»)

Метод убеждения – используется для изменения позиции лица, его взглядов, отношения, формирования новых. В тексте статьи используется как логическое убеждение –

изложение в определенной последовательности фактов, объяснения взаимосвязи между ними, выводов, которые следуют из перечня данных фактов, так и эмоциональное убеждение, которое рассчитано на пробуждение чувств у убеждаемого человека, повышение уровня эмоционального напряжения, раздражения, досады, злости, гнева.

Метод безапелляционного построения психологически однозначного, абсолютно негативного образа действительности. Внимание читателя фиксируется на наиболее значимых социально-психологических ключевых объектах, ценностях, параметрах ситуации, используется маркировка ситуаций эмоционально однозначно депрессивно-окрашенными элементами, с целью актуализации требуемой установки безысходности, социального пессимизма и генерализации эмоционального-волевого компонента агрессии на предлагаемый источник данного положения (например, **«ОАО «Кировавиа» вкладывает большие средства в безопасность полетов, соблюдая установленные требования, а «Ижевский аэроклуб ДОСААФ» и «Вяткаавиа» пытаются предложить более дешевые услуги. На чем они при этом экономят, участники не уточняют..... по мнению ОАО «Кировавиа», страдают простые жители области, которые еще на месяц останутся без санитарной авиации»**).

Основная идея текста статьи (**«ОАО «Кировавиа» вкладывает большие средства в безопасность»**, в то время как **«ООО «Вяткаавиа» собиралась снизить стоимость своих работ – экономить на керосине, зарплатах пилотов, безопасности или своей прибыли?!»**) неоднократно повторяется. Повторение является одним из принципов убеждающего воздействия, значительно повышающего его эффективность. Благодаря повторению сообщения удаётся увеличить количество людей, воспринявших и усвоивших содержащуюся в нём информацию.

Анализируемый материал можно оценить, как внешнее давление на мировоззренческие установки читателей с помощью специально организованных психолингвистических воздействий с целью повышения податливости и последующего «ведения» индивида. Люди довольно часто чувствуют себя ущемленными в реализации своих прав и потребностей, они легко идентифицируют себя с образами притесняемых и дискриминируемых и получают возможность разрядить внутреннее напряжение в протесте, нередко в деструктивной форме. Негативные эмоции, представленные в статье, используются для формирования негативного общественного мнения на базе внушенного комплекса самозащиты, страха за свою жизнь и здоровье близких людей (например: **«по мнению ОАО «Кировавиа», страдают простые жители области, которые еще на месяц останутся без санитарной авиации»**).

Таким образом, как показал анализ газетного материала, в статье «Контракт любой ценой» содержится негативная информация о компании «Вяткаавиа». Таковой следует

признать выражения, направленные на дискредитацию деловой репутации вышеназванной компании. Негативная информация о компании «Вяткаавиа», направленная на дискредитацию деловой репутации вышеназванной компании, представлена в форме утверждений, мнений и предположения. Негативные последствия для ООО «Вяткаавиа», как для конкурента ОАО «Кировавиа», потенциально может вызвать информация, направленная на дискредитацию деловой репутации «Вяткаавиа».

Список литературы:

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. – М.: Наука, 2007. – 592 с.
2. Бельчиков Ю. А., Горбаневский М. В., Жарков И. В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ: Сб.материалов. – М.: ИПК «Информкнига», 2010. – 208 с.
3. Грачев М. А. Лингвокриминалистика. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2009. – 280с.
4. Зайцев Д. Контракт любой ценой // ПроГород. – 2012. – 4 февраля.
5. Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации / Под ред. А. Р. Ратинова. – М.: Фонд защиты гласности, 1997. – 128 с.
6. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Под ред. А.К. Симонова, М. В. Горбаневского. – М.: Идея, 2004. – 328 с.

To the question of means of denigration of business reputation in the advertising text

A.A. Kalinin

Kirov branch of the Moscow humanitarian and economic institute

In the article the advertizing newspaper publication which has served as a subject of judicial proceedings owing to the existence of information soiling business reputation of one of the Russian companies is considered. Ways of denigration of business reputation, attempt to discredit the legal entity in the opinion of readers and to create a certain public opinion come to light. Forms of submission of information (the statement, the assumption, opinion) are analyzed. The separate attention is paid to psycholinguistic methods of influence by means of use of manipulative technology of creation of sentences (a belief method, a method of fixing of attention on clearly the allocated key objects, a method of categorical creation of psychologically unambiguous negative image of reality).

Keywords: business reputation, negative assessment, statement, assumption, opinion, mass media.

СПОСОБЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИМПЛИЦИТНЫХ СМЫСЛОВ (НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ)

Л. В. Калинина

Вятский государственный университет

grifon.kalinina@yandex.ru

В статье рассматриваются способы выявления имплицитных смыслов в художественных текстах разных типов. На примере анализа трёх произведений («Теоретического предисловия», написанного А. Слаповским к его сборнику рассказов «Мы», «Песни о Соколе» Максима Горького и стихотворения О. Мандельштама «Невыразимая печаль...») показывается, каким образом на основе системно-функционального и герменевтического подходов может осуществляться выявление имплицитных смыслов текста. Особое внимание уделяется анализу ключевых слов и понятий конкретного текста, так как ключевые слова, представляя собой так называемые «опорные точки понимания», нередко сами содержат в себе имплицитную информацию, для выявления которой требуется дополнительный лингвистический анализ.

Ключевые слова: интерпретация художественного текста, ключевые слова, системно-функциональный подход, герменевтический подход.

Объектом рассмотрения в данной работе являются художественные прозаические и поэтические тексты. Цель настоящей статьи – показать на конкретных примерах, каким образом на основе системно-функционального и герменевтического подходов может осуществляться выявление имплицитных смыслов в художественных текстах разного типа.

Как известно, термин *имплицитный* обозначает «подразумеваемый, неявный» [1]. Имплицитные смыслы могут выражаться различными способами. Они могут представлять собой пресуппозиции, импликации, следствия, инференции и пр. [2; 3; 4].

Способы выявления имплицитных смыслов описаны в большом количестве работ [напр., 2; 3; 5; 6; 7; 8; 9]. «Имплицитная семантика имеет долгую историю изучения, восходящую к герменевтической традиции истолкования сакральных текстов», – отмечает А.Н.Баранов [2, 42].

Весьма эффективной при выявлении имплицитных смыслов оказывается интерпретация ключевых слов и понятий данного текста. «Ключевые слова – это смысловые вехи текста, несущие в конкретном тексте существенную смысловую нагрузку, – пишет Ю.В. Букарева. – Ключевое слово как отражение максимальной степени сжатия текста, его

предельной компрессии есть выход на высшую ступень познания текста – понимание замысла текста, его концепта [7, 344–345]. Важными признаками ключевых слов является высокая частотность их употребления в тексте и использование их в «сильных позициях» текста (например, в заголовке или в составе тематического предложения абзаца). Очевидно, что ключевые слова, будучи, как правило, явно представленными в тексте, могут иметь свои имплицитные смыслы, требующие дополнительного анализа. Этот анализ может быть основан на сочетании системно-функционального и герменевтического подходов.

Системно-функциональный подход, оставаясь одним из базовых для лингвистики, предполагает рассмотрение особенностей семантики и функционирования единиц языка в речи с учётом их взаимосвязи с другими единицами. Герменевтический подход основан на принципе так называемого герменевтического круга. «Суть его заключается в том, – пишет Е.В.Чепкасова, – что для понимания целого необходимо понять его отдельные части, но и для понимания отдельных частей уже должно быть представление о смысле целого. То есть слово может быть понято только в контексте фразы, фраза – только в контексте абзаца или страницы, а последняя – лишь в контексте произведения в целом, которое, в свою очередь, невозможно без понимания его частей» [10, 40].

В данной статье мы рассмотрим в качестве примеров три текста. Эти тексты различны по признаку присутствия в них так называемых «опорных точек понимания». Вот как об этом пишет А.А. Брудный: «Тексты можно подразделить на три типа. В текстах первого типа не обозначены опорные точки, ограничивающие возможность варьировать их понимание... В текстах второго типа, напротив, все их элементы однозначно представлены именно в том смысловом качестве, в каком они только могут быть поняты читателем, располагающим тезаурусом... Третий тип образуют тексты, которые содержат ряд направляющих... и они порождают значительное число вариантов понимания» [11, 136]. Ключевые слова, безусловно, могут быть отнесены к «опорным точкам понимания».

Объектами нашего рассмотрения будут следующие тексты.

1) Авторское предисловие к сборнику рассказов Алексея Слаповского – данный текст можно отнести ко второму типу, поскольку написан он автором предельно ясно, без использования сложных метафор и неоднозначных образов, и «опорные точки понимания» (в том числе и в виде ключевых слов) выявляются в этом тексте со всей очевидностью.

2) «Песня о Соколе» Максима Горького – мы считаем данный текст относящимся к третьему типу, поскольку он, как это будет показано ниже, допускает варианты интерпретации.

3) Стихотворение Осипа Мандельштама «Невыразимая печаль...» – это произведение практически лишено «опорных точек понимания» и вызывает значительные трудности при попытке передать его «логическое» содержание.

Обратимся к анализу этих текстов.

Сборник рассказов А. Слаповского «Мы» предваряется «Теоретическим предисловием», написанным самим автором [12, 9–12]. Свою книгу А. Слаповский сопровождает предувещанием: «*Антиабсурд, или Книга для тех, кто не любит читать*». В «Теоретическом предисловии» автор объясняет читателям, что значит «антиабсурд» и почему вообще он решил написать эту книгу. Текст «Теоретического предисловия» неоднократно предлагался студентам в рамках рассмотрения понятия о языковой личности. Перед студентами ставилась задача попытаться определить пол, возраст, уровень образования/тип речевой культуры, место жительства, род занятий автора (заранее студентам об авторе ничего не сообщалось), а также важные для него идеи (на основании выявления ключевых слов и концептуальных положений текста). Не имея возможности привести данный текст целиком, приведём его с сокращениями (для общего представления), но при анализе будем опираться на его полную версию.

Меня часто спрашивают, что такое антиабсурд, поэтому я решил объяснить...

В жизни, как известно, не бывает ни абсурда, ни антиабсурда. Когда мы говорим: «абсурдное предложение», то имеем в виду совсем другое. Чаще всего это означает, что предложение нам не выгодно. Или не нравится. Или нам просто неохота его принимать. И т.п.

А что такое «абсурдный поступок»? К примеру, начальник велит нам сделать за день работу, которую надо делать три дня. Мы возмущены, полдня ходим и говорим коллегам: «Абсурд!»! Потом берёмся за работу и выполняем её за оставшиеся полдня. Ну, и где здесь абсурд? Начальник поступил глупо, но по-своему здраво: дай нам три дня, так мы за три дня и управимся, а если день, смотришь, хватит и двух. То, что хватило и половины, тоже не абсурд, а обычное в России умение сделать невозможное возможным, лишь бы отстали <...> Короче, абсурдом мы называем в жизни то, что нам кажется необычным, чего, казалось бы, не должно быть... Итак, в жизни абсурда нет, он есть только в искусстве <...>

Абсурд в искусстве – это когда кто-то или что-то ведёт себя неожиданно, не так, как положено <...> Например, у классика русского абсурда Даниила Хармса из окон почти одновременно выпадают 18 старух, а Кошкин ни за что убивает Мошкина. Это абсурд. Цель его была – противостоять заостреннейшей литературе, а заодно и жизни <...>

Шли времена. Абсурд ширился, вошёл в моду. Чуть ли не всё искусство двадцатого века, желая быть в ногу со временем, стремилось к абсурду.

Но в нынешней России это превратилось в сплошные пошлости и банальности. Почему? Потому что наша жизнь на рубеже веков стала сплошным абсурдом <...>

В жизни абсурд стал нормой. Но искусство, по моему мнению (и не только моему) есть средство не отражения, а преобразования жизни.

Мне стали интересны нормальные люди – за то, что их в жизни принимают за ненормальных. И это, в общем-то, не ново, литература всегда интересовалась необычными характерами, а нормальные люди сейчас выглядят страшными оригиналами. Разгадка проста: нормального в мире стало меньше, чем ненормального, поэтому оно и кажется ненормальным.

Тут, правда, другой вопрос: а что есть вообще норма?

Но ответ на него мне на данном этапе жизни и творчества пока не под силу.

При анализе данного текста без особых затруднений можно определить, что автор его – мужчина (я **решил** объяснить; я **пришёл** к методу антиабсурда; я и **сам** говорю) и что он живёт в России, так как хорошо знает особенности российской действительности (**обычное в России** умение сделать невозможное возможным; классика **русского** абсурда Даниила Хармса; в нынешней **России** это превратилось в сплошные пошлости и банальности). Также весьма очевидно, что это творческий человек (я **пришёл в некоторых произведениях** к методу антиабсурда; **ответ на него мне на данном этапе жизни и творчества пока не под силу**). Уровень речевой культуры автора может быть оценён как полнофункциональный (отсутствие в тексте каких-либо ошибок; использование книжной лексики, но при этом ясное и хорошо воспринимаемое изложение, приближенное к интонации живого повествования; упоминание таких прецедентных феноменов, как роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», произведения Даниила Хармса; осведомлённость о разных видах искусства (живописи, кинематографе и особенно о литературе)). На основе совмещения установленных показателей «творческий человек», «полнофункциональный тип речевой культуры», «знание русской литературы» делается вывод, что автор текста – скорее всего, писатель (а не художник или музыкант). Наибольшие затруднения вызывает определение приблизительного возраста автора текста. Прямых указаний на возраст в тексте не содержится, однако студенты при анализе этого текста обычно говорят, что его автору около 40 лет. Этот вывод делается на основании наличия у автора, с одной стороны, определённого жизненного опыта, а с другой – манеры речи, не свойственной, по мнению студентов, пожилым людям. О том, что возраст автора может быть определён как средний, свидетельствуют также слова: «*Но ответ на него*

(на вопрос о том, что такое норма. – Л. К.) мне на данном этапе жизни и творчества пока не под силу». (На самом деле Алексею Слаповскому в 2005 году, на момент написания «Теоретического предисловия», было 48 лет).

Что касается ключевых слов данного текста, то они могут быть определены при внимательном неоднократном прочтении текста методом наблюдения и подсчётов. При анализе полного варианта текста складывается следующий «рейтинг» ключевых слов: *абсурд* (*абсурдный*) – 31 употребление, *жизнь* – 15, *мы* – 12, *я* (*мне, меня*) – 10, *норма* (*(не)нормальный*) – 8, *антиабсурд* – 5, *искусство* – 4. Таким образом, основные мысли автора выражаются весьма прозрачно: «наша жизнь переполнена абсурдом»; «абсурд как (не)нормальное явление»; «(анти)абсурд в искусстве». Подробнее об «антиабсурде» А. Слаповского и проявлениях абсурда в современном массовом дискурсе ср. [13; 14].

«Теоретическое предисловие» Алексея Слаповского представляет собой текст с достаточным количеством «опорных точек понимания» и такими имплицитными смыслами, которые выявляются с помощью весьма несложного анализа. Далее обратимся к «Песне о Соколе» Максима Горького и покажем, что её можно рассматривать как текст, допускающий варианты понимания.

Как известно, «Песня о Соколе» имеет традиционное истолкование, согласно которому гордый Сокол воплощает «безумство храбрых», то есть идеалы свободы и борьбы, а ничтожный Уж выражает приземленную философию «рождённых ползать», то есть «мещанскую мораль и потребительскую психологию» [15, 219]. Но если внимательно проследить за употреблением в данном произведении лексических единиц, характеризующих Ужа и Сокола, то возможна и иная интерпретация их образов.

Стихия Сокола – это небо, и умирающий Сокол мечтает ещё раз в него подняться. Однако, что оно собой представляет? Существительное *небо* повторяется в повествовании 14 раз (если не учитывать вступительную и заключительную части «Песни...»), и это, несомненно, ключевое слово для произведения. Но небо как символ всего высокого в «Песне...» представлено весьма отвлеченно. Единственная более или менее развернутая характеристика неба дается в строках: «*высоко в небе сияло солнце, а горы зноем дышали в небо...*». Во всех остальных случаях существительное *небо* употребляется без каких-либо определений и уточнений. Небо в «Песне...» – это нечто величественно-пассивное: с него можно пасть («*пал с неба Сокол с разбитой грудью*»), в него можно подняться («*О, если б в небо хоть раз подняться!...*»), его можно видеть («*Я видел небо*» – говорит сначала Сокол, а затем Уж), к нему можно испытывать страсть («*Уж долго думал о смерти птицы, о страсти к небу*») – но само небо остается равнодушным ко всем этим чувствам и действиям, ничто в

нём не меняется. Весь смысл неба – быть высоким и беспредельным, но не напоминает ли эта высота и беспредельность пустоту, о которой говорит Уж?

Стихия Ужа противоположна небу. Это *камень* (9 словоупотреблений), *ущелье* (7), *земля* (5), *скалы* (2). Обратим внимание на разнообразие слов, называющих мир, противоположный «высокому», и на контексты их употребления. Земной материальный мир в этих контекстах предстает как зримый, осязаемый, слышимый, пахнущий. Ср.: «*сырое ущелье*», «*поток стремился навстречу морю, гремя камнями*», «*твёрдый камень*», «*серый камень*», «*было душно в ущелье тёмном и пахло гнилью*», «*слизь камня*». Может быть, картина не слишком привлекательная, но реальная и конкретная, в отличие от пустого неба. Ср.: «Максимальная степень конкретности присуща реалиям, информация о которых передается пятью органами чувств» [16, с. 317]. Поэтому Ужу, живущему на земле и привыкшему ощущать землю всеми органами чувств, кажется странной мечта Сокола о «пустом месте». «*Там много света, но нет там пищи и нет опоры живому телу*», – говорит Уж.

Дальнейший анализ приводит нас к заключению о том, что Уж – отнюдь не самоуверенное и самодовольное существо, которое никогда не сомневается в своей правоте и думает только о материальном. Уж не чужд прекрасному и возвышенному (*Высоко в горы вполз Уж и лёг там в сыром ущелье, свернувшись в узел и глядя в море*). Он способен дать Соколу психологически верный и приемлемый для Сокола совет (как достойно прожить последние мгновения своей жизни и умереть в полёте). Уж осознаёт, что мир сложен, потому, что видит окружающий его мир в таких деталях и подробностях, которых не разглядеть с высоты. Но более всего впечатляет то, что «рождённый ползать» Уж, размышляя над словами Сокола, решает выйти за пределы своего существования, испытать, что такое небо, «измерить» его. В попытке своего «полёта» Уж вовсе не смешон и не жалок, он просто проверяет всё на практике («*Сказал – и сделал*»), и его выводы о том, что полёт – это паденье, а небо – это пустота, заслуживают уважения, потому что это *его* выводы, он узнал это *сам*, на своём опыте, а не повторил за кем-то. В этом его правда. Уж убеждается, что ему хорошо быть таким, каким создала его природа, и жить там, где ему предназначено: «*Земли творенье – землей живу я*».

Получается, что Сокол стремится к абстрактным идеалам, обозначенным в «Песне...» отвлечёнными существительными без всякой конкретизации: высота – для чего? свобода – от чего? борьба – во имя чего? А Уж является выразителем здравого смысла. Подробнее об этом ср. [17].

Приведённые соображения, может быть, и не отменяют традиционного прочтения «Песни о Соколе», но помогают обнаружить в этом произведении новые грани, делают характеристику образов Сокола и Ужа более сложной.

Наконец, в качестве примера текста, практически лишённого «опорных точек понимания», рассмотрим стихотворение Осипа Мандельштама «Невыразимая печаль». Приведём его полностью (стихотворение цитируется по изданию [18]).

Невыразимая печаль

Открыла два огромных глаза, –

Цветочная проснулась ваза

И выплеснула свой хрусталь.

Вся комната напоена

Истомой – сладкое лекарство!

Такое маленькое царство

Так много поглотило сна.

Немного красного вина,

Немного солнечного мая –

И, тоненький бисквит ломая,

Тончайших пальцев белизна...

(1909)

Данное стихотворение являет собой яркий пример того, что из понятных по отдельности слов в художественной речи может складываться образ, лишённый чётких очертаний, практически неуловимый (об особенностях выражения семантики неуловимого у Мандельштама ср. [19]). Студенты, которым в рамках изучения языка художественной литературы предлагается это стихотворение, испытывают значительные затруднения в его понимании и часто даже отказываются выдвигать какие-либо версии. Однако попробуем интерпретировать это стихотворение.

Понимание всякого текста осуществляется через несколько стадий, обычно их выделяют три. А.А. Брудный называет их уровнями монтажа (последовательное понимание одного фрагмента текста за другим), перецентровки (мысленное возвращение к уже упоминавшейся информации и соединение содержательно связанных фрагментов друг с другом) и концепта текста (общего смысла, идеи текста) [11, 139–140]. Если мы попытаемся

таким образом прочитать стихотворение О. Мандельштама, то у нас получится примерно следующее.

Невыразимая печаль Открыла два огромных глаза – перед мысленным взором читателя возникают широко открытые глаза, пока непонятно чьи. Широко открытые – потому что печаль «невыразимая», то есть её невозможно выразить словами, высказать. Её можно передать только невербально, в данном случае – взглядом, в который вкладывается вся сила этой печали.

Цветочная проснулась ваза И выплеснула свой хрусталь – в этих строках весьма ясно сообщается о наличии в описываемом пространстве хрустальной вазы для цветов. В каком случае мы можем сказать, что ваза «проснулась» и «выплеснула свой хрусталь»?... Очевидно, должно произойти нечто, что сразу делает вазу заметной в окружающей обстановке. При анализе стихотворения студентами почти всегда высказывалась мысль о том, что ваза «упала и со звоном (хрустальным) разбилась». Однако нам кажется, что возможно и другое понимание этих строк: на хрустальную вазу упал луч света (скорее всего, солнечного), и свет на хрустале заиграл множеством оттенков.

Вся комната напоена Истомой – сладкое лекарство! Такое маленькое царство Так много поглотило сна – здесь, очевидно, имеется в виду маленькая комната, чьё-то «царство», то есть владение, собственное пространство. Сон, после которого в первые минуты пробуждения чувствуется истомы, послужил «сладким лекарством» (возможно, от упоминавшейся в предыдущей строфе «невыразимой печали»).

Немного красного вина, Немного солнечного мая – И, тоненький бисквит ломая, Тончайших пальцев белизна – в этих строках поэт по два раза употребляет слова *немного* и *тоненький/тончайший*. Этот подчёркнутый «минимализм», а также утоление голода бисквитом (который ломают тончайшими белыми пальцами) и красным вином наводит на мысль о том, что хозяйка «маленького царства» – молодая девушка. Словосочетание «солнечный май» вызывает ассоциацию со временем цветения, свежести, юности, нежности, а также подкрепляет наше предположение о том, что цветочная ваза «проснулась» именно от упавшего на неё солнечного цвета.

В целом после прочтения и осмысления этого стихотворения возникает образ молоденькой девушки, которая весной в своей одинокой девичьей комнатке испытывает какую-то невыразимую печаль, тоску (скорее всего, в ожидании любви) – впрочем, весьма мимолётную и «лечащуюся» сном, вином и бисквитом.

Не настаивая на единственности этой интерпретации, считаем её весьма вероятной, хотя в тексте Мандельштама (как и в стихотворении Б.Л. Пастернака «Девочка»,

послужившем объектом анализа Н.Е. Петровой) «в собственно языковой ткани стихотворения нет не только ни одной номинации девочки, но и вообще номинаций лица» [8, 504]. В данном стихотворении «опорные точки понимания» настолько нечётки, что существует возможность воспринять его и как передачу поэтом своего собственного состояния, и как его отклик на некое прочитанное произведение или увиденную картину, и как впечатление от какого-то конкретного события (знакомство с кем-либо, посещение кинематографа или театра, любовная связь, случайная встреча, визит к кому-то) и т.д. Однако такие важные для стихотворения О.Э. Мандельштама слова, как *два огромных глаза, цветочная ваза, истома, тончайшие пальцы, пальцев белизна* дают косвенные основания предположить, что речь идёт о девушке.

Таким образом, мы рассмотрели способы выявления имплицитных смыслов художественного текста, при этом особое внимание было уделено анализу ключевых слов и понятий конкретного текста. Ключевые слова, представляя собой так называемые «опорные точки понимания», нередко сами содержат в себе имплицитную информацию, для выявления которой требуется дополнительный лингвистический анализ на основании системно-функционального и герменевтического подходов.

Список литературы:

1. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2005. – 944 с.
2. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Наука, 2007. – 592 с.
3. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2014. № 3(2). С. 18–21
4. Стариченок В.Д. Большой лингвистический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 811 с.
5. Грачёв М.А. Лингвокриминалистика. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2009. – 280 с.
6. Бельчиков Ю.А., Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ: Сб. материалов. – М.: Информкнига, 2010. – 208 с.
7. Букарева Ю.В. Лингвистические основы понимания текста // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. №2(2). С. 344–345.

8. Петрова Н.Е. А где же девочка? (Языковой код человека в стихотворении Б.Пастернака «Девочка») // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. №2(2). С. 504–507
9. Широкова Е.Н. Дискурсивность и интертекстуальность как источники поликодовости художественного текста // Вестник Нижегородского университета им.Н.И.Лобачевского. 2015. №2(2). С. 597–600
10. Е.В. Чепкасова Герменевтический и феноменологический подходы к анализу текста // Библиосфера. – 2008. - № 1. С. 39–42.
11. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. – М.: Лабиринт, 1996. – 336 с.
12. Слаповский А. Мы. – М.: Эксмо, 2005. – 544 с.
13. Калинина Л.В. Образ современного человека в языке произведений А.Слаповского (на материале сборника рассказов «Мы») // Русский человек на изломе эпох в отечественной литературе: Сб. статей по материалам Межд. литературно-образовательного форума. Киров, 2007. С. 176–181
14. Калинина Л.В. Язык и общество рубежа XX–XXI веков: актуальность абсурда // Вестник ВятГГУ. – 2012. - №2(1). С. 90–96
15. Смирнова Л.А. «Искры во мраке жизни». Ранняя романтическая проза М.Горького // Русская литература. Советская литература: Справочные материалы. – М., 1998. – С. 214-221
16. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М., 1997. – 352с.
17. Калинина Л.В. В защиту Ужа, или О приоритете конкретного перед абстрактным // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2004. - № 10. - С. 41-43.
18. Мандельштам О.Э. Собрание произведений: Стихотворения. – М.: Республика, 1992. – 576 с.
19. Калинина Л.В. Языковые средства выражения семантики неуловимого в поэзии раннего О. Э. Мандельштама // Филология и культура. Philology and culture. - 2015. – № 4 (42) – С. 76–80.

Ways of identification and interpretation of implicit meanings (on the example of art texts)

L.V. Kalinina

Vyatka State University

In the article the ways of identification of implicit meanings in art texts of different types are considered. On the example of the analysis of three works (the «Theoretical preface» written by A. Slapovsky to his collection of stories «We», «Song about the Falcon» by Maxim Gorky and O. Mandelstam's poem «Inexpressible grief ...») is shown how on the basis of systemic-functional and hermeneutic approaches the identification of implicit meanings of the text can be carried out. The special attention is paid to the analysis of keywords and concepts of the concrete text as keywords, representing so-called «reference points of understanding», which quite often comprise the implicit information which identification requires the additional linguistic analysis.

Keywords: art text, keywords, implicit meanings, systemic-functional approach, hermeneutic approach, interpretation of the art text.

СИСТЕМА МЕТОДОВ СУДЕБНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Л.П. Климович

Сибирский юридический институт МВД России

klimovichl@mail.ru

В статье актуализируются вопросы систематизации методов судебной экономической экспертизы, значение такой систематизации для следственной и судебной практики. Источниками формирования системы методов послужили: научная классификация методов познания, базовые положения теории судебной экспертизы, анализ материалов экспертной практики. Система методов судебных экономических экспертиз представлена тремя блоками: общенаучные методы, частнонаучные методы, специальные судебно-экспертные методы. Конкретные приемы (способы) исследования в каждом блоке предназначены для решения конкретных экспертных задач. В структуре Методических рекомендаций, разрабатываемых ведомственными судебно-экспертными учреждениями, необходимо предусмотреть описание алгоритмов применения каждого конкретного приема судебно-экспертного исследования и их результатов. Соответственно каждое заключение судебного эксперта, как этого требует п. 9 ч. 1 ст. 204 УПК РФ, должно содержать указание на примененные методики экспертного исследования, что позволит в дальнейшем объективно оценить степень научной обоснованности использования методов при проведении судебно-экспертного исследования.

Ключевые слова: судебная экономическая экспертиза: понятие метода; классификация методов.

Установление истины по уголовным делам, связанным с преступной хозяйственно-экономической деятельностью хозяйствующих субъектов, в подавляющем большинстве случаев невозможно без использования в работе органов предварительного расследования и

суда специальных экономических знаний, назначения и производства судебных экономических экспертиз. Учитывая, что судебная экономическая экспертиза играет важную, а иногда и решающую, роль в расследовании преступлений экономической направленности и в основу судебного решения могут быть положены выводы такой экспертизы, немаловажное значение приобретает качество проводимого экспертного исследования, которое в определенной степени зависит от уровня научно-методического обеспечения судебной экономической экспертизы, и компетентности судебного эксперта-экономиста в применении различных приемов и методов экспертного экономического исследования. Компетентность эксперта в этом аспекте во многом зависит не только от его индивидуального уровня квалификации, но и от качества его профессиональной подготовки, которая должна базироваться на фундаментальных положениях теории и методики судебной экономической экспертизы. В этой связи систематизация методов судебной экономической экспертизы, основанная на анализе материалов экспертной практики, является актуальным направлением исследования.

Метод – это элементарный, выработанный на основе знания объективных закономерностей, стандартный способ (правило) теоретического или прикладного исследования, направленный на достижение определенного результата или решение некоторой задачи. Такое определение метода позволяет отграничить его от понятия «методика», которая, во-первых, является практическим применением использования научно обоснованных методов исследования, во-вторых, представляет собой определенный алгоритм (порядок), последовательность действий, в том числе применения различных методов.

Обратимся к сущностной характеристике метода (системы методов) судебно-экспертной деятельности. Наиболее удачным, на наш взгляд, является понятие методов судебной экспертизы, данное в Энциклопедии судебной экспертизы и ряде других изданий: методы экспертной практической деятельности представляют собой системы действий и операций по решению практических экспертных задач, которые формируются и основываются на:

соответствующих научных методах;

характере и свойствах объекта деятельности;

опыте решения конкретных практических задач, в том числе на алгоритмических правилах и разработанных самим экспертом эвристиках [1, 224; 2, 244].

В представленном определении раскрываются источники формирования методов и их функциональное назначение. Вместе с тем представляется необходимым внести в определение некоторое уточнение, подчеркнув функциональные возможности метода (или их

совокупности): каждый метод (или их совокупность) применяется для решения определенного круга задач [3]. Кроме того, учитывая вышеизложенное, важно отметить, что метод или система методов судебной экспертизы входит в содержание экспертной методики.

Важным в познании сущности экспертного метода является раскрытие его структуры, которая представлена тремя элементами [4]:

обосновывающая часть (раскрывает научную базу формирования (происхождения) метода и возможные результаты его применения);

операционная часть (действия, приемы и операции осуществления метода);

техническая часть (материальные и технические средства, позволяющие реализовать метод).

Не меньшее значение в раскрытии познавательных возможностей того или иного метода, группы методов (что, в свою очередь, определяет допустимость метода, а также возможность оценки результатов экспертного исследования) имеет классификация методов. Она же позволяет определить перспективные направления научных исследований по разработке новых методик и модернизации существующих. Раскрытию значения систематизации и разработке системы методов судебно-экспертного исследования посвящены фундаментальные работы Т.В. Аверьяновой [5], Р.С. Белкина [6, 118], А.И. Винберга и Н.Т. Малаховской [7, 68-93], А.И. Винберга и А.Р. Шляхова [8], Е.Р.Россинской [9], и других ученых.

В научной литературе предлагаются различные основания классификации методов судебных экспертиз:

степень общности и субординации;

целевое назначение и результаты;

характер получаемой информации (свойства и признаки объектов);

стадии экспертного исследования (методы, применяемые на стадиях: подготовительной, аналитической, сравнительной синтезирующей);

области наук, из которых заимствованы методы (математические, физические, биологические и т.д.).

Применительно к классификации методов судебно-экономических экспертиз, представляется, что наиболее информативной и значимой для разработки методик решения конкретных экспертных задач, то есть для использования в практической деятельности, является их классификация по степени общности и субординации (как универсальное основание классификации методов судебной экспертизы любого класса). Обратимся к анализу подходов к классификации методов судебной экспертизы по степени общности и

субординации. Большинство ученых едины в том, что существует четыре группы методов исследования:

всеобщий диалектико-материалистический метод;

общие или общенаучные методы;

частнонаучные методы; или частные инструментальные и иные вспомогательно-технические приемы; или общеэкспертные;

специальные методы, то есть монообъектные, приспособляемые для исследования конкретного, единичного объекта, или методы, функции которых выполняют специализированные методики экспертного исследования, или частноэкспертные методы.

Появление представленной выше системы методов закономерно, учитывая, что источником ее формирования являлась фундаментальная классификация методов познания. Так, Б.М. Кедров предлагал деление методов на общие (диалектический метод), особенные (применяемые во всех науках, но соотносимые с какой-либо одной формой движения материи) и частные (действующие в каждой отдельной отрасли науки и связанные со специфическим характером отдельных форм движения материи) [10, 35-50]. П.В. Копнин предложил деление методов на философские и специальные, положив в основу деления теоретические системы, из которых возникают методы. Специальные методы ученым сгруппированы следующим образом: специальные общенаучные, применяемые различными науками; частные специальные методы, вырабатываемые применительно к той или иной области знания, в их числе и частные специальные методы, имеющие очень узкое применение, образующие частные приемы исследования в отдельных науках, которые, по мнению ученого, правильнее называть методиками [11, 515, 521].

В классификации общих методов судебной экспертизы, как и в философских классификациях методов, среди ученых отсутствует единство мнений. Так, Т.В. Аверьянова в их числе указывает наблюдение, сравнение, описание, измерение, эксперимент, моделирование, исторический метод [1, 225]; А.И. Винберг и А.Р. Шляхов – наблюдение, измерение, описание, планирование, эксперимент, моделирование, построение гипотез, методы прикладной математики, программно-математические методы применения ЭВМ [8, 75-79]; авторы методического пособия «Основы судебной экспертизы» [2, 248-250] – наблюдение, измерение, описание, эксперимент, моделирование. Это объясняется тем, что судебная экспертиза динамично развивается, что, в свою очередь, способствует поиску и внедрению в экспертную практику современных и эффективных методов, обусловленных достижениями науки и техники.

Учитывая, что источником формирования классификации методов судебной экспертизы послужила классификация методов научного познания, а также тот факт, что отсутствует единый подход к классификации общих методов судебной экспертизы, сформулируем следующую исходную посылку к обоснованию классификации методов СЭЭ. Ее построение основывается, во-первых, на научных основах теории и методологии познания, во-вторых, на общетеоретических положениях судебной экспертизы в том смысле, что методы, применяемые при производстве судебных экономических экспертиз, должны быть заимствованы из базовых экономических наук. В-третьих, необходимо учесть, посредством исторического анализа, накопленный опыт применения методов судебно-бухгалтерских и экономических экспертиз и результаты современной экспертной практики о применяемых методах экспертного исследования.

Представляя систему методов судебных экономических экспертиз, необходимо основываться на понятии «метод судебной экономической экспертизы». В работе [12, 255-258] на основе анализа определений метода судебно-бухгалтерской экспертизы сформулировано следующее понятие метода судебной экономической экспертизы как класса: метод судебно-экономической экспертизы представляет совокупность применяемых экспертом методических приемов (сформированных на основе общенаучных методов, методов информационно-аналитических и экономико-правовых наук) исследования зафиксированной на материальных носителях информации о содержании учетных и экономических операций, связанных с противоправной деятельностью.

Исходя из определения система методических приемов судебных экономических экспертиз может быть представлена как трехуровневая система (в основе которой классификация методов, предложенная П.В. Копниным [11, 515,521]), включающая общенаучные методы, частнонаучные методы, специальные судебно-экспертные методы (рис.1).

1. Общенаучные методы. В этом блоке систематизированы методы научного познания, которые являются основополагающими для всей создаваемой системы методов. Так, моделирование как научный метод является базовым и в бухгалтерском учете, и в экономическом анализе, а также, согласно теоретическому обобщению В.К. Степутенковой [13], является одним из базовых методов СЭЭ, трансформированным для целей экспертного исследования. На основе исторического и логического общенаучных методов основано применение ряда методов экономического анализа (например, исчисление средних хронологических величин), статистики, а также метода хронологических несоответствий в экономико-криминалистическом анализе, метода хронологического анализа операций по

документам, относящегося к третьей группе приемов исследования документальных данных в судебной бухгалтерии.

Разработанные Методические рекомендации по проведению финансово-экономической экспертизы, назначенной в ходе предварительного следствия, судебного разбирательства уголовных дел, возбужденных по признакам преступления, предусмотренного [статьей 196](#) Уголовного кодекса Российской Федерации [14], предполагают моделирование как один из основных способов экспертного исследования, сущность которого состоит в исследовании экономических явлений и процессов и отражающих их систем счетных записей и показателей путем построения и изучения их моделей. Так, п. 4.3.6 Методических рекомендаций предполагается определение тенденций изменения балансовой стоимости активов организации за исследуемый период, их структуру, а также возможность реализации имущества (имущественных прав), принадлежащего должнику, в срок, не превышающий трех месяцев с даты принятия решения о его реализации.

Содержание общенаучных методов реализуется в непосредственном применении методов информационно-аналитических наук и судебно-экспертных методов.

Рис. 1. Система методов класса судебно-экономических экспертиз.

1. Общенаучные методы																
Сравнение		Измерение		Абстрагирование		Анализ и синтез		Моделирование		Формализация		Исторический и логический методы		Индукция и дедукция		
2. Частнонаучные методы (методы информационно-аналитических наук)																
Метод бухгалтерского учета			Метод экономического анализа						Методы других наук							
Моделирование (М)			Исчисление абсолютных, относительных и средних величин	Сравнение показателей	Группировка показателей	Индексный метод	Метод цепных подстановок	Балансовый метод	Экономико-математические методы	Статистическая группировка и статистические таблицы	статистики		оценочной деятельности		...	
М факта хозяйственной жизни	М равновесия	М структуры									Доходный подход	Сравнительный подход	Затратный подход	
3. Судебно-экспертные методы, сформированные на базе методов экономико-правовых наук																
Элементы метода судебной бухгалтерии			Элементы метода экономико-криминалистического анализа						Элементы метода других наук							
1. Приемы документального анализа: отдельного документа; взаимосвязанных документов по одной операции; документов по аналогичным операциям			Метод сопряженных показателей Метод предельных расчетных показателей Метод стереотипов Метод корректирующих показателей Метод бухгалтерских несоответствий Метод хронологических несоответствий						СЭЭ*		...					
2. Приемы бухгалтерского анализа			Моделирование систем счетных записей и показателей						Информационный анализ балансовых взаимосвязей		...					

2. Частнонаучные методы. В основу построения этого блока положены методы информационно-аналитических наук. Такой подход обосновывается тем, что в системе экономических наук, составляющих фундамент специальных экономических знаний, данный блок имеет первостепенное значение, так как именно эти науки формируют систему методов судебно-экспертного экономического исследования. В качестве методов базовых информационно-аналитических наук выступают методы бухгалтерского учета, методы экономического анализа, методы оценочной деятельности. О необходимости и целесообразности отнесения экономико-стоимостной (оценочной) экспертизы к классу судебных экономических экспертиз, в том числе включения ее в ведомственные приказы, пишут в работах А.Ф. Волынский, В.А. Прорвич [15], А.А. Савицкий [16].

Метод бухгалтерского учета в различной научной и учебной литературе трактуется по-разному. В большинстве учебных изданий он излагается как набор определенных инструментов (элементов), обеспечивающих процедуру ведения учета (документация, инвентаризация, оценка и калькуляция, счета и двойная запись, баланс и отчетность). Такой подход в определенной степени оправдан, когда учет рассматривается как вид практической деятельности. Но применительно к деятельности судебного эксперта, который не вправе осуществлять бухгалтерские процедуры, в большей степени соответствует понимание в качестве метода бухгалтерского учета метода моделирования. Я.В. Соколов в фундаментальной работе [17, 127-172] раскрывает содержание моделирования как метода бухгалтерского учета, который позволяет «изучать факты хозяйственной жизни и хозяйственные процессы не прямо и непосредственно, а через специально созданные их образы и описания – символы» [17, 127]. Три разновидности моделирования (см. рис. 1) сформированы исходя из системы задач, решаемых в счетоведении [17, 161-169].

Метод экономического анализа в работе М.И. Баканова, М.В. Мельник и А.Д. Шеремета представлен как «системный комплексный подход к изучению результатов деятельности хозяйствующего субъекта, выявлению и измерению противоречивого влияния на них отдельных факторов, обобщению материалов анализа в виде выводов и рекомендаций на основе обработки специальными приемами всей имеющейся информации о результатах этой деятельности» [18, 135]. Традиционные методы (использование абсолютных, относительных и средних величин, применение сравнения, группировки, индексного метода, метода цепных подстановок, балансового метода) и математические методы экономического анализа, бесспорно, являются базовыми методами в методиках судебно-экономических экспертиз (в частности, финансово-аналитической экспертизы, проводимой в экспертно-

криминалистических подразделениях органов внутренних дел; финансово-экономической экспертизы – в судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции России).

Методы других экономических наук, эпизодически применяемые при производстве судебных экономических экспертиз, после накопления и обобщения данных экспертной практики должны дополнить предлагаемую систему методов.

3. Блок судебно-экспертных методов сформирован на базе методов экономико-правовых наук и проведенного исторического анализа подходов к классификации методов судебно-бухгалтерской и других судебно-экономических экспертиз и анализа данных современной экспертной практики. К методам данного блока в настоящее время отнесены методы таких экономико-правовых наук как судебная бухгалтерия и экономико-криминалистический анализ.

Представляется вполне обоснованным считать, что методы третьего блока (так же как и методы второго блока) в настоящее время не могут быть окончательно сформированы по следующим причинам.

Во-первых, перед судебно-экспертной практикой возникают все новые экспертные задачи, направленные на изучение свойств объектов. Так, в последние годы судебными экспертами-экономистами органов наркоконтроля выполнялась экономико-стоимостная (оценочная) экспертиза. Предметом данной экспертизы является установление рыночной стоимости машин, оборудования, транспортных средств, объектов недвижимости, в том числе земельных участков, зданий, сооружений, жилых квартир, имущественных комплексов, предприятий (бизнеса), ряда иных активов, в том числе нематериальных. Экономико-стоимостные экспертизы назначаются для определения стоимости имущества, полученного в результате совершения преступлений (приобретенного преступным путем), а также используемого в преступной деятельности. Специфика экспертной методики в каждом конкретном случае зависит от вида и особенностей объекта оценки, и перечня документов, предоставленных эксперту на исследование. При производстве экономико-стоимостной экспертизы эксперт использует различные приемы и методы оценки исследуемого объекта [19]. В основе методики производства судебной экономико-стоимостной экспертизы лежат методические подходы, применяемые в оценочной деятельности [20]. В этой связи методы оценочной деятельности отнесены к блоку информационно-аналитических наук, которые при производстве экономико-стоимостных экспертиз трансформируются для решения экспертных задач.

Во-вторых, дополнение уголовного закона новыми составами преступлений в сфере экономической деятельности может потребовать от экспертной практики разрешения

принципиально новых экспертных задач, что повлечет внедрение новых методов исследования.

В-третьих, разрешение новых экспертных задач, а значит, разработка и практическое применение новых экспертных методов может быть обусловлено появлением специфических, ранее неизвестных способов совершения преступления.

Если рассматривать прикладное значение приведенной систематизации методов судебной экономической экспертизы, то следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Существующая проблема отсутствия надлежащего методического обеспечения производства судебных экономических экспертиз конкретного рода (вида) в государственных судебно-экспертных учреждениях различных ведомств не только осложняет проведение конкретного исследования, но и не позволяет органам предварительного расследования и судам давать объективную оценку достоверности заключения эксперта, в том числе научной обоснованности и целесообразности примененной экспертом методики. Кроме того, отсутствие таких экспертных методик негативно влияет на процесс обучения и аттестации экспертных кадров [21]. В этой связи в структуре Методических рекомендаций, разрабатываемых ведомственными судебно-экспертными учреждениями, необходимо предусмотреть описание алгоритмов применения каждого конкретного приема судебно-экспертного исследования и результатов его применения. Соответственно каждое заключение судебного эксперта, как этого требует п. 9 ч. 1 ст. 204 УПК РФ, должно содержать указание на примененные методики экспертного исследования, что позволит в дальнейшем объективно оценить степень научной обоснованности использования методов при проведении судебно-экспертного исследования.

Список литературы:

1. Энциклопедия судебной экспертизы / Под ред. Т.В. Аверьяновой, Е.Р.Россинской. – М.: Юристъ, 1999. – 552 с.
2. Основы судебной экспертизы. Ч.1. Общая теория: Метод. пособие для экспертов, следователей и судей / Отв. ред. Ю.Г. Корухов. – М.: РФЦСЭ, 1997. – 430 с.
3. Методологические основы научного познания: Учеб. пособие / Под ред. П.В.Попова. – М.: Высшая школа, 1972. - С. 204
4. Основы судебной экспертизы. Ч.1. Общая теория : методическое пособие для экспертов, следователей и судей / отв. ред. Ю.Г. Корухов. – М. : РФЦСЭ, 1997. – С. 246-247.

5. Аверьянова, Т.В. Методы судебно-экспертных исследований и тенденции их развития : дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Аверьянова Татьяна Витальевна. – М., 1994.
6. Белкин, Р.С. Криминалистическая энциклопедия. – М. : Издательство БЕК, 1997. – 342 с.
7. Винберг, А.И. Судебная экспертология (Общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз) : учебное пособие / А.И. Винберг, Н.Т. Малаховская. – Волгоград : Высшая следственная школа МВД СССР, 1979. – 183 с.
8. Винберг, А.И. Общая характеристика методов экспертного исследования / А.И. Винберг, А.Р. Шляхов // Общее учение о методах судебной экспертизы : сборник научных трудов. Вып.28. – М. : ВНИИСЭ, 1977. – С. 54-93.
9. Россинская, Е.Р. Проблемы систематизации и классификации методов экспертного исследования / Е.Р. Россинская // Проблемы криминалистической теории и практики : сб. научн. тр. / отв. ред. А.Ф. Волынский – М. : ЮИ МВД России, 1995. – С. 59-70.
10. Кедров, Б.М. Предмет и взаимосвязь естественных наук / Б.М.Кедров. – 2-е изд. – М. : Изд-во «Наука», 1967. – 436 с.
11. Копнин, П.В. Гносеологические и логические основы науки /П.В. Копнин. – М. : «Мысль», 1974. – 568 с.
12. Климович, Л.П. Судебно-экономические экспертизы: теоретические и методические основы, значение при расследовании преступлений : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.09 / Климович Лариса Петровна. – Красноярск, 2004. – 484 с.
13. Степутенкова, В.К. Глава 21. Судебно-экономическая экспертиза // Современные возможности судебных экспертиз : методическое пособие для экспертов, следователей и судей / Степутенкова В.К. – М. : «Триада – Х», 2000. – С. 188-206.
14. Методические рекомендации по проведению финансово-экономической экспертизы, назначенной в ходе предварительного следствия, судебного разбирательства уголовных дел, возбужденных по признакам преступления, предусмотренного статьей 196 Уголовного кодекса Российской Федерации : приложение к приказу Минэкономразвития России от 5.02.2009 № 35.
15. Волынский, А.Ф. Роль экспертного сообщества в развитии новых видов судебно-экономической экспертизы / А.Ф. Волынский, В.А. Прорвич // Эксперт-криминалист. – 2013. - № 1;
16. Савицкий, А.А. Актуальные проблемы судебной экономической экспертизы / А.А. Савицкий // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2015, № 10.

17. Соколов, Я.В. Основы теории бухгалтерского учета / Я.В. Соколов. – М. : Финансы и статистика, 2000. – 496 с.
18. Баканов, М.И. Теория экономического анализа : учебник / М.И. Баканов, М.В. Мельник, А.Д. Шеремет. – 5-е изд., перераб. и доп.– М. : Финансы и статистика, 2005. – 536 с.
19. Методические рекомендации по производству экономико-стоимостных (оценочных) экспертиз и исследований стоимости машин, оборудования и транспортных средств в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ / М.Е. Сергеевич, Т.В. Брыскова, Е.В. Акчурина / под. ред. к. ф.-м.н. С.В. Сыромятникова – М.: ЭКУ 9 Департамента ФСКН России, 2013.
20. Пособие расчетных определений рыночной стоимости объектов недвижимости, транспортных средств и иных активов при производстве экономико-стоимостных (оценочных) экспертных исследований / М.Е. Сергеевич, Т.В. Брыскова, Л.П. Климович, В.О. Шматко / под ред. к.ф.-м.н. С.В. Сыромятникова – М.: ЭКУ 9 Департамента ФСКН России, 2014.
21. Янчуркин, О.В. Надзор за исполнением законодательства об экспертной деятельности в ходе предварительного расследования / О.В. Янчуркин, Ж.А. Николаева // Законность. – 2015. - № 7.

System of legal economic expertise methods

L.P. Klimovich

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

The article considers questions of systematization of legal economic expertise methods and significance of such systematization to investigative practices and legal precedents. The sources of the system are scientific classification of cognitive methods, basic concepts of the legal enquiry theory, analysis of the investigation practice experience. System of legal economic expertise methods is represented in three blocks: general scientific methods, specific scientific methods, special legal enquiry methods. Particular ways of investigation in each block are used to solve particular legal expertise problem. The structure of the Methodological recommendations made by national department legal expert institutions should involve description of the application and the results of every particular method of legal expertise. Consequently, every legal expert's report, as is stated in the Criminal-Procedural Code of the Russian Federation, article 204, part 1, point 9, should contain the reference to the applied methods of the expertise. This gives an opportunity to evaluate effectively the degree of scientific validity of applying these methods in the process of legal expertise.

Keywords: legal economic expertise; definition of method; classification of methods

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЭКСПЕРИМЕНТА ПРИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УТВЕРЖДЕНИЙ О ФАКТАХ И ОЦЕНОЧНЫХ СУЖДЕНИЙ

В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ТЕКСТА

М.П. Котюрова, Е.В. Левченко

Пермский государственный национальный исследовательский университет

kotyurova@yandex.ru

Статья посвящена обсуждению возможностей применения эксперимента в судебной экспертизе текста. Обобщаются трудности лингвистической оценки публицистического текста, подлежащего судебной экспертизе, при дифференциации утверждений о фактах и оценочных суждений. Обоснована необходимость выделения двух видов субъективного мнения говорящего – обоснованного мнения и интерпретационного суждения. Рассматриваются преимущества использования лингвистического эксперимента в экспертном заключении по делу о защите деловой репутации. Описана стратегия применения психологического эксперимента в психолого-лингвистической экспертизе по делам о защите деловой репутации.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, судебная психолого-лингвистическая экспертиза, публицистический текст, факт, оценочное суждение, обоснованное мнение, интерпретационное суждение, эксперимент.

Одним из распространенных вопросов, для решения которых проводится судебная экспертиза текста, является разграничение утверждений о фактах и оценочных суждений, т.е. мнений. В лингвистике, психологии, психолингвистике вышеназванная проблема находится на этапе критического осмысления сложившихся теоретических подходов. Естественно, что в такой научно-познавательной ситуации единая методика экспертного анализа спорных высказываний отсутствует [9]. В связи с этим дифференциация высказываний на утверждения о фактах и оценочные суждения вызывает значительные затруднения. Между тем проблема разграничения таких спорных высказываний оказывается особенно актуальной для выполнения судебной психолого-лингвистической экспертизы публицистического текста на темы современного бизнеса, в связи с делами о защите деловой репутации.

Специфической чертой бизнес-коммуникации является то, что она реализует не только (и не столько) функцию передачи информации, и даже не только функцию общения между различными субъектами, но, в первую очередь, функцию аргументационного взаимодействия. В процессе такого взаимодействия информация не просто передается от одного субъекта к другому, она выступает как предмет интерпретации [10]. Поэтому вполне справедливо считать, что бизнес-коммуникация диалогична: она предполагает не только утверждение, в котором лишь отображаются, констатируются события, но и выражение и аргументацию мнения говорящего. "Аргументация является социальной, интеллектуальной, вербальной

деятельностью, служащей тому, чтобы оправдать или опровергнуть мнение, – деятельностью, состоящей из набора утверждений и направленной на получение одобрения от аудитории" [12, 112].

Ясно, что проблема разграничения факта и уверенного мнения по-прежнему требует дальнейших усилий лингвистики [4], стимулирует к поиску решения в смежных науках, в частности, в логике. Так, Г.Г. Почепцов видит один из возможных подходов к названной проблеме в теории аргументации Франса ван Еемерена и Роба Гроотендорста, место которой "между" лингвистикой и логикой. Аргументы определяются этими авторами как утверждения, выдвинутые для оправдания или опровержения мнения [12].

В рассматриваемом плане представляется существенным и утверждение А.А. Зализняк о том, что понятие «факт» имеет ментальный характер [7]. Понятие факта формируется в мире знания, принадлежит к логическому, а не реальному пространству [1], даже если оно имеет своим источником реальное событие и суждение о нем как социально либо порицаемое, либо одобряемое. Исходные условия (аргументы) оценки уходят корнями в дискурс (читатель – социально зрелый гражданин или подросток, похититель или пострадавший, истец или ответчик и др.). Например: *Иван уехал на машине Петра, не спросив его разрешения.* Очевидно, что это событие реальной действительности в контексте будет сопровождаться различными оценками, а именно на основе его чрезвычайно богатой прагматики и в соответствии с нею.

Выход из положения при разграничении утверждений о фактах и мнений в публицистических текстах, посвященных вопросам защиты чести в публицистических текстах, затрагивающих вопросы бизнес-коммуникации, часто ищут в обращении к концепции критериев [2], то есть в поиске тех критериев (языковых признаков), которым должно соответствовать утверждение о факте в отличие от выражения мнения. Однако по ключевому для подобных дел вопросу о том, какими языковыми признаками должно обладать утверждение о факте, нет единого мнения [8].

Как известно из грамматики русского языка, к числу лингвистических признаков выражения мнения относят повествовательные предложения с маркерами *я считаю, я думаю, по моему мнению, предполагаю, что* и др. Однако существует и другая точка зрения, в соответствии с которой отсутствие маркеров восполняется контекстом высказывания, поскольку «констатировать факт “в чистом виде”, в отвлечении от каких бы то ни было субъективных моментов невозможно, потому что само понятие факта ориентировано на мир знаний говорящего, тем более что субъективная оценка элиминируется в тех случаях, когда она может рассматриваться как ненужная подробность, и сохраняется, когда она оказывается конституирующим свойством факта» [3, с.129-130]. На наш взгляд, дифференциация субъективной оценки на «ненужную подробность» и «конституирующее свойство факта»

обусловлена субъективной (другой она и не может быть!) позицией читателя, индифферентного или заинтересованного, эксперта – лингвиста или психолога (каждый находит аргументы, важные, прежде всего существенные, с его точки зрения).

Поэтому именно в интерпретации говорящего содержание предложения соответствует действительности и представлено как реальный факт. Например, в разговорной речи: *Смотри-ка, по-моему, дочь заметно подросла*. Маркер субъективной оценки *по-моему* может и отсутствовать, однако утверждение вполне определенно находится в пространстве мнения субъекта о действительности (*заметно* – с точки зрения говорящего), хотя формально соотносится (соотнесено говорящим) с явлением как реальным фактом (*дочь подросла*). Более глубокая интерпретация этого высказывания, несомненно, требует обращения к подтексту, или дискурсу, в котором находится данное предложение: а) дочь, вероятно, нездорова, поэтому испытывала затруднения в физическом развитии; б) отец, может быть, находился в командировке, а дочь за время его отсутствия подросла. В данном случае динамика реального события описана с субъективной точки зрения говорящего, а именно как его мнение, поскольку сравнение *росла – подросла* произведено на основе личного наблюдения.

Рассмотрим фрагмент публицистического текста (здесь и далее имена собственные сокращены до инициалов): «Поскольку из ОАО «Порт П.» не было возможно вывести причальную стену, которая обеспечивает доступ к этим участкам, Б. запланировал размыть долю М. Р. и заполучить компанию в свои руки». Личное наблюдение говорящего относительно того, что *не было возможно вывести причальную стену* (может быть, в действительности и возможно!), явилось основанием для субъективного, недоказуемого, мнения об интенции Б., который **запланировал размыть долю М. Р. и заполучить компанию в свои руки**.

Еще пример из того же публицистического текста: «Каждую весну они продают по три – пять судов... В этом году продали два корабля и плавкран. Краны, которые мы пока видим, давно проданы на металлолом, их скоро будут распиливать». Как видно из контекста высказывания, говорящий сообщает факты, известные широкому кругу информационного пространства вокруг ОАО «Порт П.», не ссылаясь на чью-либо точку зрения, т.е. источник информации. Отсюда можно квалифицировать факты продажи судов, принадлежащих ОАО «Порт П.», как фоновые знания автора и читателя. Тем самым читатель как бы вовлекается в состав тех лиц, которым известно о продаже судов. Далее сообщается уточняющая, конкретизирующая информация, посредством маркера *Каждую весну – В этом году* приближающая к сиюминутной реальной действительности. Вместе с тем эти маркеры имеют весьма неопределенный характер, поэтому можно считать, что они ориентированы на передачу субъективно обобщающего мнения. Характерно, что такая субъективно обобщающая информация служит основанием для следующего за ней суждения типа *Краны,*

которые мы пока видим, давно проданы на металлолом, их скоро будут распиливать. Как видим, дистанция между автором и читателем сокращается, иначе говоря, адресант и адресат объединяются с целью восприятия одного и того же явления действительности и вынесения единой (общей) субъективной оценки. Высказывание с глаголом в форме настоящего времени несовершенного вида *мы пока видим*, а также в форме будущего времени *их (краны) ... скоро будут распиливать* соотносится с неопределенным (неизвестно, как долго мы будем их рассматривать, обратят ли другие люди на них внимание, действительно ли распилят эти краны и т.д.), значит, субъективным мнением.

Из литературы по теории аргументации известно, что в русском языке сформировались специальные синтаксические конструкции для выражения аргумента того или иного явления, – сложноподчиненные предложения с придаточными причины. В силу очевидной функциональной значимости причинно-следственных предложений для выражения аргументации в тексте [5], мы обратим внимание на высказывания аргументативного типа, в которых причина соотносится с целью: «*Б. запланировал размыть долю М. Р. и заполучить компанию в свои руки*». Эта цель-причина служит сильным аргументом последующих событий, описываемых автором текста.

Применим к содержанию текста широко известную в когнитивной лингвистике модель поля, имеющего ядерно-периферийную структуру. В таком случае легко представить себе структуру содержания текста бизнес-коммуникации: ядро ориентировано (преимущественно) либо на информативную, либо на воздействующую функцию. Естественно, что ядро обуславливает периферийное пространство поля. Как представляется, из двух (минимально) противоположных ситуаций – с акцентом на информативности и с акцентом на воздействующей функции типичным для бизнес-коммуникации текстом является тот, который в большей степени будет способен воздействовать на восприятие содержания читателем и изменение его сознания. Ясно, что, исходя из этого положения важно установить «квант» мысли автора, составляющий ядро функционально-семантического поля текста.

Вернемся к рассмотренному выше фрагменту текста: «*Б. запланировал размыть долю М. Р. и заполучить компанию в свои руки*». Именно это высказывание автора текста является ядерным в функционально-семантическом отношении, в свою очередь, организующим все содержание текста, подчиненное данному ядру и, можно сказать, представляющим собой периферию (употребляется терминологически, т.е. безоценочно) содержания.

Другой пример: «Кредитор ОАО «Порт П.» – компания «Е.» – *хочет доказать, что* иностранные акционеры владеют пермским портом незаконно». И здесь цель-причина, оформленная в виде интенции (интерпретационного мнения о намерении другого человека, т.е. о субъективном знании). См. также: *Кредитор ОАО «Порт П.» ... намерен во что бы то ни стало доказать неправомерность действий нынешнего руководства порта*. Интенция

намерения выступает в качестве «идеальной причины», повернутой из перспективы в настоящее время, и обуславливает все дальнейшие действия и события, в частности: «*Тем временем* финансовое состояние стратегического объекта ухудшается. Рабочий персонал порта ... переведен на трехдневную рабочую неделю... зимний ремонт флота не состоялся ... банкротство наступит примерно в середине 2015 года, после чего ... финансовые активы ... будут переправлены за рубеж».

Заключая это рассуждение, мы считаем возможным утверждать, что интенция говорящего (как недоказуемая цель-причина) *притягивает* к себе содержательно неопределенные утверждения, которые позволяют выразить субъективную оценку (*ухудшается*), которая неизбежно распространяется на дальнейшие высказывания. См.: *переведен* – фоновое знание о рабочей неделе конкретизирует ситуацию, обуславливая субъективную оценку, поддерживает уже выраженное (*ухудшается*) негативное мнение; *ремонт не состоялся* – дискурсивное, экстралингвистическое знание позволяет квалифицировать высказывание как не просто отрицательное, но с учетом восприятия адресата именно как негативное; *банкротство наступит, активы будут переправлены за рубеж* – глаголы в форме будущего времени ориентированы на неопределенность событий, свидетельствующую о субъективном восприятии действительности, а значит, о *субъективной оценке*.

Полевая структура смысла текста позволяет установить исходную интенцию автора, объединить вокруг нее периферийную (но важную и необходимую для развития ситуации в коммуникативном процессе) и определить роль каждого фрагмента текста по отношению к истцу.

Отобранные говорящим и использованные им языковые единицы, ориентированные на выражение субъективной оценки, могут относиться к таким частям речи, как неопределенные местоимения (*каждый, всякий, некоторые* и др.), наречия (*езде, всюду, иногда, кое-где, потом, затем* и др.), существительные (*человек, люди, руководители* и др.). Маркерами субъективной оценки описываемого события могут выступать также алогизмы, представленные в речевых погрешностях, в частности, неточном (вразрез с логикой) употреблении союзов, а также нарушениях логико-семантических отношений между понятиями, (например, *люди, но руководители* при этом исключены из их числа). Кроме того, маркерами субъективной оценки могут служить некоторые синтаксические конструкции (уточняющие, пояснительные, ограничительные и др.), манипулятивные отсылки к необходимой, с точки зрения говорящего, информации (*с точки зрения корпоративного права – а может быть, прецедентного?*).

Анализ фрагментов исследованных текстов свидетельствует о том, что маркеры субъективной оценки широко используются говорящим, причем одни утверждения прямо

выражают мнение, а другие используются как аргументы, выдвинутые для оправдания его мнения.

Следовательно, можно говорить о наличии, по крайней мере, двух видов субъективного мнения говорящего – обоснованного мнения и интерпретационного суждения. Обоснованное мнение представляет собой субъективное утверждение с описанием логических отношений причины, условия, цели события. Интерпретационное мнение – субъективное мнение *об интенциях другого человека* относительно причины, условия, цели между событиями.

Другая возможность обсуждения разграничения утверждений о фактах и оценочных суждений появляется при использовании лингвистического эксперимента, который помогает выявить в тексте имплицитную субъективности и обнаружить доказательства влияния на восприятие сообщения использованных в нем лексических средств. Для проведения эксперимента из фрагментов исследуемого публицистического текста, содержащих лексические средства, выражающие мнение (и предназначенные для оказания воздействия на адресата высказывания, направленного на обеспечение согласия с позицией говорящего, присоединение к ней), эти средства были устранены и/или заменены на другие, позволяющие передать лишь констатирующую информацию (Табл.1).

Как следует из Табл. 1, субъект речи использует в рассмотренных высказываниях лексические средства, характерные для устной разговорной речи. Стремление в публицистической речи отступить от нормы строгого изложения, упростить слог, привлечь средства разговорной речи отмечено О.А.Лаптевой [11]. Основная функция этого вида речи – коммуникативная, а задачи состоят в том, чтобы войти в контакт с собеседником, в наиболее адекватной форме передать, прежде всего, свое мнение, отношение к предмету речи, а также информацию о действительности [6].

Использование эксперимента позволяет выявить и продемонстрировать лексические средства передачи субъектом речи своего мнения в анализируемых фрагментах текста. Так, к ним относятся использование жаргонизмов (*генерит деньги*), неправомερных обобщений, приводящих к алогизмам (*каждую весну* – с примером *в этом году*, хотя год только начался и идет зима, *люди* (из числа которых исключены руководители), *никто*), противительного союза (*зато*), субъективных оценок длительности и величины (*давно, значительную часть*).

Помимо лингвистического эксперимента в решение задачи разграничения утверждений о фактах и мнений может внести свою лепту и психологический эксперимент. Его целью может быть исследование особенностей восприятия, запоминания, понимания спорных фрагментов текста и/или их лингвистических модификаций его потенциальными (вероятными) читателями в контролируемых и управляемых условиях. Результаты

эксперимента помогут показать, действительно ли воздействие текста на аудиторию и его последствие является столь эффективным, сколь это представляется истцу в деле о защите деловой репутации. Применение эксперимента в уже получившей распространение комплексной психолого-лингвистической экспертизе [13] будет стимулировать поиск новых направлений в решении труднейшей проблемы дифференциации утверждений о факте и оценочных суждений в делах о защите деловой репутации.

*Таблица 1. Результаты лингвистического эксперимента
(доказательство наличия в утверждениях субъективной оценки, т.е. мнения)*

Исходные фрагменты текста (представленные на экспертизу)	Преобразованные фрагменты текста, содержащие исключительно утверждение о факте	Лексические средства, с помощью которых передается субъективная оценка (мнение)
Порт «генерит» но Б. их выводит за границу, в Чехию.	Порт приносит деньги.	«генерит» деньги,
Каждую весну они продают по три-пять судов...	Весной они продают три- пять судов...	Каждую, по
В этом году продали два корабля и плавкран.	25 января продали два корабля и плавкран.	В этом году [но не весной, так как дата публикации зимняя, а не весенняя, то есть границы временного отрезка (года) оцениваются субъективно]
Краны, которые мы пока видим, давно проданы на металлолом,	Краны проданы на металлолом,	Пока, давно
Не платится зарплата, налоги,	Организация не выплачивает зарплату работникам, налоги государству	Не платится зарплата, налоги,
Туда даже не обращались,	Туда не обращались,	Даже
С Нового года люди переведены на трехдневную рабочую неделю,	С Нового года рабочие/служащие переведены на трехдневную рабочую неделю,	Люди [руководители исключены из объема этого понятия]
потеряли значительную часть заработной платы.	Потеряли 70% заработной платы.	Значительную часть
Зато руководителей добавилось,	Руководителей добавилось,	Зато
Причину сокращения рабочей недели никто не объясняет,	Причину сокращения рабочей недели не объясняют,	Никто

Список литературы:

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. — М., 1988. 341 с.
2. Бринев К.И. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о религиозном экстремизме // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С.7-13
3. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. «Правда факта» и «правда больших обобщений» // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995. С. 126-138
4. Доронина С.В. Факт: семантика и прагматика: Материалы конференции "Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика", 2010. URL:http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2010/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/fakt_semantika_i_pragmatika_/2-1-0-31. Дата обращения 15.12.2015.
5. Евтюхин В. Б. Категория обусловленности в современном русском языке и вопросы теории синтаксических категорий. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. – 198 с.
6. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.
7. Зализняк А.А. О понятии «факт» в лингвистической семантике // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М., 1990. С.21-33
8. Карагодин А.А. Проблема разграничения утверждений о фактах и оценочных суждений в юрислингвистике // Мир науки, культуры и образования. 2011. № 3 (28). С.272-275.
9. Карагодин А.А. Семантические и прагматические свойства высказываний в аспекте разграничения утверждений о фактах и оценочных суждений в судебной лингвистической экспертизе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2014. – 24 с.
10. Курчак Л. В. Дискурс деловых переговоров: опыт анализа. Минск: Изд-во БГУ, 2012. – 127 с.
11. Лаптева О. А. Теория современного русского литературного языка. М.: Высшая школа, 2003. – 351 с.
12. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2001. - 656 с.
13. Судебная экспертиза в арбитражном процессе /Под ред. Д.В. Гончарова, И.В.Решетниковой. — М.: Волтерс Клувер, 2007. — 256 с.

On the possibility of experiment application for differentiation of statements about the facts and estimated judgments in judicial examination of the text

Kotyurova, E.V.Levchenko

Perm State University

The article deals with the possibilities of experiment application in forensic linguistic examination of the text. The difficulties of linguistic evaluation of journalistic text, subject to forensic examination, the differentiation of statements of fact and value judgments are discussed. The necessity of distinguishing two types of subjective opinions of the speaker - informed opinion and interpretative judgment is justified. The advantages of a linguistic experiment in the expert opinion on the protection of business reputation are shown. The strategy of psychological experiment in complex psychological and linguistic examination is described.

Keywords: forensic linguistics, linguistic examination, forensic psychological and linguistic examination, journalistic texts, fact, value judgment, informed opinion, interpretative judgment, experiment.

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ СУДЕБНОЙ БУХГАЛТЕРИИ КАК ЭКСПЕРТНОЙ НАУКИ

Е.С. Леханова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

sudbuh@mail.ru

Статья посвящена судебной бухгалтерии как теоретической основе производства судебно-бухгалтерских экспертиз. Констатируется диспропорция учебной и научной литературы, недопустимость отождествления методов науки и методов экспертной деятельности. Предложена аналогичная криминалистике структура метода науки судебной бухгалтерии, включающая диалектический, частнонаучные и специальные методы, предпринята попытка охарактеризовать моделирование как частнонаучный метод судебной бухгалтерии.

Ключевые слова: криминалистика, судебная бухгалтерия, моделирование.

Несмотря на то, что научный феномен "судебная бухгалтерия" имеет более чем 100-летнюю историю, до сих пор у его исследователей нет единства мнений по довольно обширному кругу вопросов. Отчасти этот факт объясняется тем, что судебная бухгалтерия – классический пример называемой "университетской науки": она развивалась преимущественно учеными, являвшимися вузовскими преподавателями, результаты научных поисков сразу внедрялись в учебный процесс. Система образования, в которой на первое место выдвинуты дисциплинирующие механизмы, приводит к специфическим формам

организации знания, существенно отличающимся от иных форм систематизации знания, например, от теории в ее классическом понимании.

Явная диспропорция количества учебной и научной литературы, посвященной судебной бухгалтерии, привела к тому, что природа судебной бухгалтерии как области научного знания долгое время оставались без должного внимания. Как правило, авторами учебников либо сразу характеризовался предмет соответствующей учебной дисциплины, который хотя и отражает, но не может совпадать с предметом науки [1], либо просто констатировалось существование одноименной области научного знания, но не раскрывалось ее содержание [2].

Общепризнано, что судебная бухгалтерия возникла в недрах экспертной судебно-бухгалтерской практики и является теоретической основой судебно-бухгалтерской экспертизы. Лишь позднее ее положения были адаптированы вначале к следственной, а затем и к оперативно-розыскной деятельности. Очевидно поэтому предмет и методы науки судебной бухгалтерии в ряде изданий отождествлялись с предметом деятельности в области производства соответствующих экспертных исследований [3]. Так, в трудах С.П. Фортинского, впервые наиболее полно исследовавшего проблемы судебно-бухгалтерской экспертизы, фигурирует термин "теория судебно-бухгалтерской экспертизы", но определение ее как самостоятельной области знаний отсутствует: в одном случае судебно-бухгалтерская экспертиза понимается как деятельность сведущих лиц, в другом – как определенная наука, имеющая собственный предмет и метод [4].

Одним из "белых пятен" науки судебной бухгалтерии является вопрос о ее методах. Известно, что использование законов научного познания в каждой конкретной области знания осуществляется применительно к предмету исследования и цели исследования [5]. Единым методом познания всех наук является диалектический (всеобщий) метод. Помимо него, каждая наука используется совокупность частных и специальных методов для изучения собственного предмета.

Подобный подход в определенной степени был реализован Г.А. Атанесяном и С.П. Голубятниковым в 1989 г. В качестве общего ими был указан диалектический метод познания, применение которого требует понимания специфики предмета судебной бухгалтерии. Основываясь на том, что «назначение судебной бухгалтерии состоит в выявлении и установлении учетных, экономических и документальных несоответствий как конкретных форм проявления деструктивных отклонений в хозяйственной деятельности», авторы выделили три ее специальных метода: метод бухгалтерского анализа, метод экономического анализа и метод документального анализа [6].

Несомненное достоинство данного подхода состоит в том, что предложенная структура метода соответствовала авторскому пониманию предмета науки судебной бухгалтерии в тот период времени. Вместе с тем, в структуре метода отсутствовали указания на использование каких-либо частных методов, таких как наблюдение, измерение, описание, сравнение, эксперимент и моделирование. Нельзя признать удачной и предложенную Г.А. Атанесяном и С.П. Голубятниковым систему специальных методов судебной бухгалтерии: в их трактовке документальный, учетный и экономических анализ являются ничем иным, как методами практической деятельности эксперта, следователя и оперативного работника, вследствие чего они не могут рассматриваться как методы научного исследования.

В 2003 г. В.А. Тимченко определил метод судебной бухгалтерии как области научного знания в качестве «совокупности методов теории познания диалектического материализма», к которым он отнес анализ, синтез, индукцию, дедукцию, также исторический, сравнительный и факторный [7]. Вопрос о частнонаучных и специальных методах автором вообще не был затронут.

Более подробная характеристика метода судебной бухгалтерии приведена в работах Е.С.Дубоносова, который пишет об использовании «общенаучных (анализ, синтез, индукция-дедукция, аналогия, моделирование, конкретизация, эксперимент, системный и функциональный анализы и др.), частных (расчетно-аналитический, документальный, экономико-правовой), а также специальных методов бухгалтерского учета» [8].

Полагаем, что сам подход Е.С. Дубоносова к структуре метода следует признать в целом более методологически верным, чем приведенное определение В.А. Тимченко, за исключением одного очень серьезного обстоятельства. Не могут специальные методы ведения бухгалтерского учета (документация, инвентаризация, счета и др.) рассматриваться в качестве специальных методов науки судебной бухгалтерии.

На наш взгляд, определяя метод судебной бухгалтерии как области научного знания, следует признать корректным применение трехчленной системы: диалектический метод как всеобщий, являющийся базовым для всех остальных методов, частные, к числу которых следует отнести наблюдение, измерение, описание, сравнение, эксперимент и моделирование, а также специальные.

Заслуживает отдельного исследования специфика применения судебной бухгалтерией частнонаучных методов при изучении явлений, образующих ее предметную область. На сегодняшний день наиболее актуальным из приведенных выше частнонаучных методов, исходя из анализа современных научных разработок в данной области, следует признать моделирование.

Сущность моделирования состоит, как известно, в замещении объекта научного исследования моделью и изучении модели с последующим распространением результатов ее изучения на объект познания [9]. В юридической литературе термин «моделирование» появился впервые в работах А.Р. Ратинова [10]. Моделирование как метод познания основано на способности человека абстрагировать общие свойства у различных объектов и устанавливать между ними определенные соответствия. Благодаря этому появляется возможность исследовать некоторые свойства объектов не непосредственно, а опосредованно, через изучение других, более доступных для исследования моделей этих объектов, сходных с объектами-оригиналами. Научной основой переноса знаний с модели на оригинал является теория аналогии и теория подобия. «Сама аналогия возможна благодаря относительной устойчивости систем (модель-оригинал), что представляет собой объективные свойства предметов явлений» [11]. На основе моделирования образа предполагаемых противоправных действий и механизма их отражения в системе экономической информации становится возможным решение целого ряда экспертных задач.

Как правило, в начальной стадии изучения исследователь располагает ограниченной информацией о признаках противоправных действий, выполненных под видом учетных операций. Но уже на этой стадии он всегда создает мысленную модель системы предполагаемых противоправных действий и на ее основе определяет направления предстоящей работы. По мере накопления новой информации происходит корректировка модельных представлений о механизме противоправных действий и следовой картины события преступления.

Что касается системы специальных методов науки судебной бухгалтерии, используемых для изучения ее предмета, то данный вопрос, на наш взгляд, нуждается в отдельном монографическом исследовании. Ясно лишь, что подробно описанные в литературе приемы работы с бухгалтерской документацией к таковым не относятся.

Анализ подходов к исследованию познаваемых явлений и процессов, использованных учеными, развивавшими науку судебной бухгалтерии, позволяет выделить группу методов, которые условно можно обозначить как «структурно-диагностические». Подобно структурно-криминалистическим методам, они предназначены для выбора и накопления исходной информации, необходимой для выработки методов криминалистической диагностики о признаках конкретных способов совершения преступлений, проявляющихся в учетной документации. На основе применения структурно-диагностических методов в научных исследованиях могут разрабатываться конкретные приемы и методики экспертного исследования экономической информации.

Фактически подобный подход достаточно четко просматривается на уровне методологических основ существующих сегодня научных разработок на уровне докторских диссертаций, которые с полным основанием могут быть признаны частными теориями судебной бухгалтерии. Первой по времени создания следует признать концепцию использования специальных экспертных бухгалтерских познаний С.П. Фортинского (1962 г.). Позднее были предложены: концепция использования бухгалтерской информации в оперативно-розыскной деятельности С.П. Голубятникова (1981 г.), концепция судебной ревизии П.К. Пошюнаса (1987 г.), концепция криминалистической диагностики преступлений на основе бухгалтерской информации В.А. Тимченко (2001 г.), концепция использования специальных бухгалтерских познаний С.Г. Еремина (2007 г.). Разумеется, данной группой методов содержание системы специальных методов судебной бухгалтерии не исчерпывается.

К сожалению, на сегодняшний день состояние методического обеспечения экспертной деятельности в области производства экономических экспертиз (и бухгалтерских в частности) нельзя охарактеризовать как удовлетворительное. Этот факт был констатирован нами на основе анкетирования экспертов-экономистов системы МВД России в рамках занятий по повышению их квалификации еще 10 лет назад [12], за прошедшие годы положение дел кардинально не улучшилось. Между тем, проект Федерального закона "О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации", внесенный в настоящее время Государственную Думу, вводит механизмы валидации методических материалов и сертификации научно-методического обеспечения судебной экспертизы, что предъявляет высокие требования к уровню экспертных методик. Ясно, что создание таких научно обоснованных экспертных методик возможно только на основе развития самой области научного знания "судебная бухгалтерия".

Список литературы:

1. Толкаченко А.А., Харабет К.В. Правовая (судебная) бухгалтерия. – М.: Омега, 2003. – С. 10
2. Дубонос Е.С. Судебная бухгалтерия: учебно-практическое пособие. – М.: Книжный мир, 2008. – С. 9
3. Остроумов С.С., Фортинский С.П. Основы бухгалтерского учета и судебно-бухгалтерской экспертизы – М: Изд-во МГУ, 1964
4. Фортинский С.П. Судебно-бухгалтерская экспертиза. – М., 1962. – С. 5-6, 22
5. Шавер Б.М. Предмет и метод советской криминалистики // Социалистическая законность. – 1938. – № 6. – С. 76

6. Атанесян Г.А., Голубятников С.П. Судебная бухгалтерия: Учебник. – М.: Юрид. лит., 1989. – С. 15
7. Тимченко В.А. Судебная бухгалтерия: Учеб. пособие. – Н. Новгород: Изд-во НПА, 2003. – С. 22-23
8. Дубонос Е.С. Судебная бухгалтерия: Учебно-практ. пособие. – М: Книжный мир, 2008. – С. 22
9. Штоф В.А. Моделирование и философия. – Л., 1972. – С. 119
10. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. – М.: ВШ МООП СССР, 1967. – С. 88-91
11. Лузгин И.М. Моделирование при расследовании преступлений. – М.: Юрид. лит., 1981. – С. 3-4
12. Леханова Е.С., Мамкин А.Н., Скворцова Н.Н. Проблемы ревизии и экономических экспертиз по делам о налоговых преступлениях // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2006. – № 6. – С. 140

To the question about the methods of forensic accountants as expert science

E.S. Lekhanova

The N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article is sanctified to the judicial book-keeping as theoretical basis of production of examinations. Disproportion of educational and scientific literature, impermissibility of equation of methods of science and methods of expert activity, is established. The analogical is offered to criminalistics structure of method of science of judicial book-keeping, including dialectical, privately-scientific and special methods, an attempt to describe a design as privately-scientific method of judicial book-keeping is undertaken.

Keywords: criminalistics, forensic accountants, design.

ДИАГНОСТИКА В СУДЕБНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

А.Н. Мамкин

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

mamkin.alexei@yandex.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы реализации принципов диагностики в методике производства судебно-экономических экспертиз. Целью работы явилось определение направлений развития соответствующих положений экономической криминалистики с учетом современных задач, стоящих перед экспертной практикой.

Ключевые слова: диагностика, семиотика, экономическая криминалистика, судебно-экономическая экспертиза.

Сущность судебно-экономической экспертизы во многом определяется характером разрешаемых ею задач. Все они ориентированы на установление скрытых свойств в системе учетно-экономической и судебно-бухгалтерской информации. Необходимость в назначении подобного рода специализированных исследований возникает тогда, когда в материалах дела обнаруживаются определенного рода противоречия, разрешить которые без привлечения эксперта, не представляется возможным [1].

Технология исследования учетно-экономической и судебно-бухгалтерской информации базируется на существующих в теории судебной бухгалтерии представлениях о предмете судебно-экономической экспертизы. Его образуют закономерности взаимодействия двух материальных процессов, одним из которых является преступная деятельность, другим – хозяйственная и учетная деятельность. Результатом указанного взаимодействия становятся различные деструктивные изменения в системе учетных данных и показателях финансово-хозяйственной деятельности организации.

В ходе проведения исследования эксперт-экономист на основе анализа основных и факультативных объектов экспертизы с использованием экономико-криминалистических подходов к установлению механизма противоправной деятельности должен не только распознать указанные выше деструкции, но и построить модель следовой картины познаваемого события. При этом само экспертное исследование становится разновидностью процесса диагностики.

Первые попытки адаптировать принципы диагностики к практике производства экспертиз были предприняты в начале XX столетия. В частности, Э. Локар связывал этот процесс с методикой определения по особенностям следов рук профессиональных, возрастных и половых характеристик человека [2].

Проблема диагностики в отечественной криминалистической науке стала предметом обсуждения в начале 70-х годов прошлого века. Родоначальником теоретических представлений о ней по праву может считаться В.А. Снетков [3]. Он рассматривал диагностику как учение о закономерностях распознавания криминалистических объектов по их признакам. Последователями В.А. Снеткова стали А.И. Винберг [4], В.Ф. Орлова, А.Р. Шляхов [5], З.И. Кирсанов [6].

Неоценимый вклад в развитие частной теории криминалистической диагностики сделал известный ученый-криминалист Ю.Г. Корухов. На основе анализа основных

теоретических положений медицинской диагностики он пришел к выводу о том, что имеется сходство этого процесса с тем, который осуществляют эксперты при решении некоторых задач. В частности, Ю.Г. Корухов считает, что диагностика «выступая в качестве метода познания, служит целям определения явления по его признакам, проявлениям, симптомам. Аналогичная задача решается и криминалистикой, когда необходимо восстановить событие по его следам, от следствия идти к причине, раскрывая и условия, в которых действовала эта причина» [7].

Сегодня принципы диагностики реализуются во многих видах криминалистических экспертиз. Так, например, к диагностическим относятся задачи, связанные с установлением по следам направления движения транспортного средства; определение дистанции произведенного выстрела; установление по следам человека скорости его передвижения.

Примерно в тот же период времени (начало 70-х годов XX века) проблемы диагностики стали предметом дискуссии, возникшей между представителями зарождавшегося тогда научного направления экономической криминалистики. Доминировали два подхода.

Первый из них характеризовался тем, что событие преступления рассматривается как сложный компонент среды, в которой функционирует экономическая система хозяйствующего субъекта. Деятельность внутри этой системы отражается в определенной совокупности материальных носителей информации. Формирование экономических показателей построено так, что при нормальном ходе хозяйственной, производственной и финансовой деятельности все элементы экономической системы должны находиться во взаимосвязи. В случае проникновения деструктивного фактора (совершение преступления) такая связь нарушается. В результате происходит изменение сопряженных (взаимосвязанных) показателей. Основатели данного подхода (Я.Н. Орлов и И.Л. Шрага) рассматривали противоречие в системе технико-экономических показателей в качестве признаков скрытых экономических преступлений [8].

Указанный подход обосновывает применение методов экономического анализа в практике выявления экономических преступлений. Однако, обнаруженные таким образом свойства могут рассматриваться лишь как признаки криминогенности объекта.

Второй подход построен на гипотезе, согласно которой в системе экономической информации отражается не само преступление, а результаты его взаимодействия с функционирующей экономической системой хозяйствующего субъекта. В этом случае рассматривается не противопоставление, а взаимодействие двух систем, образующих метасистему «событие преступления - экономическая система».

На основе данного подхода С.П. Голубятниковым была построена теория криминалистической диагностики преступлений по системе экономических показателей [9].

При всех своих достоинствах данная теория, тем не менее, имеет один существенный недостаток: область ее практического применения локализуется в оперативно-розыскной сфере и фактически не затрагивает технологию производства судебно-экономических исследований.

Между тем, анализируя современное состояние теории и практики судебно-экономической экспертизы приходится констатировать, что уровень ее методологической обеспеченности находится на крайне низком уровне. Одной из причин такого положения дел наряду с отсутствием типовых методик разрешения отдельных вопросов является неразработанность теоретических положений экономико-криминалистической диагностики, относящихся к технике производства судебно-бухгалтерской и финансово-экономической экспертизы. Чтобы восполнить возникший «пробел» необходимо провести масштабные исследования в этой области. Учитывая объем данной статьи можно только обозначить ключевые направления предстоящей работы. Ее исходным пунктом должна стать экстраполяция универсальных принципов диагностического процесса на практику производства судебно-экономических экспертиз.

Как известно, диагностика (от греч. *διαγνωστική* – способный распознавать) представляет собой особый процесс познания, который состоит в сопоставлении субъектом своих знаний с наблюдаемым явлением, в целях его «узнавания» [10]. Распознавание в диагностике является средством проникновения в скрытую внутреннюю сущность явления посредством изучения ограниченного количества внешних признаков.

Объектом диагностического исследования выступает внутреннее состояние определенной системы, состоящей из взаимосвязанных компонентов. Такой системой в медицине выступает человеческий организм, состоящий из различных взаимосвязанных анатомически и физиологически органов; в технике – определенный механизм, устройство.

Диагностическим объектом в экономической криминалистике выступает экономическая система хозяйствующего субъекта, включающая в себя процессы управления, движения материальных и денежных средств, учетной регистрации и проч. Одним из компонентов этого объекта являются изменения в содержании хозяйственной и учетной деятельности, возникшие под воздействием определенного способа совершения преступления.

Как частная теория диагностика включает в себя три основных раздела:

- семиотику;

- методы исследования (обследования) диагностируемого объекта;
- методологические основы распознавания процесса (явления).

В экономико-криминалистической диагностике данные разделы либо уже разработаны (методы исследования), либо находятся на этапе формирования (семиотика), либо находятся на этапе возникновения (методология распознавания).

Семиотика (или учение о признаках) является важнейшим разделом диагностики, напрямую связанным с непосредственным наблюдением за диагностируемыми объектами в целях выделения существенных их свойств, которые в отдельности и во всей своей совокупности позволяют в дальнейшем распознать аналогичные факты, процессы и явления. Понятие признак здесь относится к классу естественных знаков, указывающих на какой-либо предмет [10]. Им может быть и математический символ, и иной знак. А.А. Ветров считает, что в диагностике признак определяется как «...свойство, действие, явление, выступающее как индекс, показатель самого предмета или его сущности. Значимость признака зависит от того, насколько существенна и необходима связь между данным свойством и предметом, действием и причиной, следствием и сущностью» [11].

Информационное понимание признака основано на том, что в нем содержится информация об объекте. Поэтому признак можно понимать, как информационный сигнал. Его источником являются свойства объекта. Отсюда формулируются требования, предъявляемые к признакам, в том числе и при диагностировании: образность, сигнальность, знаковость [12].

В ходе диагностического экономико-криминалистического исследования решаются задачи, связанные со сбором и анализом признаков, свидетельствующих о возникших изменениях в экономической системе хозяйствующего субъекта. Их возникновение обусловлено самой структурой исследуемого объекта, а именно наличием защитных функций учета (статистического, бухгалтерского, оперативно-технического).

Защитные функции основаны на позитивных свойствах учета, которые предполагают, с одной стороны, создание условий, затрудняющих совершать преступления (предупредительная функция), а с другой - создание условий для того, чтобы действия преступников были отражены в системе экономической информации (охранительная функция). Например, элемент бухгалтерского учета «документация» состоит в том, что всякая хозяйственная операция должна быть отражена документально и что все бухгалтерские записи в книгах и журналах должны быть основаны на документальных данных. Таким образом, если преступник сделает запись необоснованно (без документа), то это неминуемо вызовет несоответствие.

Всего в системе учетных данных могут появляться четыре формы несоответствий: фактические, документальные, учетные и отчетные. Все они представляют собой признаки взаимодействия события преступления и экономической системы предприятия, учреждения, организации.

Для диагностики большое значение имеют и свойства самого объекта вне зависимости от влияния на него деструктивных факторов. В этом случае эти свойства будут выражаться в признаках, показывающих состояние экономической системы и в частности, ее защитных функций. Дело в том, что если состояние учета и контроля будет находиться на низком уровне, то возникает много возможностей совершать преступления беспрепятственно, т.к. они не будут отражены в системе экономической информации.

Достаточно обстоятельно отразила данные вопросы в своем диссертационном исследовании Е.С. Леханова. В частности, ей было доказано, что субъекты преступной деятельности для реализации своего преступного замысла выбирают бухгалтерские операции, которые слабо либо вообще не защищены средствами учета и контроля и поэтому их следует признавать уязвимыми [13].

Таким образом, можно говорить о прогностических признаках или о признаках защитных свойств экономической системы, которые могут использоваться в ходе диагностического исследования для выявления причин и условий, способствовавших выбору преступником способа своих действий для достижения известных целей.

Отдельные виды способов совершения преступления не связаны с возникновением несоответствий. Примером может служить преднамеренное банкротство. Признаками в подобных случаях следует признавать негативные изменения в значении оценочных показателей финансово-хозяйственной деятельности.

Экономико-криминалистическая семиотика требует дальнейшего развития. Его основным вектором должна стать разработка классификации основных способов противоправных действий и свойственных им признаков, представленных в различных вариантах несоответствий. Подобная работа на современном этапе немыслима без использования передовых информационных технологий. Должны быть разработаны базы данных, диагностические информационные комплексы, которые позволяли бы эксперту оперативно получать необходимую информацию и на этой основе определять структуру методики экспертного исследования.

Как отмечалось в наиболее развитом состоянии сегодня находился «инструментальный» блок экономико-криминалистической диагностики – методы исследования. Они представлены системой универсальных приемов исследования

документальных данных, включающей приемы исследования отдельного и взаимосвязанных документов и приемы исследования документов, отражающих однородные хозяйственные операции. Отдельную группу составляют приемы исследования деструктивных изменений, возникших в системе оценочных показателей финансово-хозяйственной деятельности организации.

Между тем и здесь имеются определенный ресурс для дальнейшего развития. В частности, это относится к технологии экспертного исследования, где перечисленные приемы используются в контексте с решаемыми задачами. Актуальность данной проблемы связана отчасти и с тем, что современный бухгалтерский учет осуществляется с использованием специализированных компьютерных программ, позволяющим формировать информационные базы. Все больше получает свое распространение электронный документооборот. В этом отношении методы работы с учетной информацией должны быть адаптированы к изменяющимся условиям, должны быть пересмотрены ключевые подходы к их использованию в различных экспертных ситуациях.

Основная проблема экономико-криминалистической диагностики затрагивает область методологии постановки диагноза (распознавания деструктивного фактора). Дело том, что сам по себе отдельный признак, представленный в виде несоответствия зачастую не позволяет четко определить образ противоправной деятельности.

Для иллюстрации можно и использовать следующий пример из экспертной практики. Перед сведущим лицом была поставлена задача по определению обоснованности выводов ревизии о двойной выплате заработной платы отдельным сотрудникам МУП «А».

Эксперт, определяя направления экспертного исследования, проанализировал документы, отраженные в акте документальной ревизии. Из содержания таких документов следовало, что несколько работников данной организации действительно получили аванс в кассе организации. Однако, бухгалтер при начислении заработной платы выданный ранее аванс не учел. В результате работники получили на руки полную сумму. В качестве диагностического признака здесь усматривается учетное несоответствие, выраженное в «разрыве» между первичными документами на выплату заработной платы и регистром бухгалтерского учета по счету «Расчеты с персоналом». При этом сложно определить к какому способу противоправного деяния это несоответствие относится. Более того нельзя исключать фактор непреднамеренности совершенного бухгалтером действия (забыл отразить ранее выданный аванс). Для постановки точного диагноза эксперт обязан расширить круг объектов исследования и установить дополнительные признаки, по которым можно было бы судить о исследуемом факте.

В нашем случае эксперт, руководствуясь принципом непротиворечивости данных бухгалтерского учета исследовал обороты по счету «Расчеты с персоналом» и установил, что все расчеты с работниками проведены в полном объеме. Иными словами, у организации нет долгов перед работниками, а у работников нет долгов перед организацией. Это второй признак. В случае непреднамеренности действий бухгалтера ожидалось бы появления дебетового сальдо по указанному счету (работники должны организации).

Дальнейший ход диагностического процесса, представленного в данном примере, был связан с исследованием учетных записей и первичных документов, с помощью которых бухгалтеру удалось «свернуть» сальдо. Так, им была обнаружена проводка: дебет счета «Касса», кредит счета «Расчеты с персоналом». Проводка была сделана на основании приходных кассовых ордеров, по которым работники якобы возвращали излишне выплаченную заработную плату. Установленный факт вступил в противоречие с иными материалами дела. Согласно показаниям указанных в ордерах работников, они вносили деньги в кассу за приобретенное в подсобном хозяйстве данной организации мясо. Об этом свидетельствовали и оставшиеся у них квитанции к приходным кассовым ордерам. В итоге эксперт обнаружил еще один признак – противоречие между документами, и, таким образом, сформировалась система признаков, характеризующая определенный способ совершения преступления.

Этот пример наглядно показывает, что методология постановки диагноза предполагает разработку определенного алгоритма анализа учетно-экономической и судебно-бухгалтерской информации. Причем подобный алгоритм должен формироваться системно, применительно к определенному способу совершения преступления. Только в этом случае можно будет говорить о достоверности поставленного диагноза и истинности сформулированных на его основе выводов эксперта.

Таковы в общих чертах современные проблемы экономико-криминалистической диагностики. Их решение определяет перспективы развития данной области знания и направления научного обеспечения практики производства судебно-экономических экспертиз. С другой стороны, оформление в качестве самостоятельной научной единицы частной теории диагностики является только одним из шагов построения целостной системы экономической криминалистики. Остаются не до конца разрешенными проблемы, охватывающие закономерности формирования судебно-бухгалтерской информации; до сих пор не определено понятие «следа» экономического преступления; наконец, требуют систематизации вопросы тактики и методики расследования хозяйственных и финансовых преступлений.

Список литературы:

1. Леханова Е.С., Голубятников С.П. Судебно-экономические знания в деятельности субъектов доказывания по уголовному делу//Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17. С. 97-101
2. Локар Э. Руководство по криминалистике/ Под. ред. С.П. Митречева. М., 1941
3. Снетков В.А. Проблемы криминалистической диагностики// Тр. ВНИИ МВД СССР. – 1972. - Вып. 23
4. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология. Волгоград, 1979. – 184с.
5. Орлова В.Ф., Шляхов А.Р. Принципы классификации задач криминалистической диагностики // Актуальные проблемы теории судебной экспертизы. М., 1984
6. Кирсанов З.И. Криминалистическое распознавание и диагностика// Тезисы республиканской научной конференции. Киев, 1983
7. Корухов Ю.Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений: Научно-практ. пособие. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. 288 с.
8. Орлов Я.Н. Экономический анализ как средство борьбы с хищениями социалистической собственности // Выявление скрытых хищений средствами экономического анализа, а также путем совершенствования деятельности контрольно-ревизионных аппаратов. М., 1977. С. 54 - 61
9. Голубятников С.П. Системный подход к проблеме выявления хищений средствами экономического анализа // Проблемы уголовно-процессуальной и управленческой деятельности в сфере борьбы с посягательствами на социалистическую собственность / Тр. ГВШ МВД СССР. – 1974. - Вып. 9. С. 30
10. Гиляревский С.А., Тарасов К.Е. Диалектический материализм и медицинская диагностика. М., 1973
11. Ветров А.А. Семиотика и ее основные проблемы. М., 1968
12. Теория передачи информации// Сборник рекомендуемых терминов. Вып. 94. М., 1979. С. 14
13. Леханова Е.С. Криминалистический анализ учетного процесса в методике выявления и расследования преступлений// Дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1996. С.87

Diagnostics in forensic economic examination

A.N. Mamkin

The N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article discusses topical issues of implementation of principles of the diagnostics in the methodology of forensic economic examinations. The aim of this work was to determine the directions of development of the relevant economic provisions of criminalistics based on contemporary challenges of building in front of expert practice.

Keywords: diagnostics, semiotics, economic criminalistics, forensic economic examination.

АКТУАЛЬНАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ СЛОВА В АСПЕКТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ АКСИОЛОГИИ

Е.В. Маринова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

marinova@list.ru

Рассматривается явление актуальной сочетаемости слова, реализуемое в современной письменной речи. Термин актуальная сочетаемость слова вводится в научный обиход для обозначения новой или относительной новой сочетаемости слова, нарушающей его привычные синтагматические связи и выявляющей изменения в ценностных представлениях человека. На материале анализа сочетаемости прилагательных положительной и отрицательной семантики в синтагмах типа здоровый цинизм, разумная агрессия, нездоровая доброта и под. делается вывод о бытовании в современном сознании несвойственных русскому языковому менталитету ценностных ориентиров, одним из которых является агрессивный культ силы. Исследование выполнено в рамках метода динамического описания языка. Использована методика анализа потенциальной сочетаемости слова и др.

Ключевые слова: актуальная сочетаемость, лингвистическая аксиология, оксюморонные сочетания, плеонастические сочетания, подмена этических оценок.

К постановке проблемы. За последние десятилетия постсоветского периода наша страна пережила коренные изменения в государственном строе, экономике, политике, социальной жизни. По своему характеру эти изменения сопоставимы с революционными. Их истинные причины и масштаб последствий ещё предстоит осмыслить, по всей видимости, не одному поколению историков. Одним из документов этой очередной для российской государственности нестабильной эпохи, которым, однако, меньше всего интересуется историческая наука, является язык. Язык – это особый документ, т.к. он запечатлевает не только явные, можно сказать материальные, изменения в общественной жизни и окружающей

действительности (в виде смены номинаций, введения новых обозначений и под.), но изменения глубинные, происходящие в сознании социума, в массовом сознании. Язык отражает нередко то, что сам говорящий не предполагал, не планировал, не намеревался выразить. С этой точки зрения интерес лингвистической науки, в частности лингвистической аксиологии, к языковым инновациям, свидетельствующим об изменениях в духовной сфере социума (по выражению А.Д. Шмелёва, это и есть **подлинные изменения языка**), весьма оправдан.

К настоящему времени накоплены и обобщены некоторые наблюдения, касающиеся этого вопроса. Отметим некоторые из них. По мнению исследователей, произошло изменение коннотации (с отрицательной на положительную) слов *карьерера*, *карьерный*, *карьерист*, *амбиции*, *амбициозный*, *коммерсант*, что отражает характерную для поколений, выросших в постсоветскую эпоху, установку прежде всего на материальное (а не духовное, нравственное) благополучие [1-7]. Для акцентирования значимости деловых качеств «новоязу» рубежа XIX-XX вв. понадобился новый арсенал оценочных средств, положительно характеризующих носителей этих качеств; в результате изменилась сочетаемость некоторых прилагательных (*успешный предприниматель*, *эффективный менеджер*), ранее употреблявшихся преимущественно (или только) с неодушевлёнными существительными (ср. *успешный дебют*, *эффективный метод в производстве*); произошло разрастание парадигматического ряда слов, выражающих высокую оценку обязательных атрибутов «успешного» человека (*премиумный, представительский, люксовый, тюнингованный* и др. *автомобиль, элитное жильё, элитная бытовая техника, элитная мебель, эксклюзивный тур, кутюрные украшения, вип-сауна, магазин «Русский вип»* и др.).

В «обновлённой» шкале ценностей уже не одному поколений молодых людей деньги представляются абсолютным приоритетом; многое теперь измеряется ими (материальные ценности, деньги – мерило «успешного», счастливого, благополучного человека). Отсюда заметная в рекламном дискурсе потребность в словах, имеющих сему «престижности», высокого (с точки зрения материальной обеспеченности) качества жизни (см. *статусный человек, нафосный костюм Деда мороза, амбициозное помещение, резонансное пати* и др.). В сфере бизнеса гипертрофированно и пошло подчёркивается значимость предлагаемого товара на рынке вещей с помощью «глобальных» метафор (см. эргонимы *«Империя йогуртов», «Мир окон», «Мир еды»* и под.). Коммерциализация массового сознания (ценным представляется только то, что выгодно), влияние западных образцов жизни поставили под удар традиционные ценности русского мира (см. неприемлемые для традиционного русского слуха сочетания

икона стиля, икона бизнеса, икона хард-рока; библия стервы; заповеди правильной эгоистки; интеллигентный цинизм; образовательные услуги и под.)

Новые веяния, противоречащие традиции, проникают и в сферу межличностных отношений (слово *друг* получает значение ‘любовник, бойфренд’ [8]), семейных связей (*суррогатная мать, биологическая мать, биологические родители* – ср. традиционное противопоставление *родные мать и отец – приёмные родители*). Искажаются представления об истинной мужественности и женственности (*гламурный подонок; бородатая девушка, бородатая женщина; стерва* – с положительной коннотацией – см., например, название книг «Хочу стать стервой. Пособие для настоящих женщин»; «Школа стервы. Стратегия успеха в мире мужчин» и первую «заповедь» книги: «Не люби никого, и ты будешь нравиться всем»; и под.). Начавшаяся в 90-е гг. XX в. криминализация общества, бизнеса, политики, власти привела к тому, что в массовом сознании постоянно поддерживается, подогревается культ агрессивности, животных начал в человеке, цинизм, индивидуализм; на периферию уходят, устаревают (?) понятия *интеллигенция, интеллигент*. Интернет-пространство переполнено всевозможными пособиями, справочниками, инструкциями и т.п., в которых не известные никому специалисты дают советы и рекомендации по воспитанию в человеке агрессивности, эгоизма, наглости, цинизма и т.п. См., например: *Отсутствие цинизма у юриста – признак непрофессионализма. Цинизм, ум, подлость, хладнокровие, уверенность себе, разумное высокомерие, красота, мгновенная реакция – основные критерии настоящего юриста* (laremuct.ru) (здесь и далее орфография и стилистика источника сохранены. – Е.М.) или название форума «*Наглеем правильно*» (pickupforum.com) и под.

Представляется необходимым для описания языковых новаций, которые отражают эти важные, значимые изменения в жизни и сознании общества, ввести в научный обиход термин *актуальная сочетаемость слова* [9; 10]. Его понятийное содержание можно определить следующим образом: новая (или относительно новая) сочетаемость слова, нарушающая его привычные синтагматические связи и отражающая некоторые изменения в духовной, нравственной сфере современного человека. Предложенный нами термин вписывается в ряд соотносительных по значению терминов (см. *ключевые слова текущего момента/эпохи* (Т.В.Шмелёва, Е.А. Земская, Е.В. Какорина), *модные слова* (В. Новиков, О.П. Ермакова), *языковой вкус эпохи* (В.Г. Костомаров) и хорошо коррелирует с термином *актуальные неологизмы* (Л.П. Крысин, Е.В. Маринова).

Рассмотрим явление актуальной сочетаемости слова, реализуемое в современной речи, на материале атрибутивных сочетаний, в составе которых имя прилагательное характеризует (называет признак) качество человека, личности.

Атрибутивные сочетания «прилагательное положительной оценочности + обозначение негативного качества человека». Ранее мы уже обращали внимание на некоторые отклонения в таких сочетаниях. В частности, речь шла о синтагмах, в которых прилагательное *здоровый* активно используется в качестве определения к обозначениям человеческих недостатков и пороков [6; 11]. Так, в интернет-поисковых материалах (ИПМ) обнаружены: *здоровый апломб, здоровое властолюбие, здоровое зазнайство, здоровая самонадеянность, здоровая самоуверенность, здоровое тщеславие, здоровое честолюбие, здоровое высокомерие, здоровое самомнение, здоровый снобизм, здоровая самовлюблённость, здоровый нарциссизм, здоровый эгоизм.* Вот несколько иллюстраций: *Желателен, но не обязателен стаж работы, коммуникабельность, хороший здоровый апломб* (из объявления работодателя) – ср. *апломб* ‘излишняя самоуверенность в поведении, речи’ [12]; *Здоровое тщеславие* очень помогает поверить в свои достоинства (из интервью С. Лорен) – ср. *тщеславие* ‘стремление к славе, почестям, почитанию’ [12]; *Джош очень серьёзный, думающий актёр, его здоровое высокомерие* только делает его ещё интереснее (об американском актёре Д. Хартнетте; форум) – ср. *высокомерие* ‘уверенность в своём превосходстве, надменное, пренебрежительное отношение к окружающим’ [12]; *Без здорового снобизма нет заинтересованности культурой* (из беседы с польским режиссёром Агнешкой Холланд) – ср. *снобизм* ‘взгляды, поведение, присущие снобу’, *сноб* ‘о человеке, следующем вкусам, манерам и т.п. высшего общества и с пренебрежением относящемся ко всему другому’ [12]; *Здоровая самовлюблённость* должна быть в каждом (из переписки участников форума на bizzard.gg «Насколько важно для вас быть “крутым”?») – ср. *самовлюблённость* ‘влюблённость человека в самого себя, убеждённость в исключительность своей личности’ [13].

Самыми неожиданными сочетаниями в нашем материале, извлечённом из ИПМ методом анализа потенциальной сочетаемости слова, являются *здоровый цинизм, здоровая агрессия, здоровая агрессивность, здоровая ревность, здоровая наглость.* См.: *Срочно требуется порция здорового (интеллигентного) цинизма* на тему: «Завтра будет лучше чем вчера» (тема форума на otvet.mail.ru) – ср. *цинизм* ‘грубая откровенность, бесстыдство, пренебрежительное отношение к нормам нравственности, благопристойности, к чему-л. пользующемуся всеобщим признанием, уважением’; *В чём проявляется здоровая агрессивность* лидера и как её разрабатывать? *Зарисовка короткой деловой встречи* (название статьи психолога Н.И. Козлова) – ср. *агрессивность* ‘свойство и состояние по знач. прил. *агрессивный*’, *агрессивный* ‘враждебный, неприязненный, наступательный’ [12; 13]; *Есть сферы деятельности, где здоровая наглость* вообще жизненно необходима – бизнес

(forum.syntone.ru) – ср. *наглость* ‘качество по знач. прил. *наглый*’, *наглый* ‘крайне дерзкий и бесстыдный, нахальный’ [12].

Есть некоторые основания утверждать, что слово *здоровый* ранее подобные сочетаемостные свойства не проявляло. Об этом можно судить, в частности, по данным «Словаря эпитетов русского языка» К.С. Горбачевича, источниками которого явились художественные и общественно-политические произведения русской литературы «от Пушкина до наших дней» и современная периодика (газеты, журналы) [14]. В этом словаре в качестве определяемых слов содержится 47 наименований качеств человека, в том числе 12 обозначений качеств отрицательных (*зависть, ревность, тщеславие, эгоизм* и др.). Однако среди эпитетов к наименованиям отрицательных качеств эпитета *здоровый* нет. Обращает на себя внимание зафиксированное в словаре сочетание *здоровое самолюбие*, поскольку прилагательное *здоровый* является единственным «положительным» эпитетом этого слова. Само по себе слово *самолюбие* ярко выраженной негативной окраски не имеет (см., например, в БТС: *самолюбие – чувство собственного достоинства, обычно сочетающееся с повышенной чувствительностью к мнению о себе окружающих* [12]), однако, как показывает словарь эпитетов, это слово обычно сочетается с отрицательными эпитетами, чем с положительными, что подтверждают и данные «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ). Возможно, сочетание *здоровое самолюбие* – «первая ласточка» в том ряду современных сочетаний, где слово *здоровый* употребляется с обозначениями отрицательных качеств.

Толковые словари, в частности МАС, толкуют одно из переносных значений слова *здоровый* как «правильный, разумный» (например: *здоровая критика*) [13]. Однако нам кажется, что толкование этого переносного значения следует уточнить, с учётом реально встретившихся в речи сочетаний, построенных по модели «*здоровый* + существительное с негативной семантикой». Слово *здоровый* во всех этих странных контекстах (в традиционной системе нравственных координат они воспринимаются как оксюморонные) имеет следующий оттенок: *здоровый* ‘такой, который не причиняет вреда окружающим; безопасный и в то же время полезный для самого носителя качества’.

Отметим, что в ряде случаев с обозначениями отрицательных качеств человека употребляется синоним и «родственник» слова *здоровый* – прилагательное *здравый*. Его первичное значение – ‘разумный, правильный’ [12] (это же значение как переносное отмечается у *здоровый*). Вот круг его новой сочетаемости: *здравый цинизм, здравый эгоизм, здравая агрессия, здравая ревность, здравая гордость, здоровое высокомерие, здоровое честолюбие, здравая зависть*. См., например: *Здравый цинизм – это трезвость ума и*

рассуждений (forum.bakillar.az); **Здравый эгоизм** – это болезнь или спасение? (тема для обсуждения на форуме otvet.mail.ru) – ср. эгоизм ‘поведение, целиком определяемое мыслью о собственной пользе, выгоде, предпочтении своих интересов интересам других людей; себялюбие’ [12]; *Да, да, оказывается, здравая агрессия нужна, чтобы объяснить свою позицию, отстаивать свою правоту и, в конце концов, чтобы вернуть мирные отношения...* (efamily.ru) – ср. агрессия ‘выражение вражды, ненависти к кому-л.; угроза причинения вреда кому-л.’ [12]; **Здравая зависть** – это не так уж и плохо, когда смотришь на успешного человека и хочешь жить как он, и даже лучше него (интернет-форум «Общение без границ»); **Здравая зависть стимулирует к свершению подвигов** (hochua.ua>Психология общения) – ср. зависть ‘чувство досады, раздражения, вызванное удачей, успехом, благополучием другого, сопровождаемое желанием обладать тем, что есть у другого’ [12]; и т.п. По-видимому, и в семантике слова *здравый* формируется тот же оттенок, что и у его синонима (см. выше).

Определения *здоровый* и *здравый* не единственно возможные в подобных оксюморонных сочетаниях. Мы предположили, что в духе времени вполне может быть использовано в качестве определения существительных с негативной семантикой близкое им по смыслу слово – *разумный*. В переносном значении – ‘основанный на разуме, оправдываемый здравым смыслом’ – *разумный* традиционно употребляется с нейтральными с точки зрения коннотации именами существительными, например: *разумный довод, разумный поступок, разумное решение* [12]. Единственное, пожалуй, исключение в русской культуре, касающееся этого слова, – устойчивое, благодаря роману Н.Г. Чернышевского «Что делать?», сочетание *разумный эгоизм*, значение которого в бытовом употреблении (в отвлечении от философско-этической позиции разумного эгоизма, разрабатываемой ещё в трудах Спинозы, Гельвеция и др.) можно сформулировать так: умение жить собственными интересами, не противореча при этом интересам других людей.

Новая сочетаемость слова *разумный* выходит за рамки привычной, но мало отличается от новой сочетаемости слова *здоровый*, а точнее сказать, почти совпадает с ней. См.: *разумное тщеславие, разумное честолюбие, разумное высокомерие, разумный снобизм, разумный нарциссизм, разумная ревность, разумная месть, разумная жестокость, разумная зависть, разумная гордость, разумная агрессия, разумная агрессивность*. Например: *Америка демонстрирует разумное высокомерие...* (ari.ru); *Нужны сочные, сексуальные модели, умеющие себя вести как леди. Снобизм и разумное высокомерие приветствуются* (podium.life); *Разумное честолюбие есть нормальный человеческий инстинкт* (otvet.mail.ru); *Разумный нарциссизм – добиваться обоснованности самомнения* (там же); *Умеренная, разумная ревность – спутница Любви* (MillionStatusov.ru); *Разумная зависть необходима*.

Она ведёт к развитию (ответ.ukrhome.net); Уверенность, **разумная наглость** и напористость при «кадрировании» слабой половины человечества – работают. Наглость – второе счастье (lipoisk.ru); *Меньшова – чистый вамп, девушка, у которой всегда все в порядке: при некоторой заведомой скользкости самой идеи ее передачи ей удается сохранить дистанцию и разумную агрессивность* («Коммерсантъ-Daily» 07.03.1997) и т.д. См. также близкие по структуре и особенностям сочетаемости выражения **разумные внутренние интриги**, **разумное попираание норм и правил во имя достижения результата** (в программе тренинга «Разумный “цинизм” в управлении бизнес процессами как способ 2-х кратного увеличения КПД», портал HR TIME.RU).

Наиболее часто встречающееся сочетание в ИПМ – *разумный цинизм*. Под таким названием нами обнаружены: стихотворение (на портале «ГрафомановНет»), обсуждение на одном из форумов (lovehate), серия историй на одном из личных блогов (66.ru), тренинг-программа по управлению в бизнесе (hrtime.ru), открытая группа «ВКонтакте» и т.п. – и это только в функции заголовка; в качестве текстового элемента случаев употребления этого сочетания гораздо больше.

Итак, мы рассмотрели случаи нетрадиционной сочетаемости слов на примере имён прилагательных, которые в первичном значении обозначают качество человека (*здоровый/здравый, разумный*) и имеют положительную оценочность. Сюда же относится и прилагательное *трезвый* (см.: **трезвый эгоизм**). Расширив поиск синтагм, свидетельствующих об изменении в ценностных представлениях современного человека (то, что раньше считалось человеческим недостатком, воспринимается положительно, по крайней мере терпимо), мы включили в состав слов для анализа их потенциальной сочетаемости и другие прилагательные положительной оценки, имеющие сходный смысл с названными выше (*полезный, правильный* и др.). Результаты наших поисков подтвердили предположение о том, что и эти прилагательные в современной речи используются для характеристики отрицательных качеств. Вот несколько примеров: **Полезный эгоизм** – *это не что иное, как чувство собственного достоинства плюс чувство самоуважения* (proza.ru); *Чаще всего у нас отключается **правильный эгоизм** с теми, кого мы любим* (Заповеди правильной эгоистики; блог); *Я, в последние 4 года активно пребывая в так сказать арт-среде, знаю, что такое **художественный снобизм** и высокомерие... Это **правильный снобизм*** (facebook.com>fateev.evgeniy); *Домашний очаг. ТОП-5 правил **правильной агрессии*** (dom.goodhouse.com.ua); **Правильное высокомерие** – *это когда требуешь от себя больше, чем от других* (rusdemotivator.ru); **Правильное властолюбие** *изначально, при создании первых людей, было предназначено (вложено в них)...* (dyatel.3dn.ru «Пороки») и др.

ИПМ показывают также контексты, в которых положительные эпитеты при слове с отрицательной семантикой нанизываются, см.: *Здоровый разумный эгоизм в отношениях* («Психология отношений», название раздела; otnochenia.ru); *Здоровый, трезвый эгоизм. Вот что определяет любые изменения* (из статьи «Эгоизм – почему это хорошо?»; professional.ru); *Здоровый (умный) цинизм, а не чернуха...* (о книгах О. Уайльда, Бальзака и др. на литературном блоге LiveLib); *Что представляет собой полезная или правильная ревность?* (women-liferuies.ru «Как надо и нужно ревновать») и др. Сам же состав оксюморонных сочетаний расширяется за счёт того, что все перечисленные выше прилагательные употребляются и с названиями лиц – носителями отрицательных качеств (*позитивный эгоист, правильная эгоистка, здоровый циник* и под.).

Показательны, на наш взгляд, контексты, в которых либо определения, стоящие при наименовании негативного качества, либо другие распространители обозначают некую градуальность этого качества. Так, на многочисленных сайтах, обсуждающих вопросы личностного роста, профессиональные психологи (профессиональные ли?) размышляют о градации амбиций у разных индивидуумов: выделяются *высокие, завышенные, умеренные и заниженные амбиции* (причём последнее оценивается отрицательно – с современной точки зрения). См. также: *Умеренная, разумная ревность – спутница Любви* (MillionStatusov.ru); *Я считаю зависть в разумных пределах положительным явлением* (Зависть. Форум); *Амбициозность закладывается в каждого из нас с детства, а развита она может быть в разумных пределах* (Что такое амбиции; otvet.mail.ru); *... есть разные методы дрессуры, в том числе и те, при которых укротители не прибегают к лишним побоям и соблюдается разумная мера жестокости* (aif.ru) и др.

Вошло в обиход выражение *недостаточная амбициозность* (ср. *амбициозность* ‘проявление обострённого самолюбия, чрезмерного самомнения’ [12]). Авторство этого, казалось бы, алогизма приписывается В.В. Путину, который в 2002 г. в одном из своих президентских обращений к кабинету министров подверг критике *«среднесрочный сценарий экономического развития России за “недостаточную амбициозность” и слишком низкие заложенные в нем темпы роста»* («Известия», 2002.04.12). Это выражение Путина сразу же резонировало в прессе, см.: *... Путин существенно смягчил критику правительства по сравнению с предыдущим посланием, где он в весьма резкой (для путинского стиля) форме поднял вопрос о недостаточной амбициозности кабинета министров и о его неспособности провести административную реформу* (Игорь Бунин «Предвыборное послание», 2003) (НКРЯ); *На заседании в четверг премьер Михаил Касьянов заявил, что главная задача его правительства в сфере налогов – дальнейшее снижение налоговой*

нагрузки (ранее премьер критиковал своего заместителя и министра финансов Алексея Кудрина за **недостаточную амбициозность** планов налоговой реформы) (Алексей Макаркин «Касьянов либерализует правительство», 2003) (НКРЯ) и т.п.

Если раньше об амбициозности говорили, имея в виду властолюбивых, авторитарных политиков, ставящих свои интересы выше других и добивающихся своих целей любыми средствами, то сейчас это «обновлённое» качество стало восприниматься не как недостаток или порок, а как достоинство. См. примеры газетной речи: «*Автодор*» мне импонирует своей **амбициозностью**, и я полагаю, что он всё же примет участие в Кубке чемпионов («Известия», 2002.07.11); Меня просто интересуют масштабы цели, **амбициозность** участников и оформленность цели (Беседа с Дмитрием Приговым// «Пятое измерение», 2003); Ну прибавьте к этому относительную молодость новой команды краевой администрации и **здоровую амбициозность**, если хотите... («Российская газета», 2003) и др. (подробнее об этом см. в [6]). И напротив, отрицательно оцениваются некоторыми отсутствие амбиций и амбициозности (появились даже слова *безамбициозный*, *безамбициозность* – с негативным оттенком) или недостаточная степень проявления этих качеств.

«Недостаточной» может быть и агрессивность. Вот заголовок одной из интернет-статей: У Петербурга **недостаточная агрессивность** маркетинга в туризме (портал 812'online); см. также высказывание в самой статье: К 2012 году мы разработаем программу агрессивного маркетинга Петербурга... (Р. Костин, проректор СПбГУСЭ).

Атрибутивные сочетания «прилагательное отрицательной оценочности + обозначение негативного качества человека». Ещё одна группа контекстов представляется нам важной с точки зрения проблемы актуальной сочетаемости слова. В ходе анализа мы предположили, что если современные носители языка вычленяют в поведении и мировоззрении людей (или в себе) здоровые, нормальные, разумные и т.д. проявления негативных качеств, значит, вполне вероятно, что и нездоровые, неразумные и ненормальные проявления, по их логике, тоже есть (см., например: **Правильная** зависть заставляет действовать. **Неправильная** – лишь вызывает агрессию (blog.kleschevnikov.ru); **Агрессивность полезная и вредная** (k2x2.info)).

И действительно, все те существительные, которые встретились, например, в сочетании с прилагательным *здоровый*, используется в речи и в сочетании с прилагательным *нездоровый*. См.: *нездоровый апломб*, *нездоровый цинизм*, *нездоровый снобизм*, *нездоровый гонор*, *нездоровый эгоизм*, *нездоровое тщеславие*, *нездоровое самомнение*, *нездоровое честолюбие*, *нездоровая ревность*, *нездоровая самонадеянность*, *нездоровая спесь*, *нездоровая спесивость*, *нездоровый нарциссизм*. Подобные сочетания обнаружены и с

прилагательным *больной*, переносное значение которого образуется на основе той же самой метафоры: «свойства одушевлённых существ → свойства отвлечённых качеств» (иными словами, на основе метафоры «болезни»). См.: *больное тщеславие, больное высокомерие, больное властолюбие; больная самовлюблённость, больная самооценка, больная ревность, больные амбиции* и др. Одно из словарных значений прилагательного *больной* – ‘неестественный, ненормальный’ [12]. Судя по иллюстрациям словарной статьи, в этом, переносном значении слово *больной* употребляется, очевидно, по отношению к нейтральным или положительно оцениваемым понятиям (*больное воображение, больная любовь* [12]). Однако, как показывают реальные речевые употребления в современном дискурсе, возможно сочетание этого слова с именами существительными отрицательной семантики. Думается, в контекстах типа *больной цинизм* сформировался особый оттенок прилагательного, не отражённый словарно. Его можно сформулировать так: ‘чрезмерный, разрушительный для самого носителя признака’.

Но в целом преобладает в атрибутивных сочетаниях рассматриваемого типа слово *нездоровый*. Обратим внимание на то, что если сочетания «*здоровый* + существительное с негативной семантикой» представляются с точки зрения традиционных нравственных понятий оксюморонными, то сочетания тех же существительных с прилагательным *нездоровый* кажутся плеонастичными.

Атрибутивные сочетания «прилагательное отрицательной оценочности + обозначение положительного качества человека». Наконец, с точки зрения лингвистической аксиологии интересно получить ответ на следующий вопрос: в массовом сознании изменилось только отношение к отрицательным качествам или положительные качества тоже подверглись переоценке? Для того чтобы выяснить это, мы, используя понятие актуальной сочетаемости слова, продолжили поиск, гипотетически создавая сочетания, в которых прилагательные отрицательной оценочности (*нездоровый, неразумный*) употребляются с именами существительными, именуемыми положительными качествами человека. По заданному поиску были обнаружены: *неразумная честность, неразумная скромность, нездоровая скромность, нездоровая целеустремлённость, нездоровая гордость, а также нездоровая аккуратность, нездоровая честность (!) и даже нездоровая доброта*. Отметим, что в «Словаре эпитетов русского языка» К. С. Горбачевича слова *нездоровый* и *неразумный* в качестве эпитетов к наименованиям личностных качеств человека зафиксированы лишь в сочетаниях *нездоровое любопытство* и *неразумное упрямство* [14].

МАС содержит толкование двух переносных значений прилагательного *нездоровый*: ‘приносящий вред, ущерб в моральном или общественном отношении’; ‘свидетельствующий

о ненормальном, неблагоприятном состоянии кого-, чего-л.' [13]. Как видим, эти значения (особенно первое) соотносятся с тем значением, которое реализует прилагательное *здоровый* в сочетаниях типа *здоровый цинизм* ('не причиняющий вреда окружающим; безопасный'). С точки зрения традиционной системы ценностей трудно представить себе доброту или скромность, «приносящую вред, ущерб», или «нецелесообразную» скромность (см. толкование переносного значения слова *неразумный* – 'лишённый разумных оснований, нецелесообразный' [12]). То, что во все времена считалось достоинствами человека, личности, подвергается сомнению; отсутствие этих качеств уже не рассматривается как порок, недостаток человека.

В качестве выводов. Новый, непривычный круг лексем, с которыми сочетаются в современной речи оценочные прилагательные *здоровый, нездоровый, здоровый, разумный, полезный, правильный, трезвый* и др., свидетельствует о некоторых семантических изменениях этих прилагательных: появляется новое значение или оттенок значения (как в случае со словами *здоровый, больной*), актуализируется одно из периферийных значений слова (см. *нездоровый*). Однако, на наш взгляд, это не просто новая сочетаемость слова как результат универсального и вечного процесса обновления языка. Это индикатор нового, нетрадиционного отношения говорящих к понятиям духовного, нравственного порядка. Рассмотренные нами атрибутивные сочетания демонстрируют смену полярных точек зрения на духовные ценности, смешение этических оценок (с минуса на плюс и наоборот), релятивизм в отношении к основным нравственным категориям.

В связи с этим следует отметить такой факт: в анализируемых контекстах, откуда извлекались сочетания, нам не встретилось ни одного случая рефлексии говорящего по поводу непривычного употребления прилагательных, т.е. метатекстовых вставок (рефлексивов) типа *если можно так сказать, как сейчас модно (принято) говорить* и т.п. Можно предположить, что отсутствие метатекстовых замечаний по поводу этической аномальности анализируемых сочетаний говорит о том, что явление пустило корни: тот период, когда сочетания типа *здоровый цинизм, нездоровая честность* и т.п. казались говорящим действительно новыми, непривычными, по-видимому, прошёл.

В этой ситуации заслуживает внимания научной общественности мнение А.Д. Шмелёва о том, что современный «нормативный словарь не должен игнорировать возникающие новации, но в нём должно посредством специальных помет отмечаться, что словоупотребление, ориентированное на новую систему ценностей, воспринимается многими носителями языка (особенно представителями старшего поколения) как “неправильное”» [15].

Список литературы:

1. Зализняк Анна Н., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Эволюция ключевых концептов русского языка в XX веке: аспекты изучения // Вестник РГНФ. 2008. №1. – С. 120-127
2. Березович Е.Л. «Отцы и дети» в лексической семантике (О «поколенческих» различиях в значениях слов аксиологической сферы в языке современного города) // Язык современного города: Восьмые Шмелёвские чтения. Тезисы докладов межд. конф. – М., 2008. С. 25-28
3. Шмелёв А.Д. Падение речевой культуры или изменение нормы? // Вопросы культуры речи. XI / Под ред. А.Д. Шмелёва. – М.: «Языки славянских культур», 2012. – С. 72-73
4. Сенько Е.В. Эволюция русской языковой картины мира // Лексикология. Лексикография (русско-славянский цикл). Русская диалектология: Матер. секций XXXIX Межд. филолог. конф. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. – С. 61
5. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. – М.: Наука, 2010. – С. 70-71
6. Маринова Е.В. Могут ли амбиции быть здоровыми? // Русская речь. № 5. 2012. С.57-63
7. Шмелёва Е.Я. Изменения в оценке и самооценке человека в русском языке XXI века (яркие индивидуалисты, позитивные эгоисты и успешные карьеристы) // Вопросы культуры речи / Отв. ред. А.Д. Шмелёв. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2011. – С. 95-101
8. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы её представления. – М.: «Языки славянских культур», 2006. С. 416-417
9. Маринова Е.В. О понятии «актуальная сочетаемость» в изучении современных языковых процессов // Язык и социальная динамика. Ч.1: Матер. Всерос. науч.-практ. конф., г.Красноярск, 24-25 мая 2013 г. – Красноярск, 2013. - С. 67-68
10. Маринова Е.В. Термин и понятие «актуальная сочетаемость слова» в терминологической системе неологии // Вестник Челябинского госуниверситета. Филология. Искусствоведение. – 2013. - №31 (322). – С. 106-107.
11. Маринова Е.В. Здоровые и нездоровые в современном дискурсе// Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2014. №2-1. С. 344-351
12. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – С. 1536

13. Словарь русского языка. 2-е изд., перераб.и доп. – М., 1981
14. Горбачевич К.С. Словарь эпитетов русского языка. – СПб.: Норинт, 2000. – С.

224

15. Шмелёв А.Д. Новое в русской лексике: проблемы кодификации // Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления): Тезисы Межд. науч. конф. – СПб.: «Нестор – История», 2015. – С. 110-111

Actual word compatibility in the aspect of linguistic axiology

E.V. Marinova

The N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The phenomenon of actual word compatibility appearing in current written speech is considered. The term actual word compatibility is introduced into scientific use to denote new or relatively new compatibility of the words breaking their usual syntagmatic connections and identifying changes in people's value orientations. Analyzing the compatibility of the adjectives with positive or negative meaning in sintagmas like *zdorovyj cynizm* ('healthy cynicism'), *razumnaja agressija* ('reasonable aggression'), *nezdorovaja dobrota* ('harmful kindness'), etc. the author comes to the conclusion that some value orientations in contemporary social perception are not typical of Russian linguistic mentality. One of them is the aggressive cult of force. The study is performed in the framework of the dynamic description of the language. One of the methods applied is the analysis of potential word compatibility.

Keywords: actual word compatibility, linguistic axiology, oxymoron collocations, pleonastic collocations, substitution of ethical assessments.

КОММУНИКАТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ДЕЛОВОГО ДОКУМЕНТА

Т.Д. Маркова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

tatiana.markova2012@gmail.com

Цель данной статьи – обосновать необходимость введения в правовую и лингво-экспертную практику «тестирующей» экспертизы делового документа как рекомендуемой разновидности лингвистической экспертизы, проводимой в рамках коммуникативного моделирования. Используя традиционные методы анализа текста (лексико-семантический и контекстуальный анализ, морфолого-синтаксический и функционально-синтаксический анализ, коммуникативно-синтаксический анализ), автор статьи исследует причины коммуникативных неудач, возникших в процессе применения некорректно составленных деловых документов. В качестве материала рассматриваются реальные лингвистические

экспертизы двух документов, вызвавших спорные ситуации, которые далее завершились судебными разбирательствами с привлечением лингвистов-экспертов, – договор аренды и ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (конкретно Статья 4 указанного Закона). Автор статьи отмечает, что деловой документ является ведущим элементом деловой коммуникации, особым функциональным и текстовым феноменом, определяющим мотив и направление различных процессов, протекающих в официально-деловой сфере. В статье делает вывод о том, что деловой текст должен изначально рассматриваться как потенциально активный компонент официально-делового общения, в конечном счёте определяющий его итог. Каждая формулировка в деловом документе должна быть заранее оценена с точки зрения дальнейшего применения документа, что обеспечит оптимальное функционирование делового документа в реальной деловой и правовой коммуникации.

Ключевые слова: коммуникация, компоненты коммуникации, документ, функционирование делового документа, интерпретация делового текста, спорный текст, коммуникативная неудача, экспертиза делового документа, моделирование деловой коммуникации, бесконфликтная деловая коммуникация.

Деловая сфера – это особая часть национальной культуры, имеющая свои коммуникативные каноны и традиции. Структура деловой коммуникации, как и структура коммуникации как таковой, включает в себя следующие компоненты: адресант, адресат, тема коммуникации, интенции коммуникантов, способ коммуникации, результат [1]. Эффективность коммуникации вообще и деловой коммуникации в частности напрямую зависит от всех составляющих этого процесса. Для того чтобы избежать коммуникативной неудачи, особенно в официально-деловой и правовой сферах, необходимо предварительное моделирование возможных коммуникативных сюжетов с учётом различных вариантов каждого компонента коммуникации. Коммуникативный сюжет, в свою очередь, во многом зависит от того документа, которым регулируется конкретная деловая ситуация. Неодинаковая интерпретация делового документа участниками коммуникации чаще всего приводит к конфликтным ситуациям. Какова задача конкретного делового документа, какую сферу и какую совокупность вопросов этот документ должен регламентировать, каковы характеристики и интенции предполагаемых участников возможных ситуаций функционирования документа – на все эти вопросы необходимо найти вероятные ответы в процессе коммуникативного моделирования деловой ситуации. При этом нужно учитывать и функциональные характеристики стиля, к которому принадлежат различные деловые жанры, – точность, однозначность, непротиворечивость. Что касается методов предварительного исследования делового документа, то они вполне традиционны: лексико-семантический и контекстуальный анализ, морфолого-синтаксический и функционально-синтаксический анализ, коммуникативно-синтаксический анализ и некоторые другие.

Деловой документ является ведущим элементом в сфере деловой коммуникации, особым функциональным и текстовым феноменом, определяющим мотив и направление различных процессов, протекающих в официально-деловой сфере. В создании любого делового документа необходимы тщательный учёт языковых законов и участие специалиста (лингвиста). В этом безусловный залог успешной и бесконфликтной деловой коммуникации. Деловой текст должен изначально рассматриваться как потенциально активный компонент официально-делового общения, в конечном счёте определяющий его итог. Каждая формулировка в деловом документе должна быть заранее оценена с точки зрения дальнейшего применения документа. Собственно же текст делового документа должен стать объектом всестороннего анализа как лингвистического, так и функционально-коммуникативного, прежде всего, на этапе своего формирования [2]. Целесообразным было бы введение в законодательную и правовую практику «тестирующей» экспертизы делового документа, проводимой в рамках коммуникативного моделирования с целью оптимального функционирования делового документа в реальной деловой и правовой коммуникации.

Проблемы, связанные с необходимостью интерпретации делового документа в случае некорректного его составления, касаются различных аспектов использования языковых единиц: многозначность лексической единицы, не проясняющаяся в контексте; неверное построение предложений; некорректная расстановка знаков препинания; недостаточность используемых в контексте языковых средств и многое другое. Всё это имеет место ещё и по той причине, что текст зачастую не рассматривается как потенциально активный компонент коммуникации, компонент, функционирующий и нередко определяющий итог коммуникации. Каждое слово и каждая формулировка в деловом документе должны быть тщательнейшим образом продуманы и оценены с точки зрения дальнейшего применения собственно документа. Отсюда классические требования к официально-деловому тексту – точность, однозначность толкования, ясность формулировок, краткость в сочетании с достаточностью (как формальной, так и смысловой). Последнее требование в ряде случаев выполняется непоследовательно: составители делового текста могут «экономить» языковые средства неуместно и нецелесообразно.

Примером всего сказанного выше может быть реальный договор аренды (реквизиты сторон, составивших и подписавших этот договор, здесь сообщать не будем), вызвавший спорную ситуацию, которая далее превратилась в судебное разбирательство с привлечением лингвистов-экспертов. Апеллируя к статусу современного русского языка как государственного языка РФ, заинтересованные участники судебного процесса попросили лингвистов сопоставить содержание двух пунктов договора аренды (пп. 3.11.2 и 5.2.2) и ответить на простой вопрос: обязан ли арендатор платить штраф арендодателю в случае, если

арендуемый объект частично сдан в субаренду (без разрешения арендодателя). Ниже приведён полный текст актуальных для данной ситуации пунктов договора.

«3.2.11. Не предоставлять и (или) не передавать арендуемый Объект как в целом, так и частично, а также права на него по гражданско-правовым договорам третьим лицам, в том числе в субаренду, без согласия Арендодателя.

Прекращение договора аренды влечет прекращение заключенного в соответствии с ним договора субаренды и иных гражданско-правовых договоров».

«5.2.2. Арендатор выплачивает Арендодателю штраф в размере полугодовой суммы арендной платы (без учета НДС) в случае следующих грубых нарушений Арендатором условий настоящего договора, а именно:

- при использовании Объекта или его части не по целевому назначению, указанному в п.1.1 договора аренды;

- при передаче Объекта, а также прав на него, третьим лицам без согласия Арендодателя;

- при умышленном ухудшении Арендатором состояния Объекта».

Пункт 3.2.11 рассматриваемого договора аренды имеет запретительный характер. Запрещение категорично по характеру формулировки, императивность запрета выражена формой инфинитива. При этом не устанавливается каких-либо санкций по отношению к Арендатору в случае нарушения устанавливаемого здесь запрета. Запрет устанавливается как безусловный и касается ситуации передачи Объекта или его части третьим лицам (то есть лицам, не предусмотренным настоящим договором) без разрешения на то со стороны Арендодателя. Таким образом, согласно п. 3.2.11, пользоваться Объектом может исключительно Арендатор. Для использования Объекта (полностью или частично) требуется специальное согласие (разрешение) Арендодателя: *«Не предоставлять и (или) не передавать арендуемый Объект как в целом, так и частично, а также права на него по гражданско-правовым договорам третьим лицам, в том числе в субаренду, без согласия Арендодателя».* После формулировки этого запрета следует (здесь же, в п. 3.2.11) уточнение, имеющее характер комментария или примечания, *видимо*, на тот случай, если Арендатор всё-таки заключил с кем-либо договор о субаренде (или какой-либо иной гражданско-правовой договор) с разрешения Арендодателя: *«Прекращение договора аренды влечёт прекращение заключённого в соответствии с ним договора субаренды и иных гражданско-правовых договоров».*

Итак, согласно п. 3.2.11, Арендатор не должен передавать Объект (ни полностью, ни частично, ни при каких обстоятельствах) третьим лицам. Возможность подобной передачи возникает только в случае специального согласия на то Арендодателя. Если же передача Объекта третьим лицам состоялась (с разрешения Арендодателя либо без согласия последнего), то заключённый в этом случае договор субаренды (либо другой гражданско-

правовой договор) автоматически теряет силу в момент прекращения договора аренды (если такое прекращение произойдёт по тем или иным причинам). При этом пунктом 3.2.11 не предусмотрены ни штрафы, ни какие-либо иные санкции за нарушение установленного в данном пункте запрета.

Все лексические единицы, используемые в тексте п. 3.2.11, реализуют своё буквальное (прямое) значение в соответствии с требованиями, предъявляемыми к текстам официально-делового характера. Толкование п. 3.2.11 мотивируется общеупотребительным словарным ресурсом современного русского литературного языка как государственного языка РФ. При этом текст не содержит внутренних смысловых либо логических противоречий, как не содержит и предпосылок для других толкований, отличающихся от приведённого выше.

Если в п. 3.2.11 установлен запрет на передачу (как на полную, так и на частичную) Объекта третьим лицам без разрешения Арендодателя, то в п. 5.2.2 оговариваются условия, при которых Арендатор выплачивает штраф Арендодателю. Таких условий три: использование Объекта Арендатором не в целях розничной торговли (именно в этом состоит целевое назначение объекта аренды, согласно п. 1.1 договора), а в каких-либо других целях, не предусмотренных данным договором; разрешение (со стороны Арендатора) неким третьим лицам пользоваться Объектом без получения на то разрешения от Арендодателя; намеренное, специально продуманное Арендатором нанесение вреда Объекту. Других реальных ситуаций, в которых бы согласно договору имели место грубые нарушения условий данного договора, п. 5.2.2 не предусмотрено. Противоречий между п. 3.2.11 и п. 5.2.2 нет. Однако нет и полного совпадения содержания в части, касающейся обстоятельств передачи Объекта третьим лицам: в п. 5.2.2 не уточняется (ни прямо, ни косвенно), о какой именно – полной или частичной – передаче Объекта третьим лицам идёт речь. Не содержится в п. 5.2.2 и ссылки на п. 3.2.11 рассматриваемого договора. Подобная ссылка однозначно свидетельствовала бы о том, что штраф, устанавливаемый пунктом 5.2.2, касается ситуации нарушения запрета, о котором идёт речь в п. 3.2.11 (с учётом всех деталей, оговорённых в п. 3.2.11). Отсутствие ссылки на п. 3.2.11 и отсутствие уточнения обстоятельств передачи Объекта третьим лицам в части объёма такой передачи даёт возможность (по умолчанию) следующего однозначного толкования: Арендатор выплачивает Арендодателю штраф (размер указан в п. 5.2.2), в случае полной передачи Объекта третьим лицам (без согласия Арендодателя). Подобное толкование однозначно именно потому, что договор не устанавливает обязательную связь между п. 3.2.11 и п. 5.2.2: в п. 3.2.11 нет ни слова о штрафах и санкциях за нарушение запрета и нет ссылки на далее идущий п. 5.2.2; а в п. 5.2.2 нет отсылки к п. 3.2.11, поэтому передача Объекта, согласно п. 5.2.2 мыслится как полная.

В реальной спорной ситуации преимущества на стороне арендатора. Арендодатель, составляя и подписывая настоящий договор аренды, имел в виду иной исход. Однако в тексте договора своё видение перспективы не отразил. А ведь объект муниципальный и в качестве арендодателя выступала солидная бюрократическая инстанция. Подчеркнём: так как п. 5.2.2 не содержит отсылки к п. 3.2.11, равно и п. 3.2.11 не содержит отсылки к п. 5.2.2 (хотя возможность такой отсылки у составителей договора имелась), то толкование п. 5.2.2 является **однозначным по умолчанию** – без учёта п. 3.2.11. Именно такое толкование в нашем случае является логически заданным, а любое другое – вольным: составители договора не установили обязательную связь между п. 3.2.11 и п. 5.2.2 (хотя имели возможность это сделать при наличии обоих пунктов в договоре) именно потому, что такой связи не предполагается. Следовательно, толкование содержания п. 5.2.2 принципиально не зависит от содержания п. 3.2.11, равно как и толкование содержания п. 3.2.11 принципиально не зависит от содержания п. 5.2.2.

Таким образом, для того чтобы свести к минимуму бесконечные судебные процессы, вызванные необходимостью интерпретации неудачно составленных документов, официально-деловой текст должен стать объектом комплексного анализа лингвистов и участников деловой коммуникации в аспекте формы, содержания и перспективы функционирования [3], причём на этапе создания такого текста. Справедливость данного утверждения становится особенно очевидной, когда речь заходит о возможности неоднозначного толкования документов, имеющих особый статус, например Федеральных Законов.

Для примера рассмотрим лингвистическую экспертизу, необходимость в которой возникла в связи с применением ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», принятого Государственной Думой 4 июня 2004 г. Спорная ситуация была вызвана, в частности, формулировкой Статьи 4 указанного Закона:

«Статья 4. Организация публичного мероприятия

К организации публичного мероприятия относятся:

1) оповещение возможных участников публичного мероприятия и подача уведомления о проведении публичного мероприятия в соответствующий орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления;

2) проведение предварительной агитации;

3) изготовление и распространение средств наглядной агитации;

4) другие действия, не противоречащие законодательству Российской Федерации, совершаемые в целях подготовки и проведения публичного мероприятия».

На разрешение лингвиста-эксперта был поставлен следующий вопрос: следует ли из содержания Статьи 4 («Организация публичного мероприятия») ФЗ «О собраниях, митингах,

демонстрациях, шествиях и пикетированиях», принятого Государственной Думой 4 июня 2004 г., что к организации публичного мероприятия относится, в частности, только такое изготовление средств наглядной агитации, которое непременно сопровождается дальнейшим распространением изготовленных средств. Ситуация, породившая данный вопрос, состояла в том, что одна из типографий изготовила по заказу политической организации наглядную агитацию, которая не была распространена заказчиком, так и осталась на типографском складе, но впоследствии была обнаружена представителями ФСБ. Собственно же вопрос обусловлен особенностями синтаксической структуры и графической организации Статьи 4 ФЗ.

Текст Статьи состоит из одного простого осложнённого предложения, имеющего в своём составе ряд однородных подлежащих. Предикативным центром данного предложения являются имена существительные в функции подлежащих («оповещение», «подача», «проведение», «изготовление», «распространение», «другие действия») и глагол «относятся» в функции сказуемого. Последнее из названных выше подлежащих имеет при себе два обособленных определения, выраженных причастными оборотами, которые также осложняют структуру предложения в целом. Для связи однородных подлежащих в предложении используется дважды употреблённый одиночный соединительный союз «и», связывающий, во-первых, существительные «оповещение» и «подача», а во-вторых – существительные «изготовление» и «распространение». Перечисленные однородные подлежащие размещены в отдельных пунктах с цифровой нумерацией. В пределах 1-го и 3-го пунктов находятся связанные соединительным союзом «и» имена существительные «оповещение» и «подача» (в пункте 1) и «изготовление» и «распространение» (соответственно в пункте 3). Такое структурирование текста расставляет вполне определённые и однозначные смысловые акценты в однородном ряду: подлежащие, объединённые соединительным союзом «и» в пределах отдельного пункта, являются, безусловно, подчёркнуто связанными между собой и составляют неразрывное смысловое единство грамматически равноправных компонентов. Следовательно, «к организации публичного мероприятия относятся»: 1) «оповещение» предполагаемых участников и одновременная «подача» уведомления о мероприятии в соответствующий орган, 2) «проведение» агитации, 3) «изготовление» и обязательное последующее «распространение» наглядной агитации, 4) «другие действия». Однородные подлежащие, соединённые союзом «и» в третьем пункте Статьи имеют и общий второстепенный член предложения – дополнение «средств наглядной агитации». Этот общий второстепенный компонент структуры ещё более усиливает грамматическую и лексико-семантическую связь однородных субъектов «изготовление» и «распространение». Убедиться в справедливости приведённых

выше рассуждений можно путём простой подстановки разделительного союза «или» вместо употреблённого в тексте Статьи ФЗ соединительного союза «и». В этом случае «*к организации публичного мероприятия*» относилось бы «*изготовление*» средств наглядной агитации или их «*распространение*».

Однако акцентирование связи подлежащих «*изготовление*» и «*распространение*» достигается не только использованием соединительного союза «и» вместо разделительного союза «или». Если бы законодатель не предполагал обязательной связи двух процессов, обозначенных однородными компонентами «*изготовление*» и «*распространение*», то это было бы также отражено в графическом оформлении текста: указанные однородные субъекты были бы размещены в двух самостоятельных пунктах.

Таким образом, морфолого-синтаксический анализ текста Статьи 4 ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», принятого Государственной Думой 4 июня 2004 г., позволяет утверждать, что, согласно содержанию и графическому оформлению указанной Статьи, к организации публичного мероприятия относится, в частности, только такое изготовление средств наглядной агитации, которое непременно сопровождается дальнейшим распространением изготовленных средств. Причём это **толкование является единственно возможным**, текст указанной Статьи ФЗ не допускает иных толкований. Вновь подчеркнём, что спорная ситуация не возникла бы при более однозначной формулировке, в которую могли бы быть включены дополнительные лексические элементы, исключающие возможность инотолкований.

Итак, деловой документ организует и направляет множество социальных и экономических процессов. Причём с момента завершения своего формирования и выхода в поле коммуникации документ начинает участвовать в управлении и становится намного более значимым элементом этой коммуникации, чем обычный и подчас неоспоримый здравый смысл коммуникантов. Таким образом, создание делового документа – процесс чрезвычайно ответственный. Культуре создания делового документа необходимо специально учиться. Если этот процесс идёт без учёта языковых законов и без участия специалиста (лингвиста), то на выходе может получиться текст, способный в дальнейшем сделать коммуникацию своих создателей весьма далёкой от успеха [4], [5], [6]. Результат – конфликтные ситуации, судебные процессы и лингвистические экспертизы (которые оптимальнее было бы проводить на этапе создания документа).

Список литературы:

1. Межличностная коммуникация: теория и жизнь. – СПб.: Речь, 2011. – 560 с.

2. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Язык и метод в современной судебной экспертизе. – М., 2015. – 216 с.

3. Юматов В.А. Методологические вопросы развития содержания понятия эффективности правоохранительной деятельности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 5. – С. 294

4. Грачев М.А., Маркова Т.Д. Проблемы функционирования нормативного правового акта: лингвистический аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 2(30). – С. 19-24

5. Маркова Т.Д. Использование общеупотребительного слова в деловом документе: проблема интерпретации // Слово. Предложение. Текст: анализ языковой культуры: Матер. VII Межд. научно-практ. конф., г. Краснодар, 26 марта 2015 г. – Краснодар, 2015. – С. 19-24

6. Маркова Т.Д. Однозначность по умолчанию в тексте официально-делового документа // Вопросы филологии и переводоведения: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. – Чебоксары: Изд-во ЧГПУ, 2015. – С. 46-50

The communication modeling in the preliminary linguistic investigation of official documents

T.D. Markova

The N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The purpose of this article – is to prove the need of testing preliminary linguistic investigation in official communication. It can be fulfilled by communicative modeling as a recommended version of linguistic investigation. Using traditional methods of text analysis (lexical-semantic and contextual analysis, morphological and functional analysis), the author determines the causes of communication failures that occurred during the use of incorrectly composed business and official documents. There was investigated the real material of the two documents, caused conflicts, which further resulted in litigation involving linguists. The documents are – the lease contract and the Federal Law “On Meetings, Rallies, Demonstrations, Processions and Picketing” (specifically Article 4 of the Law). The author notes that a business document is a leading element in business and official communication, special functional and textual phenomenon, motivating and directing various processes of politics and economy. The conclusion is that the business text should initially be treated as a very important, potentially active component of official-business communication. Each phrase in business document should be carefully considered in terms of further use of the document. This ensures optimal functioning of business document in a real business and legal communication.

Keywords: communication, communication components, document, the functioning of the documents, the interpretation of official text, the controversial text, communication failure, the investigation of the document, simulation of business communication, conflict-free business communication.

ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТ КАК ОРУДИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

Д.В. Моровов

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

jimitori@gmail.com

Целью исследования, некоторые результаты которого отражены в данной статье, является описание актуальных средств вербальной манипуляции, используемых в интернет-материалах экстремистского характера. В ходе функционально-семантического и дискурсивного анализа текстов, размещённых в Рунете, автор статьи приходит к выводу о том, что применение манипулятивных средств в текстах экстремистского содержания является разновидностью психологического насилия. Действительно, интернет – это особое полисемиотическое пространство коммуникации, обладающее максимальной информационной ёмкостью и высоким коэффициентом психологического воздействия. Интернет позволяет использовать все виды информации синхронно, а декодировать – как единый синкрет – особый информационный «сгусток». Материалы, нашедшие отклик у читателей, распространяются в интернет-пространстве самостоятельно, бесконтрольно, лавинообразно. При этом авторы, публикующие эти материалы, не всегда нацелены на изложение правдивой и проверенной информации. На сегодняшний день из манипулятивных приёмов, используемых в актуальных материалах политического характера (размещённых в Рунете), наиболее распространёнными являются: апеллирование к авторитету (нередко одновременно с искажением смысла цитаты или собственно цитаты); термины и терминоподобные наименования; ярлыки; количественные данные («большие цифры»); лексические единицы с богатыми, традиционно закреплёнными культурными ассоциациями (культурные символы). Нередко подобными приёмами пользуются авторы, придерживающиеся экстремистских взглядов. В таких случаях интернет-текст превращается в орудие психологического насилия. В своих текстах эти авторы активно используют различные виды скрытого призыва, в частности негативный прогноз – особое средство манипулятивного воздействия. Главное, чего хочет добиться манипулятор-экстремист – вызвать у адресата чувство тревоги, страха и сформировать неосознанное желание активно противодействовать государственной власти или совершать другие действия экстремистского характера.

Ключевые слова: психологическое насилие, манипулятивное воздействие, манипуляция, вербальная манипуляция, интернет-текст, экстремистский текст, интернет-коммуникация.

Массовая коммуникация перемещается в интернет, это на сегодняшний день общеизвестно. Главную роль в массовой коммуникации играют социальные сети — от Твиттера до Фейсбука. А.С. Аладышкина на основании работ Р. Мертона (1968) выделяет следующие функции интернета: информационную, коммуникативную, развлекательную, коммерческую, снятия напряжения, артикуляции, или самовыражения (интернет обеспечивает индивидам и различным общественным группам возможность публично выразить свое мнение) [1, 184]. Значительную часть функциональных результатов и последствий интернета люди, как полагает А. С. Аладышкина, не осознают, но именно латентные функции в данном

случае намного важнее явных. В первую очередь, это касается мобилизационной (побуждение людей к определенным действиям, к деятельной реакции на полученную посредством сети информацию) и интеграционной (возможность находить и объединять единомышленников, сплачивать их общностью целей и убеждений) функций [2].

Благодаря развитию технологий, интернет становится особым информационным пространством — максимально доступным и максимально независимым. Газета измеряет донесение информации до читателей тиражом издания, телевидение и радио — аудиторией. В интернете эти показатели не имеют определяющего значения для измерения распространения информации. Благодаря функции «лайков» и «репостов» сообщение показывается не только непосредственной аудитории адресанта («френдам»), но и аудиториям тех, кто сообщение «лайкнул» или «репостнул» — и так до бесконечности. Тексты, нашедшие отклик у читателей, таким образом, распространяются самостоятельно, бесконтрольно и лавинообразно. Как отмечает Е. А. Ермолин [3], «содержание высказываний может быть любым, вес же каждого из них зависит не столько от него самого, сколько от размеров реакции на него в сетях».

Отсюда проистекают возможные опасности в использовании интернета в противоправных целях, как средства распространения экстремистских идей, например. Авторы, публикующие сообщения в социальных сетях, не всегда нацелены на изложение правдивой и проверенной информации, не наделенной манипулятивным потенциалом. Для подобных публикаций используется термин «стратегический речевой акт». Это акт, который не основывается на интенции искренности, достоверности и справедливости. Такие речевые акты подразделяются на категории [1, 188]:

- 1) искаженное представление себя – недостоверная самопрезентация, экспериментирование с идентичностью;
- 2) антисоциальное использование возможностей интернета – флейминг, троллинг, язык вражды, злоупотребления, домогательства;
- 3) намеренное искажение информации – пропаганда, спам, дезинформация.

Опасность усугубляется, если информацию распространяет человек популярный, с высоким социальным капиталом. Нередко при этом имеет место использование манипулятивных (и провокативных) тактик. Такие материалы даже без значительной содержательной составляющей, опубликованные «авторитетным» источником, вызывают тысячи репостов. Материал быстрее распространится, если автор использует, в частности, такие средства вербальной манипуляции, как апелляция к авторитетам; популярные термины или псевдотермины, создающие у читателей впечатление научности текста; ярлыки,

приобретающие в интернет-пространстве дополнительные функции фильтрации аудитории и навигации заданного адресата по намеченному манипулятором «маршруту»; статистические данные, нередко без указания на источник и чаще всего «подогнанные» манипулятором под декларируемый им тезис; наименования национально-культурных символов.

Все перечисленные средства вербальной манипуляции применяются в различных сферах – от публицистики до рекламы и давно описаны, в частности, в работах С. Г. Карамурзы [4]. Однако если в сфере продвижения товаров и услуг или в сфере межличностной коммуникации манипуляции подобного рода могут быть вполне безобидными по своим последствиям, то в условиях интернет-экспансии при глобальности сети и высочайшей плотности информационного потока, а также с учётом возобновления активного информационного противостояния в политике, использование манипулятивных приёмов в интернете следует в определённых случаях квалифицировать как разновидность психологического насилия.

С понятием психологического насилия в настоящее время сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, в связи с повышением образовательного, культурного и технического уровня социума, все более доступными и популярными становятся психологические, а не физические способы воздействия на человека. Это отмечают юристы и лингвисты, с этим постоянно в своей практической деятельности сталкиваются психологи. С другой стороны, сами понятия «психологическое насилие», «психическое насилие» странным образом оказываются «вне рамок системы строгих дефиниций и терминов. Возникает впечатление бессознательного избегания четких понятий в отношении агрессии и насилия в их психологической ипостаси» [5, 84]. В юридической литературе фиксируются попытки дать толкование названным словосочетаниям с правовой точки зрения: «психическое насилие в уголовно-правовом смысле представляет собой умышленное целенаправленное противоправное общественно опасное воздействие на психику человека, осуществляемое помимо или против его воли, которое может повлечь негативные последствия для жизни и здоровья или создать угрозу возникновения таких последствий» [6]; «психологическое насилие — это социально-психологическое воздействие, принуждающее другого человека к поступкам или поведению, которые не входили в его намерения; нарушающее индивидуальные границы личности, осуществляемое без информированного согласия и без обеспечения социальной и психологической безопасности индивида, а также всех его законных прав; приводящее к социальному, психологическому, физическому или материальному вреду (ущербу)» [5, 88]. В лингвистическом аспекте психологическое насилие связано, в первую очередь, с применением вербальных средств манипуляции сознанием

реципиента информации. Действительно, вербальная манипуляция имеет ряд характеристик, присущих психологическому насилию: это умышленное, целенаправленное воздействие на психику человека, осуществляемое помимо его воли, которое может повлечь негативные последствия для здоровья отдельного человека (или для социальной безопасности отдельных групп людей). Если манипулятивные материалы, воздействующие на адресата, имеют экстремистский характер, то подобная манипуляция представляет собой к тому же противоправную деятельность, приводящую к различного рода опасным последствиям для жизни многих людей либо создающую угрозу возникновения таких последствий.

Как было сказано ранее, противоправная информация, распространяемая автором-манипулятором посредством интернета, может быть особенно опасной. Между тем вопрос о лингвистической безопасности личности, подвергающейся недобросовестному воздействию манипуляторов различного толка, является совершенно не разработанным в правовом отношении, что приводит к незащищённости отдельных пользователей сети или целых групп в ситуации манипулятивного психологического воздействия. Проблема могла бы решаться путём проведения лингвистической экспертизы, ставшей уже традиционной составляющей правового пространства современной России [7]. Однако отставание правовой базы от стремительно эволюционирующего манипулятивного арсенала, применяемого в современном виртуальном пространстве, приводит к тому, что практически любое заключение о наличии в материалах экстремистской направленности может быть опровергнуто другим исследованием, проведенным с использованием других методик [8], тем более, что на сегодняшний день экстремистский контент практически полностью перешёл в скрытый, манипулятивный формат. К примеру, наиболее актуальной разновидностью скрытого призыва на сегодняшний день является негативный прогноз, по форме напоминающий научно-популярный текст аналитического характера, а на деле представляющий собой мощный комплекс манипулятивных структур, внедряющих в сознание адресата тревогу и страх и формирующих подсознательное желание противодействия в направлении, указанном манипулятором [9]. Сами же владельцы сайтов в принципе не могут оценить материалы, размещаемые на сайте, в аспекте наличия или отсутствия в них признаков экстремизма или психологического насилия. Таким образом, информация, подрывающая внутреннюю безопасность страны (экстремистская информация) или наносящая психологический ущерб личности, оказывается бесконтрольно доставляемой к любой категории адресатов – пользователей Рунета.

Вместе с тем игнорировать данную ситуацию не следует. Интернет — это живой и развивающийся, расширяющийся гипертекст. Обмен информацией в нём осуществляется

синхронно и при использовании синкретичных полисемиотических средств. Ничего подобного не наблюдалось в существовавших до этого средствах коммуникации. Обычный текст имеет сравнительно малую информационную ёмкость в расчёте на знак и воспринимается линейно; восприятие текстовой информации зависит, в частности, от скорости чтения адресата текста. Обычный текст заставляет воспринимающего тщательно обрабатывать информацию, чтобы превратить буквенную линейность в объёмные образы. Напротив, изображение обладает большей информационной ёмкостью и не требует от воспринимающего особого воображения. На одном изображении помещается больше объектов, которые осознаются почти одновременно. На таком свойстве изображения построены как комиксы, так и инфографика. Наибольшей, пожалуй, информационной плотностью, обладает видео, совмещающее в себе преимущества изображений (движущихся и быстро сменяющихся друг друга), текста и аудиопотока. Интернет позволяет использовать все виды информации синхронно, при этом текст с изображениями объединяются в смысловые группы, которые помещаются друг рядом с другом, к ним может добавиться видео — рядом или в качестве фона. И весь этот информационный поток воспринимается пользователем синхронно, а декодируется как единый синкрет – особый информационный «сгусток». Эффективность информационного воздействия такого «сгустка» чрезвычайно велика, и если это информационное воздействие имеет характер психологического насилия с использованием комплекса манипулятивных средств, то опасность для адресата будет более чем серьёзной.

Коммуникация в интернете, по большей части, является массовой или «опосредованно массовой». Публикуя сообщение в сети в открытом доступе, автор либо сознательно, либо неосознанно демонстрирует это сообщение фактически всему миру. Например, если пользователь социальной сети Twitter пишет сообщение другому пользователю, оно будет показано общим подписчикам, обменивающимся сообщениями. Комментарии в большинстве блогов и социальных сетей также остаются открытыми. Для отправки частных сообщений людям приходится использовать специальные сервисы внутри социальных сетей или блоговых платформ или так называемые «мессенджеры», т.е. программы или сайты, единственной или основной функцией которых является личная переписка. Однако на сегодняшний день отмечается тенденция появления и в мессенджерах также публичных групповых чатов, когда переписка группы лиц сознательно демонстрируется публике. Широкое распространение исходной вербальной информации имеет место при отсутствии общего объективно заданного «смыслового знаменателя». Таким образом, взаимопонимание коммуникантов – это зачастую лишь иллюзия, а для авторов-манипуляторов – проблема. Для

решения этой проблемы авторы пытаются привлечь и зафиксировать своего читателя, чтобы максимально повысить эффективность используемых манипулятивных средств и реализовать максимальное воздействие на своего читателя: невозможно создавать тексты, которые будут обладать убеждающей силой сразу для всех. Слишком откровенные манипуляции в письменном (и даже устно-письменном) тексте очень заметны. Поэтому автору приходится искусственно ограничивать круг своих читателей. Сделать это экстралингвистическими средствами не представляется возможным: не получится закрыть доступ к материалам всем, кроме, например, «мужчин в возрасте от 30 до 50 лет, которые не любят СССР». Если в обычной реальности получилось бы собрать единомышленников в одной комнате и внушить им определенный образ мыслей, используя весь арсенал убеждающих приёмов, то в виртуальной реальности это не столько невозможно, сколько трудно контролируемо и неэффективно. Таким образом, у современного русского языка в интернет-дискурсе формируется новая функция, или под-функция, — «фильтрующая». В интернете почти невозможно искусственно ограничить аудиторию неязыковыми средствами, но осуществлять коммуникацию предпочтительно с неслучайной аудиторией. Поэтому автор текста сознательно закладывает в текст языковые «маркеры», позволяющие отсеять «ненужную» аудиторию, контакт с которой изначально обречён на провал, из-за неподходящих убеждений, возраста, культурной или языковой общности и других причин. Одновременно работают и другие маркеры – навигационные, которые ведут по продуманному маршруту тех, кто не был отсеян, то есть принадлежит к заданной группе адресатов. Так, следуя за манипуляционным «навигатором», адресат может незаметно для себя выйти на экстремистский сайт, который, в силу маскирующего названия и скрытых приёмов подачи экстремистской информации, не воспринимается и не квалифицируется как экстремистский.

Структурно-функциональные характеристики Рунета как средства и пространства коммуникации, особенности протекания процессов общения, представления и потребления информации в этом пространстве, а также типичные вербальные воздействующие приёмы, используемые в русскоязычном интернете, позволяют выстроить своеобразную модель вовлечения пользователя Рунета в экстремистскую деятельность.

В модели выделяются коммуниканты:

1. адресант — носитель экстремистских идей, имеющий цель манипуляционного воздействия на адресата;
2. адресат — пользователь Рунета, не участвующий в экстремистской деятельности, но, возможно, придерживающийся взглядов, близких к взглядам адресанта, или проявляющий интерес к мнению адресанта.

Каналом коммуникации и воздействия в этой модели являются средства, предоставляемые глобальной сетью интернета.

Целью воздействия является формирование у адресата неосознанного намерения агрессивного противодействия государственной власти или совершения других действий, близких к экстремистским (экстремистских).

Склонность пользователей к «сканированию» тексто-графической информации в интернете ограничивает время и пространство потенциального воздействия адресанта на адресата и их взаимодействия. Поскольку глаз пользователя движется по F-траектории, с несколько возрастающим вниманием к низу страницы, пространство воздействия находится в этих пределах: верхняя часть страницы (первые строки), левый край страницы (первые слова строк) и нижняя часть страницы (в меньшей степени).

Следующим ограничением является законодательная база РФ — прямые и косвенные призывы к экстремистским действиям, а также открытые попытки возбуждения вражды пресекаются и модерируются. Напротив, скрытый призыв не может быть однозначно классифицирован без участия лингвистов-экспертов. Кроме того, эффективность некоторых разновидностей скрытого призыва может быть установлена только экспериментальными психолингвистическими методами, после чего можно будет сделать вывод об их воздействующем потенциале. Данная ситуация позволяет адресантам экстремистского дискурса использовать скрытый призыв без опасений быть привлечёнными к ответственности.

Таким образом, алгоритм суггесторного воздействия на пользователя Рунета в нашем случае будет следующим.

Пользователь, находясь на нейтральном (то есть не контролируемом адресантом коммуникации) сайте, например в блоге, в социальной сети или любом другом ресурсе, переходит по ссылке на сайт [10], контролируемый авторами, придерживающимися экстремистских взглядов. Здесь на адресата оказывается воздействие, формирующее экстремистские интенции. В целом, процесс «захвата» читателя складывается из трёх этапов: привлечение внимания, переход, воздействие. При этом переход может быть многоступенчатым.

Для того, чтобы привлечь внимание пользователя, требуется разместить ссылку в пределах учитываемого при сканировании страницы пространства. При этом необходимо использовать лексемы, вызывающие эмоциональный отклик адресата. Это могут быть, в том числе, культурные символы, своеобразные словесные «бренды» [11] или элементы негативного прогноза.

Ссылка должна дополнительно мотивировать адресата на «нажатие» клавиши – для перехода на другой сайт. Для такой мотивации используются формулировки в виде призывов, риторических вопросов, ответов на незадаанные вопросы, негативный прогноз – любой приём, вызывающий эмоциональную реакцию читателя [12].

Далее на собственно экстремистском сайте создаётся развитая система текстов, включенных в единое коммуникативное пространство и снабженных гиперссылками друг на друга. В сами тексты могут быть внедрены средства вербальной фильтрации аудитории, с одновременным использованием возможности программирования эмоционально-оценочных реакций читателя на заданные стимулы (события, персоналии, социальные группы и т.п.), а также вербальные элементы «языка вражды». Большая часть текстов на подобных сайтах будет содержать скрытый призыв к действиям экстремистского характера. Так, с одной стороны, реализуется эффективное (манипулятивное) воздействие на аудиторию (имеющее характер психологического насилия), а с другой стороны, удаётся избежать преследования со стороны соответствующих государственных служб.

Список литературы:

1. Горошко, Е.И., Овчаренко, И.Е. Роль сети Интернет в социальных коммуникациях в современном мире. Интернет и глобальное общество // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации: Монография. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2014. – С.182-204
2. Аладышкина А.С. Современное Интернет-сообщество: социально-стратификационный анализ: Дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04. – Н. Новгород, 2006. – 156 с.
3. Ермолин, Е.А. Сетевое присутствие: интеллигент в глобализирующемся мире // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации: Монография. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2014. – С. 205-218
4. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2004. – 864 с.
5. Волков Е.Н. Критерии и признаки психологического ущерба и психологического насилия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/9999-201_West_soc_2002_1\(2\)/10.pdf](http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/9999-201_West_soc_2002_1(2)/10.pdf) (дата обращения 22.01.2016).
6. Векленко В. В., Бархатова Е. Н. Психическое насилие как средство совершения преступлений: проблемы квалификации // Современное право. – 2013. - № 7

7. Юматов В.А. Методологические вопросы развития содержания понятия эффективности правоохранительной деятельности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 5. – С. 294
8. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Язык и метод в современной судебной экспертизе. – М., 2015. – 216 с.
9. Моровов Д.В. Негативный прогноз как форма скрытого призыва // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2015. – № 1. – С. 50-54
10. Моровов Д.В. Гиперссылка как средство манипулятивной навигации в Интернете // Вопросы филологии и переводоведения: Сб. науч. ст. /Отв. ред. Н. В. Кормилина, Н.Ю.Шугаева. – Чебоксары: Изд-во ЧГПУ, 2015. – С. 187-190
11. Моровов Д.В. Вербальные бренды-манипуляторы в пространстве рунета // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2015. – № 3. – С.165-169
12. Лисенкова И.М. Репрезентация эмоции «страх» в романе Г.Щербаковой «Женщины в игре без правил» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 07(54) – Часть II. – С. 35- 39

The internet as an instrument of mental abuse

D.V. Morovov

The N.A. Dobrolyubov State Linguistic University of Nizhni Novgorod

The objective of the research which results are presented in the following article is description of the relevant verbal manipulative methods used by extremists in the Internet. By the means of functional-semantic and discourse analyses of the Russian Internet texts the author comes to the next conclusion: manipulative methods in the extremist texts are a variety of mental abuse. The Internet is a special polysemiotic communicative space with high data capacity and also high psychological impact ratio. The Internet lets anybody use all the types of information synchronically, and decode it as a “syncret”, a particular information clot. The information resonating with the Internet users is spreading without any limits as if without any special assistance. At that the publishers of the information do not necessarily aim at presentation of the truthful and proved data. Currently there are several widely used manipulative methods in the political texts (published in the Russian segment of the Internet): appeal to an authority (usually comes with misrepresentation of the meaning of a quote, or a quote itself); terms or terms-like denominations; labels; quantitative data (“big figures”); denominations with rich culturally based associations (culture symbols). The authors having extremist views often use these methods making a text an instrument for mental abuse. The authors also exploit varieties of concealed appeal in their texts, such as negative prediction (in previous publications mistakenly referred to as “negative forecast”), which is a particular form of manipulative influence. The primal objectives of extremist manipulators are stimulation of anxiety and alertness in the addressee and forming unconsciousness wish for active rebellion against public authorities or performing other extremist activities.

Keywords: mental abuse, manipulative influence, manipulation, verbal manipulation, the Internet text, extremist text, communication via the Internet.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ МЕТОДОВ
ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ОБЪЕКТОВ СУДЕБНОЙ АВТОРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Т.В. Мясникова, П.Г. Лесникова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

Приволжский РЦСЭ Минюста России

prcsemurf@gmail.com

Статья посвящена проблеме применения статистических методов в автороведческой экспертизе. Рассмотрены ключевые прикладные аспекты данной проблемы, в частности на примерах из экспертной практики ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России, а также предложены возможности выбора критериев для статистической обработки письменной речи.

Ключевые слова: автороведческая экспертиза, письменная речь, статистические методы, идентификационный признак, частота встречаемости.

Проблема использования статистических методов при криминалистическом исследовании письменной речи – одна из актуальных и неразработанных в экспертизе письма. В настоящее время в автороведческой экспертизе преобладает качественный подход к исследованию признаков письменной речи. Экспертом выбираются признаки, которые он оценивает самостоятельно по их идентификационной значимости и образует из них совокупность признаков, которая ложится в основу положительного или отрицательного вывода. Именно оценочная деятельность эксперта (его вывод) относится к числу наиболее сложных проблем судебной экспертизы, ведь сам процесс оценки (в данном виде) не достаточно не изучен. Само проведение исследования, выбор признаков экспертом вызывает затруднения в оценки правильности, полноты и оснований того или иного вывода эксперта у инициаторов экспертного задания. Аналогичные затруднения бывают и у других экспертов (например, при производстве повторной экспертизы). При проведении исследования одних объектов различными экспертами, в основу выводов (даже при правильном решении экспертных задач) будут положены различные совокупности общих и частных признаков письменной речи.

Данный пример демонстрирует зависимость выбора признаков, их оценку, от личности эксперта, от его опыта, его знаний методов и подходов в решении конкретных задач.

Отсутствие каких-либо математических критериев оценки выявленных экспертом признаков также затрудняет задачу оценки вывода.

За рубежом, в целях повышения качества деятельности судебно-экспертных учреждений, активно проходят процессы аккредитации на соответствие требованиям международных стандартов в области судебной экспертизы. Прохождение указанной процедуры позволяет инициаторам экспертного задания принимать осознанное решение в выборе судебно-экспертной лаборатории, поскольку аккредитация демонстрирует ее компетентность, беспристрастность и широкие возможности. Актуальность проблемы также обосновывается необходимостью соответствовать вызовам времени. В экспертную деятельность активно входят такие понятия как валидация [2], верификация, аккредитация[3].

В судебно-экспертных учреждениях Минюста России активно ведется работа по аккредитации на соответствие международным стандартам в области судебной экспертизы. Успешно проведенные аккредитации отдельных лабораторий показали их соответствие международным стандартам и высокую профессиональную значимость не только в Российской Федерации, но и за рубежом.

В этой связи актуальной проблемой является разработка количественных критериев оценки признаков, основанных на математическом аппарате: на положениях теории вероятности и математической статистике. Применение таких оценочных критериев может быть вторичным этапом исследования как результат оценки выявленных экспертом признаков.

При идентификации личности по признакам письменной речи определяющее значение имеет устойчивость соотношений используемых языковых средств, поэтому количественные характеристики последних могут обеспечить объективность и точность оценок этой устойчивости.

Письменная речь в силу своей количественной природы подчиняется закономерностям теории вероятности и математической статистики, поэтому конкретные проявления этих закономерностей могут быть установлены с помощью статистических методов, адекватных исследуемым статистическим структурам речи.

Так, например, статистические показатели употребительности тех или иных лингвистических элементов намного больше варьируют в текстах разных стилей, чем в текстах, написанных разными авторами, но относящихся к одному и тому же стилю. Отсюда следуют в частности, выводы относительно методики экспертного исследования письменной речи: об особенностях оценки различающихся признаков в случаях сравнительного исследования текстов, относящихся к разным функциональным стилям; о первостепенной

важности использования в качестве образцов письменной речи проверяемых лиц тех текстов, которые относятся к тому же стилю, что и текст анонимного документа.

Кроме того, необходимо учитывать, что статистические данные о частоте встречаемости языковых единиц в текстах разных стилей могут помочь правильно оценить идентификационную значимость установленных признаков письменной речи. Недостаточно знать, например, что конкретное слово, термин обладают малой частотой встречаемости в речи вообще, в конкретном функциональном стиле частота его употребления может быть весьма высокой.

Примером может служить использование узко специальных терминов в тексте бытового или публицистического стилей, что будет расценено как яркий идентификационный признак в случае обнаружения совпадений в тексте сравнительных образцов письменной речи.

Для выявления закономерностей функционирования таких терминов, специальной лексики, возможно статистическое исследование корпуса текстов, отбираемых по разным критериям.

Так, при исследовании письменной речи разных авторов есть необходимость рассмотреть их тексты, написанные в рамках одного и того же функционального стиля и целевого назначения. В качестве примера можно взять написание текстов в рамках публицистического стиля (статья, очерк), официально-делового (текст жалобы, заявления), разговорно-бытового (рассказ на заданную тему).

При исследовании текстов разных авторов в рамках одного и того же функционального стиля осуществляется выявление совпадений, обусловленных законами и чертами данного стиля (например, речевые клише в рамках официально-делового стиля, использование терминологии в научном стиле и т.п.). Интерес представляют те признаки, которые проявляются у разных авторов с различной интенсивностью, то есть учет частоты встречаемости того или иного признака. Например, использование двусоставных конструкций («перегонка производится», «выводится заключение») или односоставных неопределенно-личных («перегонку производят», «можно вывести заключение») в научном стиле языка.

При соблюдении общих закономерностей, характерных для того или иного функционального стиля, у разных авторов частота встречаемости конкретных признаков будет различной, что может помочь в оценке идентификационной значимости конкретного признака.

Выбор корпуса текстов разных авторов может производиться и по иному критерию. Исследованию могут быть подвергнуты тексты, написанные авторами, отличающимися друг от друга по возрасту, уровню образованию, социальному положению и т.п. Такие

экспериментальные тексты, написанные на заданную тему, будут нести отпечаток индивидуальных особенностей автора, обусловленных выше названными факторами. В этом случае использование, например, в рассуждении на бытовую тему абстрактной лексики, научной терминологии, книжных слов и выражений будет отличаться частотой встречаемости в зависимости от образовательного уровня, профессиональной принадлежности (так, что в текстах части респондентов такая лексика может отсутствовать вообще, у некоторых – встречаться точечно, а у кого-то быть характеризующим речь материалом).

Можно рассмотреть случай из экспертной практики, где на исследование предоставлен текст анонимной статьи, содержащей историю о владелице некой фирмы. В тексте создается крайне сниженный, негативный образ данной женщины, автор сообщает о своем презрительном отношении к ней. Экспертиза проводилась в рамках дела по защите чести, достоинства и деловой репутации лица.

В качестве сравнительных образцов предоставлены тексты разных авторов, «подозреваемых» в написании исходной статьи.

В исходном тексте использованы слова и выражения, относящиеся к медицинской терминологии, в том числе лексика, относящаяся к профессиональному жаргону медиков:

«Колыхаясь апоплексическим чревом, сильно сопя от ожирения...»

«Ее пальцы, привыкшие к секционному ножу» (о массажистке)

«С огромным усилием она встала с кровати, вновь заболела голова, появился шум в ушах, одышка, подташнивало...»

«Такое состояние стало для нее обычным: высокое давление, слабость, недомогание, ухудшение памяти. Ее легочное сердце не в состоянии перекачивать такой объем крови, в результате – хроническая сердечно-легочная недостаточность, высокие сахара, гипоксия мозга, которые привели к тяжелой энцефалопатии».

При исследовании текстов сравнительных образцов было выявлено, что лишь в некоторых из них, принадлежавших конкретному человеку, имелись совпадения в использовании лексических средств, относящихся к данному семантическому полю, связанному с медицинской тематикой («санировалась полость рта», «репозиция отломков», «прободная язва желудка», «малоинвазивные методы оперирования»). Кроме того, как было указано в материалах дела, автор этих сравнительных образцов, то есть потенциальный автор исходного текста, - врач по профессии. В остальных текстах сравнительных образцов, составителями которых являлись иные авторы, таких совпадений выявлено не было.

Таким образом, качественный анализ (выявление групп лексики) в совокупности с количественным (частота встречаемости конкретного признака) позволяют оценить идентификационную значимость данного признака.

При производстве автороведческих экспертиз в ПРЦСЭ Минюста России статистические методы применяют в рамках оценки общих идентификационных признаков.

Общий признак языкового навыка – это показатель того, в какой мере данное лицо владеет определенными нормами литературного языка.

Таким образом, общие признаки письменной речи отражают степень развития пунктуационных, орфографических, грамматических, лексико-фразеологических и стилистических навыков.

Следует различать:

- высокую, среднюю и низкую степени развития грамматических, лексико-фразеологических и стилистических навыков письменной речи;

- высокую, среднюю и низкую и (условно) «нулевую» степени развития пунктуационных и орфографических навыков.

Правомерность выделения «нулевой» степени была установлена путем экспериментально-статистического исследования. Так характеризуется письменная речь лиц, у которых орфографические и пунктуационные навыки письма практически отсутствуют.

Общие признаки названных навыков русской письменной речи выделяются – на **качественном** уровне – путем оценки соответствующих языковых средств на основе критерия: правильно – неправильно, т.е. на основе соответствия этих средств литературным нормам.

Указанные общие признаки (кроме признаков стилистических навыков) на **количественном** уровне выделяются на основе объективных критериев, исходя из количества допущенных ошибок при выполнении текста, содержащего 200 слов.

Пунктуационные навыки: высокая степень развития – до 8 пунктуационных ошибок, средняя – от 9 до 16, низкая – от 17 до 25, «нулевая» - 36 и более.

Орфографические навыки: высокая степень развития – до 9 орфографических ошибок, средняя – от 10 до 20, низкая – от 21 до 35, «нулевая» - 56 и более.

Грамматические навыки: высокая степень развития – до 3 грамматических ошибок, средняя – от 4 до 6, низкая – 7 и более.

Лексические навыки: высокая степень развития – до 3 лексико-фразеологических ошибок, средняя – от 4 до 6, низкая – 7 и более.

При установлении степени развития навыка по указанным критериям возможны некоторые колебания (особенно при установлении общих признаков пунктуационных и орфографических навыков) в количестве ошибок: для орфографических и пунктуационных навыков в пределах ± 4 , для грамматических и лексических - ± 2 .

Между общими признаками (степенями развития) указанных языковых навыков в неискаженной письменной речи существует определенная корреляционная зависимость: степени развития пунктуационных навыков соответствует лишь такая же или более высокая степень развития всех иных видов навыков. Степень орфографической, лексической, грамматической грамотности письменной речи человека не может быть ниже пунктуационной правильности его письма.

Степени развития орфографических навыков соответствует лишь такая же или более высокая степень развития грамматических или лексических навыков. Иначе говоря, орфографическая грамотность письма всегда ниже или на уровне грамматической и лексической грамотности. Степень развития грамматических навыков сочетается только с такой же или более высокой степенью развития лексических навыков.

Корреляционная зависимость общих признаков (степеней развития) языковых навыков, иными словами, корреляция между количествами пунктуационных, орфографических, грамматических, лексических ошибок, - одно из проявлений системной организации письменной речи человека. Отсутствие данной корреляции в исследуемом тексте может быть обусловлено фактами изменения (намеренного, ненамеренного) письменной речи, выполнения текста не тем лицом, которое является его автором (отрицательный вывод).

В целом, необходимо отметить, что универсальных методов исследования письменной речи нет, в каждом из методов заложены ценные возможности, которые должны быть реализованы. И эти возможности могут быть эффективно использованы лишь в случае тесного союза, сочетания качественных и количественных описаний, ибо между качественными и количественными признаками речевых структур существует внутренняя зависимость.

Чисто статистический анализ письменной речи вообще невозможен. Так, статистическому исследованию письменной речи предшествует качественный анализ языковых единиц (выделение морфем, слов, частей речи, членов предложения, типов предложений и т.д.), т.е. прежде чем считать, нужно знать, что считать.

Статистика, опираясь на результаты уже осуществленного качественного анализа языковых элементов, показывает закономерности их функционирования и развития и дает основу для качественных оценок уже на новом уровне исследований.

За пределами статистического анализа остаются те, крайне существенные в идентификационном плане, признаки письменной речи, которые проявляются, например, в использовании слов в своеобразных значениях и взаимосвязях, в характерном употреблении тех или иных знаков препинания и т.д. Так, статистическим, математическим обозначением невозможно зафиксировать все тончайшие семантические оттенки синонимов (например:

своровать, похитить, украсть, свистнуть, стырить, спереть, стащить и т.д.), омонимов, всю живую многозначность языка, речи. Статистическому анализу недоступны также стилистические оттенки речи, разница просторечных и литературных выражений, переносное значение слов, фразеологизмов и т.д. Иными словами, статистика не может охватить всю контекстуальную многозначность и своеобразие речи вообще и письменной речи в частности.

Статистический анализ следует считать лишь необходимым компонентом исследования, занимающим в нем более или менее (в зависимости от объекта исследования) значимое место.

Учитывая взаимообусловленность качественных и статистических характеристик письменной речи, следует полагать, что качественные и количественные методы должны применяться в комплексе для анализа соответствующих структур текста.

Таким образом, языковые и смысловые элементы текста исследуются на качественном и количественном уровнях в их контекстуальной обусловленности структурной организацией текста, кроме того, адекватность получаемой информации корректируется анализом и учетом условий конкретной обстановки письменного общения.

Так, отдельное предложение (или словосочетание) может быть однозначно и достоверно истолковано лишь при рассмотрении его как компонента абзаца, всего текста, при исследовании его функций в структурной организации текста. Кроме того, необходимо при оценке полученной информации учитывать факторы той ситуации, в рамках которой создавался текст (целевое назначение, тематика, личность адресата и т.д.). Иными словами, здесь идет речь о конкретных условиях правильной оценки идентификационной значимости того или иного признака.

В зависимости от задач и условий общения говорящий (пишущий) может существенно изменять статистическую структуру своей речи, например, частотность употребления служебных частей речи в текстах бытового письма, телеграммы, научной статьи. Факт использования элементов официально-делового стиля в служебной записке в идентификационном плане дает значительно меньше информации, чем при использовании их в частном письме, где они выступают уже как канцеляризмы. Но и здесь они могут быть истолкованы правильно лишь в общем контексте: в одном случае они выделяются автором для выражения, например, иронии, сарказма, в другом – их стилистическая окраска не осознается автором в силу недостаточно высокой культуры речи, в третьем – они используются, например, с учетом профессии адресата и т.д. Учет системной природы письменной речи позволяет во многих случаях правильно установить, являются ли употребление определенных языковых средств, отклонения от норм языка результатом преднамеренного или непреднамеренного искажения письма.

Лишь опираясь на результаты уже осуществленного качественного анализа языковых элементов, статистика показывает закономерности их функционирования и дает основу для качественных оценок уже на новом уровне исследования.

Количественное исследование общих признаков языковых навыков, тех или иных частных признаков должно осуществляться лишь на базе проведенного качественного анализа текстов – выявления совпадающих и различающихся признаков письменной речи с учетом особенностей исследуемых ситуаций общения.

Таким образом, разработка количественных критериев оценки признаков письменной речи, с целью оценки качественных показателей, которые ложатся в основу вывода эксперта, возможна. Понятно, что работа предстоит грандиозная. Ведь математический обсчет даже одного признака предполагает обработку и оценку выборки огромного количества речевых реализаций конкретного индивида или группы индивидов, объединенных по заданным критериям письменной речи. Однако конечная цель – уход от субъективизма при решении задач автороведческой экспертизы – должен придать оптимизма и способствовать научным изысканиям в данном направлении.

Список литературы:

1. Вул С.М. Судебно-автороведческая идентификационная экспертиза: Метод. основы. Харьков, 2007
2. Омелянюк Г.Г. Возможности аккредитации и обеспечения единства измерений в судебно-экспертных учреждениях Минюста России // Эксперт-криминалист. – 2011. - №4
3. Смирнова С.А., Усов А. И., Омелянюк Г.Г., Бебешко Г.И., Король С.Г. Опыт аккредитации судебно-экспертных лабораторий Минюста России на соответствие ИСО/МЭК 17025 // Теория и практика судебной экспертизы. - 2011. - N 2 (22)
4. Теоретические и методические вопросы криминалистического исследования письменной речи: Метод. пособие. – М., 1977

Possibilities of application of natural science methods in the study of objects forensic examination authorship identification

T.V. Myasnikova, P.G. Lesnikova

The N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Privolgsky regional centre of judicial examinations of Ministry of justice of Russia

The article deals with the application of statistical methods in authorship identification. Considers key practical aspects of the problem, in particular on examples of expert practice Privolgsky Forensic Science Centre, and also offered the possibility of selection criteria for statistical processing of written language.

Keywords: authorship identification, writing, statistical methods, identification tag, the frequency of occurrence.

АНАЛИЗ КОМПОНЕНТОВ СИТУАЦИИ СОЗДАНИЯ ПИСЬМЕННЫХ И УСТНЫХ (ИМЕЮЩИХ ПРИЗНАКИ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ) ТЕКСТОВ

Т.В. Назарова, Е.А. Гримайло

ЭКЦ МВД России

phono_ekc@mvd.ru

Практика производства фоноскопических, лингвистических и автороведческих экспертиз по следам преступлений, отраженным в устных (звучащих) или письменных текстах, показала, что данные следы нередко оказываются измененными в соответствии с преступным замыслом с целью замаскировать сам факт преступления либо фальсифицировать его обстоятельства, в связи с чем полное и всестороннее исследование текста требует анализа более широкого контекста, включающего факторы экстралингвистической ситуации, экстралингвистического контекста, сопровождающего не столько функционирование текста, сколько более ранний этап – его создание. Статья посвящена разработке методических основ анализа компонентов ситуации создания письменных и устных (имеющих признаки подготовленности) текстов, рассмотрению различных вариантов реализации указанных компонентов, их иерархических позиций, базирующихся на содержании понятия «подготовленность».

Ключевые слова: автороведческая экспертиза, адресант, адресат, базовые компоненты ситуации создания текста, знаковые коды (вербальный-невербальный), инсценировка, канал передачи текста (звучащий-визуальный), квазиадресант, квазиадресат, квазицель, лингвистическая экспертиза, поликодовые тексты, суперадресант, суперадресат, суперцель, фоноскопическая экспертиза, функции адресантов.

Разработка методических основ анализа компонентов ситуации создания письменных и устных (имеющих признаки подготовленности) текстов с учетом современных научных достижений необходима в связи с расширением объема экспертных заданий и возникновением новых вопросов при диагностических и идентификационных исследованиях письменных и устных текстов. В связи с появлением новых каналов передачи информации, а также расширением способов создания и трансформации текстов все чаще ставятся экспертные задачи, требующие проведения соответствующего анализа.

Актуальность разработки методических основ анализа компонентов ситуации создания письменных и устных (имеющих признаки подготовленности) текстов определяется ходом современного развития криминалистики и судебной экспертизы, а также потребностью в доказательной базе судопроизводства. Практическая значимость поставленной задачи определяется важностью применения для раскрытия и расследования преступлений результатов экспертиз, при производстве которых исследуются письменные или устные тексты. Спектр проблем, связанных с необходимостью определения компонентов ситуации создания текста, соотносится с решением задач автороведческой, фоноскопической и лингвистической экспертиз. Анализ ситуации создания подготовленных текстов позволяет расширить круг решаемых в рамках технического исследования фонограмм, лингвистической и автороведческой экспертиз вопросов, что будет способствовать более полному и всестороннему исследованию объектов экспертиз.

Следы преступления могут отражаться в устных (звучащих) или письменных текстах, будь то купля-продажа запрещенных предметов (оружия, наркотиков и т.п.), дача-получение взятки, различные мошеннические действия, преступления против детей, экстремизм и т.п. По данным следам наработана практика производства фоноскопических, лингвистических и автороведческих экспертиз. При этом данные следы могут подвергать изменениям с главной целью – замаскировать сам факт преступления либо фальсифицировать его обстоятельства.

Такие ситуации уже становились объектом научно-исследовательских работ в ЭКЦ МВД России. Однако, как показывает многолетняя экспертная практика, полное и всестороннее исследование текста требует анализа более широкого контекста, включающего факторы экстралингвистической ситуации, экстралингвистического контекста, сопровождающего не столько функционирование текста, сколько более ранний этап – его создание.

Целью научно-исследовательской работы, завершенной в ЭКЦ МВД России в 2014 году, являлась разработка методических основ анализа компонентов ситуации создания письменных и устных (имеющих признаки подготовленности) текстов с учетом настоящих

возможностей автороведения, лингвистики и фоноскопии в контексте выявления направленности их подготовки.

Достижение поставленной цели осуществлено посредством решения следующих задач:

– изучение эмпирических данных и подготовка экспериментального массива письменных и устных (имеющих признаки подготовленности) текстов. Всего было изучено порядка 150 письменных (в том числе поликодовых) и около 100 устных текстов), в том числе:

- устные тексты с признаками имитации коммуникативного события;
- устные тексты с признаками провокации собеседника на совершение определенных действий (при записи события одним из участников общения);
- устные тексты, относительно содержания которых в деле имеются варианты реинтерпретации цели зафиксированной ситуации;
- письменные тексты (например, интернет-страницы), созданных при помощи интертекстуальной «компиляции» (составительская функция автора);
- письменные тексты, характеризующиеся интеркодовой «компиляцией» (текстов с изображениями);
- устные и письменные тексты с признаками интерцелевой «компиляции» (соавторство с различающимися до противоречия целями) и др.;
- разработка принципиальных основ классификации и систематизации признаков ситуации создания письменных и устных (имеющих признаки подготовленности) текстов;
- систематизация и классификация признаков ситуации создания текста, в зависимости от которых варьируются базовые компоненты ситуации создания текста;
- создание научно обоснованного инструментария для проведения автороведческого, лингвистического и фоноскопического исследований по материалам, содержащим признаки подготовленности текста;
- подготовка методических рекомендаций по анализу компонентов ситуации создания письменных и устных (имеющих признаки подготовленности) текстов.

Таким образом, объектом исследования являлись устные и письменные (имеющие признаки подготовленности) тексты.

Предметом исследования являлись признаки компонентов ситуации создания письменных и устных текстов, выраженные на различных уровнях данной ситуации; смена либо взаимодействие знаковых кодов, с помощью которых выражен текст, а также смена канала передачи текста; признаки и виды подготовленности письменных и устных текстов, типовые ситуации реализации подготовленных текстов в криминалистике.

Анализ компонентов ситуации создания подготовленных текстов на материале типовых ситуаций, встречающихся в практике производства экспертиз по материалам продуктов речевой деятельности, позволил выделить базовые компоненты ситуации создания текста (адресант, адресат, цель), каждый из которых варьируется в зависимости от актуализированных ситуацией признаков.

В результате научно-исследовательской работы была достигнута поставленная цель: составлены методические рекомендации, в соответствии с которыми эксперт может вносить необходимые изменения в алгоритм анализа устных и письменных текстов с признаками подготовленности при решении задач в рамках фоноскопической экспертизы (как в идентификационной части, так и в техническом исследовании фонограмм), лингвистической и автороведческой экспертиз.

Коррекция алгоритма зависит от варьирования компонентов ситуации создания подготовленного текста, среди которых особое внимание в данной работе уделялось фактору адресанта, фактору адресата и фактору целеустановки.

В связи с необходимостью рассмотрения различных вариантов реализации указанных компонентов установлены иерархические позиции (роли) адресантов (создателей текста), базирующиеся на содержании понятия «подготовленность», которое включает в себя как «создание объекта», так и «подготовку субъекта». В составе комплексного авторства были определены следующие позиции (роли) создателей текста: адресант, квазиадресант, суперадресант. В тех же категориях классифицированы и адресаты сообщений: адресат, квазиадресат, суперадресат. А также целеустановки адресантов: цель, квазицель, суперцель.

В соответствии с реализацией данных ролей выделяются следующие функции создателей текста: воспроизводящая, составительская, исполнительская (подчиненное и собственное исполнение), креативная, творческая. Последние две функции в данной работе подробно не анализировались, поскольку рассмотрение их не имеет практического значения в корректировании привычного алгоритма работы с текстами.

Реализация рассмотренных в работе функций сопровождается сменой либо взаимодействием знаковых кодов, с помощью которых представлен текст, а также сменой канала передачи текста. В связи с этим проведена классификация смены и сочетаний кодов и каналов при реализации функций создателей текста, характеризующая конкретные ситуации создания подготовленного текста. В классификации учтены признаки каждой из рассмотренных типовых ситуаций, их актуальность, приведены конкретные примеры, встречающиеся в практике производства экспертиз по материалам, отличающимся подобными особенностями функционирования адресантов текста в различных позициях при

создании подготовленного текста. Идет речь в работе и о случаях одновременной реализации нескольких функций создателей текста.

На основании проведенной классификации по каждому конкретному случаю эксперту даются практические рекомендации по работе с представленным на исследование материалом. Рекомендации касаются как организационных моментов производства экспертиз (взаимодействие с инициатором, запрос необходимых дополнительных материалов), так и коррекции привычного алгоритма работы при обнаружении признаков особого функционирования компонентов создания текста: рассматриваются вопросы пригодности предоставленного на исследование материала, порядок действий при анализе, в случае наличия достаточного эмпирического материала, позволившего сформировать образцы исследований даются примеры готовых решений по отдельным вопросам.

Особо рассмотрены вопросы инсценировки, признаки которой с криминалистической точки зрения крайне важно выявить в исследуемых материалах для восстановления истинного события, зафиксированного на фонограммах и в текстах. Теория данного вопроса до сих пор не была в достаточной степени подробно рассмотрена в контексте работы с текстами, в связи с чем оказалась в сфере особого интереса соавторов данной работы. Следы инсценировки, несущие информацию об этом событии, возникают помимо воли и желания инсценировщика. Подобные промахи допускаются по различным причинам: волнение, спешка в условиях дефицита времени приготовления устного текста, отсутствие необходимых навыков и т.д. С другой стороны, подчас стремясь представить событие в выгодном ему свете, действуя спокойно, умело, расчетливо, преступник прилагает максимум усилий для наиболее оптимального, как ему представляется, достижения цели, но теряет при этом чувство меры, ощущение реальности. В таких случаях он может оставить большое количество указаний на «истинность», «подлинность» события, причем придать им ярко выраженный характер, броский вид. Такое перевыполнение цели может сыграть обратную роль: вызвать сомнение в реальности события.

Инсценировщик строит мысленную модель иного, возможного в данной ситуации события, и реализует ее путем видоизменения коммуникативной обстановки, придания ей вида, соответствующего, по его мнению, моделируемому событию.

Поскольку замысел модели ситуации и результаты его материализации не могут совпадать по всем параметрам, не все признаки модели объективно удается подогнать под признаки мнимого события, а все признаки реального события уничтожить или изменить полностью, в силу этого создается возможность восприятия, «прочтения» реального события сквозь маскирующую завесу инсценировки. Эта возможность переходит в реальность в

результате обнаружения и «расшифровки» признаков, характерных для скрываемого события и не свойственных признакам имитируемого, мнимого события.

Также важен и нов для экспертной практики оказался вопрос работы с поликодовыми текстами, представляющими собой частный случай реализации комплексного авторства, что вынудило уделить теории этого вопроса особое внимание.

Полученные в ходе исследования результаты (сформированная классификация взаимодействия компонентов создания подготовленного текста, классификация самих компонентов, их функционирования и разработанные на этой базе практические рекомендации экспертам при работе с объектами, имеющими признаки подготовленности) апробированы на стажировках, проводимых на базе ЭКЦ МВД России по различным направлениям производства всех видов исследований, выполняемых в отделе фоноскопических, лингвистических и автороведческих экспертиз, начали использоваться в практике производства экспертиз в ЭКЦ МВД России.

Список литературы:

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. Пособие. - М., 2003
2. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. - М., 1979. – Т.3
3. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: Монография. / Под ред. Н.П. Яблокова. – М.; Калининградск. ун-т, 1997
4. Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: аспекты изучения// Политическая лингвистика. – 2006. - Вып. 20. - С. 180-189
5. Галяшина Е.И. Установление факта предварительной подготовки письменных и устных текстов: Метод. рекомендации. М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2003
6. Дементьев В.В. Научные и практические проблемы расследования инсценировки как способа сокрытия преступления: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004
7. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: монография / О.В. Лутовинова. Волгоград, 2009
8. Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979
9. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М., 2009
10. Ясперс К. Язык. Философия языка и семиотика. Иваново: Изд-во ИвГУ, 1995

The analysis of situation's components of written and oral (with signs of readiness) texts' creating

T.V. Nazarova, E.A. Grimaylo

Forensic science center of the Ministry of the Interior of Russian Federation

The practice of conducting audio recordings, linguistic and author's right examinations on the trace of crime reflected in the oral (sounding) or written texts showed that these traces are often modified in accordance with the criminal plan aimed to disguise the fact of a crime or to falsify its circumstances as a result complete and comprehensive text research requires the analysis of the boarder context including factors of extralinguistic situation, extralinguistic context that accompanies not only text functioning but the earlier stage – its creation. The article is devoted to the development of methodological bases of the analysis of the situation's components of written and oral (with signs of readiness) texts' creating, review of various embodiments of these components, their hierarchical position based on the content of the concept «readiness».

Keywords: author's right examination, addresser, recipient, core situation's components of texts' creating, sign codes (verbal – non-verbal), dramatization, channel of text transfer (sounding – visual), quasi addresser, quasi recipient, quasi aim, linguistic examination, creolized text, super addresser, super recipient, super aim, audio recordings examination, addresser function.

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ МОТИВАЦИОННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ГОВОРЯЩЕГО

О.А. Нестерова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

helgan86@mail.ru

Методологически данное исследование базируется на концепции языковой личности, сформулированной Ю.Н. Карауловым и развитой в работах представителей его научной школы. Центральным понятием и предметом рассмотрения выступает мотивационный ориентир как прагматическая составляющая языковой личности, организующая речевое поведение индивида в процессе коммуникации. Основная цель исследования состоит в разработке и апробации методики выявления и анализа мотивационных ориентиров языковой личности на материале устной речи. В предлагаемую методику включены как традиционные методы лингвистического анализа (семантико-синтаксический, лексико-семантический, логико-грамматический и др.), так и инструментальные методы анализа звучащей речи, заимствованные из акустической физики и применяемые в лингвокриминалистике при проведении фоноскопических экспертиз. Также в исследовании применяются методы пара- и экстралингвистического анализа. В качестве эмпирического материала были использованы видеозаписи шести интервью и бесед с В.П. Астафьевым. В результате исследования удалось выявить мотивационные ориентиры (и их ключевые компоненты) языковой личности В.П. Астафьева за период с 1982 по 2001 гг., а также подтвердить выдвинутую гипотезу, согласно которой комплексное изучение разговорной речи языковой личности позволяет определить мотивационные ориентиры, характеризующие особенности данного индивидуума.

Ключевые слова: мотивационный ориентир, языковая личность, кепстральный анализ, спектральный анализ, анализ осциллограммы звукового давления.

Исследование взаимосвязи между личностью человека и его речью имеет в языкознании давнюю традицию. От лингвофилософских идей мыслителей и знаменитых филологов XIX века до современных теоретических моделей представление взаимообусловленности языка, мышления и сознания отдельного человека (а также социальной или политической группы или нации) остается плодотворной рамкой, служащей методологическим основанием для многих лингвистических исследований, в том числе прикладных.

Одной из важнейших задач современной лингвокриминалистики (или юрислингвистики) – прикладной отрасли лингвистики – является создание выверенной и выстроенной технологии обнаружения мотива (см. работы М.В. Горбаневского, Е.С. Кара-Мурзы, Т.А. Сидоровой, Т.В. Чернышовой и др.). При решении данной задачи целесообразно, на наш взгляд, обратиться к концепции языковой личности. Несмотря на востребованность данной концепции как в фундаментальных, так и в прикладных лингвистических исследованиях, существует необходимость развития конкретных методов исследования той или иной языковой личности, что, по нашему мнению, может и должно быть экстраполировано на практику реальных экспертиз.

За рабочую нами принята концепция языковой личности, разрабатываемая научной школой Ю.Н. Караулова, согласно которой базовой структурой языковой личности являются вербально-семантический, лингвокогнитивный и мотивационный уровни. Мотивационный уровень в организации языковой личности оказывается, по мнению самого ученого, наиболее труднодоступным для исследователя, поскольку мотивы, интересы, устремления, интенции, цели, как и творческие потенции человека, в значительной мере строятся на аффектах и эмоциях, а языковое выражение последних, не говоря уже о психической сущности, исследовано недостаточно [1, 211]. Ю.Н. Караулов отмечает, что «техника лингвистического анализа пока слабо разработана для решения задачи реконструкции мотивационной сферы личности на основании ее дискурса», однако выражает надежду, что «этот пробел в лингвистической технологии будет ликвидирован» вследствие «широкого выхода в область прагматики» [1, 87].

В связи с вышесказанным нами была предложена комплексная методика выявления мотивационных ориентиров языковой личности говорящего, которая была апробирована при исследовании устной речи В.П. Астафьева [3]. Предметом исследования и центральным

понятием выступает *мотивационный ориентир*, который, на наш взгляд, представляет собой прагматический феномен, находящийся на стыке психологического и лингвистического. Под мотивационным ориентиром мы понимаем цели, установки и мотивы, «выражающиеся в устойчивых коммуникативных потребностях и чертах», влияющих на специфику речевого поведения личности «и в конечном счете – информирующих о ее внутренних установках, целях и мотивах» [1, 39].

Материалом для анализа послужили 6 видеозаписей интервью и дружеских бесед с В.П.Астафьевым на животрепещущие темы, касающиеся творчества, судьбы страны и молодого поколения, морально-этических проблем. Данные видеозаписи охватывают двадцатилетний период жизни писателя (с 1982 по 2001 гг.). Общая их продолжительность составляет чуть более 3-х часов.

Реализация поставленной цели потребовала решения следующих задач:

разработки лингвистических и паралингвистических индикаторов мотивационных ориентиров;

выявления и анализа мотивационных ориентиров в каждом интервью;

проведения сравнительного анализа мотивационных ориентиров на разных этапах творчества писателя;

анализа экстралингвистических факторов, повлиявших на речевое поведение писателя.

В исследовании использовались различные методы анализа, которые мы условно поделили на 2 группы: общегуманитарные (контент-анализ) и лингвистические (собственно лингвистический, пара- и экстралингвистический анализ) и инструментальные.

Собственно лингвистический анализ включал несколько методов и был направлен на исследование вербальной составляющей материала. *Паралингвистический анализ* проводился с помощью методов визуального наблюдения и аудитивного перцептивного анализа голоса и речи. *Экстралингвистический анализ* заключался в сборе и анализе биографических и исторических данных, релевантных теме исследования.

Инструментальный аспект исследования представлен *анализом осциллограммы звукового давления, спектральным анализом и кепстральным анализом*. Эти методы исследования широко применяются при проведении фоноскопической экспертизы и позволяют с точностью выявить и проанализировать различные сегментные и суперсегментные фонетические единицы. Для проведения инструментального анализа использовалось специальное программное обеспечение – программы OTExpert и «Сапфир», разработанные специально для экспертов-лингвистов, а также «PRAAT», «Adobe Audition», «Audacity» и «ELAN».

Лингвистические индикаторы мотивационных ориентиров были распределены по трем уровням – аудитивному, коммуникативно-прагматическому и собственно языковому – и сведены в таблицу. Фрагменты данного списка представлены в табл.1.

Таблица 1

Аудитивные характеристики	
Высота голоса	- изменение высоты голоса по сравнению с обычной
Сила голоса	- изменение силы голоса по сравнению с обычной
Просодические средства	- повышение или понижение тона на ударном гласном в значимом слове - резкое выделение синтагматически ударного слова за счет увеличения интенсивности и длительности ударного слога - эмфатическое выделение значимого слова - изменение интонационного рисунка, ИК-2 - одновременная (с собеседником) фонация <...>
Коммуникативно-прагматические характеристики	
Ответные реплики	Включение дополнительной информации в виде подробностей, присоединений, воспоминаний, обращения к другой теме в процессе воспоминаний, оправданий и т.п.
Субъективная модальность	Использование вводных слов и выражений, модальных частиц, междометий: - отражающих чувства и переживания говорящего - выражающих экспрессивность высказывания <...>
Собственно языковые характеристики	
Синтаксические конструкции	- употребление парцелированных конструкций - построение высказываний со вставными конструкциями - использование высказываний с повторяющимися фрагментами
Оценочная лексика	Выражение оценки с помощью использования: - лексики с положительной / отрицательной семантикой в отношении кого-либо / чего-либо - грубых слов, бранной лексики, в том числе заимствованной - жаргонизмов - вульгаризмов - табуированной лексики и ее эвфемизмов - эпитетов и метафор
Устойчивые сочетания	- употребление оценочных устойчивых сочетаний
Незнаменательная лексика	- употребление десемантизированных элементов, вводных конструкций при хезитации <...>

Паралингвистические индикаторы мотивационных ориентиров насчитывают 6 групп [5, 57]: мимика, окулесика, жест, поза, локомоции, голосовые характеристики (группа голосовых характеристик частично коррелирует с выделенными нами аудитивными и собственно языковыми характеристиками лингвистических индикаторов).

Каждая видеозапись с устной речью В.П. Астафьева анализировалась в соответствии со следующим алгоритмом:

1. Составлялся протокол дословного содержания, в котором фиксировались основные особенности устной речи диктора (паузация, сбои речепорождения, особенности произношения и т.п.).

2. Далее оцифрованный звуковой сигнал вводился в память программы «OTExpert» с целью поиска на графиках участков с отклонениями от нормальных для диктора значений.

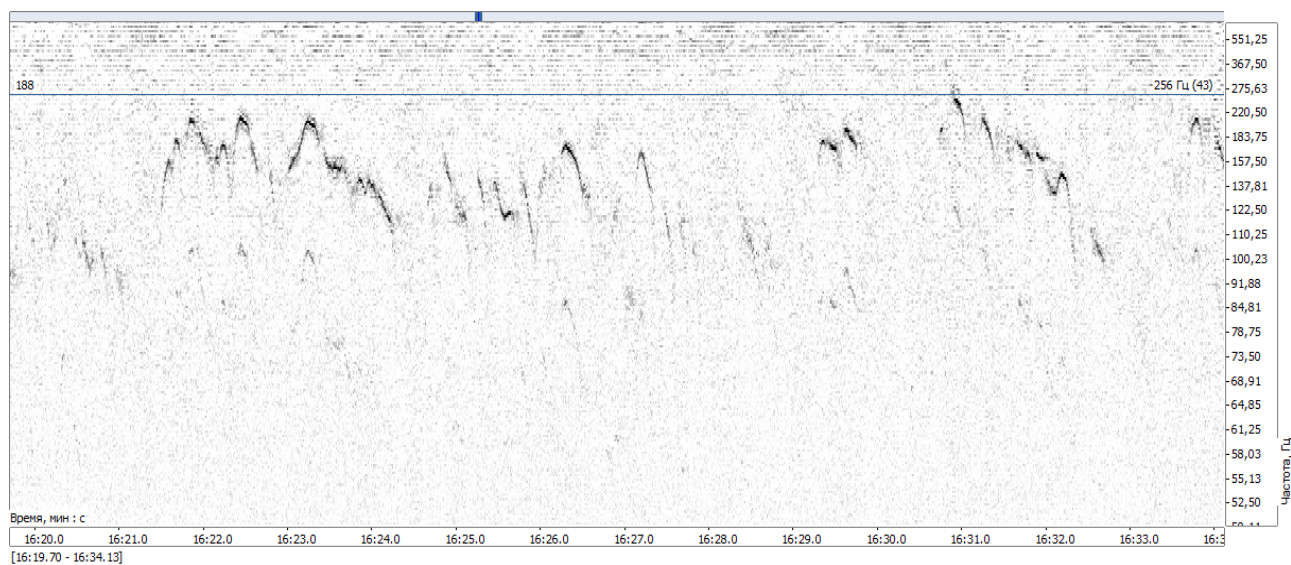
3. После этого проводилась так называемая «прогонка» устного текста дословного содержания и видеоряда через оба списка индикаторов мотивационных ориентиров, разработанных нами ранее.

4. Экстралингвистическая верификация заключалась в анализе информации о субъекте коммуникации и экстралингвистической реальности, в которой реализован коммуникативный акт (это могли быть значимые детали биографии, а также события в стране и мире, которые повлияли на речь писателя).

Поскольку анализу подвергалась устная речь, то акустические методы анализа оказались наиболее релевантными исследованию.

Для наглядности рассмотрим небольшой пример (см. рис. 1).

Рисунок 1. Кепстрограмма высказывания «А закрыть амбразуру, это как в кино я там увидел его, как парень этот красивый артист бросается, да эффектно так вот и вот это вот, это всё, такие сказки политотдельские вот».

На рис. 1 представлен фрагмент кепстрограммы, где частота основного тона достигает 256 Гц, что при норме для В.П. Астафьева 100 Гц является значимым отклонением. Это дало повод предположить наличие на данном участке мотивационного ориентира. Что касается вербальной и паравербальной составляющих фрагмента, на видео В.П. Астафьев демонстрирует очень яркую жестикуляцию. Речь писателя экспрессивна, эмоционально окрашена. Из биографических сведений известно, что пережитый травматический опыт участия в Великой Отечественной войне оставил глубокий след в душе писателя – о войне В.П.Астафьев не может говорить спокойно.

Таким образом, и инструментально, и лингвистически, и паралингвистически, и экстралингвистически подтвердилось предположение, что на данном участке записи содержится мотивационный ориентир (в приведенном фрагменте это мотивационный ориентир «политика»).

По итогам описанного выше психолингвистического анализа были выявлены мотивационные ориентиры языковой личности В.П. Астафьева, а также их ключевые компоненты за все анализируемые периоды жизни писателя. Они представлены в виде сводной таблицы (см. табл. 2).

Далее был проведен сравнительный анализ полученных мотивационных ориентиров за анализируемые периоды, в результате которого мы пришли к следующим выводам:

1. приоритетными на протяжении длительного срока мотивационными ориентирами для В.П. Астафьева являются «война» (в таблице выделена заглавными буквами), а также ориентиры морально-этические, особенно компоненты «милосердие» и «сознательность» (выделены жирным шрифтом);

2. гуманизм, ценность человеческой личности для В.П. Астафьева является ключевым компонентом мотивационных ориентиров за все анализируемые периоды (действительно, ключевым компонентом многих мотивационных ориентиров является упоминание конкретных персоналий, выделен прерывистым подчеркиванием);

3. экстралингвистическая ситуация повлияла на актуализацию в речи мотивационных ориентиров «родина» и «дети» в 1982 г., «друг» и «интеллигент» в 1993 г., «творчество» и «Бог» в 2001 г. (выделены подчеркиванием);

4. невербальные компоненты коммуникации во всех видеозаписях оказались созвучны вербальному наполнению речи и послужили неким «индикатором правдивости» декларируемых мотивационных ориентиров.

Таким образом, проведенное нами исследование подтвердило выдвинутую гипотезу, согласно которой комплексное изучение разговорной речи языковой личности позволяет определить мотивационные ориентиры, характеризующие особенности данного индивидуума.

Таблица 2

од	Мотивационные ориентиры (и их ключевые компоненты)
982	<u>Родина</u> (единственная, малая и большая, <u>упоминаемые личности</u>) <u>ВОЙНА</u> (безумие, недорастание, непонимание, немилосердие) <u>Дети</u> (будущее, моральные проблемы молодого поколения)
993	<u>Друг</u> (<u>ФРОНТОВОЙ</u> и в литературе, <u>упоминаемые личности</u>) <u>Интеллигент</u> (приветливость, товарищество, <u>упоминаемые личности</u>) <u>Сердце</u> (милосердие, сознательность, товарищество, нормы морали)
997	Милосердие (доброта)
999	Родина (природа; памятные моменты, связанные с родными местами) <u>Семья</u> (<u>упоминаемые личности</u>) Творчество <u>Дети</u> (моральные проблемы молодого поколения) Политика (осуждение действий советского руководства) <u>ВОЙНА</u> Морально-этические мотивационные ориентиры (справедливость, осуждение потребительского отношения к женщине, бессердечия, бездуховности)
000	<u>ВОЙНА</u> (обман, ложная пропаганда и идеология; пренебрежение человеческой жизнью, неуважение к мертвым, нехватка обмундирования, воровство властей; морально-этические проблемы: потеря человеческого облика, товарищеская взаимопомощь, <u>упоминаемые личности</u>)
001	<u>Творчество</u> <u>Дружба</u> (<u>ФРОНТОВАЯ</u> , <u>упоминаемая личность</u> , конкретизация деталей знакомства) Политика (осуждение коммунистов, большевиков, осуждение фашизма, коммунизма) <u>ВОЙНА</u> (нелепость смерти, пренебрежение человеческой жизнью) <u>Бог</u> Морально-этические мотивационные ориентиры (осуждение жестокости, безволия, разгильдяйства, безалаберности, греховности; милосердие)

Список литературы:

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.
2. Назарова Т.В., Гримайло Е.А., Ростовская А.В. Блок коммуникативных характеристик речи говорящих на русском языке в системе идентификационных лингвистических признаков: методические рекомендации. – М.: ЭКЦ МВД России, 2009. – 64с.

3. Нестерова О.А. Психолингвистический и лингвокогнитивный анализ языковой личности (на примере публицистического дискурса В.П. Астафьева) : Дис. ... канд. филологич. наук: 10.02.01. – Н. Новгород, 2015. – 330 с.
4. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Язык и метод в современной судебной экспертизе. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 216 с.
5. Синеокова Т.Н. Лингвистика измененных состояний сознания: Учеб. пособие. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2008. – 151 с.
6. Всеми свой час. С Виктором Астафьевым по Енисею [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sib-man.ru/knigi-video/dokumentalnye-filmy/kak-prekrasen-yetot-mir/video-vsemu-svoi-chas-s-viktorom-astafeyu-m-po-eniseyu.html> (дата обращения: 22.05.2015).
7. Затеси Виктора Астафьева (фрагмент) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vk.com/im?peers=1484851&sel=3436424> (дата обращения: 22.05.2015).
8. Не красота, а доброта спасет современный мир (фрагмент документального фильма «Под северным небом») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=VEFq3hqAne4> (дата обращения: 22.05.2015).
9. Последние могикане (ч. 3 документальной трилогии «Георгий Жженов. Русский крест») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russia.tv/brand/show/brand_id/4724 (дата обращения 22.05.2015).
10. Телепрограмма «Виктор Астафьев» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kino.t7.ru/id1004457> (дата обращения: 22.05.2015)

Instrumental analysis in detection of linguistic personality motivational component

O.A. Nesterova

The N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Methodologically, the research is based on the linguistic personality conception formulated by J.N. Karaulov and developed in the works of the members of his scientific school. A motivational reference point is the central concept and the subject of the research viewed as a pragmatic component of the linguistic personality, which organizes the verbal behavior of an individual in the process of communication. The main objective of the study is to develop and approve a technique of revealing and analysis of the linguistic personality's motivational reference points on oral speech material. The proposed methodology includes both traditional methods of linguistic analysis (semantico-syntactic, lexico-semantic, propositional and the like) and instrumental methods of analysis of oral speech adopted from the acoustic physics and applied in phonoscopic expertise. The methods of para- and extralinguistic analysis are also used in the research. Six video interviews with the V.P. Astafiev are used as the empirical data. The result of the study was revealing motivational reference points (and their key components) of V.P. Astafiev's linguistic personality for the period

from 1982 to 2001, as well as confirmation of the hypothesis according to which a comprehensive study of a linguistic personality's oral speech allows to define motivational reference points characterizing features of an individual.

Keywords: motivational reference point, linguistic personality, cepstrum analysis, spectrum analysis, waveform analysis.

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД ПРИ РЕШЕНИИ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ
И ДИАГНОСТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ В ПРОЦЕССЕ ПРОИЗВОДСТВА
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ЗВУКОЗАПИСЕЙ

В.Н. Пронин, С.Б. Шавыкина, И.М. Жиганова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

Приволжский РЦСЭ Минюста России

prcsemurf@gmail.com

Статья посвящена проблемам проведения комплексных исследований при решении идентификационных и диагностических задач в процессе производства криминалистических экспертиз звукозаписей.

Ключевые слова: аудитивные (слуховые), лингвистические, программно-математические методы, криминалистическая идентификация, криминалистическая диагностика.

Предметом криминалистической экспертизы звукозаписей являются фактические данные, обстоятельства дела, устанавливаемые по фонограммам (аудиозаписям) на основе специальных знаний экспертов, имеющих экспертные специальности: «Исследованию голоса и звучащей речи» и «Исследование звуковой среды, условий, средств, материалов и следов звукозаписей» (согласно Перечню родов (видов) экспертиз, выполняемых в судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации, утвержденному Приказом Минюста России № 237 от 27 декабря 2012 года с учётом изменений, внесенных Приказом Минюста России № 199 от 29.10.2013 г.).

Объектом исследования при производстве криминалистических экспертиз звукозаписей является система, состоящая из источника информации в виде звука и материального носителя информации.

Задачи, ставящиеся на разрешение экспертов данных специальностей, определяются той или иной следственной ситуацией, возникающей в ходе расследования уголовных дел, а

также в процессе рассмотрения арбитражных, гражданских и административных дел при необходимости разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области криминалистической экспертизы звукозаписей (далее в тексте – КЭЗ).

Остановимся на одной из задач КЭЗ - идентификации личности по голосу и звучащей речи, требующей комплексного подхода, то есть данная задача должна решаться комиссией, состоящей из экспертов разных специальностей, или одним экспертом, имеющим подготовку по необходимым экспертным специальностям.

Естественнонаучными предпосылками идентификации личности по голосу и звучащей речи являются, прежде всего, индивидуальность речи, относительная её устойчивость, а также способность фонограмм стабильно и однозначно отображать идентификационные и диагностические признаки.

По методам анализа идентификационные признаки голоса и звучащей речи личности можно разделить на три основные группы: аудитивные, лингвистические и акустические, которые и определяют способ их исследования.

В литературе, посвященной криминалистической экспертизе звукозаписей, приводится классификация, разделяющая методы криминалистической экспертизы звукозаписей на аудитивные, лингвистические, электроакустические, кибернетические (программно-математические).

Согласно этой классификации:

- аудитивные (слуховые) методы основаны на способности эксперта правильно воспринимать и различать звуки, на его слуховой памяти, на его личном опыте и на специальных знаниях акустики, фонетики, ситуационного анализа;

- к лингвистическим методам относятся методы исследования голоса и звучащей речи, трансформированные из экспериментальной фонетики, лексики, синтаксиса;

- программно-математические методы позволяют автоматизировать процесс выделения исследуемых признаков, их сравнение и принятие решения.

Исходя из указанных методов при проведении идентификации личности по голосу и звучащей речи проводится комплексное исследование, состоящее из аудитивного, лингвистического исследований речевого материала, а также инструментального исследования спектральных и временных характеристик речевых сигналов.

Аудитивная часть идентификационного исследования имеет своей целью установление идентификационных признаков данной группы: тембра; высоты голоса и диапазона её изменения; стиля произношения; темпа речи, интонационной выраженности фраз;

длительности пауз и особенности их заполнения; артикуляции; речевого дыхания; стиля и манеры речи; речевой культуры, выразительности речи, словарного запаса говорящего.

Лингвистическая часть исследования речевого материала проводится с целью выявления имеющихся в речевом материале лингвистических идентификационных признаков. Лингвистическими идентификационными признаками служат особенности реализации единиц устной речи конкретным лицом на разных уровнях: речевой поток – фраза – слово – звук. Следовательно, они делятся на несколько групп: синтаксические, лексико-семантические, фонетические.

Лингвистические признаки - это признаки индивидуального употребления языковых единиц при продуцировании диктором речевого высказывания. Лингвистические признаки могут быть выделены на основе слухового восприятия эксперта. Лингвистическая часть исследования содержит формулировки идентификационных признаков данной группы, совпадающих в исходной и сравнительной фонограммах.

Идентификационные признаки на лексико-семантическом и синтаксическом уровнях характеризуются использованием в речи незнаменательной лексики, наличием лексических и синтаксических повторов, выбором определенных лексических и морфолого-синтаксических средств: употреблением официальной или разговорной, просторечной, жаргонной, нецензурной, экспрессивно-оценочной лексики, устойчивых сочетаний слов, использованием синтаксических конструкций с инверсией (нарушением прямого порядка слов), наличием грамматических нарушений (например: «Одет в чёрную майку, голубые джинсы и в ботинках.», «согласно статье́й восемнадцатой»).

При этом необходимо отметить, что в тех случаях, когда звучащая речь представляет собой чтение «чужих» текстов официального, юридического содержания, литературных произведений (как правило, на сравнительных фонограммах), проводится лингвистический анализ единиц только фонетического уровня, поскольку единицы морфологического, лексико-грамматического, синтаксического уровней в данном случае не характеризуют самого говорящего.

При выявлении фонетических идентификационных признаков отмечаются особенности произнесения гласных и согласных звуков (например, произнесение недостаточно редуцированного звука [a] на месте орфографических «а» и «о» в предударных позициях: «в ботинках», «заплатил», «характеристика»; произнесение звука, близкого к щелевому [x] вместо взрывных [к], [г]: «реквизитов», «нескольких», «круг», «погода», «денег»; произнесение смягчённых шипящих звуков [ж'], [ш']: «город Нижний Новгород», «года рождения», «прищёл», «раньше», чрезмерное упрощение групп согласных в словах и т.д.).

Фонетические признаки благодаря своей физической природе наряду с качественным выражением имеют и количественные значения, которые изучаются с помощью методов

инструментального анализа. Они могут отображаться на осциллограммах, спектрограммах и оцениваться по результатам измерений.

Инструментальная часть исследования состоит в исследовании акустических признаков голоса и звучащей речи: статистических характеристик частоты основного тона и проведении формантного анализа спектральных характеристик речевых сигналов говорящего. Акустические признаки в количественной форме отражают физические характеристики речевых сигналов, выделяемые и вычисляемые с помощью программно-математического обеспечения.

Необходимость проведения комплексного исследования имеет несколько причин.

Во-первых, лингвистическое, аудитивное и инструментальное исследование голоса и звучащей речи проводятся «автономно», при этом акустические признаки являются коррелятами аудитивных и фонетических признаков лингвистической группы, и комплексный подход позволяет верифицировать результаты, полученные в ходе каждого из исследований.

Например, акустическими коррелятами просодических признаков аудитивной группы (высоты голоса, диапазона её изменения, интонационной выраженности фраз) являются статистические характеристики частоты основного тона. Характер и диапазон изменения частоты основного тона говорящего хорошо прослеживаются на динамических кепстрограммах и гистограммах распределения частоты основного тона.

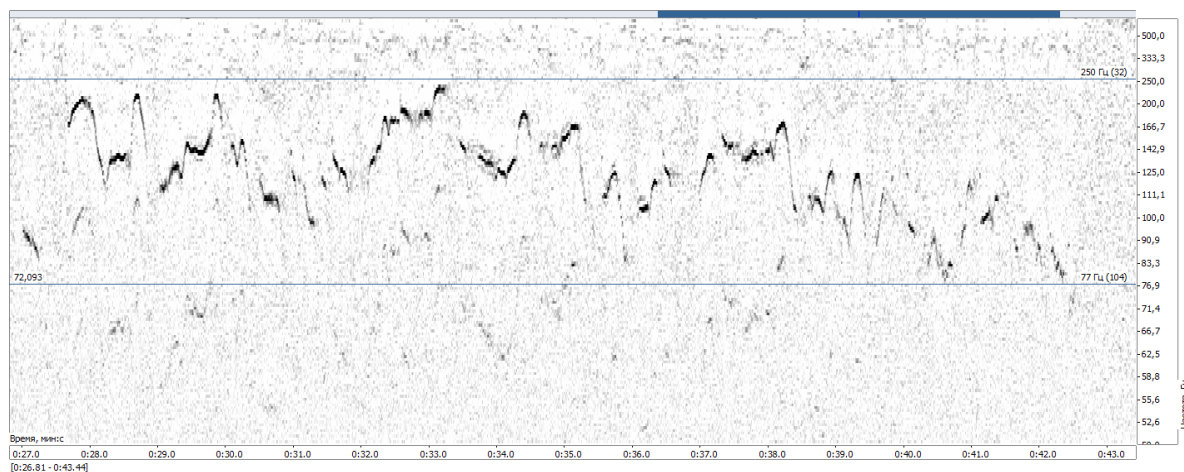

Рис. 1. Динамическая кепстрограмма речевых сигналов.

Рис. 2. Гистограмма распределения частоты основного тона.

Акустическими коррелятами артикуляционных признаков аудитивной и лингвистических групп являются формантные характеристики речевых сигналов. Качество артикуляции и особенности фонации определяются по локализации формантных максимумов и виду формантных треков на динамических КЛП-спектрограммах.

На рисунках 3, 4 приводятся КЛП-спектрограммы речевых сигналов диктора, произносящего слова: «в ботинках», «заплатил», по динамике изменения первой и второй формант прослеживается небрежная артикуляция говорящего и произнесение им недостаточно редуцированного звука [а] на месте орфографических «а» и «о» в предударных позициях.

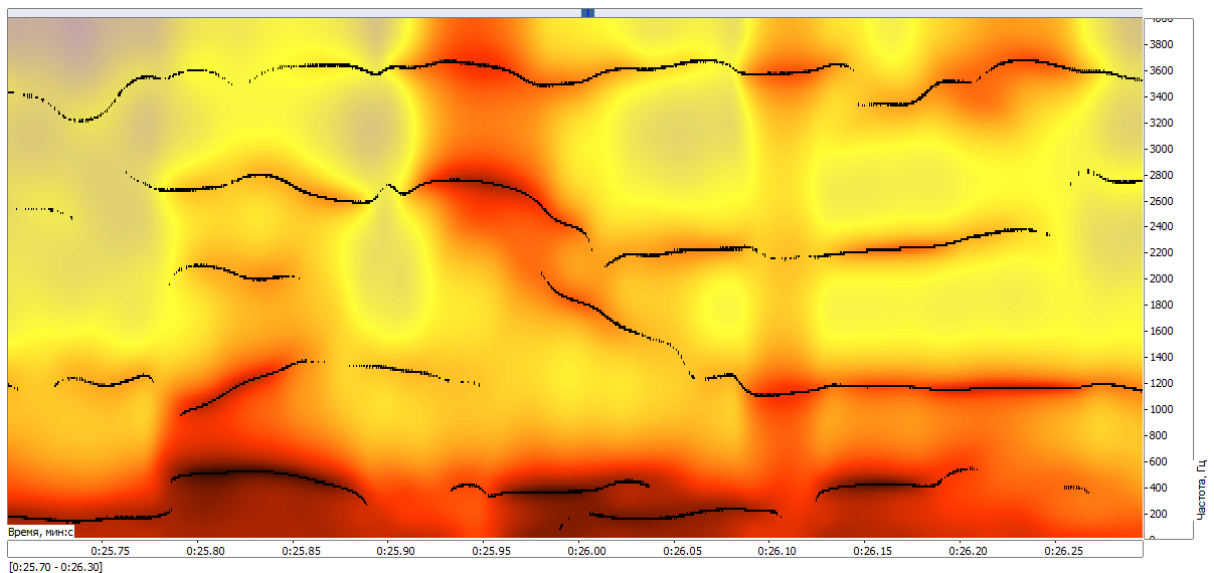

Рис. 3. КЛП-спектрограмма выражения «в ботинках».

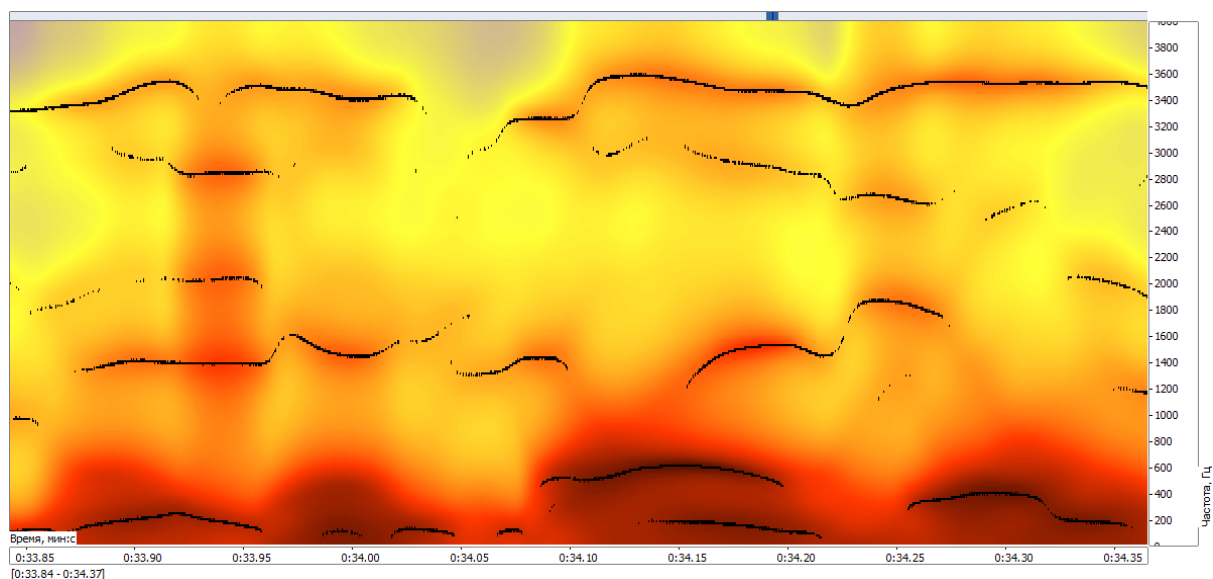

Рис. 4. КЛП спектрограмма слова «заплатил».

Во-вторых, исследование спектральных характеристик сигналов позволяет выявить в речевых сигналах искажения, которые могут вноситься при их записи, кодировании/декодировании и/или передаче по каналам связи, и оценить их влияние на качество речевого материала.

На рисунке 5 приводится динамическая спектрограмма речевых сигналов, в спектре которых присутствуют «паразитные» гармонические составляющие, которых не было в исходном сигнале.

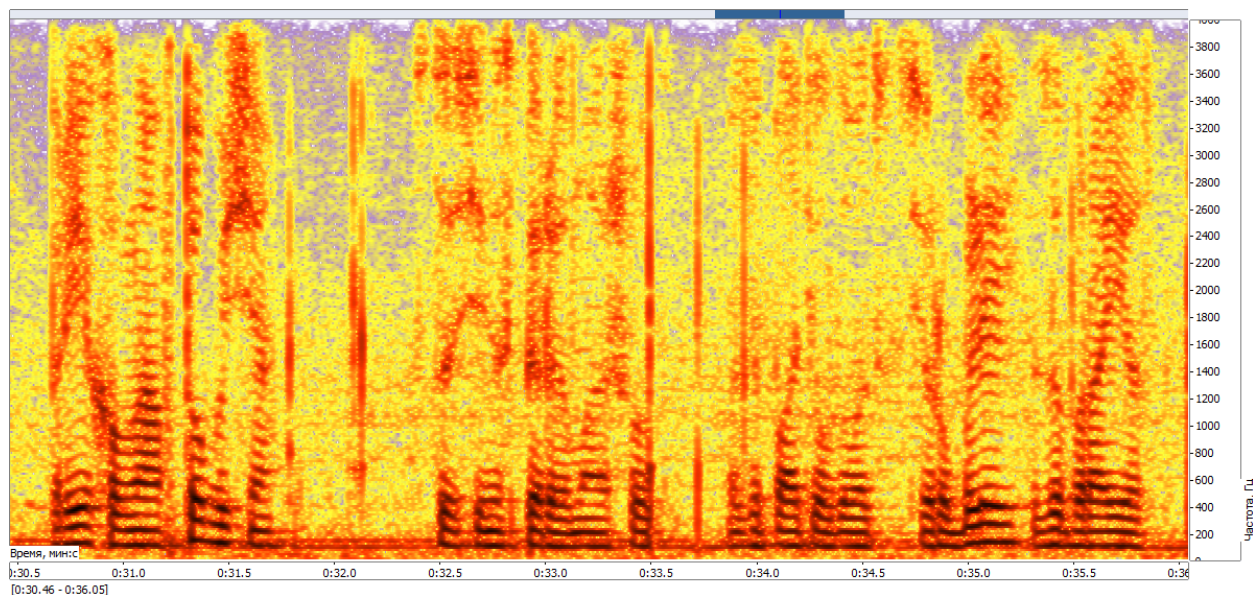

Рис. 5. Динамическая спектрограмма речевых сигналов

Таким образом, применение комплексного подхода позволяет провести полное, всестороннее, объективное исследование речевых материалов при решении

идентификационных и диагностических задач, наглядно продемонстрировать полученные результаты, а также провести верификацию полученных при проведении каждого из исследований результатов.

Список литературы:

1. ГОСТ 13699-91. Запись и воспроизведение информации. Термины и определения. – М.: Госстандарт России, 1991
2. ГОСТ Р50840-95. Передача речи по трактам связи. Методы оценки качества, разборчивости и узнаваемости. – М.: Госстандарт России, 1995
3. Брызгунова Е.А. Лингвистический анализ в криминалистической экспертизе звукозаписей // Современные методы, технические и программные средства, используемые в криминалистической экспертизе звукозаписей: Метод. пособие для экспертов / Отв. ред. А.Ш.Каганов. М., 2003. - С. 59–83
4. Василевский Ю.А. Техника аудио- и видеозаписи. Толковый словарь. – М.: Горячая линия – Телеком, 2006
5. Галяшина Е.И. Судебная фоноскопическая экспертиза. – М.: Триада Лтд., 2001
6. Денисов Ю.А. Некоторые аспекты инструментальной части сравнительного идентификационного исследования по голосу и звучащей речи// Актуальные вопросы экспертизы видеозаписей: Матер. Всерос. научно-практ. семинара, 13-17 мая 2013 г./ Под ред. В.Н. Пронина, П.Г. Лесниковой. – Н. Новгород, 2014. – С.254
7. Иванов И.Л. Методические рекомендации по работе с программным комплексом криминалистического исследования фонограмм Justiphone 5. Современные методы, технические и программные средства, используемые в криминалистической экспертизе звукозаписей: Метод. пособие для экспертов. – М.: РФЦСЭ, 2003
8. Каганов А.Ш. Перцептивный и акустический аспекты криминалистической идентификации личности по голосу и устной речи: Методология научного исследования. М., 2006
9. Каганов А.Ш. Криминалистическая идентификация личности по голосу и звучащей речи. - М.: Юрлитинформ, 2009
10. Михайлов В.Г. Информационные и статистические характеристики параметров устной речи. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 159 с.

11. Основные понятия, определения и специальные термины криминалистической экспертизы звукозаписей / Под ред. Коваля С.Л. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2013
12. Радзишевский А.Ю. Основы аналогового и цифрового звука. – М.: Изд. дом «Вильямс», 2006
13. Рысин Ю.С. Звуковая информация в фоноскопической экспертизе. – М.: Юрлитинформ, 2013
14. Современные методы, технические и программные средства, используемые в криминалистической экспертизе звукозаписей: Метод. пособие для экспертов. – М.: РФЦСЭ, 2003
15. Хитина М.В. Дифференциация спонтанной (неподготовленной) и подготовленной устной речи: Метод. письмо для экспертов/ Науч. ред. Е.А. Брызгунова. - М.: РФЦСЭ МЮ РФ, 2003

**A comprehensive approach to the identification and diagnostic tasks
in the production process of forensic examinations**

V.N. Pronin, S.B. Shavykina, I.M. Zhiganova

Privolzhsky regional centre of judicial examinations of Ministry of justice of Russia

The N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article discusses the need for an comprehensive approach in the study of speech materials in the production process of forensic examinations to make a full, comprehensive, objective study of the speech materials in the solution identification and diagnostic tasks.

Keywords: auditory (hearing), linguistic, mathematical methods of criminalistic identification, criminalistic diagnostics.

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ МЕТОДОВ
ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РЕШЕНИИ
ЗАДАЧ, СВЯЗАННЫХ С НАЧИСЛЕНИЕМ И ВЫПЛАТОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

В.Н. Пронин, А.В. Юданова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

Приволжский РЦСЭ Минюста России

prcsemurf@gmail.com

Статья посвящена вопросам применения естественнонаучных методов при производстве судебно-экономических экспертиз при решении задач, связанных с правильностью начисления и выплаты заработной платы. На конкретном примере рассмотрен процесс исследования объектов экономической экспертизы - документов, относящихся к поставленным перед экспертом задачам и вопросам, путем последовательного применения методов судебно-экономической экспертизы.

Ключевые слова: судебно-экономическая экспертиза, методы судебно-экономической экспертизы, объекты исследования, предмет судебно-бухгалтерской экспертизы, заработная плата, оплата труда.

Достаточно часто в процессе трудовых отношений возникают противоречия между работниками и работодателями по вопросам правильности, своевременности оплаты труда, задолженности по оплате труда, которые разрешаются в судебном процессе, в том числе посредством проведения судебно-бухгалтерской или финансово-экономической экспертизы.

Законом определены виды ответственности за нарушение трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права: «Лица, виновные в нарушении трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, привлекаются к дисциплинарной и материальной ответственности в порядке, установленном настоящим Кодексом и иными федеральными законами, а также привлекаются к гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности в порядке, установленном федеральными законами» (ст. 419 Трудового Кодекса РФ) [3]).

В настоящей работе авторами рассмотрены методы и методики судебно-экономической экспертизы на примере конкретной экспертизы по гражданскому делу, связанному с вопросами начисления и выплаты заработной платы.

Основными элементами методики судебно-экономической экспертизы являются предмет, объект и методы исследования.

Так предметом судебно-экономической экспертизы является финансово-хозяйственная деятельность хозяйствующего субъекта, в том числе финансовые операции и показатели, процесс их формирования и отражения в учете.

В зависимости от предмета исследования и стоящих перед экспертом задач различают судебно-бухгалтерскую и судебную финансово-экономическую экспертизу. Следует отметить, что такое деление весьма условно, поскольку первая может являться информационной основой для производства второй: между ними существует тесная взаимосвязь, обусловленная необходимостью изучения одних и тех же объектов.

Применительно к вопросам по правильности начисления заработной платы предмет судебно-бухгалтерской экспертизы можно определить как правоотношения работодателя и работника по поводу исчисления и выплаты заработной платы.

Данный общий предмет конкретизируется в виде вопросов при вынесении постановления или определения о назначении судебно-бухгалтерской экспертизы.

Объектом исследования судебно-бухгалтерской экспертизы является формализованное и опосредованное отображение предмета либо события хозяйственной жизни, материальным носителем которого выступает документ (носитель экономической информации).

При этом объектами исследования могут выступать первичные документы, бухгалтерские регистры, материалы инвентаризации, организационно-распорядительные документы, договора, контракты, бухгалтерская и налоговая отчетность, документы справочно-технического характера, неофициальные документы учетного характера, ценные бумаги.

Методы исследования - Документальные методы - способы, приемы исследования объектов (документов) для получения ответа на поставленные перед экспертом вопросы.

Можно выделить основные методы исследования, которые применяются при производстве судебно-бухгалтерских экспертиз:

- анализ информационных связей между документами;
- документальный контроль;
- математический контроль (арифметическая проверка);
- анализ соблюдения нормативных актов (нормативная проверка);
- анализ логических связей между операциями;
- сравнение и сопоставление записей в документах.

Далее, определив основные элементы методики экспертного исследования и их содержание, на конкретном примере рассмотрим поэтапный процесс проведения экспертизы

от ознакомления с материалами дела до формирования результатов исследования с применением соответствующих методов судебно-бухгалтерской экспертизы.

Так в определении суда содержалась исходная информация: «Ф.И.О.» обратилась в суд с иском к Военному комиссариату г. N, в котором просит взыскать с ответчика: квартальные премии за указанные периоды в указанном размере, премию по итогам года в указанном размере, невыплаченную ежемесячную премию за период с ____ по ____ в указанном размере, задолженность по оплате очередного отпуска за период в указанном размере, оплату больничных листов с ____ по ____ в указанном размере, доплату до минимального размера оплаты труда в РФ за периоды работы в указанном размере, оплату за сверхурочные часы и работу в выходные дни за периоды работы в указанном размере, доплату за работу с государственной и служебной тайной за период работы в указанном размере».

На разрешение эксперта были поставлены следующие вопросы:

1. Каков размер ежемесячных начислений, исходя из документов бухгалтерского учета Военного комиссариата г. N, сотрудника отдела «Ф.И.О.» за период осуществления его трудовой деятельности с ____ по ____ года?

2. Какой размер заработной платы должен причитаться к начислению сотруднику отдела Военного комиссариата г. N «Ф.И.О.» за период осуществления его трудовой деятельности с ____ по ____ года с учетом премий и иных доплат?

3. Какой размер заработной платы выплачен сотруднику отдела Военного комиссариата г. N «Ф.И.О.» за период осуществления его трудовой деятельности с ____ по ____ года с учетом премий и иных доплат?

На первом этапе проведения экспертизы определялась достаточность представленных объектов, необходимых для ответа на поставленные вопросы.

Далее приведен перечень документов, исследуемых экспертом и относящихся к предмету данной экспертизы:

-трудовой договор с дополнительными соглашениями, коллективный договор, положение о премировании сотрудников, выписки из приказов военного комиссара, приказ №1010 от 26.07.2010 г. Министра обороны РФ [11], приказ Министра обороны РФ №1313 от 27 октября 2010 г. [13], больничные листы, расчет пособия за период нетрудоспособности, график дежурств личного состава, ведомости о зачислении денежных средств на счета банковских карт, расчетно-платежные ведомости, табеля учета использования рабочего времени, справки о доходах физического лица, расчетные листки на выплату заработной платы.

Объектом экспертного исследования является документация организации, которая представляется эксперту судом. Таким образом, эксперт не собирает, а получает объект исследования. При необходимости представления дополнительных документов эксперт может заявить ходатайство в адрес лица назначившего экспертизу.

На *втором этапе* проведения экспертизы проводилось исследование объектов путем последовательного применения указанных методов, осуществление дополнительных расчетов, составление аналитических таблиц.

В начале проведенного исследования обозначены основные понятия, относящиеся к трудовому законодательству согласно Трудового Кодекса РФ [3], Федерального закона [4], Положений [6; 7; 8], Постановления [10]: «заработная плата» (оплата труда), «рабочее время», «трудовой договор», «коллективный договор», «оплата отпуска», «сверхурочная работа», «средний заработок», «минимальный размер оплаты труда» и т.п.

Далее проводился анализ информации, содержащейся в документах-основаниях, организационно-распорядительных документах.

1. Трудовой договор (сведения о начале работы, условиях оплаты труда, условиях работы).

2. Выписка из приказа о приеме на работу (сведения о дате приема, окладе).

3. Выписки из приказов о премировании, дисциплинарных взысканиях, нарушениях трудовой дисциплины (сведения о размере премий, о случаях лишения премий, материального стимулирования).

4. Дополнительные соглашения к трудовому договору (сведения об изменениях оклада, об изменениях режима работы).

5. Коллективный договор между работодателем и работниками военного комиссариата г.№ на гг. с приложениями (сведения о рабочем времени, отдыхе, выходных, нерабочих праздничных днях, оплачиваемом ежегодном отпуске, оплате сверхурочной работы, оплате работы в выходные или праздничные дни, системе оплаты труда, премиях, надбавках).

6. Приказ Министра обороны Российской Федерации №1010 от 26 июля 2010 г. [11] (сведения о дополнительном материальном стимулировании, о случаях лишения премии, стимулирования).

Исследование записей первичных бухгалтерских документов, бухгалтерских регистров проводился с использованием следующих методов:

Анализ соблюдения нормативных актов:

- по начислению и выплате заработной платы в соответствии с трудовым и коллективным договорами (Трудовой кодекс РФ [3], ведомственные приказы);

- по начислению и выплате премий, надбавок, доплат за работу в праздничные, выходные дни, ночные часы, за сверхурочную работу (Трудовой кодекс РФ, Приказ Минздравсоцразвития РФ от 13.08.2009 N 588н "Об утверждении Порядка исчисления нормы рабочего времени на определенные календарные периоды времени (месяц, квартал, год) в зависимости от установленной продолжительности рабочего времени в неделю", ведомственные приказы);

- по расчету оплаты по листкам нетрудоспособности (Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. N 255-ФЗ [4], Положение от 15.06.2007 г. №375 [8]);

- по расчету оплаты за отпуск (Трудовой кодекс РФ [3], Положение от 24 декабря 2007 г. N 922 [7], ведомственные приказы);

- по минимальному размеру оплаты труда (Трудовой кодекс РФ [3], Федеральный закон от 19 июня 2000 г. N 82-ФЗ "О минимальном размере оплаты труда").

2. Документальный контроль.

Суть данного метода заключается в проведении исследования документов по содержанию и значению обязательных реквизитов (наименование организации, дата документа, номер, содержание хозяйственной операции, подписи ответственных лиц и т.д.). Перечень обязательных реквизитов определен Федеральным законом о бухгалтерском учете, а также разработанными типовыми формами по учету хозяйственных операций.

3. Математический контроль.

С помощью данного метода можно выявить арифметические несоответствия между частными и итоговыми суммами, между значением выражения и его составляющими. Проверяются количественные и суммовые значения хозяйственных операций по начислению и выплате заработной платы (в часах, днях, месяцах, рублях).

4. Анализ информационных связей между документами.

Так, например, информация, отраженная в трудовом договоре, приказах, таблице учета рабочего времени, графике дежурств, должна соответствовать информации, зафиксированной в расчетно-платежной (расчетной) ведомости по соответствующему сотруднику, а информация по выплате заработной платы, отраженная в кассовых и банковских документах, должна соответствовать информации, зафиксированной в расчетно-платежной (платежной) ведомости по соответствующему сотруднику.

5. Анализ логических связей между операциями.

Метод основан на логической взаимосвязи между данными, содержащимися в документе.

6. Сравнение и сопоставление записей в документах.

Целью данного метода является установить, имеются ли расхождения в записях документов по соответствующим показателям.

Так, числовые показатели расчетно-платежной ведомости по начислению заработной платы сотруднику должны соответствовать числовым показателям трудового договора, приказов о начислении премий и дополнительных выплат, табелей учета рабочего времени, кассовым, банковским документам на выплату заработной платы, справок о доходах по форме 2-НДФЛ.

По результатам исследования документов производились расчеты показателей и составлены аналитические таблицы. Для таблиц и расчетов использовалась программа электронных таблиц «Microsoft Excel».

Расчет показателей был произведен в разрезе видов заработной платы (оклад, премии, доплаты за ночные, праздничные часы, т.п.), по каждому виду заработной платы составлены расчетные таблицы.

По итогам сформирована сводная таблица по исчисленной сумме заработной платы, подлежащей начислению сотруднику за указанный период (см. табл. 1).

Таблица 1.

№ п/п	заработная плата по видам	сумма, в рублях	№ расчетной таблицы
1	Оклад	84 935,77	1
Итого:		214 859,07	

Далее производилось сопоставление значений показателей, отраженных в учете организации и значений показателей, рассчитанных экспертным путем, в результате составлена сравнительная таблица (см.табл. 2).

Таблица 2. Сравнительные сведения о начисленной общей сумме заработной платы сотрудника отдела «Ф.И.О.» Военного комиссариата г. N и подлежащей к начислению общей суммы заработной платы (с учетом премий и иных доплат) в рамках периода с ___ по ___

№	Наименование показателя в разрезе видов заработной платы и НДФЛ	Значение показателей по данным организации за период, руб.	Расчетные показатели по данным эксперта за период, руб.	Расхождение за период, руб.
1	Оклад	84 935,77	84 935,77	0,00
2	Надбавка за выслугу лет	1861,38	1861,38	0,00
3	Доплата за работу в выходные,			

№	Наименование показателя в разрезе видов заработной платы и НДФЛ	Значение показателей по данным организации за период, руб.	Расчетные показатели по данным эксперта за период, руб.	Расхождение за период, руб.
	праздничные дни, за ночные часы	19 051,45	19 251,87	200,42
4	Ежемесячная премия	20 341,55	20 341,55	0,00
5	Стимулирующие выплаты	75 834,50	75 834,50	0,00
6	Сумма отпускных	8 639,76	8 686,94	47,18
7	Сумма пособия по временной нетрудоспособности	3 809,54	3 813,47	3,93
8	Доплата за сверхурочные	0,00	133,59	133,59
9	Доплата до МРОТ	0,00	0,00	0,00
10	Доплата за государственную и служебную тайну	0,00	0,00	0,00
11	Общая сумма начисленной заработной платы за период (итоги по строкам 1-12)	214 473,95	214 859,07	385,12
12	Общая сумма налога на доходы физических лиц за период	27 882	27 932	50
13	Общая сумма начисленной заработной платы за период (без учета суммы НДФЛ)	186 591,95	186 927,07	335,12

Таким образом, по результатам исследования было определено расхождение между суммами заработной платы, начисленными организацией и суммами заработной платы, рассчитанными экспертным путем.

Результаты исследования по выплаченным суммам заработной платы представлены в виде нижеследующей таблицы (см. табл.3).

На *третьем этапе* производства экспертизы экспертом были сформированы выводы, содержащие ответы на поставленные вопросы.

По первому вопросу был дан вывод: «Сотруднику отдела «Ф.И.О.» Военного комиссариата г. N за период осуществления его трудовой деятельности с ____ по ____ года по данным бухгалтерского учета начислена сумма заработной платы в общем размере *сумма цифрами (сумма прописью) рублей* без учета суммы налога на доходы физических лиц в общем размере *сумма цифрами (сумма прописью) рублей*, в том числе ежемесячно (без учета суммы НДФЛ):

месяц 1 периода
 месяц 2 периода
 месяц n периода».

Таблица 3. Сведения о выплате (зачислению денежных средств на лицевой счет № *** в отделении "Сбербанка") сотруднику отдела «Ф.И.О.» Военного комиссариата г. N в рамках периода с __ по __

№ реестра на зачисление денежных средств на счета банковских карт	дата реестра на зачисление денежных средств на счета банковских карт	том, лист дела	Информация - "основание перечисления денежных средств"	Сумма, руб.
860...	26.10.20..	том 3, л.д.20	заработная плата за октябрь 20..	3932,16
ВСЕГО за период с __ по __:				186 592,00

По второму вопросу был дан вывод: «Сотруднику отдела «Ф.И.О.» Военного комиссариата г. N за период осуществления его трудовой деятельности с ____ по ____ года подлежит к начислению с учетом премий и иных доплат заработная плата в общем *сумма цифрами (сумма прописью) рублей* без учета суммы налога на доходы физических лиц в общем размере *сумма цифрами (сумма прописью) рублей*».

По третьему вопросу был дан вывод: «Сотруднику отдела «Ф.И.О.» Военного комиссариата г. N за период осуществления его трудовой деятельности с ____ по ____ года с учетом премий и иных доплат выплачена заработная плата в общем размере *сумма цифрами (сумма прописью) рублей*».

Таким образом, применение естественнонаучных методов позволяет провести полное, всестороннее, объективное исследование объектов судебно-бухгалтерской экспертизы – документов, при решении задач, связанных с начислением и выплатой заработной платы, наглядно представить полученные результаты в виде сводных и аналитических таблиц, описать полученные результаты в виде числовых значений экономических показателей.

Список литературы

1. Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 21.11.1996г. № 129-ФЗ
2. Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011г. № 402-ФЗ
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ
4. Федеральный закон "Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности" от 29.12.2006 г. N 255-ФЗ
5. Приказ Минздравсоцразвития РФ "Об утверждении Порядка исчисления нормы рабочего времени на определенные календарные периоды времени (месяц, квартал, год) в зависимости от установленной продолжительности рабочего времени в неделю" от 13.08.2009г. N 588н

6. Положение по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в РФ, утв. приказом Минфина РФ от 29 июля 1998 г. N 34-н

7. Положение об особенностях порядка исчисления средней заработной платы, утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2007 г. N 922

8. Положение об особенностях порядка исчисления пособий по временной нетрудоспособности, утв. постановлением Правительства РФ от 15.06.2007 г. №375

9. Приказ Министра обороны Российской Федерации «О мерах по реализации в Вооруженных Силах Российской Федерации постановления Правительства Российской Федерации от 5 августа 2008 г. № 583» от 10 ноября 2008 г. N 555 г.

10. Постановление Правительства Российской Федерации "О введении новых систем оплаты труда работников федеральных бюджетных учреждений и федеральных государственных органов, а также гражданского персонала воинских частей, учреждений и подразделений федеральных органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная и приравненная к ней служба, оплата труда которых в настоящее время осуществляется на основе Единой тарифной сетки по оплате труда работников федеральных государственных учреждений" от 5 августа 2008 г. № 583

11. Приказ Министра обороны Российской Федерации «О дополнительных мерах по повышению эффективности использования фондов денежного довольствия военнослужащих и оплаты лиц гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации» от 26 июля 2010г. №1010 Приказ Министра обороны РФ №1313 от 27 октября 2010 г. «Об утверждении инструкции о порядке допуска к государственной тайне военнослужащих, лиц гражданского персонала вооруженных сил Российской Федерации и граждан Российской Федерации, пребывающих в запасе и поступающих на военную службу по контракту либо подлежащих призыву на военную службу (в том числе по мобилизации), на военные сборы, а также граждан Российской Федерации, не пребывающих в запасе и подлежащих призыву для прохождения военной службы, которым требуется допуск к государственной тайне для исполнения служебных обязанностей».

12. Приказ Министра обороны РФ "Об утверждении Перечня должностей федеральной государственной гражданской службы в Министерстве обороны Российской Федерации, исполнение должностных обязанностей по которым связано с использованием сведений, составляющих государственную тайну, и при назначении на которые конкурс может не проводиться" от 12 апреля 2010 г. N 333

To the question of the application of scientific methods in forensic economic expertise in solving problems related to the calculation and payment of wages

V.N. Pronin, A.V. Yudanova

Privolzhsky regional centre of judicial examinations of Ministry of justice of Russia

The N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article is devoted to the application of the methods of legal and economic expertise in solving problems related to correctness of calculation and payment of wages. A specific example of the process of the research objects of economic expertise - related documents put before the expert task and questions, by successive application of the methods of legal and economic expertise.

Keywords: forensic economic expertise, methods of legal and economic expertise, objects of study, subject of forensic accounting, wages, salary.

МЕТОДЫ ВЫЯВЛЕНИЯ КЛАССИФИКАТОРОВ ТОЛЕРАНТНОСТИ/НЕТОЛЕРАНТНОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В ЦЕЛЯХ РЕШЕНИЯ ЛИНГВОЭКСПЕРТНЫХ ЗАДАЧ

Т.В. Романова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

tromanova@hse.ru

Целью проведённого исследования, результаты которого изложены в предлагаемой статье было определение методов выявления и собственно выявление лингвистических маркеров толерантности/нетолерантности речевого поведения. С этой целью проведён анализ языковых и речевых средств, использованных в качестве инструмента воздействия, самовыражения, оценки. *Анализ проводился на материале политического дискурса (материалов СМИ)*. В качестве методов исследования были выбраны: статистический анализ данных (прежде всего, касающихся количественной стороны фиксируемых языковых фактов.); контент-анализ (содержательная интерпретация количественных данных); интент-анализ; риторический анализ и собственно лингвистический анализ. В результате анализа выявлены социолингвистические и лингвокультурологические основания квалификации степени толерантности речевого поведения и разработаны критерии квалификации языковой/речевой толерантности. Приведённые данные и полученные результаты служат базой для проведения речеведческих экспертиз.

Ключевые слова: толерантность, классификатор толерантности, метод выявления лингвистических маркеров толерантности.

В условиях решения задач этноконфессиональной безопасности, противодействия ксенофобии и развития толерантности на территории полиэтничного и поликонфессионального Приволжского региона, Нижегородской области в частности,

необходимым является осмысление толерантности как культурного, психологического, политического феномена. Ценностные качества публичной коммуникации ранжируются и переосмысливаются различными слоями общества в собственных интересах, однако они во многом определяются состоянием и уровнем развития общей и политической культуры данного общества. Толерантность становится необходимым социальным регулятивом. Её роль возрастает по мере развития новых коммуникативных технологий и новых регулятивов, одним из которых является возникшая в конце 40 гг. XX века тенденция политкорректности.

В философии под толерантностью понимается «качество, характеризующее отношение к другому человеку как к равнодстойной личности и выражающееся в сознательном подавлении чувства неприятия, вызванного всем тем, что знаменует в другом иное (внешность, манера речи, вкусы, образ жизни, убеждения и т.п). Толерантность предполагает настроенность на понимание и диалог с другим, признание и уважение его права на отличие» [5, 363]. В социологии толерантность - это «терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям [11]. В политологии толерантность – «терпимость по отношению к другим людям, отличающимся по их убеждениям, ценностям и поведению <...> Толерантная политическая культура означает уважительное отношение к любым политическим проявлениям, которые не противоречат существующему законодательству» [8, 165].

Если попытаться определить характер отношений между понятиями толерантность и политкорректность, то, как нам представляется, толерантность является содержанием, принципом, основой определённого социального регулятива (толерантность предполагает наличие идеи, взглядов, которым необходимо следовать), а политкорректность – формой, в том числе и речевой, его проявления, существования; политкорректность можно считать одной из коммуникативных характеристик неконфликтного речевого поведения, наряду с вежливостью, тактичностью.

Большинство специалистов исследуют толерантность в политико-правовом и социально-экономическом аспектах, хотя в лингвокультурологической и коммуникативной среде также коренятся причины конфликтных проявлений. Являясь многоаспектным социальным феноменом, толерантность во многом имеет речевую «привязку», поскольку объективируется в речевых действиях. Поэтому мы хотим обратиться к лингвистическому аспекту толерантности в региональных и федеральных СМИ (печатные, электронные и др. форматы) и политическом дискурсе в целом. Наш интерес направлен на анализ языковых и речевых средств, использованных в качестве инструмента воздействия, самовыражения, оценки.

Анализ проводился на материале текстов блогов политиков на платформе Livejournal; текстов новостных сайтов Нижегородского региона; печатных СМИ: «Коммерсант», «Коммерсант-Приволжье Нижний Новгород», «Аргументы и Факты», «Аргументы и Факты-Нижний Новгород» и др.; федеральных печатных СМИ: «Известия», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Новая газета» (2014-2015гг.).

В качестве методов исследования были выбраны: статистический анализ данных (прежде всего, касающихся количественной стороны фиксируемых языковых фактов.); контент-анализ (содержательная интерпретация количественных данных); интен-анализ; риторический анализ и собственно лингвистический анализ. В рамках анализа коммуникативных интенций автора проявление интолерантности рассматривается как коммуникативные стратегии в ситуации конфликта. Речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели. Риторический анализ предполагает выявление способов внутренней организации текста, способствующих актуализации феномена толерантности. Лингвориторический анализ может также учитывать особенности графики и пунктуации письменного текста, соотношение текста и иллюстративного материала. Лингвистический анализ предполагает описание собственно языковых средств (фонетических, лексических, морфологических, синтаксических), участвующих в актуализации феномена толерантности. В качестве метода исследования был выбран также лексический подход к анализу тональности высказывания.

В результате анализа выявлены социолингвистические и лингвокультурологические основания квалификации степени толерантности речевого поведения и разработаны критерии квалификации языковой/речевой толерантности.

Установлено, что средства массовой информации способны формировать общественную реальность, концентрируя внимание аудитории на тех или иных событиях. Риторический анализ, проведённый А.А. Лавровой [4], показал, что оценочность (и, соответственно, толерантное или нетолерантное отношение автора к описываемому материалу) выражается

- в самом отборе и классификации информации (детальное освещение одних событий и замалчивание других);

- в изложении фактов под определенным углом зрения (Майдан, война на юго-востоке Украины, война в Сирии, русско-турецкий конфликт, экономический кризис в Евросоюзе, западные санкции против России, убийство Немцова, стрельба в американских школах, террористические акты, падение боинга, митинги, система «Платон», расследования антикоррупционного комитета и т.д.);

- в композиционных особенностях текста. Например, текст может начинаться не с новостей, а с описания сильных негативных эмоций. В ряде случаев эмоции вообще замещают информацию и ее анализ. При такой подаче материала реципиент теряет возможность и право самостоятельно оценивать ситуацию, становится объектом эмоционального воздействия: *На глаза накатывала скупая колорадская слеза: надо же, они там еще могут что-то кроме «слава Украине» кричать, не забыли русский язык-то, видать. Пальцы тянулись к клавиатуре — поучаствовать в живом обсуждении. И отдергивались — куда в калачный ряд-то... Здесь вам не равнина, здесь климат иной* («Известия» от 26 марта 2015г.);

- в актуализации роли заголовка. Заголовки печатных изданий зачастую не просто привлекают внимание читателей, а вселяют чувство тревоги, беспокойства, неуверенности:

Народ потерпит? В Крыму уже две недели борются за светлое будущее («Аргументы и факты» от 2 декабря 2015г.);

- в форме подачи информации, соотношении положительных и отрицательных образов, обилии или скупости экспрессивных средств и т.д.

Лингвистический анализ актуализации феномена толерантности предполагает описание собственно языковых средств, в первую очередь, лексических.

Маркерами интолерантности в тексте могут служить стилистически сниженные лексемы, дискредитирующие личность и формирующие восприятие объекта как подозрительного, нежелательного, вызывающего неприязнь, отвращение, ненависть: коллоквиализмы (1), вульгаризмы (2), жаргонизмы (3), инвективы (4), неоправданные иностранные заимствования (5), оценочная лексика (6):

Оба газетчика (1) пришли на прием при полном параде (1): черный костюм, белая рубашка, галстук. Все было чинно-мирно (1), пока журналист Паоло не сел в кресло и залихватски (6) не закинул ногу на ногу. Тут и появились они - яркие и ужасные (6). Красные носки. Их экстравагантную (6) расцветку запомнят не только в службе протокола. Интернет уже пестрит (2) фото (1) с этим мужским аксессуаром. Все терзаются вопросом: можно ли было заявляться (2) в таком виде на официальный прием? («Комсомольская правда» от 8 июня 2015г.);

Крымкэш (5). «Сакральная Корсунь» рискует превратиться в «хаб» (5) для обналички (3) и других незаконных банковских операций («Новая Газета» №56 от 1 июня 2015г.);

Диктатура мерзавчиков (4). Белорусское государство изучает содержимое шкафов и сервантов своих граждан («Новая Газета» №56 от 1 июня 2015г.).

Интолерантными были признаны лексемы с пейоративной эмоционально-экспрессивной коннотацией, принадлежащие к следующим классам: слова и выражения,

обозначающие социально осуждаемую деятельность (*алкаш, проститутка, жулик, рецидивист*); слова, содержащие экспрессивную негативную оценку поведения человека, без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию (*ублюдок, говнюк*); слова, содержащие экспрессивную негативную оценку уровня интеллекта (*придурак, недоумок, дегенерат*); слова, содержащие осуждение общественно-политической позиции (*русофоб, госдеповский, либераст, путиноид, крымнашист, едросня*); слова, содержащие негативную оценку «чужой» информации (*неадекват, вранье, наивняк, демагогия*).

С целью исследования возможности автоматического определения уровня толерантности в политическом дискурсе К.А. Дружковым [3] была проведена адаптация метода тонального анализа за счет создания словаря интолерантной лексики. Материалом для исследования стали 60 записей в блогах политиков на платформе livejournal.com и комментарии к ним. На основе установленных критериев толерантности была проведена ручная разметка записей блогов. На этапе эмпирического исследования комментариев к анализируемым блогам был составлен словарь интолерантной лексики, включающий более 200 единиц, обладающих пейоративной эмоционально-экспрессивной коннотацией. Описана методика автоматического пополнения словаря оценочной лексики, что обуславливает улучшение качества работы существующих методов анализа тональности высказывания. Востребованность подобной методики связана с отсутствием в свободном доступе инструментов для анализа тональности, в то время как *мнение* рассматривается как важный объект текстового анализа, а также с необходимостью адаптации методик автоматической обработки оценки как типа информации по отношению к русскому языку и русскоязычному дискурсу. Также был сформулирован ряд рекомендаций по дальнейшему усовершенствованию алгоритма определения тональности в политическом дискурсе: включение заголовка в список исследуемых объектов, добавление неологизмов/окказионализмов в тональный словарь, рассмотрение последовательных вопросительных предложений, квазисинонимов как тональных маркеров и др.

На синтаксическом уровне средством выражения интолерантного отношения автора могут быть эмоциональные конструкции, деформированные относительно нейтрального «ядерного» предложения [4]: повторы (1), материально избыточные элементы (2), разрывы (3), инверсия, транспозиция (4), расшифровывающие конструкции (5), эллипсис, изолированные элементы:

Наверное (2), немало читателей за последние дни вглядывались в широкую и резонансную дискуссию о сексизме и феминизме, не зная, верить ли своим глазам: что, правда (4, 5)? Не про ватников и колорадов, не про быдло и не про анчоусов? Не про жизнелюбивого

– «одних жен сколько!» (2) – Бориса Немцова? И не про Крым, не про Путина (1, 3)? Нет (2, 5): *обсуждали женское равноправие. Женское равноправие и сексизм (1)* («Известия» от 26 марта 2015г.).

Исследуемый материал показал, что интолерантность актуализируется в рамках стратегии дискредитации, или стратегии речевой агрессии, цель которой – унижить, оскорбить, высмеять того, о ком идет речь. В качестве тактик обычно выбираются оскорбление, насмешка, угроза, обвинение, упрек, клевета и др.:

Заявление турецкого президента Реджепа Эрдогана о том, что [летчики турецких ВВС якобы не знали, что сбивают российский самолет](#), по мнению специалистов, нельзя квалифицировать иначе как наглое вранье («Московский комсомолец» от 27 ноября 2105г.). М.А. Фокина исследовала потенциал прецедентных феноменов как средства достижения толерантности и интолерантности политического дискурса [9]. В качестве основополагающей в данном аспекте была определена когнитивная (метафорическая) функция, дополняемая такими сопутствующими функциями, как оценочно-экспрессивная, антиреферентная, текстообразующая, а также функции эвфемизации и дисфемизации. Установлена востребованность прецедентных феноменов, в особенности прецедентных имен, в реализации речевой стратегии дискредитации через эксплуатацию коммуникативных тактик оскорбления, издевки и обвинения. Был обоснован вывод об использовании прецедентных феноменов с целью намеренного достижения такого качества дискурса, как интолерантность.

И наконец, нами был проведён анализ речевых штампов и клише в качестве показателей толерантности или интолерантности СМИ при оценке предметов, событий и явлений как «своих» или «чужих», рассмотрены особенности штампов и клише сознания, а также их корреляция с речевыми клише и штампами и связь с прецедентными феноменами [6]. Выявлены функции и приёмы актуализации внутренней форы языкового знака в текстах СМИ как показатель нетолерантности речевого поведения (приём языковой игры, эвокация, трансформация устойчивых сочетаний, двойная мотивация значения слова, словообразование по аналогии); рассмотрены идеологемы политкорректности [7].

Материалом для этой части исследования послужили авторские статьи федеральной газеты «Аргументы и факты» и регионального приложения «Аргументы и факты – Нижний Новгород» за 2014 - 2015 годы.

Роль штампов и клише сознания при оценке «своего» и «чужого» заключается в апелляции к определённым стереотипам и феноменам, имеющим в сознании людей значение «своего» или «чужого». Можно предположить, что именно клише сознания, «вызываемые» с помощью семантико-когнитивной ассоциации, будут выражать индивидуально-авторскую

оценку. Штампы же сознания, не имеющие глубинного смысла (для них характерны только фонетико-звуковая ассоциация и ассоциация-штамп), функционально для оценки менее значимы.

Выделенные при анализе речевые штампы и клише можно классифицировать следующим образом:

1) новообразованные клише, апеллирующие к прецедентным именам и прецедентным высказываниям, связанным с недавними политическими событиями, такие как *майдан, евромайдан, Болотная площадь, украинская зима, кто не скачет – тот москаль...*

2) фразеологизмы и просторечные клише и штампы, не имеющие автора и известные всем представителям лингвокультурного сообщества, используемые автором для выражения собственного мнения, часто нетолерантного: *боимся сглазить, сосёт соки, не жизнь, а малина, толкает речь, шлют на три весёлых буквы, держится на соплях, довёл до ручки, спустил власть в унитаз, веет душком;*

3) клише, апеллирующие к прецедентным именам и прецедентным текстам, использующиеся с целью обеспечения «эффекта толерантности» при выражении/ передаче авторского мнения (*птены Гайдарова гнезда, простодушный Иван и жалостливая Алёнушка, забрать все книги бы да сжечь, сидеть на печи, правит бал*);

4) штампы, имеющие в парадигме значений компонент ‘свой’ или ‘чужой’, например: *свой в доску, свои среди чужих, чувствовать себя как дома.*

При этом клише в «интолерантной» функции используются исключительно там, где автор хочет подчеркнуть очевидность различий «своих» и «чужих» - например, в спортивной сфере, а клише, призванные обеспечить толерантность высказывания, – там, где речь идёт непосредственно о событиях в нашей стране (России). Интолерантное речевое поведение характеризует позицию автора и в публикациях о событиях в других странах, в том числе о военных конфликтах, а также о ситуациях интолерантного отношения к России со стороны других государств. Подобный результат нам представляется возможным связать с нынешней установкой на толерантность в публичной сфере, в том числе и в СМИ.

В текстах газет штампы и клише могут выполнять следующие функции:

Быть показателем толерантного речевого поведения, то есть выполнять одну из следующих функций: способствовать «размыванию» смысла высказывания, снижению его категоричности; изменять специфику подачи критики, смещая акцент в сторону обеспокоенности ситуацией; апеллировать к авторитету с целью объективации оценки; указывать на субъективности мнения автора;

Быть показателем интолерантного речевого поведения;

Быть показателем толерантного/интолерантного речевого поведения, связанным с оценкой «своего» и «чужого», например, *чувствовать себя как дома*.

Рассмотрим конкретные примеры.

Самым обсуждаемым «газетным» событием зимы 2014 года стала Олимпиада в Сочи. Оценка спортивного противостояния предполагает использование оппозиции «свой» - «чужой». Это объясняет активное заголовочное функционирование клишированных высказываний (которые функционируют как штампы), в составе которых слова *свой* и *чужой*: *свой в доску*, *свои среди чужих* и др. Концепт ЧУЖОЙ чаще всего эксплицируется прилагательным *чужеземный*.

Отражая реалии спортивного события 2014 года, устойчивое сочетание *измена Родине* употребляется с расширением синтаксической сочетаемости: *измена спортивной родине*. По концептуальному признаку `свой`/`чужой` оцениваются даже спортивные трассы: «*Боимся сглазить, но есть предчувствие, что скандинавы не будут чувствовать себя на сочинской лыжне как дома*» (*Игры – 2014: у нас все дома!* - Аргументы и факты 2014, № 6: 13). Когнитивной опорой при описании спортивного противостояния является концепт ВОЙНА. Так, об игре сборной Америки на хоккейном матче со сборной России в газете пишут: «*от неё веет душком холодной войны*» (*У нас украли победу!* - Аргументы и Факты 2014, № 8: 5). Речевой штамп *веет душком* фиксирует концептуальный признак `отвращение`, `презрение`. Упоминание о прецедентной ситуации холодной войны вызывает определённые ассоциации, формирующие представление об американцах как «чужой», «враждебной» нации, что подтверждается другими использованными средствами: *заокеанские арбитры* - словосочетание подчёркивает территориальное разделение двух стран, а клише *правит бал*, оценка применительно к Национальной хоккейной лиге, ассоциируется с прецедентным текстом, с куплетами Мефистофеля из оперы «Фауст».

В статьях спортивной тематики по большей части используются клише не авторского происхождения, чаще всего просторечные, но в большинстве своём не нарушающие принцип толерантности. Их специфика заключается в том, что значение «свой» или «чужой» в таких клише является одним из основных и «поверхностных» - такие клише функционируют как штампы, для понимания значения которых достаточно присутствия в их форме слов *свой* и *чужой*.

Таким образом, результат исследования подтверждает выдвинутую ранее гипотезу: штампы и клише сознания, используемые в федеральных и региональных СМИ при оценке «своего» и «чужого», являются показателями речевой толерантности или интолерантности. Однако стоит заметить, что случаев употребления штампов и клише сознания как средств

реализации толерантного речевого поведения больше, чем использования при оценке «своего» и «чужого», а сама эта оценка выражена максимально «толерантным способом».

Период 2014-2015 гг. ознаменовался политическим кризисом, связанным с событиями на Украине и, впоследствии, с охлаждением в отношениях с США и европейскими странами. Поэтому большая часть статей федеральных газет этого времени посвящена именно политической теме. К ним добавляются текущие события, такие как Олимпиада-2014 в феврале, День Победы в мае и Чемпионат Мира по футболу в июне, но политика остаётся основной темой статей, причём мнения авторов, выражаемые в статьях, отличаются интолерантностью по отношению к зарубежным странам с колебаниями от завуалированного её выражения до прямых угроз.

Этим объясняется выбор средств, передающих отношение авторов: это штампы и клише сознания, основанные на фразеологизмах, анекдотах и просторечиях, а также на прецедентных именах и высказываниях, понятных российскому читателю. Однако, помимо разговорных источников, в качестве основы также были использованы мифы, лозунги, строки песен, цитаты и названия книг, прецедентные имена, исторические события 21 века, крылатые выражения, названия кинофильмов, художественных полотен и др.

Приведём примеры.

Использование прецедентного имени «Шествие слепых» [статья «Хор слепых», АиФ №15 2014 г., стр. 5, автор В. Костилов] в сочетании с самим образом картины П. Брейгеля. В этом случае мнение автора передаётся не только через название статьи «Хор слепых», но и через отсылки к картине в тексте статьи и коллаж, созданный «по мотивам» картины. Таким образом, мы можем говорить о таком явлении, как «прецедентный образ», совмещающий в себе прецедентное имя и прецедентное изображение, вызывающие определённые ассоциации. В данном случае образ ‘картина «Шествие слепых»’, применённый в отношении к странам Европы, Америке и Украине в связи с политической ситуацией, представляет Украину как уже упавшего слепца, а европейские страны – как слепцов, идущих вслед за упавшим в пропасти по тропе – рука статуи Свободы. Через этот коллаж автор вполне ясно передаёт своё мнение о поступках политических лидеров и нынешней ситуации и считает, что вскоре вся Европа, идущая на поводу у Америки, закончит свой путь в «луже», в которую уже «упала» Украина.

Другим примером является газетный заголовок «Летучий малаец» [«Летучий малаец», №18 2014 г., стр. 18, автор Г. Зотов], ассоциирующийся с именем Летучего голландца, корабля-призрака. Свойства корабля – его ‘призрачность’, ‘неизвестное местонахождение’ и

‘связь с миром мёртвых’ - переносятся на пропавший малайзийский «Боинг-777», который в названии статьи обозначается катойконимом *малаец*.

Для обновления внутренней формы прецедентного высказывания с целью усиления воздействия используются разные приёмы трансформации: перестановки, замены, добавления, опущение, объединение, членение и др. [1; 10].

Основной грамматической трансформацией, применяемой для создания прецедентных феноменов, является замена слов источника на слова, связанные с темой статьи. Реже используются вставки слов, и фонетические трансформации, как в заголовке «Лютый Киев» статьи о февральских событиях (лютий (укр.) – «февраль» [2, 533]).

В качестве заключения скажем следующее. В процессе проведённого исследования, часть итогов которого описаны в данной статье, были определены методы выявления и выявлены лингвистические маркеры толерантности/нетолерантности речевого поведения. В результате анализа выявлены также социолингвистические и лингвокультурологические основания квалификации степени толерантности речевого поведения и разработаны критерии квалификации языковой/речевой толерантности. Дальнейшее наше внимание было направлено на анализ языковых и речевых средств, использованных в качестве инструмента воздействия, самовыражения, оценки. Данные этого анализа приведены в статье. Приведённые данные и полученные результаты служат методической и эмпирической базой для проведения речеведческих экспертиз, связанных с проблемами этноконфессиональной безопасности, ксенофобии, экстремизма, с вопросами речевого оскорбления и т.д.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00534 «Толерантность как культурная, политическая, лингвистическая проблема (анализ материалов СМИ и политического дискурса)». Руководитель проекта – Т.В. Романова, участники: А.А. Лаврова, К.А. Дружков, Н.Н. Морозова, М.А. Фокина.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод - http://samlib.ru/w/wagarow_a_s/barhud-trdoc.shtml (дата обращения - 16.02.16)
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.4.- М.: «ТЕРРА» - «TERRA», 1995.- 683 с.
3. Дружков К.А., Фокина М.А. Анализ толерантности блогов политиков с использованием компьютерного инструментария и квантитативных методов// Новое слово:

актуальные проблемы языкознания, литературоведения и методики преподавания филологических дисциплин. - Киров: «Радуга-ПРЕСС», 2015. - С. 59-62

4. Лаврова А.А. Междисциплинарные и собственно лингвистические модели описания толерантности // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIII: Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях: Сб. науч. тр. — М.: Изд-во Инст-та языкознания РАН, 2015. С. 387-396

5. Новая философская энциклопедия/ Под ред. Стёпина В. С. - М.: Мысль, 2001

6. Романова Т.В. Клише и штампы как речевые маркеры толерантности/интолерантности// Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. №1. С.140-146

7. Романова Т. В. Функция и приёмы актуализации внутренней формы языкового знака в текстах СМИ// Русский язык в поликультурном мире: Сб. науч. статей Ч. 1. - Симферополь: Антиква, 2015. - С. 456-462

8. Словарь по политологии / Под ред. В.Н. Коновалова. - М: Изд-во РГУ, 2010. - 292с.

9. Фокина М. А. Функции прецедентных феноменов в блогах политиков в контексте толерантности политического дискурса // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIII: Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях: Сб. науч. тр. — М.: Изд-во Инст-та языкознания РАН, 2015. С. 671 - 679

10. Швейцер А.Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты)/ Отв. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Наука, 1988. – 208 с.

11. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/4240/толерантность>

Methods to identify classifiers of tolerance/intolerance of verbal behavior in solving linguoexpert tasks

T.V. Romanova

National Research University Higher School of Economics

The purpose of the study, the results of which are set out in the article was the definition of methods for the detection and identification of linguistic markers of tolerance/intolerance of verbal behavior. With this purpose the analysis of language and speech tools, used as a means of influence and self-expression, was carried out. The analysis was carried out on the material of political discourse (mass media). The following research methods were chosen: a statistical analysis of data (primarily relating to the quantity of fixed linguistic facts); content analysis (comprehensive interpretation of quantitative data); intent analysis; rhetorical analysis and linguistic analysis. The analysis revealed sociolinguistic and linguocultural base of qualification of degree of tolerance of

verbal behavior and developed criteria for the qualifications of language/speech tolerance. The data and results obtained serve as a base for conducting linguistic expertise.

Key words: tolerance, classifier of tolerance, a method for identifying linguistic markers of tolerance.

МЕТОДИКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИМПЛИЦИТНЫХ СМЫСЛОВ В РЕЧЕВЕДЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗАХ

Т.А.Сидорова

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова

plavnik@atknet.ru

Основная задача исследования – показать возможности использования лингвокогнитивных методов для интерпретации завуалированных смыслов в дискурсах при производстве лингвистической экспертизы. Исследование базируется на концепции речевого акта В.В.Красных, Т.Г.Винокур и др. Реализуется интегративная методика, объединяющая собственно лингвистические и когнитивные методы и приёмы анализа. Доказывается, что в речеведческих экспертизах необходимо учитывать не только явные, но и имплицитные смыслы, в связи с чем обосновывается важность использования новых методов исследования завуалированной информации. Предлагается конкретная методика анализа имплицитных смыслов на примере лингвистической судебной экспертизы.

Ключевые слова: интен-анализ, коммуникативно-дискурсивный анализ, концептуальный анализ, интенция, пропозиция, сценарий, коммуникативный смысл, речевой жанр, коммуникативный акт, когнитивно-дискурсивный анализ.

Проблема исследования имплицитных смыслов давно решается российскими лингвистами в разных аспектах. Но до сих пор в процессе изучения спорных текстов обнаруживаются языковые факты, нуждающиеся в интерпретации. Природа спорных явлений может быть различна, что обуславливает необходимость поиска новых методов исследования таких текстов. Кроме того, языковое сознание адресанта, выбирая то или иное языковое средство, маркирует собственную позицию, важную для адресата информацию. Поэтому, на наш взгляд, исследование коммуникативно-прагматических аспектов речевого взаимодействия становится наиболее значимым для экспертной деятельности. В связи с этим, неслучайно С.А.Кузнецов считает необходимым определить роль отправителя сообщения в общем информационном пространстве конфликтного текста, так называемую «семантическую структуру автора» [3]. Поскольку коммуникативные особенности языковых средств детерминируются потребностью автора манифестировать личностные смыслы, содержание любого дискурса является субъективно окрашенным, отражающим мировидение автора.

Полагаем, что в процессе восприятия спорного дискурса / текста может возникнуть его недопонимание или не так понимание, что обуславливается различными причинами. Одна из них – неумение или отсутствие навыка расшифровывать текст. Кроме того, авторские интенции создают дополнительные смыслы, поскольку синтагматические и парадигматические связи языковых знаков в дискурсе / тексте реализуются особым образом и определяются авторским замыслом. На основании вышеизложенного считаем, что эксперт спорного дискурса / текста должен использовать интегративную методику, включающую следующие виды анализа: сценарный анализ, позволяющий определить прагматический аспект дискурса, коммуникативную установку и интенции автора [5]; когнитивно-дискурсивный анализ, учитывающий социальную ситуацию и вневлигвистические контексты (психологический, культурный, социальный, когнитивный) [1]; коммуникативно-дискурсивный анализ, раскрывающий речевые стратегии, тактики, их перлокутивный эффект [4]; интен-анализ, выявляющий содержание речевых актов; концептуальный анализ, направленный на определение структур знания, извлекаемых и осознаваемых, а также тех, о которых можно лишь догадываться.

Как показывает опыт экспертной деятельности, авторская информация в значительной степени актуализируется с помощью неявных смыслов, на которых мы и остановимся подробнее. В основе данного исследования лежит установка: лингвистические экспертные заключения должны не только понятно объяснять конкретную речевую ситуацию, но и учитывать смысловую перспективу – семасиологию речи, поскольку в контексте языковые единицы приобретают уникальные смыслы, обогащённые знанием вневязыковой ситуации и суждением о ней. Рассмотрим письмо из СИЗО, адресованное подследственным своему адвокату. Перед экспертом была поставлена задача определения смысла письма. Ситуация, предшествующая письму, такова: Работник правоохранительных органов попал в СИЗО по подозрению в коррупции на основании показаний владелицы игрового центра. Письмо соответствует принятой модели данного жанра. Оно состоит из 4-х коммуникативных актов, которые представляют собой интеракции, что маркируется специальными высказываниями: *Теперь давай о деле... Теперь о главном...* и т.п. Первая часть - шутовское представление денотативной (предметной) ситуации: *Вот уж не думал, не гадал, да в тюрьму попал.* Причина попадания в тюрьму тоже выражена шутовски, в форме прецедентного высказывания: *Так и знал, доведут меня бабы до цугундера* (то есть причина – бабы). Подследственный выбирает для общения модус доверительности, что в русской культуре способствует привлечению адресата на свою сторону. Следующая транзакция начинается со слов: *Теперь давай о деле.* Подследственный реализует тактику сообщения о положении дел. Чтобы

определить смысл высказываний или текста, необходимо выявить ментальные репрезентации, то есть те структуры знаний, которые активируются посредством языковых средств. Это могут быть схемы, идеи, сценарии, пропозиции, фреймы и другие когнитивные структуры. Один из сценариев анализируемой части письма можно сформулировать так: Автор письма (подследственный) осуждает «грузинку», называя её показания голословным обвинением и связывая факт своего ареста с объединением его дела с Архангельским делом. Выделим в тексте следующие пропозиции: 1) его подставили, 2) причина ареста – показания «грузинки», 3) её показания – голословное обвинение, 4) его дело объединили с Архангельским делом, 5) объединение с Архангельским делом дало следственным органам шанс разобраться с ним, 6) фактов против него нет, 7) эфэсбэшник уговаривал его признаться, 8) он самый бедный полицейский. Пропозиции свидетельствуют о том, какой представляется автору картина мира, объективированная в письме. Пресуппозиция, выявляемая концептуальным анализом, – установка на то, что его подставили, хотя он самый честный полицейский (ценностная установка на такие приоритеты, как честность и справедливость). Апелляция к образу героя фильма, к образу бедного полицейского, к тому, что он мог бы лесной бизнес крышевать и стать богатым, становится обоснованием необходимости помочь ему как человеку, пострадавшему от несправедливости.

Таким образом, коммуникативный смысл анализируемой части письма заключается в основной интенции автора – привлечь адресата (адвоката) на свою сторону, убедить её оказать ему содействие.

Особый интерес представляет высказывание: *...приезжал ко мне эфэсбэшник из Плесеца, и так и сяк крутил, и сумму взяток они готовы уменьшить, и количество фактов, и дело от большого отъединить, лишь бы хоть что-то признал, но х...!* Тактика использования матерной лексики свидетельствует об эмоциональном состоянии и становится маркером пресуппозиции: *Мне есть, что признавать, но признания они от меня не добьются.* Данная пресуппозиция актуализируется и фактором адресата: адресатом является женщина, поэтому матерная лексика в данном контексте противоречит принятым ценностным установкам русской культуры. Следующая трансакция начинается словами: *Теперь о главном...* Автор использует различные речевые тактики для достижения перлокутивного эффекта. Так, сообщая о содержании статей, по которым могут предъявить обвинение «грузинке», автор может добиться эффекта убеждения; сообщая о возможном разглашении нежелательных сведений о её дочери, он может достичь перлокутивного эффекта страха (адресат может испугаться); выражая просьбу, указание, он фактически побуждает к определённым действиям; обещая «грузинке» различные послабления в случае принятия его

условий, он заставляет поверить в мягкий приговор, условный срок и т.п. Известно, что перлокутивные речевые акты могут изменить состояние адресата, его умонастроение, поведение и даже деятельность в целом. Они тоже составляют смысл текста /дискурса. Учитывая сказанное, следует заключить, что основными речевыми действиями автора являются убеждение, побуждение, принуждение. Основная коммуникативная цель этих речевых действий – побудить «грузинку» (владелицу игрового центра) изменить показания в его пользу. Мотивация – добиться выгодного для себя судебного решения. В анализируемом фрагменте письма автор использует различные тактики воздействия на адресата. Так, коммуникативный смысл его речевого поведения в высказывании *Только у неё может получиться* (когда даёт указания для сестры: *Сестре придётся применить навыки старой эфэсбэшницы*) заключается в подбадривании через речевой акт оценки. Это и стимулирование активности адресата (сестры).

Далее автор реализует сценарий обвинения «грузинки»: *Грузинка брала себе деньги, объясняя хозяину, что деньги пошли на крышевание*. Данный сценарий необходим автору для привлечения на свою сторону адвоката. Так он обосновывает несправедливость обвинения и необходимость ему помочь. Таков коммуникативный смысл его речевого поведения. Путём комментирования статей из УК РФ автор реализует сценарий запугивания, адресованный «грузинке»: *Если ты не изменишь показания, то тебе грозит статья за соучастие, статья за хищение, статья дачи взятки и т.п.* Данный сценарий имеет следующий коммуникативный смысл: заставить «грузинку» сделать то, что просит автор, т.е. поставить в необходимость сделать это. Заставить или принудить «грузинку» изменить показания в суде возможно различными способами. Один из них – сценарий запугивания, который воздействует на волю другого человека, или подавляет волю человека. Ментальная схема (идея) воздействия: *Ты должна изменить показания, т.к. в противном случае тебе будет хуже*.

Следует заметить, что на протяжении всего текста реализуется модальность необходимости, долженствования (что надо сделать) и осторожности (*аккуратно, не по телефону, зашифровано* и т.п.). Модальность осторожности маркирует осознание автором своих действий как незаконных. Модус необходимости и долженствования маркирует стратегию побуждения к действиям. Представляется, что коммуникативный смысл «заставлять» (принуждать) нельзя реализовать в единичном высказывании. Этот смысл актуализируется в целом дискурсе (письме) путём взаимодействия тактик просьбы, убеждения, запугивания, угрозы, шантажа, обещаний, указаний и т.п. Так, в 4-й транзакции письма (начинается со слов *Затем самое сложное*) реализуется тактика разъяснения (что

грозит «грузинке», если она не изменит показания в пользу автора, и как всё изменится в лучшую для ней сторону, если она изменит показания).

Особого внимания требует высказывание: *Может, она не совсем стерва, понимает, что у меня ребёнок и мать переживают.* Пресуппозиция: *Она стерва, но я надеюсь, что человеческие чувства в ней сохранились.* Это апелляция к ценностным ориентирам русской культуры: к чувствам матери, к такой ценности, как ребёнок, к христианскому концепту СОПЕРЕЖИВАНИЕ. Такая апелляция формирует обоснование необходимости изменить показания в пользу автора. В свою очередь, тактика обоснования реализует стратегию побуждения к изменению показаний. Кроме того, следует отметить, что негативная оценка «стерва» является манипулятивным средством воздействия на непосредственного адресата – адвоката. Автор сообщает адвокату-женщине о другой женщине, что та стерва. Это тактика привлечения адвоката на свою сторону.

В этой части письма реализуется и стратегия принуждения «грузинки» к изменению показаний в суде. Стратегия реализуется посредством сценария шантажа. Пропозиции сценария: 1) автор знает о дочери «грузинки» (свидетеля) кое-что позорящее, 2) он может сообщить об этом заинтересованным лицам, 3) эти сведения могут использовать против её дочери и её самой, 4) он не будет разглашать эти сведения при условии, что она выполнит его указания. Коммуникативная цель данного сценария – добиться от свидетеля («грузинки») изменения показаний в суде в пользу автора. Сценарий шантажа усугубляется модусом лжи, что маркируется смысловой частицей «якобы». Реализуется установка: На самом деле никто не интересуется делами дочери свидетеля. Об этом знает только автор, и он просто хочет использовать информацию для давления на свидетеля. При этом актуализируется пресуппозиция: Если бы Лебедев действительно был таким благородным, каким себя позиционирует, если бы он не был виноват, то он бы не стал использовать тактику запугивания и шантажа делами дочери, которая вообще не имеет отношения к делу. Используя эти тактики, Лебедев фактически признаёт свою вину.

Раскрытие тактик адресанта приводит к выявлению коммуникативных смыслов. Например, тактика указания реализует побуждение к конкретным действиям и маркируется высказываниями с модусом императивности и долженствования: *...не должна менять показания до суда, ... должна изменить показания в суде, ...аккуратно прощупать..., использовать её страх..., вступить с ней в контакт, разъяснить, что ей грозит..., подготовиться к первой встрече, ...никаких разговоров по телефону, придумайте версию..., если согласится, пусть сейчас же не даёт им знать и т.п. Тактикой обещания (*Даже готов для грузинки адвоката нанять*) можно заставить поверить в благополучный исход*

(перлокутивный эффект). Это тоже способ побуждения к изменению показаний. В конце письма автор выстраивает схему мотива дачи показаний «грузинки» против него: любила – её бросили – ревность – отомстила. Такая схема актуализирует установку: «грузинка» дала показания против него из желания отомстить за то, что он её бросил.

Анализ речевого поведения автора письма показал, что он реализует коммуникативную роль провокатора. Коммуникативная роль «грузинки» - жертва. Доказывая свою позицию и обосновывая необходимость содействия ему, автор прибегает к логически выстроенным высказываниям, нацеленным на убеждение адресата. Но, с другой стороны, в письме присутствует и непрогнозируемое речевое поведение (матерная лексика, негативная оценка, апелляция к стереотипным ситуациям, самопрезентация и т.п.). Всё это маркирует речевое поведение провокатора, который прогнозирует поведение своей «жертвы» и даёт указание использовать вложенный фрейм (сказать «грузинке», что пришли поговорить насчёт её дочери). Коммуникативная цель в данном случае – сбить с толку. «Грузинка» не ожидает такого поворота, поэтому должна с ними поговорить.

Таким образом, смысл письма представляет собой интеграцию разных смысловых аспектов:

-идейный смысл: обусловленность показаний свидетеля личными мотивами (ревность) и давлением следственных органов, а также необходимость убедить свидетеля изменить показания в суде в пользу автора, навязывая связь между изменением показаний и выгодными для свидетеля последствиями;

-событийный смысл: Свой арест автор считает результатом подставы, связывая показания свидетеля с фактом разрыва с ней отношений;

-эмоциональный смысл: Автор порицает действия свидетеля, действия следственных органов, считает факт своего ареста несправедливостью;

-коммуникативный смысл: убедить свидетеля в необходимости изменить показания в пользу автора, побудить свидетеля изменить показания, заставить свидетеля изменить показания в суде в пользу автора.

Анализ письма показал, что его можно рассматривать как единый акт речи. Такой дискурс имеет не только лингвистический, но и психо- и социолингвистический аспекты. Коммуникативная деятельность автора направлена на изменение представлений адресата о сложившейся ситуации и о нём самом. При этом высвечиваются следующие уровни отношений между адресантом и адресатом:

-когнитивный (автор видит в адресате своего друга, доверяет ей и ждёт от неё помощи, но считает необходимым убедить её помочь ему; в «грузинке» он видит обиженную женщину, которая ему мстит, а также женщину, которую запугали следственные органы);

-аффективный (автор относится к другу как реальному помощнику в достижении цели; к «грузинке» он относится с некоторым пренебрежением, как к человеку, которым можно манипулировать, которого можно запугать и убедить в необходимости выполнить его указания);

-поведенческий (автор убеждает друга-адвоката в необходимости помочь ему, а через неё убеждает «грузинку» следовать его указаниям, побуждает и принуждает её изменить показания в его пользу).

Основная коммуникативная цель автора письма – информировать друга-адвоката о ситуации (как он её видит), заручиться её поддержкой и через неё убедить «грузинку» следовать его указаниям, а именно: изменить свои показания в суде в его пользу.

Социальный статус автора в письме: сотрудник внутренних органов, находящийся под следствием. Коммуникативная роль меняется: автор выполняет роль друга, начальника, господина, провокатора, жертвы несправедливости, сына, отца и т.п.

Тип коммуникативной личности автора – доминантный (на первый взгляд). В глазах друзей он хочет казаться жёстким, неподатливым. В глазах женщин он хочет казаться супермужчиной, человеком широкой души. На самом деле это мобильный тип, который способен приспособиться к обстоятельствам.

Основная речевая стратегия автора – побуждение адресата к определённым действиям.

Дискурс автора имеет свои особенности:

-национально-этническая особенность (использование национально-культурных оппозиций типа «справедливость-несправедливость», ценностных установок);

-социально-типические особенности (типичные ситуации реализуются в ментальных схемах провокации, шантажа, подбадривания, указания, стимулирования активности и др.);

-конкретно-ситуативные особенности (автор – работник ОВД, обвиняемый во взятке);

-формально-структурные особенности (письмо содержит этикетные формулы, интеракции, каждая из которых маркирована);

-речемыслительные особенности (для речемыслительной деятельности автора характерны прагматические средства воздействия; основные модусы – доверительности, долженствования, утвердительности, побудительности, осторожности, лжи, оценки).

Для формирования конкретных коммуникативных целей автор использует речевые акты в соответствии с их функциями [4]: репрезентативы (сообщения о положении дел,

оценки положения дел), директивы (побуждения адресата к определённым действиям), комиссивы (сообщения о принятых на себя обязательствах; например, обещания нанять адвоката), экспрессивы (выражение своего отношения к тому или иному положению дел; например, он считает свой арест несправедливым), декларации (объявления о новом положении дел), контактивы (соблюдение речевого этикета). Все используемые автором речевые акты являются воздействующими и выражают определённые коммуникативные смыслы. Следовательно, в письмах реализуется прагматический способ воздействия (посредством речевых тактик и стратегий, а также речевых актов, выражающих как явные, так и завуалированные смыслы).

Таким образом, интегративный анализ письма из СИЗО показал, что основной дискурсообразующей интенцией автора является *интенция* заставить, принудить «грузинку» (владелицу игрового центра) изменить показания в суде. Данная интенция реализуется путём взаимодействия различных тактик: просьбы, уговора, убеждения, запугивания, обещания, уступки, шантажа и т.п.

Основной смысл письма актуализируется в речевом поведении автора, которое можно представить в виде следующих компонентов [2]:

1). Мотивирующее коммуникативное состояние автора – негодование по поводу своего ареста, порицание действий «грузинки», давшей против него показания, и осуждение действий следственных органов.

2). Коммуникативный смысл – обоснование необходимости привлечения свидетеля на свою сторону.

3). Прагматическая установка: убедить свидетеля в необходимости изменить показания в суде, побудить свидетеля изменить показания в суде, принудить (заставить) свидетеля изменить показания в суде в свою пользу.

4) Языковое оформление – опора на прецедентные ситуации, ценностные этнокультурные установки, манипулятивные приёмы, аргументацию, тактики кооперативного речевого поведения, а также конфронтации (запугивание, угроза, шантаж), апелляция к оценке, стереотипной ситуации, логике.

Письмо можно представить и как коммуникативный акт, имеющий структуру:

1. Экстралингвистический аспект, конситуация: автор, находясь в СИЗО, обращается в письме к другу-адвокату с просьбой о содействии, помощи, передаче информации и воздействии на свидетеля с целью привлечения её на свою сторону.

2. Семантический аспект: убедить свидетеля изменить показания в суде в пользу автора, побудить свидетеля изменить показания в суде в пользу автора, принудить (заставить) свидетеля изменить показания в суде в пользу автора.

3. Когнитивный аспект, пресуппозиция: 1). Установка автора явная: меня оклеветали, поэтому ему нужно помочь получить оправдательный приговор. 2). Установка автора завуалированная: я, конечно, виноват, но я хороший человек и хочу, чтобы вы помогли мне получить оправдательный приговор.

4. Собственно лингвистический аспект: использование речевых тактик, речевых актов, речевых сценариев, выраженных в языковых средствах.

Общий смысл письма, как было показано выше, представляет собой интеграцию разных смысловых аспектов, выявленных в процессе исследования. Именно интеграция методов исследования позволяет определить и завуалированные смыслы, которые можно сформулировать как осознание автором своих действий как незаконных и косвенное признание своей вины. Например, автор использует ценностную установку народа: *Грязь из избы выносить нельзя*. Но это также косвенное признание того, что «грязь» есть. Автор предполагает, что могла сказать «грузинка», значит, он знает, что она действительно списывала деньги на подкуп. Фактически он утверждает, что «грузинка» списывала деньги на подкуп. Проанализируем высказывание: *Представляешь, по ней даже дачу взятки не возбудили*. Актуализируется следующая пресуппозиция: По ней должны были дачу взятки возбудить. Используя логическую формулу «если..., то...», можно заключить: Если должны были возбудить дачу взятки, то дача взятки была. Модус недоумения маркирует модус долженствования. Это косвенное признание факта дачи взятки. Если был факт дачи взятки, то был факт и получения взятки. Речевые действия автора маркируют его установку на то, что «грузинка» не хотела о нём сообщать следственным органам, значит, её можно ещё убедить изменить показания. Такой вывод согласуется и с высказыванием: *Если согласится помочь, пусть даст им понять, что всё в суде подтвердит*. Согласно ситуации автор считает себя невиновным, а свой арест несправедливым. Виновной в этом он считает «грузинку», которая дала против него показания. В такой ситуации логично было бы упрекать и обвинять «грузинку», а не просить её о помощи. Объективируется пресуппозиция: Я знаю, что виноват, но прошу помочь мне выбраться из ситуации. Ситуацию можно охарактеризовать словом «влип». В просьбе о помощи реализуется косвенное признание вины.

Следует также отметить, что среди речевых действий автора можно выделить доминирующие. Это убеждение, побуждение, принуждение. Основная коммуникативная цель

этих речевых действий - добиться изменения показаний от «грузинки» в его пользу. Мотивация – получить выгодное для себя судебное решение.

Таким образом, утверждая что-либо (например, что его подставили, что его арест несправедливый, что «грузинка» дала показания против него под давлением и т.п.), констатируя (например, что суд манипулирует доказательствами, что ФСБ имеет большое влияние на судей и т.п.), разъясняя (например, статьи УК РФ), заявляя (например, что разговор с «грузинкой» является законным, что ей ничего не будет, если она даст показания в его пользу и т.п.), автор фактически реализует стратегию убеждения. Апеллируя к стереотипным ситуациям, оценкам, аргументации, он реализует тактику обоснования необходимости определённых действий, что, в свою очередь, актуализирует стратегию побуждения к определённым действиям. Эти действия прямо названы в письме. Адвоката автор убеждает в необходимости передать инструкции «грузинке» и следовать его указаниям. Автор убеждает адвоката привлечь Надежду, сестру, Сударика, Семенюков для организации содействия ему, даёт ей указания убедить «грузинку» изменить показания в суде в его пользу и скрыть свои намерения от следственных органов до суда.

Способы реализации стратегии могут быть самыми различными. Так, ведущей стратегией в письме является побудительная, которая актуализируется тактиками обоснования необходимости совершения определённых действий, утверждения необходимости совершения определённых действий, аргументацией, базирующейся на апелляции к прецедентным ситуациям, оценке, логике. Как показало исследование, автор постоянно обосновывает необходимость совершения действий, используя речевые тактики утверждения, сообщения о положении дел, порицания, одобрения, просьбы, обещания, приказа, шантажа, провокации, манипулирования, указания и т.п. А это способы реализации стратегии побуждения. Побуждение, как и убеждение, принуждение становятся основными коммуникативными смыслами письма. Автор действительно побуждает адвоката убедить «грузинку», если надо, и принудить (тактика шантажа, запугивания) к даче показаний в его пользу, а также к уклонению от дачи показаний в его пользу до суда.

Таким образом, исследование завуалированных смыслов позволяет глубже понять дискурс /текст. Приведённая методика показала, что глубинное исследование открывает возможности интерпретации языковых средств как релевантных для юридической практики и способствует решению экспертных задач.

Список литературы

1. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Изд-во ЛКИ, 2007. - 176 с.
2. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. М.: ГНОЗИС, 2001. – 270 с.
3. Кузнецов С.А. Спорная часть текста: анализ имплицитных компонентов содержания // Понятие чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами /Под ред. А.К.Симонова, М.В.Горбаневского. – Изд. 2-е, перераб. и доп. - М.: Медея, 2004. – С. 277- 288
4. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов //Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. – С. 170-194
5. Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения. Екатеринбург: Изд-во Уральск. Ун-та, 2002. – 287 с.

Methods of implicit senses interpretation in speech expertise

T.A. Sidorova

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

The main task of the study is to show possible ways of using linguistic cognitive methods for interpretation of hidden senses in discourses while conducting linguistic expertise. The study is based on the speech act concept by V.V. Krasnykh, T.G. Vinokur et al. The integrative methodology is being realized joining the linguistic proper and the cognitive analysis methods and devices. It is proven that not only the obvious ones, but also the implicit senses are necessary to take into consideration in relation to which the importance of using new methods of hidden information research is motivated. We suppose a specific methodology of implicit senses analysis as exemplified by linguistic expert evidence.

Keywords: intent-analysis, communicative-discourse analysis, concept analysis, intention, proposition, scenario, communicative sense, speech genre, communicative act, cognitive-discourse analysis.

ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
В ЛИНГВОКРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

И.А. Стернин

Воронежский государственный университет

sterninia@mail.ru

В настоящее время можно говорить о ряде основополагающих принципов описания семантики языковых единиц в ходе экспертного исследования спорного текста, которые должны лежать в основе любого экспертного лингвистического исследования.

Важнейшими из них, непосредственно влияющими на результаты экспертной оценки семантики слова в спорном тексте, являются следующие:

1. Учет многозначности слов и выражений.
2. Учет контекста употребления спорного слова или выражения.
3. Учет ситуации употребления спорного слова или выражения.
4. Учет реального языкового сознания рядового носителя языка.

В статье приводится обоснование каждого из этих принципов и приводятся примеры реализации каждого из принципов в практическом анализе текста.

Ключевые слова: многозначность, ситуация, контекст, анализ текста, семантическое описание, принципы семантического описания.

Семантический анализ слов и выражений – ключевой аспект лингвистической экспертизы. От точности и эффективности описания семантики слова в спорном тексте напрямую зависят результаты экспертизы.

В настоящее время можно сформулировать некоторые важные принципы семантического анализа, соблюдение которых необходимо в процессе подготовки экспертного заключения. Данная статья развивает и конкретизирует принципы, сформулированные нами в статье [6, 44-47] и ряде других публикаций.

В настоящее время, с нашей точки зрения, можно говорить о ряде основополагающих принципов описания семантики языковых единиц в ходе экспертного исследования спорного текста, которые должны лежать в основе любого экспертного лингвистического исследования.

Важнейшими из них, непосредственно влияющими на результаты экспертной оценки семантики слова в спорном тексте, являются, по крайней мере, следующие:

1. Учет многозначности слов и выражений.
2. Учет контекста употребления спорного слова или выражения.
3. Учет ситуации употребления спорного слова или выражения.
4. Учет реального языкового сознания рядового носителя языка.

Проиллюстрируем на конкретных примерах важность и необходимость применения данных принципов.

Учет многозначности слов и выражений

Слова в языке многозначны, и в конкретном тексте актуализируется обычно одно из значений многозначного слова.

Языковые выражения (словосочетания, целостные высказывания) тоже могут иметь разные значения в разных контекстах, и конкретный текст показывает, в каком значении данное языковое выражение актуализовано, какое конкретно содержание оно несет в данном тексте.

При этом в силу самых разных причин (по незнанию или по умыслу) истец и ответчик могут усматривать в употребленном слове или выражении разные значения, что приводит к спору в интерпретации смысла спорного текста.

При выполнении экспертизы необходимо обязательно исходить из *потенциальной многозначности спорных слов*.

Для этого необходимо:

1) описать максимально полно все значения спорного слова в современном русском языке,

2) *выявить и описать лингвистические маркеры, которые подтверждают актуализацию именно этого, а не иного значения в спорном тексте.*

Например, надо показать, что спорные слова (например, *фашист* и *гестаовец*) употреблены в спорном тексте в конкретных переносных значениях - *крайне жестокий человек, а не в прямых значениях (член фашистской партии, сотрудник гестапо)*.

Описание семантики слова в современном русском языке по данным словарей

Установление значений спорного слова в современном русском языке должно опираться на:

толковые словари современного русского языка (не на исторические, толково-словобразовательные, этимологические и т.д.);

наиболее авторитетные толковые словари русского языка (С. И. Ожегов, С. И. Ожегов-Н. Ю. Шведова, С. А. Кузнецов, Т. Ф. Ефремова, В. В. Химик);

наиболее полные толковые словари (не менее 60–80 тысяч слов);

должно использоваться ***несколько разных толковых словарей*** (из практики – не менее трех), включая словари сленга и разговорной речи;

данные разных словарей должны быть **обобщены** методом обобщения словарных дефиниций в силу действия принципа неединственности метаязыкового описания ментальных единиц и принципа дополнительности словарных дефиниций [5, 8-17].

Наш опыт практического семантического описания языковых единиц разными методами привел нас к возможности сформулировать некоторые обобщенные принципы описания языковых единиц.

Принцип неединственности метаязыкового описания ментальных единиц

К формулированию данного принципа приводит анализ скрытых смыслов текста, большинство из которых могут получить весьма разную метаязыковую формулировку на естественном метаязыке у разных исследователей [5].

Этот вывод мы предложили считать проявлением общенаучного *принципа неединственности (множественности) метаязыкового описания ментальных единиц*:

«Различные ментальные сущности в процессе их исследования, описания, систематизации, лексикографической фиксации требуют использования определенного метаязыка описания. Наиболее удобным в практике семантических исследований признается естественный язык, который доступен как исследователю, так и рядовому пользователю языка, и как система обладает неограниченными возможностями формулирования описываемых смыслов.

При этом важной особенностью использования естественного метаязыка для семантического описания является именно неограниченность его возможностей в формулировании смыслов, что допускает принципиальную возможность разных метаязыковых обозначений одного и того же смысла. Эта возможность в практике лингвистических исследований регулярно проявляется в разных метаязыковых описаниях одни и тех же ментальных сущностей разными учеными, в разных научных парадигмах.

Именно в связи с этим для научного описания содержания любых ментальных единиц на естественном метаязыке может быть сформулирован *принцип множественности (неединственности) метаязыкового описания ментальных сущностей*.

Этот принцип означает, что любые ментальные единицы, выявленные в процессе лингвистического исследования, например, такие как:

- значения (семемы),
- семы,
- семантические признаки,
- семные конкретизаторы,
- концептуальные признаки,

когнитивные классификаторы,
концепты как единицы концептосферы сознания
недискретные текстовые смыслы,
дискретные текстовые смыслы,
рецептивные схемы восприятия,
концепты текста

могут быть описаны разными формулировками на естественном метаязыке, которые могут не совпадать в разных исследовательских парадигмах, у разных исследователей и у разных составителей словарей» [4, 35].

Принцип дополнительности семантических описаний

«Принцип множественности (неединственности) метаязыковых описаний ментальных единиц приводит нас к осознанию еще одного принципа: в отношении результатов любой семантической интерпретации или описания действует *принцип дополнительности семантических описаний* – адекватное описание ментальной единицы предполагает обобщение, интеграцию разных ее описаний (ср. знаменитый принцип дополнительности Н. Бора, сформулированный им для научных теорий)» [5,16].

Практика анализа лексикографических дефиниций слов показывает, что применительно к словарным дефинициям разных словарей дополнительность семантических описаний проявляется в следующем:

возможность отражения в отдельных словарях значений, не отмеченных другими словарями;

возможность разного метаязыкового описания одних и тех же значений в разных словарях;

возможность разного по глубине и количеству описанных сем описания одного и того же значения в разных словарях.

Из данной практики нами был далее выведен принцип *дополнительности словарных дефиниции*.

Принцип дополнительности словарных дефиниций

«Применительно к описанию значений в толковых словарях можно говорить о принципе *дополнительности словарных дефиниций*: каждая из дефиниций разных словарей отражает некоторые существенные признаки значения, но наиболее полное описание осуществляется лишь совокупностью дефиниций разных словарей, которые дополняют друг друга.

Все словарные дефиниции разных словарей дополняют друг друга в описании значения слова как единицы системы языка.

Таким образом, принцип множественности (неединственности) метаязыковых описаний ментальных единиц свидетельствует, что ...различные метаязыковые описания описывают одну и ту же ментальную единицу и в своей совокупности раскрывают основное содержание называемой единицы» [5,16].

Роль дополнительности в экспериментальных семантических исследованиях и различные методы анализа семантики в рамках принципа дополнительности семантического описания на конкретных примерах прокомментированы в нашей монографии 2013 г. [1, 72-102].

Таким образом, можно говорить о следующих методологических принципах:

- *общем принципе дополнительности семантических описаний* (разные описания семантики языковых единиц дополняют друг друга и могут быть интегрированы в обобщающее описание);

- *принципе неединственности (множественности) метаязыкового описания ментальных единиц* (описание семантики ментальных единиц разных типов может осуществляться с использованием разных метаязыков, и расхождение в метаязыковой форме описания одних и тех же ментальных единиц в разных исследовательских парадигмах и у разных исследователей не является признаком ошибочности какого-либо из описаний, а подлежит анализу и унификации);

-*принципе дополнительности словарных дефиниций* (каждая из несовпадающих дефиниций лексической единицы в разных словарях отражает некоторые существенные признаки значения, но наиболее полное описание может быть осуществлено интеграцией дефиниций разных словарей).

На основе описанных принципов осуществляется обобщение словарных дефиниций нескольких авторитетных словарей для выявления значения спорного слова в русском языке.

Методика обобщения словарных дефиниций изложена в [3,19-21].

Значения слова, полученные методом обобщения словарных дефиниций, фиксируются как перечисление дефиниций с примерами их употребления и нумеруются арабскими цифрами.

Затем слова, используемые в спорном тексте и являющиеся предметом экспертизы, атрибутируются выделенным значениям и устанавливается, какое из значений актуализовано в конкретном спорном тексте или его фрагменте.

При установлении значения слова в современном языке может понадобиться, кроме обобщения словарных дефиниций, анализ употребления слова в современных текстах (например, по «Корпусу русского языка»).

Это может быть связано с тем, что атрибуция употребления спорного слова выделенным лексикографическим значениям не дает результата - употребление слов не соответствует ни одному из выделенных словарных значений.

Например, обобщение словарных дефиниций слова *ЧУЧЕЛО* показало, что это слово по данным словарей имеет следующие значения:

1. Точное воспроизведение животного - его фигура, покрытая шкурой, перьями (*чучело медведя, набить чучело*).
2. В саду, в огороде фигура наподобие человеческой для отпугивания птиц. (огородное чучело);
3. О неряшливо, нелепо одетом или грязном человеке (*Выглядеть, вырядиться чучелом*).
4. О том, кто выставляет себя в смешном или глупом виде (*чучело гороховое*).
5. О нескладном человеке с отталкивающей внешностью (*а ты чего уставился, чучело*).

На экспертизу была вынесена фраза «сжечь чучело президента». Данное употребление не атрибутируется ни одному из выделенных обобщенных значений. Таким образом, ни одно из приведенных значений не актуализируется в спорном тексте.

В таком случае возможно, что слово употреблено в значении, уже представленном в практике современного словоупотребления, но по тем или иным причинам не отраженном в исследованных словарях.

В таком случае такое значение может быть выделено из примеров его употребления в современных текстах «Национального корпуса русского языка» (ruscorpora.ru) и сформулировано как дополнительное значение.

В случае со словом *чучело* выявилось не зафиксированное ни в одном словаре значение *«кукла, символизирующая кого-либо или что-либо, которую сжигают в знак протеста против кого-л. или чего-либо, в суеверных целях, или выставляют на всеобщее обозрение как свидетельство неприглядности, негативного отношения к кому-л. или чему-л.»*.

Данное значение дополняет перечень значений, полученных из словарей, и ему атрибутируется употребление слова в спорном тексте.

Лингвист-эксперт должен обязательно выделить и описать лингвистические или экстралингвистические маркеры, присутствующие в тексте или ситуации, которые позволяют утверждать, что в спорном тексте актуализируется именно это значение.

Кроме того, важно различать обыденное, общеупотребительное и терминологическое значения.

Одной из характерных трудностей лингвокриминалистического анализа является широкое использование в правоприменительной практике и в обыденной речи *многозначных слов*, которые имеют в общеупотребительном языке и в специальном юридическом подязыке *разные значения*. Это приводит к многочисленным недоразумениям, трудностям и неправомерным решениям судей, обидами истцов на отказы в исках, - когда одно значение подменяется другим.

Если такие слова как *презумпция, диспозиция, суд, следствие, постановление, осудить, амнистия, оперативник, следственный эксперимент* и под. являются *терминами*, имеют юридические, специальные значения, и в силу этого понимаются специалистами и неспециалистами в основном однозначно, то многие другие слова имеют *терминологические значения*, что означает, что они имеют, кроме терминологических, и обыденные, нетерминологические, неспециальные значения. К таким словам относятся, в частности, слова *неприличие, неприличный, ветеран, эксперт, оскорбление, оскорбить* и др. Рассмотрим эти слова с точки зрения их употребления в специальных и обыденных значениях.

В этих случаях, кроме словарных дефиниций толковых словарей, следует анализировать специальную литературу – энциклопедии, справочники, терминологические словари, официальные постановления, кодексы и т.д.

В юридическом смысле понятие *неприличная языковая форма* - это наличие высказываний в адрес истца, содержащих именно *непристойную лексику и фразеологию*, каковыми являются *нецензурные слова и выражения*, которые грубо оскорбляют общественную мораль, грубо нарушают нормы общественных приличий. Грубая же, сниженная, вульгарная лексика «юридически» не входит в понятие «неприличной формы выражения»:

«Обязательным признаком объективной стороны преступления (оскорбления – И.С.) является способ унижения чести и достоинства другого человека - **неприличная** (т. е. откровенно циничная, резко противоречащая принятой в обществе манере общения между людьми) форма. **Таковы, например, нецензурные выражения** (выд. мною –И.С.), циничные прикосновения к телу, плевок в лицо, срывание одежды с интимных частей тела» [2].

Таким образом, юридическое понимание неприличной языковой формы - это негативная характеристика лица с использованием непристойных, то есть *нецензурных* слов и выражений.

Для обыденного сознания неприличными или непристойными в равной мере считаются как сниженные, грубые, так и нецензурные выражения. В обыденном языковом сознании, в нетерминологическом смысле выражения *неприличная, непристойная, ненормативная лексика* выступают для носителей русского языка как синонимы; для обыденного сознания в равной степени неприличной считается вся ненормативная лексика – и сниженные, грубые, и бранные, и нецензурные слова. В связи с этим, руководствуясь своим языковым сознанием, любой носитель языка, в отношении которого была употреблена ненормативная лексика (сниженная, бранная или нецензурная) может посчитать, что она *неприлична (непристойна)* и что он в результате *оскорблен неприличной языковой формой такого высказывания*. С точки зрения обыденного сознания он прав, но с юридической точки зрения – нет.

Таким образом, выражения *неприличная (непристойная) языковая форма* актуализируют разные значения в обыденной речи и в юридическом подязыке:

Неприличная языковая форма

Использование ненормативной лексики (сниженной, вульгарной, бранной, нецензурной)

спец. юрид. Публичное использование нецензурной лексики.

Таким образом, понятие неприличной языковой формы в специальном юридическом подязыке уже, чем в обыденной речи. Это характерно для всех терминологических значений.

Приведем еще примеры.

Слово **ветеран** в русском языке имеет несколько значений, ряд из которых – терминологические.

1. чего. Старый, заслуженный работник, деятель в какой-либо сфере производственной или общественной жизни. *В. производства. В. педагогического труда. В. науки. Дом ветеранов сцены.*

2. разг. пожилой, проживший большую жизнь человек, пенсионер. Например: к вам пришел ветеран (о пожилых людях). Группа ветеранов организовала собрание жильцов.

3. спец. Участник Великой Отечественной войны, принимавший участие в боевых действиях по защите Отечества или обеспечении воинских частей действующей армии в районах боевых действий; проходивший военную службу или работавший в тылу в период Великой Отечественной войны 1941 - 1945 годов не менее шести месяцев, СССР, либо

награжденный орденами или медалями СССР за службу и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны. *Ветеран войны. Ветеран боевых действий.*

4. спец. Лицо, имеющее удостоверение «Ветеран труда» либо награжденное орденами и медалями СССР или РФ, ведомственными наградами и имеющее трудовой стаж для назначения пенсии. *Ветеран труда.*

В предложениях *Он ветеран труда. В нашем коллективе работает несколько ветеранов производства* слово *ветеран* употреблено в значении *старый, заслуженный работник, деятель в какой-либо сфере производственной или общественной жизни*

В предложениях *К вам на прием пришел ветеран (о пожилом человеке). Группа ветеранов организовала собрание жильцов,* слово *ветеран* употребляется в значении - *разг. пожилой, проживший большую жизнь человек, пенсионер.*

В предложении *Льготы ветеранам войны и труда* – актуализируются значения 4 и 5.

Ветеран в бытовом смысле (то есть если это слово употреблено в значениях 1 или 2) не может претендовать на льготы ветерана труда или ветерана боевых действий, если он не соответствует необходимым правовым требованиям, установленным для этих категорий людей, предъявляемым законом к этим статусам.

Пенсионер может требовать льготы для ветерана труда, руководствуясь бытовым значением слова *ветеран* (я долго трудился на производстве, я пенсионер - реальный случай из судебной практики), а ему будут отказывать, поскольку он не удовлетворяет требованиям специального, терминологического значения слова *ветеран* – в частности, значения 4 (например, у него нет удостоверения «Ветеран труда», медалей или наград)

Таким образом, конфликт вызван наличием в слове *ветеран* бытовых и терминологических значений, что необходимо принять во внимание при рассмотрении конфликта.

Аналогично, слово ***алкоголик*** имеет два значения:

Разг. Пьяница, опустившийся человек

Мед. Больной алкоголизмом

Не всякий, кого окружающие люди называют алкоголиком, болен алкоголизмом. Врач не может дать заключение, что пациент – алкоголик на основании того, что так его называют соседи. Нельзя отправлять человека на принудительное лечение, если соседи назвали его алкоголиком.

Эксперт

1. Разг. Знаток чего-либо, специалист в какой-то области. *Она эксперт в помидорах.*

2. Лицо, обладающее специальными знаниями и полномочиями для официального проведения экспертизы. *Судебный эксперт*.

Подпись под статьей «независимый эксперт» выдает самозванца, а не эксперта.

То же самое усматривается в случае употребления слова *оскорбление*: оно может употребляться в речи в бытовом значении (причинение обиды) и в юридическом (в юридических документах, текстах законов и, разумеется, в судебном производстве).

Юридический (то есть терминологический) смысл слова *оскорбление* - унижение чести и достоинства (то есть сообщение порочащих сведений) определен Постановлением Пленума Верховного суда РФ:

«Порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица» (Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации № 3, 24 февраля 2005 г. / Взгляд. Ежеквартальный аналитический бюллетень. М.: Фонд защиты гласности. - № 1(6) . – 2005. -С. 11); также необходима неприличная (то есть нецензурная) форма языкового выражения мысли.

Слово *оскорбление* , таким образом, имеет в русском языке *бытовое* (обыденное, общеупотребительное) и *терминологическое* (*юридическое*) значение:

Оскорбление

Причинение обиды, сильного огорчения кому-либо

Юрид. Публичное сообщение порочащих сведений о нарушении лицом каких-либо моральных норм или законов в неприличной языковой форме.

Квалифицируя выражение свидетеля в адрес адвоката «Что за идиотская улыбка ненормального человека» как *оскорбление адвоката* судья исходит в своем решении из бытового значения слова *оскорбление* (*нанесение обиды*), что в судебном производстве недопустимо - в судебном производстве должны использоваться профессиональные, юридические значения терминов, а не бытовые значения соответствующих слов.

Таким образом, терминологическое (специальное, юридическое) значение слова *оскорбление* должно отграничиваться от бытового употребления этого слова, и они не должны подменять друг друга, что особенно важно для юридического решения.

Использование бытовых значений слов при вынесении судебного решения создает почву для полного судебного произвола.

В спорном тексте может быть актуализовано как обыденное, так и специальное значение. Различие между восприятием обыденного и специального значения может стать предметом спора.

Учет контекста

Учет контекста необходим как второй этап семантического описания слова в ходе экспертизы.

После установления многозначности слова необходимо проанализировать контекст и выявить лингвистические маркеры, сигнализирующие об актуализации конкретного значения (то есть доказывающие, что актуализовано в спорном тексте именно это значение).

Игнорирование контекста, в котором употреблено то или иное слово, может привести к серьезным ошибкам в описании значения спорного слова или фрагмента.

Например, в ходе недавней дискуссии в Общественной палате РФ один из членов Палаты высказал мнение, что в экспертизах по проблемам экстремизма неправильно толкуется слово *исламист* - по его словам, оно означает *сторонника или последователя ислама*, а не *террориста*.

Принцип учета многозначности слова в языке показывает, что слово *исламист* в современном русском языке имеет несколько значений:

Исламист

Специалист по исламу.

Сторонник ислама.

Исламский террорист, боевик

Далее необходимо выявить в разных контекстах употребления слова языковые маркеры, указывающие на актуализацию конкретных значений этого спорного многозначного слова.

Например:

Он известный исламист, уже 30 лет занимается исламом.

Актуализируется значение «специалист по исламу».

Маркер значения – словосочетание *занимается исламом*, оно дублирует семантику слова *исламист* в данном контексте.

Он исламист, а не христианин.

Актуализируется значение «сторонник ислама».

Маркер значения – противопоставление в контексте «христианину» как представителю другой конфессии.

Исламисты перешли в наступление около города Мосул.

Актуализируется значение «исламский террорист, боевик».

Маркер значения – словосочетание «перешли в наступление», то есть участвуют в военных действиях.

Выделенные маркеры показывают, какое конкретное значение многозначного слова *исламист* актуализовано.

Учет коммуникативной ситуации

Необходимо учитывать коммуникативную ситуацию употребления спорного слова и высказывания.

Учет коммуникативной ситуации дополняет, а иногда и заменяет анализ контекста – если контекст незначителен, не содержит необходимой для анализа семантики слова или выражения информации.

Контекст может выявить, послужить маркером актуализации конкретного значения многозначного слова.

Экстралингвистическая ситуация может прояснить значение, в котором употреблено слово.

Ср. Операция прошла блестяще!

В зависимости от того, кто реально эту фразу произнес – человек в белом халате, банкир, полицейский в форме, военный в форме - будет усматриваться в данной ситуации разное значение слова *операция*:

Хирургическое вмешательство

Действия по оформлению каких-либо финансовых документов

Согласованные действия по выслеживанию и задержанию преступника

Совокупность боевых действий, объединенных одной задачей

Ситуация употребления спорного слова или выражения может быть известна эксперту из разных источников.

1. Ситуация известна из личного опыта

На заключение эксперта вынесен вопрос: являются ли равнозначными слова *сани* и *санки*, *телега* и *тележка*.

Суть дела: – на территорию Центрального крытого рынка стали завозить товары на телегах и санях, ссылаясь на Устав рынка – что можно зимой на санках, а летом на тележках.

Позиция ответчиков: санки – это маленькие сани («велите в санки лошаку бурую запречь» - Пушкин), тележка – это маленькая телега.

Спорная ситуация относится к Воронежскому крытому рынку, Устав также относится к Воронежскому крытому рынку.

Воронежский крытый рынок – большое помещение с многочисленными торговыми рядами и узкими пешеходными проходами между ними, в помещении рынка отсутствуют дороги или подъездные пути для какого-либо транспорта, там все время находятся люди и нет специальных проездов для транспорта.

В связи с этим очевидно, что в условиях крытого рынка Уставом регулируется доставка к прилавкам небольших грузов, а не проезд пассажиров и перевозка крупных грузов (например, на телегах) по территории, что технически невозможно; следовательно, в Уставе усматриваются значения *санки 1* и *тележка 2* – небольшие ручные средства перевозки грузов.

2. Ситуация известна из материалов дела

На экспертизу было представлено высказывание ответчика «Судья –идиот», которое судья посчитал оскорблением в свой адрес.

Анализ семантики слова *идиот* позволил выявить два значения этого слова:

Большой идиотизмом (мед.).

Очень глупый человек (разг.).

В спорной ситуации слово *идиот* употреблено в разговорном переносном значении – *очень глупый человек*, оно произнесено в бытовой, а не медицинской ситуации.

Кроме того, анализ ситуации судебного заседания, анализ показаний истца и свидетелей показал, что спорное высказывание было произнесено ответчиком в дверях, когда он покидал зал заседания, и не было адресовано лично судье – ответчик не смотрел на судью, судья был у него за спиной, он произнес это высказывание себе под нос как субъективную оценку умственных способностей судьи. Это – не адресованное судье высказывание, выражение ответчиком собственной субъективной оценки действий и поведения судьи, некультурное, но не представляющее собой оскорбления в юридическом смысле слова (высказывание «Судья - идиот» не обращено лично к судье, не характеризует судью как лицо, нарушившее какие-либо моральные нормы или законы, не является нецензурным), и судья не имеет оснований подавать иск об оскорблении.

Спорное словоупотребление, которое содержит бранное слово, *нарушает нормы культуры речи в общественном месте, свидетельствует о некультурности ответчика, но не подлежит правовому регулированию.*

Ситуация известна из фотографий или видеозаписи.

Например, фотография рубашки с надписью «Все идет по плану» и изображением листа конопли актуализирует наркотическую тематику слогана.

Цвета, в которые окрашено на фотографии строение автозаправочной станции «ЮХос», напоминают цвета автозаправки «ЮОкос» и способствуют обману потребителей.

Опора на реальное языковое сознание рядового носителя языка

Опираясь в описании семантики следует на обыденное языковое сознание, так как именно оно воспринимает спорные тексты.

4.1. Учет языкового сознания для установления реального смысла слова в современном сознании

Может понадобиться устранить противоречие между словарным значением слова и его употреблением в спорном тексте: в спорном тексте может быть актуализовано новое значение, еще не зафиксированное в словарях, или могут быть актуализованы компоненты значения, которые составляют редкий, нетрадиционный, неожиданный актуальный смысл.

В таком случае можно провести лингвистическое интервьюирование: как вы понимаете выражение...? или предложить респондентам выбор вариантов.

Текст может быть спорным в связи с разным пониманием слов отдельными возрастными, гендерными группами. Старшее поколение часто везде видит секс, непристойность, аморализм, дурной вкус и под. (например, в свое время телезрители старшего поколения остро критиковали популярную передачу «Взгляд» за «дикую музыку» в перерывах между дискуссиями, хотя это была молодежная передача).

В этом случае надо анализировать языковое сознание той аудитории, на которую текст рассчитан. Если реклама рассчитана на молодежь – нужно анализировать, как понимает ее в данном случае именно молодежь, то есть как воспринимает спорный текст языковое сознание целевой аудитории, а не как это могут воспринять, например, возрастные категории носителей языка.

Может понадобиться установить значение слова, которое является новым для языка и еще не описывается словарями. В таком случае следует обратиться к «Национальному корпусу русского языка» и провести обобщение примеров с формулированием новых значений.

Может потребоваться установить какие-либо компоненты значения слова, которые не отражены в словарях или неочевидны. Тогда можно провести ассоциативный эксперимент и интерпретировать его как вербализацию определенных семантических компонентов. Так можно установить оценочность, двуоценочность, выявить новые

семантические компоненты и значения, особенно периферийные (см. методики описания психолингвистических значений слова [3]).

Эффективна методика двухэтапного рецептивного (на понимание смысла) психолингвистического эксперимента, представляющего собой разновидность методики лингвистического интервьюирования [7, 24-25].

На первом этапе проводится пилотажный опрос небольшой группы респондентов (10-15 человек), которым предлагается в свободной форме сформулировать свое понимание спорной фразы или текста; затем на втором этапе все варианты понимания, предложенные испытуемыми, обобщаются, унифицируются в метаязыковой форме в виде конкретных утверждений и предлагаются для верификации основной группе испытуемых (минимум 100 человек).

4.2. Учет языкового сознания: эксперимент для установления реального смысла высказываний.

В спорных случаях эффективно использование психолингвистического эксперимента по выявлению скрытого смысла отдельных выражений или целых текстов [4; 5].

Список литературы

1. Маклакова Е.А., Стернин И.А. Теоретические проблемы семной семасиологии. -Воронеж: Истоки, 2013. - 272 с.
2. Словарь по уголовному праву / Отв. ред. А.В. Наумов. М.: БКЭ, 1997
3. Стернин И.А, Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. - 192с.
4. Стернин И.А. Анализ скрытых смыслов в тексте. – Воронеж: Истоки, 2011. - 67с.
5. Стернин И.А. Проблема неединственности метаязыкового описания языковых единиц в лингвистике // Психолингвистика и лингвоконцептология. - 2012. – Вып.5. - С. 8-17
6. Стернин И.А. Об основных принципах описания семантики слова в лингвистической экспертизе. // Коммуникативные исследования 2014. - Воронеж: Истоки, 2014. – С.44-47
7. Стернин И.А. О понятиях метод, методика, прием // Вопросы психолингвистики.- 2008. - № 7. - С.24-25

Problems of semantic analysis in linguocriminalistic text research

I.A. Sternin

Voronezh state university

Now it is possible to speak about a number of basic principles of the description of semantics of language units during expert research of the disputable text which should underlie any expert linguistic research.

Major of them, relevant for expert estimation of semantics of a word in disputable text, the are the following:

1. The account of polysemy of words and expressions.
2. The account of context of the use of a disputable word or expression.
3. The account of situation of the use of a disputable word or expression.
4. The account of real language consciousness of the ordinary native speaker.

In the article the substantiation of each of these principles is presented and examples of realization of each of principles in the practical analysis of the text are presented.

Keywords: polysemy, situation, context, text analysis, semantic description, principles of semantic analysis.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СУДЕБНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

В.А. Тимченко

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

forensacc@mail.ru

Целью данной статьи является рассмотрение проблемы использования естественнонаучных методов исследования в практике производства судебно-экономических экспертиз посредством более широкого использования информационных технологий. В статье проанализирована практика и результаты исследований использования информационных технологий в судебно-экспертной деятельности в целом, и определены основные направления компьютеризации конкретно судебно-экономических экспертиз. Сделаны выводы о необходимости моделирования деятельности по производству судебно-экономических экспертиз, как обязательном условии качественной постановки задач программистам на разработку соответствующих компьютерных программ.

Ключевые слова: информационные модели, технологии, компьютерные программы, судебно-экспертная деятельность, экономические экспертизы.

В настоящее время информационные технологии применяются при решении ряда задач в судебно-экспертной деятельности. Можно назвать, например, автоматизированные информационно-поисковые системы: «Оружие», «Металлы», «Марка» и другие. Разработаны на основе компьютерных технологий системы анализа изображений, используемые при проведении почерковедческих, трасологических, баллистических экспертиз. Созданы генераторы экспертных заключений, например, «Клинок».

Анализ существующих компьютерных программ, используемых в судебно-экспертной деятельности показывает, что они предназначены в основном для решения задач криминалистической экспертизы. В тоже время, использование информационных технологий при производстве судебно-экономических экспертиз явно отстает. Здесь распространены только информационно-поисковые системы такие как Консультант плюс или Гарант, а также используются пакеты прикладных программ Excel для создания вспомогательных таблиц и текстовые редакторы Word для подготовки экспертных заключений. При этом очевидно, что более активное внедрение компьютерных технологий в деятельность по производству судебно-экономических экспертиз позволит повысить их качество и снизить трудоемкость, а в целом – повысить эффективность труда экспертов.

Как известно, в настоящее время нет единства, относительно перечня родов (видов) экспертиз, относимых к судебно-экономическим. Так, например, согласно приказу Минюста РФ от 27 декабря 2012 г. № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в Федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста РФ и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России», [1] к судебно-экономическим экспертизам отнесены бухгалтерская и финансово-экономическая экспертиза.

При этом под бухгалтерской экспертизой понимается исследование записей бухгалтерского учета с целью установления наличия или отсутствия в них искаженных данных.

Под финансово-экономической экспертизой понимается исследование показателей финансового состояния и финансово-экономической деятельности субъекта.

В то же время согласно приказу МВД РФ от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» [2], к судебно-экономическим экспертизам отнесены: бухгалтерская, налоговая, финансово-аналитическая и финансово-кредитная.

Бухгалтерская экспертиза согласно данному приказу заключается в исследовании содержания записей бухгалтерского учета. Налоговая экспертиза подразумевает исследование исполнения обязательств по исчислению налогов и сборов. Финансово-аналитическая экспертиза предполагает исследование финансового состояния, а финансово-кредитная экспертиза предполагает исследование соблюдения принципов кредитования.

Не вдаваясь в анализ достоинств и недостатков каждого из вышеназванных Перечней, можно сделать вывод, о том, что Перечень, изложенный в приказе МВД РФ от 29 июня 2005 г. № 511, более полный. Очевидно при дальнейшем рассмотрении исследуемой проблемы, целесообразно исходить именно из этого Перечня.

Каковы же должны быть основные направления внедрения информационных технологий в деятельность по производству судебно-экономических экспертиз. Для ответа на этот вопрос необходимо проанализировать существующий опыт.

Так, некоторые авторы, обобщая существующие направления компьютеризации судебно-экспертной деятельности, классифицируют их по следующим основаниям:

- по характеру математического аппарата - методики, основанные на данных метрологии, теории вероятностей и математической статистики, проективной геометрии и т.п.;

- по характеру решаемых экспертных задач: для решения диагностических задач (например, установление факта выполнения текста намеренно измененным почерком, скорописным способом, установление факта контактного взаимодействия двух объектов);

- для решения классификационных задач (например, установление пола по почерку, отнесение неизвестного вещества к группе наркотических);

- для решения идентификационных задач (применительно к человеку, орудию, материалу, веществу и пр.);

- по характеру задач, не связанных с производством конкретного экспертного исследования, но направленных на оптимизацию и повышение эффективности решения экспертных задач определенного вида или экспертной деятельности в целом: автоматизация измерений и первичной обработки данных; создание и эксплуатация автоматизированных банков данных о свойствах разнообразных объектов; решение сложных вычислительных задач, возникающих как в НИР, так и в экспертном производстве; создание и эксплуатация программ для логического анализа данных; использование автоматизации для решения задач управления, учета кадров, сбора статистических данных в области судебной экспертизы и др. [3, 9].

Анализ вышеназванных направлений компьютеризации судебно-экспертной деятельности, позволяет сделать вывод, что ряд из них можно отнести и к производству судебно-экономических экспертиз.

Так, в частности, в методиках финансово-экономической экспертизы (по Перечню Минюста РФ) и финансово-аналитической экспертизы (по Перечню МВД РФ) целесообразно использование математического аппарата, а именно позволяющего эффективно вычислять функциональные зависимости. Например, изменение уровня финансового состояния под влиянием отдельных финансовых операций.

Большинство задач, решаемых в судебно-экономической экспертизе следует отнести к диагностическим. Например, определение наличия и величины дебиторской и кредиторской задолженности, определение величины подлежащих уплате и фактически уплаченных налогов, определение влияния совершенных сделок на результаты финансово-хозяйственной деятельности и другие. Следовательно, и экспертные методики, создаваемые для использования с применением компьютерных технологий, должны быть направлены на решение именно диагностических задач.

При производстве судебно-экономических экспертиз, также возникают задачи, связанные с обработкой больших массивов носителей экономической информации, прежде всего учетных документов и регистров бухгалтерского учета. Поэтому возникает необходимость автоматизации процедур, из которых состоит исследование записей бухгалтерского учета, показателей финансового состояния, исполнения обязательств по исчислению налогов и сборов, и других.

Для решения ряда задач по компьютеризации процедур судебно-экономической экспертизы целесообразно, на наш взгляд использовать существующие программы автоматизации бухгалтерского учета и финансового анализа предприятий.

Так, вопросы, выносимые на разрешение судебно-бухгалтерской экспертизы связаны, как правило, с необходимостью установления размера тех или иных объектов бухгалтерского учета. Например, по делам о хищении материальных ценностей путем незаконного списания их в расход или неполного оприходования при приемке от поставщиков, перед экспертом может быть поставлен вопрос о величине учетного остатка материалов или товаров на складе в подотчете материально ответственного лица на конкретную дату, который должен числиться при отражении в учете только законных хозяйственных операций и в соответствии с установленными правилами ведения бухгалтерского учета.

По делам о хищениях денежных средств или имущества под видом погашения кредиторской задолженности, перед экспертом может быть поставлен вопрос о сумме

кредиторской задолженности, которая должна числиться перед конкретными лицами на определенную дату при условии отражения в учете хозяйственных операций только по доброкачественным документам и в соответствии с установленными правилами ведения бухгалтерского учета. Аналогичные вопросы, связанные с установлением величины объектов бухгалтерского учета могут быть поставлены перед экспертом и при расследовании хищений, совершенных иными способами.

Для ответа на подобные вопросы, судебный эксперт, как правило, составляет вспомогательные таблицы, иногда с использованием программы Excel. Полученные в этих таблицах данные сравнивает с данными учетных регистров, представленных на исследование и делает выводы об их соответствии или несоответствии. Полагаем, что в таких ситуациях вместо «кустарных» таблиц, создаваемых самим экспертом, лучше использовать сертифицированные программы автоматизации бухгалтерского учета, например, 1С или другие подобные. Используя такие программы, эксперт может вводить данные с первичных учетных документов, соответствующих требованиям федерального закона «О бухгалтерском учете» и формировать учетные регистры по необходимым объектам бухгалтерского учета, содержание которых позволит правильно отвечать на поставленные вопросы.

При производстве судебно-финансовых или судебных финансово-аналитических экспертиз, назначаемых в связи с расследованием уголовных дел по признакам преднамеренного банкротства или уклонения от возврата кредиторской задолженности, как правило на разрешение эксперта выносятся вопросы о влиянии тех или иных финансовых и хозяйственных операций, например, связанных с неправомерным выводом активов организации, на изменение финансового состояния исследуемой организации.

Для ответа на подобные вопросы, эксперт проводит финансовый анализ, используя для этого, с целью сокращения трудоемкости исследования путем автоматизации арифметических вычислений, программу Excel. При этом построение таких таблиц каждый эксперт выполняет самостоятельно. Вместе с тем, на рынке программных продуктов существуют специальные программы автоматизации финансового анализа. К ним относятся такие как ИнэкАналитик, Альт-Финансы, ФинЭкАнализ и другие. Полагаем, что использование таких программ при производстве финансово-экономических экспертиз позволит повысить их качество и существенно снизить трудоемкость.

Вместе с тем, внедрение информационных технологий в деятельность по производству судебно-экономических экспертиз должно носить не фрагментарный характер, а целенаправленный, на основе разработанной стратегии. В этой связи, заслуживает внимания

мнение профессора Россинской Е.Р., которая определяет следующие магистральные направления компьютеризации судебно-экспертной деятельности:

- использование универсальных аппаратных средств и универсального программного обеспечения;
- использование программного обеспечения для обработки графической информации;
- использование локальных компьютерных сетей;
- использование справочно-правовых систем;
- создание баз данных и автоматизированных информационно-поисковых систем;
- создание программных комплексов либо отдельных программ выполнения вспомогательных расчетов;
- использование специализированных пакетов прикладных программ;
- разработка компьютерных систем анализа изображений;
- создание программных комплексов автоматизированного решения экспертных задач [4, с. 321].

Большинство из предложенных профессором Россинской Е.Р. направлений, целесообразно учесть и при разработке стратегии внедрения информационных технологий в деятельность по производству судебно-экономических экспертиз.

Использование в судебно-экспертной деятельности по производству экономических экспертиз универсальных аппаратных средств и универсального программного обеспечения (например, текстовый редактор Word, табличный процессор Excel и некоторые другие программы), локальных компьютерных сетей, справочно-правовых систем (Консультант плюс, Гарант и им подобные), не вызывает ни каких сомнений. Такие программные средства находят широкое применение в современной практике производства судебно-экономических экспертиз.

Что же касается создания баз данных и автоматизированных информационно-поисковых систем, специализированных под потребности судебно-экспертной деятельности по производству именно экономических экспертиз, то это надо признать одним из перспективных направлений внедрения информационных технологий в практику.

Однако этой работе должна предшествовать разработка ряда информационных моделей. В частности, необходимо построить типовые информационные модели, в которых должны найти отражение корреляционные связи способов преступной деятельности в сфере экономики, признаков и следов, возникающих при том или ином способе, носителей экономической информации в которой эти признаки и следы находят закономерное отражение, а также приемов диагностики, позволяющих определить наличие или отсутствие

вышеназванных признаков и следов. Разработка на основе таких моделей автоматизированных информационно поисковых систем окажет существенную помощь практикующим экспертам при определении необходимых для каждой конкретной экспертизы носителей экономической информации, которые по существу и будут являться объектами экспертизы, и приемов работы с ними.

Например, в настоящее время актуальной проблемой является борьба с терроризмом и экстремизмом. В связи с этим может появиться потребность в судебно-экономических экспертизах по уголовным делам о финансировании террористической и экстремистской деятельности. Однако, это новое направление для судебно-экономических экспертиз и поэтому методик по их проведению не существует. Для разработки такой методики необходимо построить информационную модель, в которой должны найти отражение способы финансирования террористической и экстремистской деятельности, признаки и следы таких способов, закономерно отражающиеся в экономической информации, состав носителей такой информации, приемы работы по обнаружению признаков и следов преступной деятельности. Наличие такой модели позволит создать научно обоснованную методику производства судебно-экономической экспертизы по делам данной категории.

В ходе исследовательской деятельности по созданию информационных моделей, может выявиться необходимость разработки и других, кроме вышеназванной, моделей.

Что касается использования специализированных пакетов прикладных программ, то выше уже было сказано о целесообразности применения в практической деятельности судебных экспертов-экономистов программ автоматизации бухгалтерского учета и финансово-экономического анализа.

Создание программных комплексов автоматизированного решения экспертных задач, возникающих в деятельности по производству судебных экономических экспертиз, также целесообразно строить на основе информационных моделей алгоритмов действий судебного эксперта при решении конкретных экспертных задач. При этом в основу таких информационных моделей должны быть положены экспертные методики. Вместе с тем, на сегодняшний день официально утвержденных экспертных методик по проведению большинства видов судебно-экономической экспертизы не существует. Таким образом начинать предстоит с создания и утверждения именно экспертных методик, что является большой и кропотливой работой.

Наряду с автоматизацией непосредственно экспертной деятельности, важным направлением внедрения информационных технологий является и решение вопросов автоматизации управленческих процессов, включая подготовку отчетности. Однако данный

участок работы целесообразно автоматизировать в целом по судебно-экспертному учреждению, а не по отдельным направлениям экспертной работы. В связи с этим данный вопрос не входит в предмет исследования в статье.

Обобщая изложенное, можно сделать вывод, что на первом этапе внедрения информационных технологий в деятельность по производству судебно-экономических экспертиз необходимо сосредоточить внимание на разработке соответствующих моделей, которые в дальнейшем позволят сформулировать задание программистам на разработку соответствующих компьютерных программ. Вторым этапом будет являться написание программ автоматизации решения экспертных задач, и, третьим этапом – внедрение этих программ в практику работы судебно-экспертных учреждений.

Список литературы

1. Приказ Минюста РФ от 27 декабря 2012 г. № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в Федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста РФ и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России»
2. Приказ МВД РФ от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел РФ»
3. Новые информационные технологии в судебной экспертизе: Учеб. пособие. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2006. – 84 с.
4. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – Москва.: НОРМА, 2006. - 656 с.

Information technology in judicial-economic examination

V.A. Timchenko

The N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The purpose of given article is consideration of a problem of use of natural-science methods of research in practice of manufacture of judicial-economic examinations by means of wider use of information technology. In article practice and results of researches of use of information technology in judicial-expert activity as a whole is analysed, and the basic directions of a computerisation of particularly judicial-economic examinations are defined. Conclusions are drawn on necessity of modelling of activity on manufacture of judicial-economic examinations, as an indis-

pensable condition of qualitative statement of problems to programmers on working out of corresponding computer programs.

Keywords: information models, technologies, computer programs, judicial-expert activity, economic examinations.

РАССМОТРЕНИЕ МЕСТА КРИМИНАЛИСТИКИ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ТЕОРИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НА ОСНОВЕ ФИЛОСОФИИ ГЕГЕЛЯ

В.Ю. Толстолицкий

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

tolvlad@yandex.ru

В статье приводятся периоды развития отечественной теории доказательств: советский, постсоветский и современный. Раскрывается гносеологическая платформа каждого из них. В советский период криминалистика строилась на диалектическом материализме. Достижением советского периода стало введение в уголовно-процессуальное познание ложной антиномии между понятиями «объективная истина» и «процессуальная истина». Развивая традиции отечественной процессуальной школы и методологии криминалистики, предлагается рассматривать указанные понятия не как антиномии, а в качестве необходимых этапов познавательного процесса. Методологическим основанием указанного вывода выступает гносеология Гегеля, в которой познание рассматривается в виде триады: «всеобщее» - «конкретное» - «особенное». В статье утверждается, что категории «объективная истина» и «процессуальная истина» соответствуют второму и третьему элементу триады. Впервые гегелевская философия объединяется с криминалистической теорией отражения, что позволяет указать место криминалистики в уголовно-процессуальном познании. Уточняется место предметов научных исследований дисциплин криминалистики и судебной экспертизы в виде среднего звена гегелевской триады, обеспечивающего на следующем этапе познания отражение объективной истины в процессуальной форме в виде доказательства.

Ключевые слова: криминалистика, судебная экспертиза, уголовный процесс, теория доказательств, методология, философия Гегеля, теория отражения, познание.

Очередное обращение к философским закономерностям познания обусловлена необходимостью осознания особенностей нового этапа в отечественном уголовном судопроизводстве, наступившего с выделением следствия из прокуратуры и образованием Следственного комитета РФ. Отметим, что он может рассматриваться в качестве третьего этапа, последующего за советским и постсоветским периодами.

Фактический сложившийся после создания СК РФ механизм уголовно-процессуального познания представляет собой новый объект, требующий научного исследования. С нашей точки зрения, складывающийся фактически механизм уголовно-процессуального познания на современном этапе в большей степени соответствует базовым закономерностям научного познания, чем те механизмы, которые существовали на

протяжении двух предшествующих эпох: советской и постсоветской. В этом проявляется позитивное развитие отечественного механизма уголовно-процессуального познания.

За каждым историческим этапом развития уголовного судопроизводства стоит та или иная философская гносеология. В советский период теория доказательств основывалась на диалектическом материализме. Используя материалистическую диалектику, Р. С. Белкин создал криминалистическую теорию отражения, в которой показал структуру акта отражения при взаимодействии между следообразующим и следовоспринимающим объектами. К сожалению, в теории Р.С. Белкина не учтены акты отражения, которые присущи субъекту познания. Тем самым, теоретическая основа криминалистики, в виде теории отражения, исключила возможность определения ее места в уголовно-процессуальной теории доказательств. С целью компенсации этого упущения, мной была предложена схема актов отражения, охватывающая объективный и субъективные этапы (рис. 1).

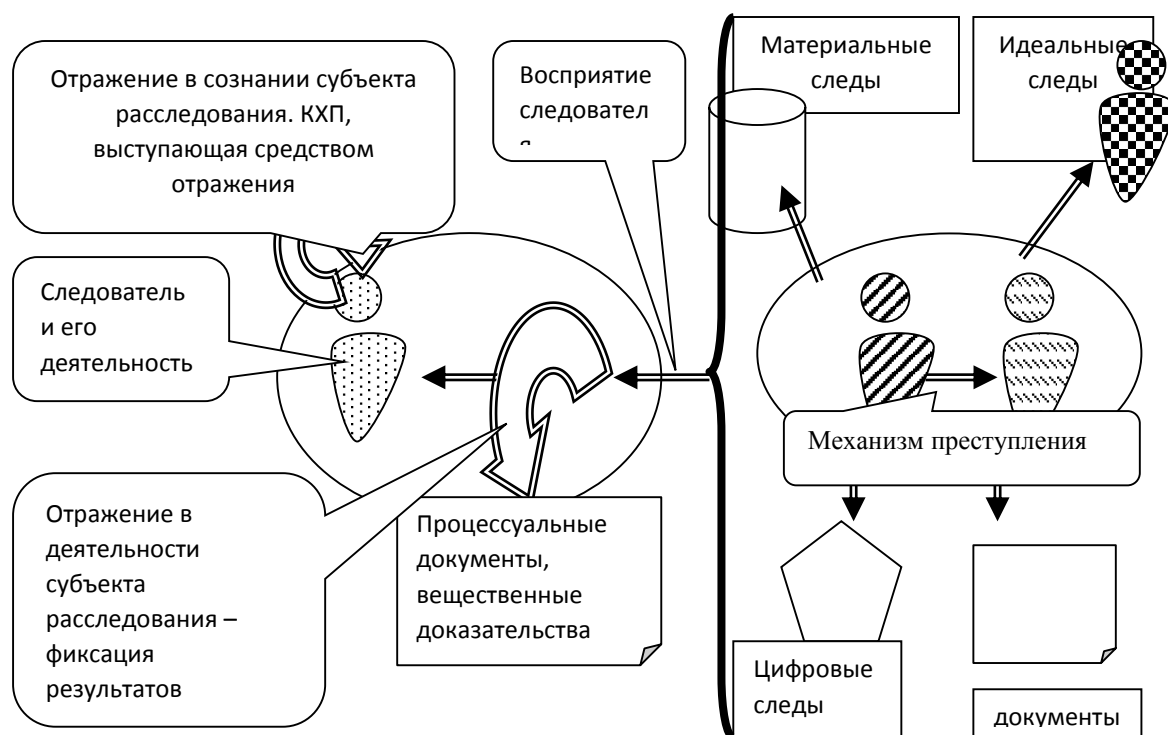

Рис.1. Схема актов отражения, обеспечивающих уголовно-процессуальное познание

В знаменитой коллективной монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе» прямо указывалось: «Гносеология диалектического материализма – философская основа доказывания, доказательственного права и теории доказательств» [1]. Это утверждение является тезисом, который заменяется антитезисом в постсоветский период развития уголовного судопроизводства. Наступивший третий период следует рассматривать как синтез достижений, полученных в двух предшествующих периодах.

Диалектика развития в виде триады «тезис- антитезис- синтез» взята диалектическим материализмом из исторически предшествующей марксизму философии Гегеля. Отрицание

марксизма не привело, к сожалению, отечественных философов, как и разработчиков действующего УКП РФ, возврату к гегелевской философии. Отмеченный антитезис, выступивший противопоставлением марксизму, в своем содержании выразился в большей степени в утрате связи с традициями отечественной философии, вместо возврата к истокам марксизма. Утрата в постсоветский период уголовно-процессуальной теорией доказательств категории «объективная истина» привело к обеднению и даже потере научного содержания категории «процессуальная истина», выступавшей в качестве антитеза в ходе познания. Обратим внимание на то, что диалектическое противоречие между тезисом и антитезисом в данном случае никак не связано с состязательностью уголовного судопроизводства. Расширение института состязательности сторон в уголовном процессе в постсоветский период никак не отразилось на решении гносеологической проблемы в виде диалектического противоречия между объективной и процессуальной истинами, выступающей основной движущей силой уголовно-процессуального познания на этапе предварительного следствия.

С нашей точки зрения, наступающая сегодня стадия синтеза не может быть научно обоснованной без включения не только предшествующих достижений советского и постсоветского периодов, но и «спуском в основания» по терминологии Гегеля – самой гносеологии Гегеля.

Диалектический материализм заимствовал у Гегеля категорию «развитие» и его реализацию в виде метода восхождения от абстрактного к конкретному. Обратим внимание на то, что К. Маркс ставит знак равенства между научностью и применением метода восхождения от абстрактного к конкретному.

Сравним трактовку категории «абстрактное» и «конкретное», данную К. Марксом и Ф.Гегелем. В частности, К. Маркс видел их содержание с точки зрения материализма, то есть обе категории представляли у него два этапа описания объективно существующего, вне сознания познающего субъекта, объекта. В теории доказательств это выразилось в виде перехода от обнаружения признаков преступления к установлению конкретных обстоятельств, а также переходе от неполного (предположительного) знания о преступлении, к все более полному и конкретному. Напомним, что материализм представляет собой естественно-научную парадигму, в которой познаваемая реальность объективна и не зависит от познающего субъекта. Для обозначения этой, независимой от субъекта познания, реальности было введено понятие «объективная истина».

К сожалению, в интерпретации марксизмом содержания метода восхождения от абстрактного к конкретному была утрачена основная мысль Гегеля о том, что познание есть не что иное, как активность субъекта познания. В основе философии Гегеля лежит анализ особой системы, которую Гегель туманно называет ее «объективно существующим мировым разумом», а мы рассматриваем ее в виде объективно существующих субъектов уголовно-

процессуального доказывания. Для познающей системы Гегель формулирует основные закономерности познания.

В частности, философ обнаруживает, что познание представляет собой развитие, протекающее в три (знаменитая триада Гегеля) стадии: бытие-в-себе, бытие-для-другого, бытие-в-себе и для-себя. Вне сомнения, уголовно-процессуальное познание, в силу того, что представляет частный случай общей закономерности, так же развивается в соответствии с гегелевской схемой.

Понятие триады у самого Гегеля конкретизируется в нескольких не противоречащих друг другу вариантах. Две из них наиболее близки к заявленной в теме доклада проблеме. Ранее уже была отмечена форма, в виде которой Гегель выражал триаду: тезис – антитезис – синтез. Сутью этой формы выражения триады является снятое двойное противоречие, которое выступает содержанием стадии синтеза. В связи с чем, с нашей точки зрения, противопоставление объективной (антитезис) и процессуальной (синтез) истин является попыткой разорвать процедуру уголовно-процессуального познания, а исключение объективной истины из процесса познания приводит к невозможности самого познания.

Вторая форма триады, на которую в основном опирался сам Гегель, выглядит так: всеобщее – конкретное – особенное. В философской литературе указывается, что «В своих «Лекциях по философии религии» Гегель проводит параллель между логикой (олицетворяющей для Гегеля субстанцию – абсолютную идею) и богом-отцом; между природой и очеловечившимся богом, Христом; между духом – третьей частью системы, олицетворяющей человеческий дух и познание, и «святым духом» христианской религии». Возникает триада в виде бог-отец, затем бог-сын, затем «святой дух». Последовательность членов триады важна и ее Гегель раскрывает в «Энциклопедии»: Логика (Всеобщее) – природа (Единичное) – дух (особенное). Обратим внимание на то, что здесь природа (для нас это закономерности следообразования) выступает в качестве среднего, опосредующего два иных состояния духа, члена триады.

Перенося гегелевскую триаду на почву уголовно-процессуального доказывания, получаем, соответствующие этапы познания. Первый этап это позитивное право, представленное нормами УК и УПК РФ, нормы которого и есть та исходная абстракция, являющаяся выражением всеобщего в гегелевской триаде, а так же криминалистические рекомендации по расследованию преступлений, экспертные методики. Обратим внимание, что в криминалистической характеристике преступлений первую ее часть обоснованно составляют: уголовно-правовая характеристика преступления и обстоятельства, подлежащие доказыванию. В целом, можно сказать, что на этом этапе разрабатываются средства предстоящего уголовно-процессуального познания. Указанные процессуальные, криминалистические и экспертные средства выступают средством отражения

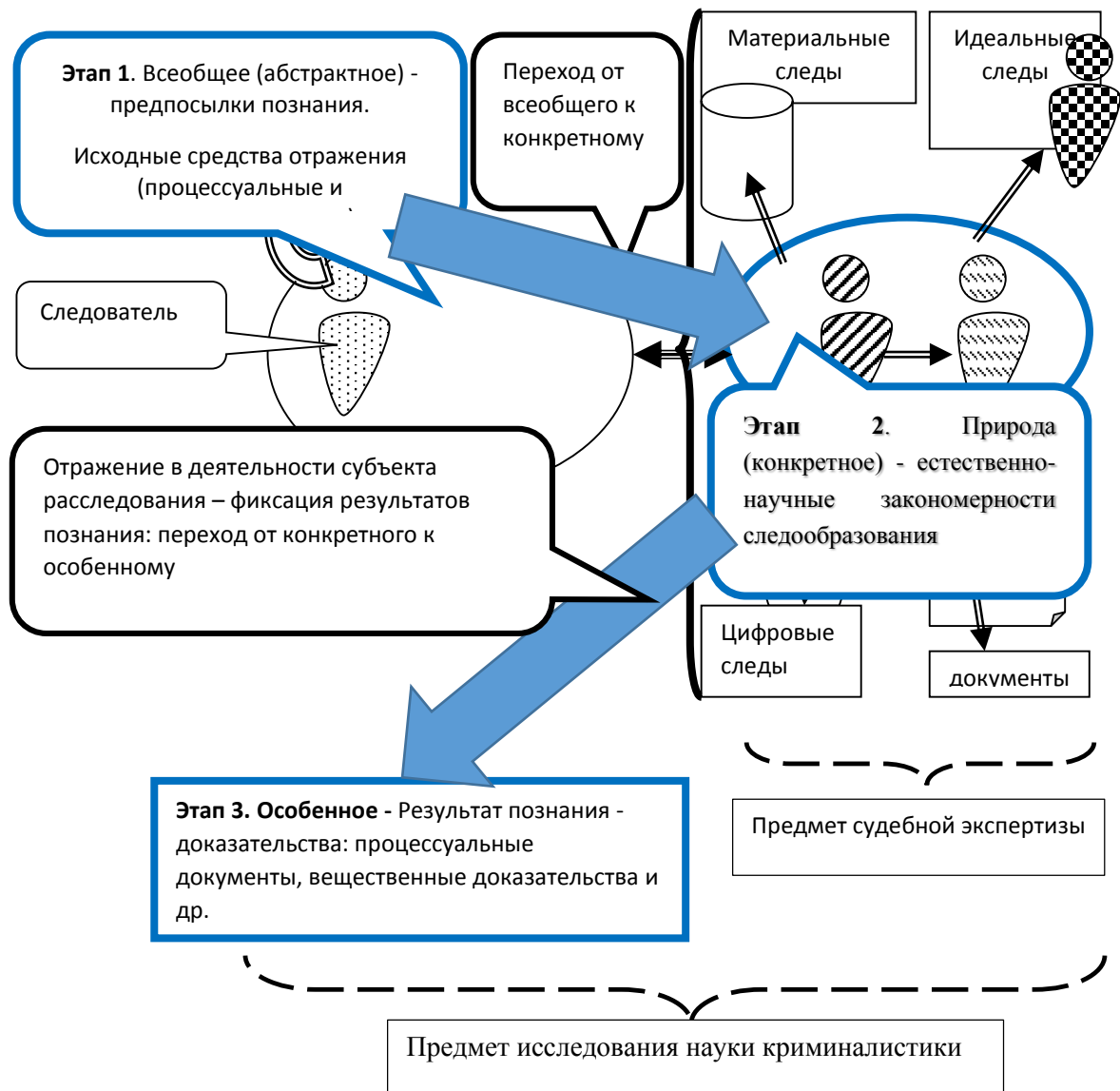
(следовоспринимающим объектом) подлежащей установлению на следующем этапе познания объективной истины.

Второй этап познания в гегелевской гносеологии обозначен категорией «природа», которая в триаде представлена «конкретным». Изолируя этот этап познания от предшествующего и последующего, марксистское понимание метода восхождения от абстрактного к конкретному ограничивалось нахождением «диалектики природы». Для уголовно-процессуального познания он выражается в представлениях, что происходит переход от указанных в законе, причем объективно существующих, признаков преступления и перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию, к их конкретизации, например, в виде решения идентификационных задач. Такая трактовка метода возможна, но ее недостаток в том, что она не содержит анализа средств, которые использует для отражения субъект познания. Тем самым, из поля зрения познающего субъекта исключаются требования уголовно-процессуального закона, а криминалистика и результаты судебной экспертизы теряют связь с теорией доказательств.

Напомним, что Гегель трактовал переход от всеобщего к конкретному принципиально иным образом. Он рассматривал переход как выход познающего субъекта вовне себя, в природу, по аналогии перехода от бога-отца к очеловечившемуся богу. Речь идет о преодолении рамок предмета уголовно-процессуальной теории доказательств при ограничении его только процессуальными закономерностями.

В криминалистике существуют попытки исследовать этот переход, причем, исследуя эмпирические закономерности криминалистики авторы приходят к точке зрения, близкой к гегелевской. Например, В. Д. Арсеньев, рассматривая соотношение криминалистики и теории судебных доказательств, полагал, что указанная теория находится на стыке наук процессуального права, криминалистики и судебной экспертизы. Полагаем, что эта точка зрения соответствует положению, когда процессуальное право занимает место всеобщего в гегелевской схеме познания, а криминалистика и судебная экспертиза – конкретного. Наша трактовка позиции В. Д. Арсеньева подтверждается его высказыванием: «составной частью такой комплексной теории доказательств являются ... теория идентификации и теория судебной экспертизы» [2]. Идентификация представляет собой конкретизацию закономерностей слепообразования и индивидуализацию (отождествление) материальных объектов на основе природных причинно-следственных отношений. Таким образом, категория «природа» составляет предметы исследования таких наук, как криминалистика и судебные экспертизы, и представляет область исследований, относящихся к специальным, то есть не юридическим знаниям. Привлечение специалиста и назначение экспертизы следует рассматривать как процессуально закрепленный переход уголовно-процессуального познания от всеобщего к конкретному.

Рис. 2. Криминалистическая теория отражения в виде триады Гегеля (последовательность этапов, обеспечивающих уголовно-процессуальное познание)

В силу необходимости действия законов познания, в действующем уголовно-процессуальном законе можно легко обнаружить второй этап познания. Например, очевидно, что процессуальная регламентация производства следственных действий не представляет собой детальное закрепление действий следователя. Краткость формулировок УПК РФ дополняется криминалистической тактикой. Можно указать, что криминалистическая тактика возникла в качестве этапа конкретизации действий следователя, не регулируемых процессуально. Вторым примером развития в УПК РФ второго этапа познания в рамках гегелевской гносеологии, следует привести назначение экспертизы. УПК РФ регламентирует назначение экспертизы и оценку заключения эксперта, в то время как производство экспертизы, включая выбор методик исследования, входит в компетенцию специалиста.

Внутренне убеждение следователя представляет собой еще одну область выхода познания в «природу», только тут природа представлена не внешним для познающего

субъекта вещественным миром, а внутренним, психологическим - сознанием следователя. В УПК РФ указывается область, которая не регулируется процессуальными требованиями, поскольку последняя находится за рамками процессуальных отношений, в данном случае – в области психической деятельности субъекта познания.

Третий этап познания – синтетический, когда субъект познания возвращается к самому себе и обнаруживает результат познания, в котором отраженная в средствах познания объективная истина выступает процессуальной истиной.

На основе гегелевской методологии, можно создать схему, в которой этапы познания сопряжены с актами отражения, представленными в криминалистической теории. В результате, мной предлагается следующая схема уголовно-процессуального познания (рис. 2).

Список литературы

1. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1966. - С. 37
2. Арсеньев В. Д. О соотношении криминалистики и теории судебных доказательств // Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. М., 1973. - С. 21-22.

Consideration of the place of criminalistics and forensic expertise in the theory of evidence based on the philosophy of Hegel

V.Y. Tolstolutskiy

The N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article describes the periods of development of the domestic theory of evidence: soviet, post-Soviet and modern. Reveals the epistemological platform of each of them. In the Soviet period forensic science was based on dialectical materialism. Achievement of the Soviet period was the introduction of the criminal procedure knowledge of the false antinomy between the concepts of "objective truth" and "procedural truth". Developing the traditions of national procedural school and the methodology of criminalistics, it is proposed to consider these concepts not as antinomies, but as necessary stages of the cognitive process. Methodological basis of the specified output supports Hegel's epistemology, in which knowledge is considered in the form of a triad: "the universal" is "particular" special". The article argues that the category of "objective truth" and "procedural truth" correspond to the second and third elements of the triad. For the first time the Hegelian philosophy combined with criminological theory of reflection that allows you to specify the place of criminology in the criminal procedure knowledge. Specifies the place of the subjects research subjects of criminalistics and forensic expertise in the form of mid-level Hegelian triad, providing the next stage of cognition of the reflection of objective truth in the form of a process in the form of evidence.

Keywords: Criminalistics, forensic examination, criminal procedure, theory of evidence, methodology, philosophy of Hegel, the theory of reflection, cognition.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВИДА ОРУДИЯ ВЗЛОМА И ИНСТРУМЕНТА В ХОДЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ С ПОМОЩЬЮ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В.Ю. Толстолицкий, С.В. Юматов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

sergey.yumatov@mail.ru

В статье рассмотрены вопросы создания компьютерной программы позволяющей выдвигать версии об орудии взлома и инструменте в ходе осмотра места происшествия.

Ключевые слова: криминалистика, орудие взлома, осмотр места происшествия, информационные технологии, эксперт, заключение эксперта.

В криминалистике принято неразрывно связывать участие специалиста в осмотре места происшествия (далее ОМП) с решением диагностических задач. Одна из них связана со следами орудия взлома и инструментов. Так, например, Т.В. Аверьянова и В.Ф. Статкус при рассмотрении вопроса об участии специалиста в ОМП отмечают, что на месте происшествия по следам орудия взлома можно получить сведения о групповой принадлежности орудия и его характерных особенностях (сколы, зазубрины); возможностях использования обнаруженного предмета как орудия взлома, восстановления картины взлома, включая порядок действия и характеристику преступника (профессиональная подготовка, особенности действий) [1, 259-260].

Рассмотрим решение выдвинутых диагностических задач с точки зрения современной практики. Определение механизма взлома, орудия взлома необходимо в ходе ОМП в первую очередь для оперативных работников, так как после этого они начинают обрабатывать определенных лиц на причастность к совершению преступления, выстраивать серии преступлений. Однако не каждый эксперт способен решить рассматриваемые задачи. Практика показывает, что определить орудие преступления, механизм взлома и т.д. могут только опытные криминалисты-трасологи. Существуют специальные справочные пособия по трасологии для экспертов, но в виду их большого объема и необходимости использования в некоторых случаях несколько пособий фактически их невозможно использовать в ходе ОМП. Отсюда вытекает тот факт, что во многих случаях диагностические задачи по следам орудий взлома и инструментов не решаются в ходе ОМП.

Уже после ОМП следователь/ дознаватель выписывает отношение на трасологическое исследование (в рамках ст. 6 федерального закона от 12.08.1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»). Проводится исследование экспертом, результаты

которого оформляются справкой. Вместе с тем, как правило, еще до составления справки оперативный работник приходит к экспертам-трасологам с тем, чтобы они проконсультировали по интересующим вопросам.

Нам представляется, что решением поставленной проблемы может являться использование современных информационных технологий в ходе ОМП [2, 479-484]. Хотя вся экспертная деятельность неразрывно связана с такими технологиями, но сначала обратимся к их применению в деятельности следователя. Так, на современном этапе развития криминалистики существует компьютерная программа «ФОРВЕР» [3], которая позволяет выдвигать криминалистические версии и создавать вероятностный портрет преступника в ходе раскрытия и расследования убийств [4, 211]. Программа позволяет рассчитать корреляционные связи между признаками криминалистической характеристики преступлений.

Основанием выдвижения версий в программе «ФОРВЕР» служит «Электронная криминалистическая характеристика преступлений». Она представляет собой перечень криминалистически значимых признаков преступления и введенная на основе этих признаков в память компьютера база уголовных дел [5, 129-132].

При этом содержание криминалистической характеристики преступлений представлено в виде трех уровней [6, 173]:

- 1) элементы криминалистической характеристики преступлений;
- 2) признаки, которые несут информацию о преступлении;
- 3) значения и градация признаков, раскрывающих ситуационные особенности проявления признаков при расследовании конкретного преступления.

На основе программы «ФОРВЕР» создана в тестовом режиме компьютерная программа для выдвижения криминалистических версий при раскрытии и расследовании краж.

В целях повышения эффективности поиска следов на месте происшествия ведутся разработки по внесению необходимых для этого изменений в программу [7, 88-92]. Для этого, целесообразно создать программу «ФОРВЕР – трасолог», позволяющую решать специализированную экспертную задачу. Предлагаем включить в кодификатор компьютерной программы признаки, обеспечивающие выдвижение версий об орудии взлома и инструменте (на данном этапе остальные указанные выше диагностические задачи рассматривать не будем). После создания кодификатора сформируем соответствующую электронную базу. При этом будем брать не уголовные дела, а заключения экспертов. Руководствуясь заключениями экспертов определим признаки по которым можно выдвигать версии об орудии преступления.

На этапе подготовки статьи в целях формирования кодификатора указанной выше электронной базы было проанализировано 50 заключений экспертов (трасологические экспертизы, следы орудий взлома и инструментов). В большинстве из них исследуется по несколько следов. На основании этого и теоретических положений криминалистики выделяем признаки необходимые для выдвижения версий об орудии и инструменте преступления:

- 1) вид следа;
- 2) форма;
- 3) микрорельеф образующей поверхности;
- 4) размерные характеристики следа.

Рассмотрим каждый в отдельности и определим их значения.

В криминалистике следы орудия взлома и инструментов обычно классифицируют на: следы давления, следы скольжения, следы резания [8, 228]. Последние можно разделить на следы распила, следы сверления, следы перекуса, следы прокола, следы разруба [1, 155-157]. Существуют и другие классификации, но мы пока их рассматривать не будем. Соответственно значениями признака «вид следа» будут: след давления, след скольжения, след распила, след сверления, след перекуса, след прокола, след разруба. В рассмотренных заключениях экспертов из перечисленных не было только следов разруба. Однако по мере расширения электронной базы возможно что они появятся, по этому следы разруба будут включены в качестве значения признака «вид следа».

Далее обратимся к признаку «форма следа». Так как данный признак зависит в полном объеме от характеристик орудия которым он оставлен, то значения указанного признака мы возьмем из заключений экспертов. Таким образом, значения признака «форма следа» представим следующими вариантами: овальная; полуовальная; прямоугольная; круглая; полукруглая; трапециевидная; параллелограмм; усеченный цилиндр; стружка (спиралевидная форма); двухскатные плоскости, сходящиеся под углом; криволинейная.

Следующим рассмотрим признак «микрорельеф образующей поверхности». Речь идет об отображении рабочего края инструмента. Обратим внимание на, то что полную информации микрорельефе образующей поверхности можно получить в процессе экспертного исследования, когда применяются специальные технические средства. Однако общий характер микрорельефа уже можно установить в ходе ОМП. Значения указанного признака берем из заключений экспертов: взаимопараллельные трассы, чередование валиков и бороздок; чередование валиков и бороздок под различными углами друг к другу; множество разнонаправленных коротких трасс.

Говоря о признаке «размерные характеристики следы», мы будем вести речь об отобразившейся ширине рабочей поверхности орудия взлома и инструмента. Так как значения данного признака могут носить весьма разрозненный характер, то их представим в виде периодов, с интервалами в 5мм: менее 6мм; от 6 мм до 10 мм; от 11 мм до 15 мм; от 16 мм до 20 мм; от 21 мм до 25 мм; от 25 мм до 30 мм; от 31 мм до 35мм; от 36 мм до 40мм; свыше 40мм.

Кроме указанных выше признаков для выдвижения версий об орудии и инструменте преступления необходим также признак, определяющий вид орудия и инструмента. Тут предлагаем выделить не один признак, а два. В некоторых из изученных заключениях экспертов определялись характеристики рабочей поверхности орудий, инструментов. В связи с этим в программу необходимо включить следующие признаки: «орудие взлома, инструмент: характеристика рабочей поверхности», «орудие взлома и инструмент». Значения этих признаков пока возьмем из заключений экспертов (об этом ниже).

Значения признака «орудие взлома, инструмент: характеристика рабочей поверхности» представим следующими вариантами: твердый предмет с рабочей частью прямоугольной формы; твердый предмет с рабочей частью клиновидной формы; твердый предмет с рабочей частью трапециевидной формы; твердый предмет с рабочей частью овальной формы; твердый предмет с рабочей частью полукруглой формы; твердый предмет с рабочей частью цилиндрической формы; твердый предмет с плоской рабочей частью; твердый предмет.

Значениями признака «орудие взлома и инструмент» будут: отвертка; сверло; нож; ручной режущий инструмент (ножовка по металлу); кусачки, клещи строительные, ножницы саперные, ножницы-болторезы; пассатижи (плоскогубцы), газовый ключ; абразивный режущий инструмент типа угловой шлифовальной машины «болгарка»; лом; стамеска.

На перспективу отметим, что последние два признака в последующем планируем изменить. В целях обеспечения удобства пользования программой на основе специальной литературы (технического характера) необходимо сгруппировать значения признаков «орудие взлома, инструмент: характеристика рабочей поверхности», «орудие взлома и инструмент».

Следует сказать, что основой оценки эффективности работы компьютерной программы «ФОРВЕР – трасолог» на стадии разработки является их использование на реальных уголовных делах. Только так можно определить и устранить недостатки которые необходимо существуют на стадии разработки нового экспертного средства. В первую очередь, требуется усовершенствование кодификатора, то есть в зависимости от силы корреляционных связей, можно убрать или добавить признак, изменить его значения и т.д. Следовательно, те признаки

и их значения, которые были предложены в дальнейшем будут изменяться для повышения эффективности использования соответствующих компьютерных программ.

В заключении обратим внимание на то, что применение программы «ФОРВЕР – трасолог» в практической деятельности не должно вызвать больших затруднений. Программа не требует большого объема оперативной памяти на жестком диске компьютера. В экспертно-криминалистических подразделениях в системе МВД на обеспечении как правило есть один ноутбук, для выезда с ним на место происшествия и составления субъективного портрета. Таким образом, в целях выдвижения версий о виде орудия взлома и инструмента в ходе ОМП можно будет установить предлагаемую компьютерную программу на ноутбук.

Список литературы

1. Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов: Научно-практ. пособие / Под ред. Т.В. Аверьяновой, В.Ф. Статкуса. – М.: Юрайт, 2011
2. Толстолицкий В.Ю. Причины востребованности эйдетиического мышления в деятельности следователя// Мир науки, культуры, образования. 2012. №2.
3. Толстолицкий В.Ю., Рыбочкин А.В. Программа формирования следственных версий (ФОРВЕР Следователь): Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2013660539. Дата регистрации 08.11.2013.
4. Толстолицкий В.Ю. Компьютерная программа «ФОРВЕР-СЛЕДОВАТЕЛЬ» повышает эффективность обучения на криминалистическом полигоне// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 3(2).
5. Толстолицкий В. Ю., Фесик П.Ю. Криминалистически значимые признаки, позволяющие определить пол преступника при раскрытии убийств с помощью программы «ФОРВЕР»// Черные дыры в Российском законодательстве. 2009. № 4.
6. Фесик П.Ю. Методологические аспекты использования криминалистической характеристики в раскрытии убийств: Монография. – Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2011.
7. Юматов С.В. К вопросу о создании компьютерной программы выдвижения криминалистических версий в процессе раскрытия и расследования краж и возможности ее использования для поиска следов на месте происшествия // Приволжский научный вестник. - 2014. - № 12-2 (40).
8. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: Учебник/ Под ред. Р.С. Белкина. – М.: НОРМА – ИНФРА М, 1999.

Determination of the type of breaking tool and the instrument in the inspection of the scene of accident through information technology

V. Ju. Tolstolutsky, S.V.Yumatov

The N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article deals with the creation of a computer program permitting set out versions about the breaking tool and the instrument in the inspection of the scene of accident.

Keywords: criminalistics, breaking tool, inspection of the scene of accident, information technology, expert, expert evidence.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА В ЦЕЛЯХ РЕКОНСТРУКЦИИ ПАРАМЕТРОВ АВТОРА

С.В. Чернова

Вятский государственный университет

svetl.ch2011@yandex.ru

В статье на материале художественного текста рассматриваются приемы установления авторства текста (атрибуции). Цель работы – продемонстрировать, каким образом результаты собственно лингвистического анализа текста в совокупности с учетом факторов экстралингвистического характера могут быть использованы для реконструкции параметров автора. Работа выполнена с опорой на методы системно-функциональной лингвистики и приемы установления авторства текста, связанные с областью междисциплинарных исследований. В результате анализа языкового материала делается вывод о том, что идентификация личности требует ее характеристики на различных языковых уровнях с привлечением сведений из смежных с лингвистикой дисциплин. Показывается, что художественный текст является благодатным материалом для извлечения информации, которая может служить базовой для раскрытия образа мыслей и модели поведения реального человека.

Ключевые слова: лингвистический анализ текста, речевая маска, приемы установления авторства, междисциплинарный подход.

Различные виды текстов (научный, публицистический, деловой, художественный и др.) изучаются сегодня весьма активно. В зависимости от стоящей перед исследователем задачи каждый тип текста требует специфических приемов его характеристики. В настоящей статье объектом анализа является текст как объект лингвистической характеристики, связанной с установлением его авторства. Т. В. Батура пишет: «Задача установления авторства текстов (задача атрибуции) встречается в различных областях и представляет интерес для филологов, литературоведов, юристов, криминалистов, историков» [1, 81]. Цель работы –

продемонстрировать, каким образом результаты лингвистического анализа текста могут быть использованы для реконструкции параметров автора.

Лингвистический анализ художественного текста осуществляется по разным направлениям. Это может быть лингвистическое комментирование. «Главная задача лингвистического комментирования, пишет Л. А. Новиков, – словарное или подстрочное разъяснение непонятных, малоупотребительных, устарелых, специальных слов и выражений, грамматических явлений и других подобных фактов языка. Такой анализ имеет своим объектом главным образом языковой уровень текста, а также частично – экстралингвистический (культурно-исторические реалии)» [2, 23–24].

Лингвостилистический подход к анализу текста требует «изучения изобразительных средств художественного текста, того эстетического эффекта, который дает синтез. Основной прием здесь – поиск синтезирующего начала в средствах речевой изобразительности» [2, 24].

Целостный лингвистический анализ «имеет своей задачей комплексное многоаспектное филологическое изучение художественного текста... Единство анализа цементируется образом автора...» [2, 25].

Лингвистический подход к анализу текста взаимодействует с задачами атрибуции текста (идентификационными и диагностическими). «Методы атрибуции, – как отмечает Т. В. Батура, – позволяют исследовать текст на пяти уровнях: пунктуационном, орфографическом, синтаксическом, лексико-фразеологическом, стилистическом [3, 82].

В нашей работе в качестве материала исследования мы избрали рассказ В. Пронина «Точка с запятой, или О пользе знания русского языка» [4], многократно использованный нами при работе со студенческой аудиторией для демонстрации того, как может быть установлен автор текста на основе анализа его речевого поведения. В рассказе В. Пронина речь идет о том, как журналист Ксенофонов на основе анализа текста анонимного письма, после прочтения которого пожилой человек Костров умер от сердечного приступа, помогает своему другу следователю Зайцеву найти автора анонимки. Сам текст анонимного письма приводится в рассказе лишь частично. Вот он. Ср.: *Слушай, ты, старый хрен! Неужели не доходит, что все вокруг не дождется, пока ты сдохнешь? Соседи ждут комнату, проклиная твою живучесть; дочка зарится на машину... сослуживцы, которым ты...*

Данное письмо рассматривается следователем как орудие преступления, однако он затрудняется найти путь, по которому могло бы пойти расследование преступления. В этом ему и помогает журналист Ксенофонов. Воспроизведем логику рассуждений Ксенофопова.

Ксенофонов приходит к следующему выводу. Ср.: *«Есть три места, где могут быть заинтересованы в смерти Кострова. Первое – квартира. Тетя с семейством расширила*

жизненное пространство. Но она же и кашу заварила. Подозревать ее нет смысла. В анонимке упоминается дочь, которая якобы мечтает завладеть машиной старика. Дочь тоже отпадает – она ищет какие-то очень полезные ископаемые, кажется в Индии... Остается работа, геологическое управление... Костров был начальником отдела. Я насчитал человек десять, которые надеются занять его должность».

Вчитавшись в текст анонимки Ксенофонов, восклицает: *«Я знаю его... Я знаю, чем он дышит, чем живет, система его ценностей мне понятна. Даже возраст могу назвать – около пятидесяти».*

Далее автор рассказа раскрывает ход рассуждений Ксенофопова. Журналист установил, что анонимка напечатана на машинке, которая стоит в геологическом управлении, где все умеют печатать, но печатать, по мнению Ксенофопова, не значит колотить пальцами по клавиатуре.

Анализируя анонимку, Ксенофонов отмечает, что она написана с соблюдением всех требований машинописи. Ср.: *«Ни одного отклонения не обнаружил... все буквы одинаковой насыщенности. Нет бледных, сильных, жирных... Оставленные поля – три сантиметра... Грамотные поля... Ни одна из десяти строк не залезла за край листа... Когда письмо начинается с обращения, текст к верхнему краю листа прижимать нельзя. Некрасиво получается. Грубо и бездарно. А здесь оставлено не менее семи сантиметров – опять же уличающая грамотность... В машинках, которыми пользуются все желающие, часто забит шрифт, поскольку некому выковыривать грязь из букв. Здесь все буквы чистые. Любопытства ради поинтересуйся – кто чистит шрифт в машинке геологической конторы? Мое предсказание таково – чистит убийца».*

На основе сделанных наблюдений Ксенофонов обрисовывает другу психологический портрет анонимщика. Ср.: *Записывай, – великодушно проговорил Ксенофонов. – Можешь назвать это психологическим портретом. Значит, так... К самому себе он относится с явным уважением, любит при случае поставить кое-кого на место, ткнуть носом. В его характере есть некоторая неторопливость. В общении проскальзывает церемонность, иногда – многословие. Он подчеркнуто вежлив. Однако это вовсе не говорит о его истинном уважении к ближним. Этот человек полагает, что мог бы в жизни добиться большего, если бы его ценили по достоинству».*

Далее Ксенофонов обращает внимание следователя Зайцева на одну особенность, обнаруженную им в письме. Он говорит: *«В этом письме есть одна тонкость... Точка с запятой. Знак препинания».* Журналист рассуждает так: *«Точка с запятой предполагает основательность в характере, многоплановость мышления, грамотность. Не всякий*

выпускник университета рискнет употребить этот знак. Веяние времени, Зайцев. Мы живем в мире разговорных фраз, телеграфного стиля, в мире междометий и восклицаний... Ты почитывай иногда газету, в которой работает твой лучший друг. Там нет точки с запятой. Там сплошь точки да крючочки... запятые... Да еще эти оглобли – тире!.. А тут, вдруг, бац! – точка с запятой».

Вывод Ксенофонта таков: *«Он прибегает к анонимке, чтобы освободить себе место для продвижения. У него комплекс превосходства».*

Следователь удивлен, что анонимщик никак себя не замаскировал. В ответ на это Ксенофонт указывает ему на маскировочный маневр преступника. Ср.: *«Помнишь обращение? Явно хамское, наглое, оскорбительное! То есть он давал понять, что пишет человек низкого пошиба, невысокой культуры, понятия не имеющий о какой-то духовной жизни. И тут же – точка с запятой. Вот его маневр и вылез наружу! Значит, на самом деле он не такой, каким хочет казаться».*

Проанализируем далее те приемы, которые были положены журналистом в основу его рассуждений. Прежде всего отметим, что рассуждение – это «последовательный ряд мыслей и умозаключений в контексте определённой темы, изложенных в логически последовательной форме... рассуждение используется для обозначения [анализа](#), умственного взвешивания доводов в пользу какого-либо положения, причём предполагается, что эти доводы излагаются связно и методично, так что могут служить достаточным основанием для вывода доказываемого положения» [5]. Логически рассуждающий человек, даже не осознавая этого, соблюдает принцип консеквентности – один из основных принципов научного подхода к материалу, является носителем дискурсивного мышления, которое рассматривается как «логическое мышление в понятиях, идущее последовательно, шаг за шагом в противоположность интуитивному познанию, непосредственному схватыванию» [6].

А. А. Ивин пишет: «Искусство правильно мыслить предполагает не только логическую последовательность, но и многое другое. И прежде всего стремление к истине, интеллектуальную честность, творчество и смелость, критичность и самокритичность ума, его неуспокоенность, умение опереться на предшествующий опыт, выслушать и принять другую сторону, если она права, способность аргументированно отстаивать свои собственные убеждения и т.д.» [7, 223]. Умение правильно мыслить необходимо любому человеку, но особенно важно оно для лингвистов-экспертов и тех, кто занимается следственной практикой.

В. Пронин демонстрирует наличие у персонажа его рассказа умения рассуждать и мыслить логически. Доводы, приводимые Ксенофонтовым в ходе идентификации личности

анонимщика, опираются на наблюдения экстралингвистического и собственно лингвистического характера.

К разряду экстралингвистических факторов относится знание журналистом реальной действительности. Это особенности современной письменной коммуникации, отношение к предметам коллективного использования (в данном случае к пишущим машинкам) в разного рода организациях, психология современных людей, их принадлежность к разным уровням речевой культуры и т.п.

На фоне такого рода знаний Ксенофонов осуществляет лингвистическое комментирование языковых единиц текста и выстраивает лингвостилистический анализ текста анонимки, затрагивающий характеристику лексического, стилистического и пунктуационного уровней.

Журналист находит в анонимке, написанной в разговорном стиле, лексику разговорно-сниженного характера (*старый хрен, сдохнуть, зариться*). Ср. толкования данных слов в словарях.

Сдохнуть, св, однокр. (нсв сдыхать). Груб. 1. Презр. разг.-сниж. Умереть, скончаться (о человеке). *Хрен*, -а. м. Груб. разг.-сниж. ... *Старый хрен*. Груб. бран.разг.-сниж. Эвфем. к Старый х..й. [8].

Глагол *зариться* (...*дочка зарится на машину*) принадлежит к лексике просторечной. Ср.: *Зариться*... Прост. С завистью смотреть на что-либо; страстно желать, стремиться завладеть чем-либо [9].

Обращение *старый хрен* в рамках экспрессивной синтаксической конструкции (*Слушай, ты, старый хрен!*) стилистически не согласуется с наличием в тексте анонимки точки с запятой, знака используемого в текстах весьма редко и только людьми грамотными и образованными.

Н. С. Валгина пишет: «Судьба [точки с запятой](#) интересна тем, что знак этот, в прошлом чрезвычайно употребительный и многозначный, к настоящему времени четко закрепил свои позиции в предложениях с очень распространенными однородными членами или сложными предложениями однородного состава (сложноподчиненными или бессоюзными с перечислительными отношениями) <...> Наблюдения показывают, что основной тенденцией в употреблении точки с запятой является стремление сузить сферу распространения до четко обозначенных позиций: это синтаксическая однородность, перечислительные отношения. Такая тенденция тесно связана с другой – освобождением знака от фиксации иных значений и, следовательно, функциональным сближением с запятой. Вместе с тем и одновременно с этим наблюдается и тенденция разграничения функций точки с запятой и запятой: пунктуация

в целом и ее элементы стремятся к четкости в фиксации смыслов. В связи с этим точка с запятой наращивает качественные отличия от запятой, усиливает свои смысловоразличительные свойства» [10, 250–253].

Наличие стилового несоответствия приводит журналиста к мысли, что преступник обратился к приему речевой маски, то есть пытается притвориться не тем, кем он является на самом деле, скрыть свою истинную сущность, исполнить роль маски, которая создала бы ложное представление об образе автора. «Под ролью-маской, – пишет Т. А. Чеботникова, – мы понимаем поведение, которое не отражает, а изображает внутреннее состояние или истинное положение, а образ-маска – это продукт, который получается в результате исполнения роли-маски» [11, 177].

Приведенный рассказ В. Пронина, демонстрирующий возможный путь установления авторства текста с опорой на экстралингвистические и собственно лингвистические факторы является лишь одним из множества образцов такого рода. В специальных исследованиях, посвященных анализу художественного текста, мы найдем целый ряд работ, в которых разнообразные языковые единицы, формирующие текст, рассматриваются как служащие целям идентификации авторов текста [3; 12; 13]. Для успешного решения задач установления авторства текста наиболее плодотворным, как мы полагаем, является междисциплинарный подход.

Список литературы

1. Батура Т. В. Формальные методы определения авторства текста // Вестник Нижегородского университета им.Н.И.Лобачевского. - 2012. - №10. – С. 81-94
2. Новиков Л. А. Художественный текст и его анализ. – М., 2003. – 304 с.
3. Наумов В. В. Лингвистическая идентификация личности. М., 2007. – 240 с.
4. Пронин В. Точка с запятой // Неделя. №14 (1254) 1984.
5. Рассуждение (логика) [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B0%D1%81%D1%81%D1%83%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_\(%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%BA%D0%B0\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B0%D1%81%D1%81%D1%83%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_(%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%BA%D0%B0)) (дата обращения – 15.02.2016).
6. Философия: Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина. 2004. – 1072 с.
7. Ивин А. А. Искусство правильно мыслить. – М.: Просвещение 1986. – 224 с.

8. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб.: Норинт, 2004. – 768 с.
9. Словарь русского языка. В 4-х томах. Т. I. – М. Изд-во «Русский язык», 1981.
10. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Логос, 2001. – 304 с.
11. Чеботникова Т. А. Речевое поведение личности в дискурсе художественного произведения: роли, маски, образы. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. – 300 с.
12. Калинина Л. В. Образ человека рубежа XX-XXI веков в зеркале языковых и социальных процессов. – Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. – 190 с.
13. Мухин Н. Ю. Кто написал «Роман с кокаином»? Опыт лингвостатистического исследования: Уральский гос. пед. университет. – Екатеринбург, 2001. – 70 с.

Use of results of the linguistic analysis of the text for reconstruction of parameters of the author

S.V. Chernova

Vyatka State University

In the article on material of the art text methods of establishment of authorship of the text (attribution) are considered. The purpose of the work is to show how results of actually linguistic analysis of the text in total taking into account with factors of extralinguistic character can be used for reconstruction of the parameters of the author. The work is performed with a support on the methods of systemic-functional linguistics and methods of establishment of authorship of the text connected with the area of interdisciplinary researches. As a result of the analysis of language material the conclusion that identification of the personality demands its characteristic at various language levels with attraction of data from disciplines, adjacent to linguistics, is drawn. It is shown that the art text is the fertile material for extraction of the information which can serve basic for disclosure of views and behavior model of the real person.

Keywords: linguistic analysis of the text, speech mask, methods of establishment of authorship, interdisciplinary approach.

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ МЕТОДЫ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗАХ

В.И. Шаров

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

Нижегородская академия МВД России

v-i-sharov@rambler.ru

Статья посвящена проблеме использования естественнонаучных методов в лингвистических экспертизах. На исторических примерах показано значение этих методов в формировании методологии и теории судебной экспертизы, их важность в проведении судебных экспертиз различных видов и родов. Показано, что большая часть методов, привлекаемых к формированию методологии судебной экспертизы, являются естественнонаучными методами. Несмотря на то, что лингвистическая экспертиза одна из самых сложных для формализации и, как следствие, для попыток приспособить какие-либо иные близкие к естественнонаучным знания для анализа содержания текстов, тем не менее, в работе выделяется несколько направлений использования лингвистами естественнонаучных знаний. Особое внимание уделяется компьютерным методам анализа лингвистической информации, построенных на сложных представлениях о семантике и синтаксисе текстового описания.

Ключевые слова: судебная экспертиза, лингвистическая экспертиза, криминалистика, естественнонаучные методы, математические методы, компьютерные методы.

Естественнонаучные методы имеют особое значение в формировании методологии судебной экспертизы.

К первым попыткам использования научных знаний следует отнести попытки применить медицинские знания для освидетельствования лиц, химические - для исследования документов. Собственно рождение криминалистики, базовой науки для судебной экспертизы, обязано использованию А. Бертильоном антропологии и статистики для обоснования антропометрического метода судебной идентификации, когда А. Бертильон, опираясь на работы А. Кетле, впервые описал и "измерил" внешность человека в целях уголовной регистрации преступника.

Отдельно следует отметить использование в судебной экспертизе математических методов. Мы уже отмечали ранее, что криминалистическая экспертиза и сейчас наиболее "математизированная" часть криминалистики [1], по всей видимости, также обстоят дела и в иных видах экспертиз. Это и очевидно: в экспертизе как нигде нужна точность и обоснованность результатов.

Одна из задач, решаемых еще на заре судебно-экспертных исследований с помощью математики, состояла в обосновании числа идентификационных признаков, наличие которых может считаться достаточным для достоверного вывода эксперта. Начало таких работ относят

к концу 19-го века, когда Альфонс Бертильон в 1897 г. предложил для исследования почерка изучить частоту встречаемости особенностей начертания отдельных знаков и создать таблицы вероятностей для различных букв, что и позволит эксперту по формуле умножения вероятностей оценить достоверность полученного результата [2].

Иную попытку найти объективные критерии, показывающие значимость комплекса идентификационных признаков в дактилоскопической экспертизе, в 1911 г. предпринял французский судебный медик Бальтазар. Исследуя проблему доказательного значения дактилоскопии, он произвел математические расчеты, основанные на теории вероятностей, в результате которых установил допустимую вероятность совпадения признаков в двух разных узорах. Результаты этих расчетов долгое время использовались криминалистами при проведении дактилоскопических экспертиз [3].

Со временем подход Бальтазара был отвергнут, но стало ясно, что "...истинные критерии оценки идентификационных характеристик могут быть получены только на основе статистически подсчитанной распространенности различных признаков" [4]. То есть неточными оказались исходные посылки при расчетах Бальтазара, а не принципиальная возможность такого рода оценок. Фундаментальные исследования возможностей и условий использования вероятностно-статистических методов были начаты для решения почерковедческих задач (А.П. Краснов, П.Г. Орлов) [5]. Итогом явилась методика исследования почерка, опирающаяся на частоту встречаемости признаков с учетом статистической зависимости между отдельными признаками [6].

Свое предложение в почерковедческие исследования в 1903 г. внес Е.Ф. Буринский, предложивший проводить исследования на основе измерения некоторых показателей почерка. Позднее, по существу такой же подход лег в основу графометрического метода, разработанного Э. Локаром [7]. По выражению Н.С. Полевого эти работы носили постановочный характер, но они способствовали развитию новых методов оценки результатов судебной экспертизы.

Математические методы лишь малая часть той методологии, которая формируется в судебной экспертизе. Собственно сама судебная экспертиза - это способ привлечения знаний в уголовный процесс, и знаний в большей части естественнонаучных. История демонстрирует нам удивительные примеры использования в судебной экспертизе документов методов фотографии для исследования доказательств, что блестяще продемонстрировал Е.Ф. Буринский. Оптическая и электронная микроскопия, исследования в УФ и ИК лучах, спектральный анализ – все эти методы естественных наук собственно сделали судебную экспертизу тем, что она сегодня себя представляет.

Среди дальнейших разработок следует отметить методику идентификации личности по фотоснимкам с использованием аппарата проективной геометрии, предложенную Р.Э.Эльбуром [8], работы Л.Г. Эджубова и многие другие.

Большая часть методов, используемых судебной экспертизой, представляет собой методы естественных наук и в судебной экспертизе, это уже давно понятно. Недаром в то время, когда благодаря трудам ученых начала интенсивно формироваться теория судебной экспертизы, возникла необходимость и в систематизации методов вновь формирующейся науки. А.И. Винберг и А.Р. Шляхов в этот раз единодушны и выделяют 12 классов частно-научных методов судебной экспертизы: измерительные, микроскопические, фотографические, физико-технические, спектральные и т.д.[9] И если приглядеться к этой и иным предлагаемым классификациям, мы видим, что большая часть – это методы, созданные в иных науках, то есть науках, привлекаемых к формированию методологии судебной экспертизы (заметим: не к проведению судебных экспертиз различных видов, родов, а к созданию своей методологии, включенной в теорию судебной экспертизы), являются естественнонаучными методами.

Важность этих методов для судебной экспертизы такова, что требуется их интенсивное развитие, а это расширение методов, на наш взгляд, является причиной трансформации их в так называемые частные судебные науки. Пишут о судебной химии, возможно, судебной медицине, судебной бухгалтерии и т.д. Сейчас идет работа по становлению компьютерной экспертизы, соответствующие данной экспертизе методы исследования – компьютерные, уже созданы, но именно они создают тот фон, на котором уже появляются работы по формулированию новой судебной науки, пока как раздела криминалистики – компьютерная криминалистика (форензика), содержание которой состоит в «...исследовании доказательств в виде компьютерной информации, методах поиска, получения и закрепления таких доказательств» [10].

Лингвистическая экспертиза одна из самых сложных для формализации и, как следствие, для попыток приспособить какие-либо иные близкие к естественнонаучным знания для анализа содержания текстов. Приходится анализировать семантическую составляющую, содержание отражения смысла в текстовых конструкциях языка, синтаксис текстового описания как внешнюю форму, отражающую этот смысл. Другой проблемой является устранение неопределенностей естественного языка, когда слово неоднозначно соответствует его смысловому значению. К таким неопределенностям языка относятся полисемия, омонимия, синонимия и т.д. Это выражается в том, что разными словами и их различными комбинациями может быть отражен один и тот же смысл. Неопределенности естественного

языка являются основным источником смысловых искажений семантической информации, одновременно почти всегда являются предметом лингвистической экспертизы. Язык настолько объемён, многогранен, что уловить и правильно трактовать его многочисленные тонкости требуются специальные познания эксперта-лингвиста [11].

Тем не менее, можно выделить несколько направлений, по которым следует ожидать движения в сторону использования лингвистами естественнонаучных знаний. И в первую очередь, основным направлением должны быть компьютерные методы, компьютерное и математическое моделирование, компьютерные методы анализа лингвистической информации, построенные на сложных представлениях о семантике и синтаксисе текстового описания.

Любой метод, в том числе и компьютерный, не может применяться только исходя из известного тезиса, что наука начинается, когда начинает применять математику. Он должен быть полезен для исследователя и упрощать его деятельность или давать новый результат, который иначе получить нельзя или крайне затруднительно [12]. Поэтому многие задачи лингвистической экспертизы, связанные с толкованием текста, «...экспертизой текста (или его фрагмента) с тем, чтобы определить его смысловую ориентацию, модальность пропозиций, семантические и формально-грамматические характеристики, а также контекстную специфику задействованных стилистических приемов и средств» [13], требуют неформального анализа и математизации и компьютеризации в полном объеме не подлежат.

Конечно, не все так сложно. Возможны более простые задачи, возможна и частичная компьютеризация чаще всего рутинных операций (именно здесь компьютер особенно силен!) на разных этапах решения экспертных задач. Там где важно текстуальное совпадение, как для установления фактов нарушения авторского права, на предварительном этапе, без сомнения, будет полезна система «Антиплагиат», в общем-то, для этого и созданная. Можно подсчитать встречаемость тех или иных слов, словосочетаний, попытаться выделить те или иные грамматические характеристики, с помощью специального программного обеспечения типа «лингвистических процессоров» выделить семантическую структуру текста и даже провести формальное реферирование текста. Хотя и довольно грубо, но данные задачи можно смоделировать на компьютере. Однако даже в простейшем случае, как для антиплагиата, решение должно быть за экспертом, выявленными и обоснованными им признаками и закономерностями.

Вообще, начиная говорить о применении компьютерных технологий в лингвистике мы вторгаемся в такую область, которая получила наименование компьютерной лингвистики, науки, «... которая изучает различные аспекты (теоретические, алгоритмические,

программистские), связанные с реализацией всевозможных систем, обрабатывающих какие либо высказывания на естественном языке» [14].

Заметим, что компьютерная лингвистика уже добилась многого, существующие разработки довольно активно используются в различных компьютерных системах распознавания и анализа текста, структурирования больших массивов информации. И таких разработок не мало.

Например, лингвистический процессор ЭТАП-3, уже достаточно давно разрабатываемый Лабораторией компьютерной лингвистики Институтом проблем передачи информации РАН, представляет собой самостоятельную компьютерную систему, обладающая большим объемом знаний о языке. Благодаря этим знаниям и соответствующим алгоритмам ЭТАП-3 может анализировать тексты, строить синтаксическую структуру русского предложения в виде дерева зависимостей, в котором слова предложения представлены своими именами и наборами грамматических характеристик (часть речи, род, число, падеж и др.). Каждое слово подчиняется какому-то другому слову по некоторому синтаксическому отношению, которые также приведены в дереве разбора предложения [15].

Одним из продуктов, имеющих коммерческую ценность, является АBBYU Compen, программа анализа и понимания текстов на естественном языке. Она выполняет полный семантико-синтаксический анализ текста, создает его универсальное представление, извлекает сущности, события и связи между ними. АBBYU Compeno позволяет эффективно решать задачи, связанные с анализом и извлечением важных фактов, интеллектуальным поиском и классификацией информации.

Система работает в несколько этапов. На 1 этапе производится лексико-морфологический анализ, на 2 - этапе синтаксический, на 3 этапе - семантический анализ с построением семантической структуры предложения, на 4 этапе осуществляется прагматический уровень анализа, где накладывается прагматический слой анализа текста, применяются онтологии и правила извлечения нужных объектов. Результатом анализа является универсальное представление информации, что позволяет структурировать контент в нужном виде.

В процессе анализа текста АBBYU Compeno выявляет омонимы (разные по значению, но одинаковые по написанию слова) и решает проблему их многозначности на основе анализа контекста. Это позволяет существенно повышать релевантность результатов поисковой выдачи, а также точность выявления конкретных объектов в текстах.

Система осуществляет анализ сложных лингвистических связей между словами. Благодаря полному семантико-синтаксическому анализу, технология способна учесть

множество особенностей естественного языка, позволяет определить отношения между взаимосвязанными словами даже в многострочных сложносочиненных предложениях со сложными оборотами, определить связи между объектом, выраженным существительным, и заменяющим его местоимением и т.д. [16]

TextAnalyst 2.0 фирмы МикроСистемы представляет собой программу построения семантической сети понятий, выделяемых из обрабатываемого текста, со ссылками на контекст. Позволяет анализировать текст путем построения иерархического дерева тем/подтем, затрагиваемых в тексте. Также имеется возможность реферирования текста [17]. Это хоть и достаточно старая разработка, но до сих пор не потеряла актуальности и представляется в составе более сложной аналитической системы американской фирмой megarputer.

Как указывается на сайте фирмы, TextAnalyst способствует поиску семантической информации, позволяет сосредоточить изучение текста вокруг какого-то определенного предмета, производить построение точной семантической сети текста [18].

Как отмечается, «семантическая сеть дает исчерпывающее наглядное представление о содержании текста - информация сети отражает все потенциально присутствующие смысловые связи, что хорошо с точки зрения полноты смыслового портрета. ... Тематическая структура описывает содержание анализируемых текстов в виде иерархии связанных тем и подтем, раскрывающих содержание тем. Все темы и подтемы выражаются понятиями исходных текстов и соответствуют элементам семантической сети. ... Дополнительно, TextAnalyst предоставляет возможность регулировать форму тематического дерева. Изменение порога по весу связей в семантической сети (разрыв более или менее сильных связей) изменяет вид дерева, разбивая его на большее или меньшее количество тематических кустов. В результате появляется возможность взглянуть на структуру текста в различных срезах, на разных уровнях глубины материала» [19].

Может представлять интерес и синтаксический анализатор DictaScope Syntax фирмы "Диктум". Он строит дерево зависимостей для входного предложения на естественном языке [20]. Кроме того, обзор целого ряда компьютерных лингвистических систем приводится в литературе [21].

Представляется, что современные лингвистические компьютерные системы будут полезны не только как рабочая среда аналитика, но и как инструмент эксперта-лингвиста, предназначенный для исследования, в первую очередь, сложных и объемных текстов.

Список литературы

1. Шаров В.И. Формализация в криминалистики. Вопросы теории и методологии криминалистического исследования: Монография. – Н.Новгород, 2003. - С.24
2. La comparaison des ecritures et l'identification graphique. Journ. "Revuee scientifique", dec. 1897 – jan. 1898. Цит. по: Власов В.П. О применении математических методов в почерковедческой экспертизе // Вопросы кибернетики и право. – М.: Наука, 1967. – С.254-255
3. Крылов И.Ф. Очерки истории криминалистики и криминалистической экспертизы. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. – С. 50
4. Селиванов Н.А. Математические методы в собирании и исследовании доказательств. - М.: Юрид. лит., 1974. – С. 99
5. Полевой Н.С. Применение математических методов, АИС и вычислительных комплексов в судебной экспертизе // Правовая информатика и кибернетика: Учебник / Под ред. Н.С. Полевого. – М.: Юрид. лит., 1993. – С. 339
6. Принципы и техника проведения графической экспертизы с объективным учетом значимости признаков почерка. – М., 1959. – 70 с.
7. См.: Власов В.П. Указ. соч. – С.254-255.
8. Эльбур Р.Э. Использование аппарата проективной геометрии в процессе идентификации личности по фотоснимкам // Вопросы кибернетики и право. – М.: Наука, 1967. – С. 267-287.
9. См.: Зинин А.М., Майлис Н.П. Судебная экспертиза. Учебник. - М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002. С. 42-43.
10. Федотов Н.Н. Форензика – компьютерная криминалистика – М.: Юридический Мир, 2007. – с. 13.
11. См.: Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Язык судебной экспертизы: тенденции формирования и развития // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3. С. 185.
12. См.: Шаров В.И. О понятии метода в криминалистике // Следователь. 2003. № 6. – С. 40.
13. Сайт Консалтингового Центра «Независимая экспертиза http://anone.ru/lingvisticheskaya_ekspertiza.
14. Волкова И.А. Введение в компьютерную лингвистику. Практические аспекты создания лингвистических процессоров. – М.: МГУ, 2006 – С. 3.

15. См.: <http://iitp.ru/ru/science/works/452.htm>.
16. См.: <http://www.abbyy.ru/infoextractor/compreno>.
17. См.: <http://www.asknet.ru/analytics/programms.htm>.
18. См.: <http://megaputer.ru/textanalyst.php>.
19. См.: <http://www.interface.ru/home.asp?artId=33240>.
20. См.: <http://www.dictum.ru/>.
21. См.: Артемов М. А., Владимиров А. Н., Селезнев К. Е. Обзор систем анализа естественного текста на русском языке // Вестник ВГУ. Серия: системный анализ и информационные технологии. – 2013. – № 2. – С. 189-194.

Scientific methods in linguistic expertise concept

V.I. Sharov

The N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia

The article deals with the use of natural science methods in linguistic expertise. Historical examples show the value of these methods in shaping the methodology and theory of forensic expertise, their importance in forensic examinations of various species and genera. It is shown that most of the methods involved in formation of methodology of forensic examination, are natural methods. Despite the fact that linguistic expertise is one of the most difficult to formalize and, as a consequence, attempts to accommodate any other close-to-natural-science knowledge to analyze the content of the texts, however, the work stands out in several directions using the language of natural Sciences. Special attention is given to computer methods of analysis of linguistic information, based on complex ideas about the semantics and syntax of the text description.

Keywords: forensic expertise, linguistic expertise, forensic science, scientific methods, mathematical methods, computer methods.